

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА
И СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКИ
ИМЕНИ В.А. МУСИНА

ISSN 2312-4350 (Print)
ISSN 2782-6902 (Online)

2|2024

ПРАВОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

2 | Issue | 2024

ENERGY LAW FORUM

**2024 ГОД — 85 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВАЛЕРИЯ АБРАМОВИЧА МУСИНА**

**2024 ГОД — 10 ЛЕТ ЖУРНАЛУ
"ПРАВОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФОРУМ"**

ISSN 2312-4350

ISSN 2782-6902

9 772312 435771 >

9 772782 690007 >

2|2024

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ПРАВОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФОРУМ»

ПЕЧАТНАЯ ВЕРСИЯ
подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» — 85805

ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ:
на сайте журнала
<https://mlcjournal.ru/>
на платформе
<https://ras.jes.su/>

Контактные данные по вопросам подписки:
Тел.: 8 (800) 600-36-43, +7 (495) 150-75-69
Адрес электронной почты: musinlc@musinlc.ru

ПРАВОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2024, номер 2

Учредитель:

АНО «Научно-исследовательский
«Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»

Издатель:

АНО «Научно-исследовательский
«Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС 77-83276 от 12.05.2022 г., ПИ № ФС 77-83274 от 12.05.2022 г., ЭЛ № ФС 77-83307 от 12.05.2022 г.

Главный редактор *В.В. Романова*

Верстка и корректура: АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»

Сдано в набор 18.06.2024 Подписано к печати 21.06.2024 Дата выхода в свет 24.06.2024
Формат 60x88/8 Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Корал-Принт»

Адрес типографии: 125212, г. Москва, ул. Выборгская, д. 22, стр. 3
Адрес издателя: 123112, г. Москва, Пресненская набережная, д. 12, офис 5012

Подписной индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» — 85805

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Адрес редакции: 123112, г. Москва, Пресненская набережная, д. 12, офис 5012;
191028, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 26, литер А, офис № 432, БЦ Преображенский двор
Тел.: 8 (800) 600-36-43; +7 (495) 150-75-69
Электронная почта: musinlc@musinlc.ru

Сайт: <https://mlcjournal.ru>

Свободная цена

16+

Международный научно-практический журнал ПРАВОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

2024, номер 2

Выходит 4 раза в год

ISSN Print: 2312-4350, ISSN (Online): 2782-6902

Главный редактор

Романова Виктория Валерьевна, д-р юрид. наук, проф., АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина» (Москва, Россия).

Редакционный совет

Аворник Г.К., д-р юрид. наук, проф., Университет политических и экономических европейских знаний имени «Константина Стере» (Кишинёв, Молдова); **Блажеев В.В.**, канд. юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия); **Бублик В.А.**, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия); **Гриб В.В.**, чл.-кор. РАО, д-р юрид. наук, проф., Издательская группа «Юрист», МГИМО (У) МИД РФ (Москва, Россия); **Клеандров М.И.**, чл.-кор. РАН, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН (Москва, Россия), АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»»; **Кропачев Н.М.**, чл.-кор. РАН, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); **Лисицын-Светланов А.Г.**, акад. РАН, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН (Москва, Россия), АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»»; **Максимов С.В.**, д-р юрид. наук, проф., Институт проблем развития науки РАН (Москва); **Мусин В.А.**, чл.-кор. РАН, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва, Россия); **Михайлов Н.И.**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия наук (Москва, Россия); **Попондопуло В.Ф.**, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); **Салиева Р.Н.**, д-р юрид. наук, проф., Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия), АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»»; **Свириденко О.М.**, д-р юрид. наук, Министерство юстиции Российской Федерации (Москва, Россия); **Тарханов И.А.**, д-р юрид. наук, проф., ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Россия); **Трунцевский Ю.В.**, д-р юрид. наук, проф., АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина» (Москва, Россия); **Устинов А.А.**, канд. юрид. наук, АО «СОГАЗ» (Москва, Россия); **Фромманн М.В.**, д-р юрид. наук, Бюро проф. Ф.Ю. Зеккера (Москва, Россия); **Шевелева Н.А.**, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); **Шумков Д.В.**, д-р юрид. наук, проф. (Москва, Россия); **Яковлев В.Ф.**, чл.-кор. РАН, д-р юрид. наук, проф. (Москва, Россия); **Ястребов О.А.**, д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф., ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (Москва, Россия); **Bergmann W.**, д-р юрид. наук, проф., Petersburger Dialog e.V, Deutsch-Russisches Forum e.V. (Берлин, Германия); **Butler W.E.**, д-р юрид. наук, проф., Университет штата Пенсильвания (США); **Handrlica J.**, д-р юрид. наук, проф., Карлов университет в Праге (Прага, Чехия); **Säcker F.J.**, д-р юрид. наук, проф., Институт энергетического права и государственного регулирования (Берлин, Германия); **Heffron R.J.**, проф., Университет г. Данди (Данди, Великобритания); **Talus K.**, д-р юрид. наук, проф., Тулейнский университет Луизианы (США), Университет Восточной Финляндии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Акимов Л.Ю., канд. юрид. наук, ПАО «Россети Ленэнерго» (Москва, Россия), АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»»; **Алиев А.И. оглы**, д-р юрид. наук, проф., ректор Академии Коллегии адвокатов Азербайджанской Республики (Азербайджанская Республика); **Ерменек И.**, д-р юрид. наук, проф., Университет Анкары (Турецкая Республика); **Ефимова А.А.**, ПАО «Мосэнерго» (Москва, Россия); **Жабин Н.А.**, канд. юрид. наук, ПАО «Интер РАО» (Москва, Россия); **Инюцын А.Ю.**, канд. юрид. наук, АО «Газпромбанк» (Москва, Россия); **Шабуня В.В.**, канд. юрид. наук, АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина» (Москва, Россия); **Чичканов А.Б.**, канд. юрид. наук, АО «Газпромбанк» (Москва, Россия), **Ши Сяоцзюань**, проф. права, Гуманитарная и правовая школа Хэбэйского технологического университета (КНР).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС 77-83276 от 12.05.2022 г., ПИ № ФС 77-83274 от 12.05.2022 г., ЭЛ № ФС 77-83307 от 12.05.2022 г.

© Запрет. Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

International Scientific and Practical Journal

ENERGY LAW FORUM

2024, Issue 2

Quarterly

ISSN Print: 2312-4350, ISSN (Online): 2782-6902

Editor-in-chief

Romanova Viktoriya Valeryevna, Dr. Sci. (Law), Prof., Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Centre for the Development of Energy Law and Modern Legal Science (Moscow, Russia).

Editorial council

Avornik G.K., Dr. Sci. (Law), University of Political and Economic European Studies “Constantin Stere” (Chisinau, Republic of Moldova); **Blazheyev V.V.**, PhD (Law), Prof., the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia); **Bublik V.A.**, Dr. Sci. (Law), Prof., The Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Ural State Law University named after V.F. Yakovlev” (Ekaterinburg, Russia); **Grib V.V.**, Corresponding Member of the RAE, Dr. Sci. (Law), Prof., JURIST Publishing Group, Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia); **Kleandrov M.I.**, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Law), The Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia); **Kropachev N.M.**, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Law), Prof., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); **Lisitsyn-Svetlanov A.G.**, Academician of the RAS, Dr. Sci. (Law), The Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia); **Maksimov S.V.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Institute of Problems of Science Development of the Russian Academy of Sciences; **Musin V.A.**, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Law), Scientist Emeritus of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Mikhailov N.I.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Popondopulo V.F.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); **Salieva R.N.**, Dr. Sci. (Law), Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia); **Sviridenko O.M.**, Dr. Sci. (Law), Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Tarkhanov I.A.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Truntsevsky Y.V.** Dr.Sci.(Law), prof., ANO V.A.Musin Research Centre for the Development of Energy Law and Modern Legal Science; **Ustinov A.A.**, PhD (Law), Insurance Company of Gaz Industry SOGAZ (Moscow, Russia); **Frommann M.V.**, Dr. Sci. (Law), Bureau of Prof. F.Y. Zekker (Moscow, Russia); **Sheveleva N.A.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); **Shumkov D.V.**, Dr. Sci. (Law) (Moscow, Russia); **Yakovlev V.F.**, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Law) (Moscow, Russia); **Yastrebov O.A.**, Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Econ.), Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia); **Bergmann W.**, Dr. Sci. (Law), Petersburger Dialog e.V, Deutsch-Russisches Forum e.V. (Berlin, Germany); **Butler W.E.**, Dr. Sci. (Law), University of Pennsylvania (USA); **Handrlica J.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Charles University in Prague (Prague, Czech Republic); **Säcker F.J.**, Dr. Sci. (Law), Institute for Energy Law and Government Regulation (Berlin, Germany); **Heffron R.J.**, Dr. Sci. (Law), University of Dundee (Dundee, UK); **Talus K.**, Dr. Sci. (Law), The Tulane University of Louisiana (USA), University of Eastern Finland, University of Helsinki (Helsinki, Finland).

Editorial board

Akimov L.Yu., PhD (Law), Prof., PJSC ROSSETI Lenenergo (Moscow, Russia); **Amir A.I.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Rector of Academy of Azerbaijani Bar Association (Republic of Azerbaijan); **İbrahim E.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Ankara University (Türkiye); **Yefimova A.A.**, PJSC Mosenergo (Moscow, Russia); **Zhabin N.A.**, PhD (Law), PJSC Inter RAO (Moscow, Russia); **Inyutyn A.Yu.**, PhD (Law), JSC Gazprombank (Moscow, Russia); **Shabunya V.V.**, PhD (Law), Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Centre for the Development of Energy Law and Modern Legal Science (Moscow, Russia); **Chichkanov A.B.**, PhD (Law), JSC Gazprombank (Moscow, Russia), **Shi Xiaojuan**, Prof. of Law, School of Humanities and Law, Hebei University of Technology (China).

Recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of basic results of PhD and doctor theses.

Certificate of Mass Media Registration

ПИ № ФС 77-83276 of May 12, 2022, ПИ № ФС 77-83274 of May 12, 2022, ЭЛ № ФС 77-83307 of May 12, 2022

© Copyright. Full or partial reprint of the materials without the written permission of the authors of the articles or the editorial board is punishable by law.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ПРАВОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФОРУМ
ENERGY LAW FORUM

2024, номер 2
2024, Issue 2

Обзор Международной научно-практической конференции «Мусинские чтения.2024. Актуальные задачи энергетического права и современной правовой науки», посвященной 85-летию со дня рождения Валерия Абрамовича Мусина	5
Overveiw of the International Scientific and Practical Conference The Musin Readings. 2024. Relevant Tasks of Energy Law and the Contemporary Legal Science	5

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА |

FUNDAMENTAL OBJECTIVES OF ENERGY LAW

Клеандров М.И. О методологии научных исследований в области энергетического права.....	13
Kleandrov M.I. On the Methodology of Scientific Research in the Field of Energy Law.....	13

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ |

LEGAL STATUS OF ENERGY COMPANIES

Попондопуло В.Ф., Силина Е.В. Банкротство энергетических компаний в России и Китае: правовое регулирование	19
Popondopulo V.F., Silina Y.V. Bankruptcy of Energy Companies in Russia and China: Legal Regulation	19

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА |

LEGAL REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Кологерманская Е.М. Правовое регулирование технологий искусственного интеллекта и робототехники в сфере энергетики в Российской Федерации: проблемы и перспективы	29
Kologermanskaya E.M. Legal Regulation of Artificial Intelligence and Robotics in the Energy Industry in the Russian Federation: Challenges and Opportunities.....	29
Кротова М.К. Искусственный интеллект в корпоративном управлении	39
Krotova M.K. Artificial Intelligence in Corporate Governance	39
Илларионова Е.А. Цифровизация строительства объектов ТЭК	46
Ilarionova Y.A. Digitalization of Construction of Facilities of the Fuel and Energy Complex.....	46

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ |

LEGAL REGIME OF ENERGY INFRASTRUCTURE

Аниканов П.С. Пробелы правового регулирования публичного сервитута в целях строительства линейного объекта системы газоснабжения.....	54
Anikanov P.S. Gaps in Legal Regulation of Public Servitude for the Purposes of Construction of a Linear Facility of the Gas Supply System.....	54
Торопов Н.Н. Правовое регулирование создания систем оповещения о чрезвычайных ситуациях на объектах транспортировки газа	61
Toropov N.N. Legal Regulation of Emergency Notification System Creation at Gas Transmission Facilities.....	61

Свиридова Д.А. Проблемы правового регулирования эксплуатации опасных производственных объектов в отсутствие оформленного права на земельные участки	69
Sviridova D.A. Problems of Legal Regulation of Operation of Hazardous Production Facilities in the Absence of Registered Rights to Land Plots	69

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ |

CONTRACTUAL REGULATION IN THE ENERGY SECTOR

Патес А.С. Место договора на строительство генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии, в системе гражданско-правовых договоров	74
Pates A.S. Place of a RES-Based Generating Facility Construction Contract in the System of Civil Law Contracts	74
Бородавко А.А. Правоприменительная практика по договору технологического присоединения к электрическим сетям	80
Borodavko A.A. Law Enforcement Practice on an Agreement on Technological Connection to Electrical Grids....	80

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БИРЖЕВОЙ ТОРГОВЛИ ЗА РУБЕЖОМ |

LEGAL REGULATION OF EXCHANGE TRADING ABROAD

Хачатурова К.И. Меры противодействия недобросовестным торговым практикам на зарубежных биржевых товарных рынках	88
Khachaturova K.I. Measures to Counter Unfair Trading Practices in Foreign Commodity Exchange Markets	88

ЗАРУБЕЖНЫЕ УЧЕНЫЕ О РОЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ |

FOREIGN SCIENTISTS ON THE ROLE OF INTERNATIONAL TREATIES IN ENSURING ENERGY SECURITY

Алакбарзада В.А. кызы, Мамедова А.Г. кызы. Энергетическая безопасность в глобализованном мире: роль международно-правового регулирования	99
Alakbarzada V.A., Mamedova A.G. Energy Security in the Globalized World: The Role of International Law Regulation.....	99

DOI: 10.61525/S231243500031346-8

Оригинальная статья / Original Article

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ “МУСИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. 2024. АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА И СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКИ”, ПОСВЯЩЕННОЙ 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАЛЕРИЯ АБРАМОВИЧА МУСИНА

Мусинские чтения. 2024.
**Актуальные задачи энергетического права
и современной правовой науки**

Международная научно-практическая
конференция

Посвящается 85-летию
со дня рождения В.А.Мусина

Musin Readings. 2024
**Actual Issues of Energy Law
and Modern Legal Science**

Scientific and Practical Conference
Dedicated
to the 85th anniversary
of the birth of V.A.Musin

4 апреля 2024 г. на ВДНХ в павильоне 46 в рамках международной выставки “Форум Россия” состоялась **Международная научно-практическая конференция “Мусинские чтения. 2024. Актуальные задачи энергетического права и современной правовой науки”**, посвященная 85-летию со дня рождения **Валерия Абрамовича Мусина**, который внес неоценимый вклад в развитие российской правовой науки, подготовку кадров.

Организатор мероприятия — АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, мероприятие было проведено при поддержке Министерства энергетики Российской Федерации и Ассоциации юристов России.

Открытие конференции началось с приветствия Статс-секретаря — заместителя Министра энергетики Российской Федерации **Анастасия Борисовна Бондаренко**, по приглашению которого **Мусинские чтения — 2024** проводились с павильоне Минэнерго России — “Энергия жизни”.

Модератором мероприятия выступила Виктория Валерьевна Романова, д.ю.н., профессор, директор АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, председатель Комиссии Ассоциации юристов России по энергетическому праву и развитию законодательства в сфере топливно-энергетического комплекса.

В адрес участников и организаторов конференции поступило значительное количество приветственных обращений.

Приветственные обращения к участникам и организаторам направили:

— Помощник Президента Российской Федерации **Андрей Александрович Фурсенко**;

— Председатель Совета директоров ПАО «ГАЗПРОМ» **Виктор Алексеевич Зубков**;

— Министр юстиции Российской Федерации **Константин Анатольевич Чуйченко**;

— заместитель начальника Управления Минюста России по Москве **Елена Валентиновна Сушенко**;

— Генеральный директор ООО «ГАЗПРОМ ВНИИГАЗ» **Максим Юрьевич Недзвецкий**;

— Сопредседатель Ассоциации юристов России **Владимир Николаевич Плигин**;

— Вице-президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации **Вадим Витальевич Чубаров**;

— заместитель Генерального директора, руководитель Центра правовой работы ПАО “Интер РАО” **Михаил Львович Гальперин**;

— руководитель Дирекции нормативно-правового обеспечения ПАО “Интер РАО” **Никита Александрович Жабин**;

— ректор Академии Коллегии адвокатов Азербайджанской Республики доктор юридических наук, профессор **Амир Ибрагим оглы Алиев**;

— Председатель Международного союза юристов **Андрей Адамович Требков**;

— Советник Президента ПАО “Транснефть” **Жунус Аманжолович Джакупов**;

— заместитель управляющего директора — директор по правовым вопросам ПАО “МОСЭНЕРГО” **Анна Александровна Ефимова**;

— заместитель Генерального директора АО “Мосэнергосбыт” **Ирина Владимировна Пескова**;

— декан юридического факультета РАНГХИС Санкт-Петербург **Сергей Львович Сергеевич**;

— директор Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан **Рифгат Роальдович Шагидуллин**;

— ректор ФГБОУ ВО “НИУ “МЭИ” **Николай Дмитриевич Роголев** и др.

В рамках Мусинских чтений 4 апреля 2024 г. было подписано соглашения о сотрудничестве в сфере науки и образования между Институтом исследований энергетического права (Турецкая Республика) и АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”. Соглашение подписали руководитель Института исследований энергетического права, руководитель Центра по разрешению

энергетических споров **Süleyman BOŞÇA (Турецкая Республика)** и директор АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина” **Виктория Валерьевна Романова**.

В рамках Мусинских чтений — 2024 состоялось оглашение результатов I этапа Всероссийского конкурса научных публикаций молодых специалистов ТЭК и молодых ученых и награждение участников конкурса.

В рамках приветственной части Мусинских чтений — 2024 состоялось награждение членов комиссии по энергетическому праву и развитию законодательства в сфере топливно-энергетического комплекса.

В Мусинских чтениях — 2024 приняли участие ученики и коллеги Валерия Абрамовича Мусина, известные и молодые ученые, специалисты энергетических компаний, представители государственных органов, судейского сообщества, общественных организаций, практикующие юристы, аспиранты, соискатели.

Участники Мусинских чтений — 2024 обсудили наиболее актуальные задачи энергетического права и современной правовой науки, включая тенденции дальнейшего формирования энергетического права Евразийского экономического союза, БРИКС+, дружественных государств, актуальные задачи газового права, атомного права, нефтяного права, электроэнергетического права; современные тенденции развития корпоративного управления и цифровизации в энергетических компаниях; новеллы закупочной деятельности в топливно-энергетическом комплексе; развитие специальных энергетических арбитражей; обзоры практики разрешения споров в сфере энергетики; тенденции государственного регулирования и контроля (надзора) в сфере энергетики и многие другие.

Доклады представили:

— **Андрей Геннадиевич Лисицын-Светланов**, д.ю.н., профессор, академик Российской академии наук, член Комиссии Ассоциации юристов России по энергетическому праву и развитию законодательства в сфере топливно-энергетического комплекса, — “**Договорные условия и правовые риски инвестиционных проектов**”;

— **Михаил Иванович Клеандров**, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук, судья Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке), член Комиссии Ассоциации юристов России по энергетическому праву и развитию законодательства в сфере топливно-энергетического комплекса, — “**О методологии модернизационных исследований в энергетическом праве**”;

— **Андрей Юрьевич Бушев**, судья Конституционного Суда Российской Федерации, — “**Конституционализация в современном праве**”;

— **Дарья Александровна Мельник**, советник отдела электроэнергетической и атомной политики Департамента энергетики Евразийской экономической комиссии, — “**Актуальные задачи правового обеспечения энергетической безопасности на евразийском пространстве**”;

— **Ирина Николаевна Павлова**, начальник отдела нефтегазовой политики Департамента энергетики Евразийской экономической комиссии, **Виктор Евгеньевич Бородаев**, главный специалист-эксперт отдела нефтегазовой политики Департамента энергетики Евразийской экономической комиссии, — “**Новая конфигурация мирового рынка газа — риски и возможности**”;

— **Юлия Вячеславовна Лебедева**, к.ю.н., советник Историко-документального департамента МИД России, ведущий научный сотрудник АНО “Научно-исследовательский “Центр развития

энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, — “**Правовое определение физической защиты ядерной установки в международном праве**”;

— **Süleyman BOŞÇA**, Управляющий партнер компании Bosca Law, руководитель Института исследований энергетического права, руководитель Центра по разрешению энергетических споров (Турция), — “**Новые подходы к региональным энергетическим спорам**”;

— **Ибрагим Эрменек**, д.ю.н., профессор Университета Анкары (Турция), — “**Защита потребителей на турецком энергетическом рынке**”;

— **Елена Васильевна Белякович**, к.ю.н., судья Арбитражного суда Центрального округа, — “**Тенденции судебной практики в сфере энергоснабжения**”;

— **Петр Гордеевич Лажно**, к.ю.н., доцент, доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, исполнительный директор НОЦ “Энергетика и права”, — “**Вклад В.А. Мусина в совершенствование системы Третейского разбирательства в Российской Федерации**”;

— **Юй Гао**, директор Научно-исследовательского института энергетической промышленности и энергетического права “Один пояс и один путь” Хэбэйского технологического университета (Китайская Народная Республика), — “**Об определении энергетического права в контексте энергетического перехода**”;

— **Адель Ильсиярович Абдуллин**, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета, — “**Валерий Абрамович Мусин — человек, ученый, наставник**”;

— **Виктория Валерьевна Романова**, д.ю.н., профессор, научный руководитель АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, председатель Комиссии Ассоциации юристов России по энергетическому праву и развитию законодательства в сфере топливно-энергетического комплекса, — “**Актуальные задачи международного энергетического правопорядка**”;

— **Сергей Александрович Лобанов**, д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой правового регулирования ТЭК МИЭП МГИМО, — “**Государственно-правовая поддержка отечественных компаний ТЭК в условиях “санкционных” ограничений**”;

— **Снежана Михайловна Саушкина**, заместитель начальника управления ПАО “ГАЗПРОМ”, — “**Проблемные аспекты энергетических компаний при**

осуществлении закупок без проведения конкурентных процедур”;

— **Альберт Фяритович Бикмурзин**, заместитель генерального директора ООО “ГАЗПРОМ ЭНЕРГОХОЛДИНГ”, — «О проблемах в реестре акций “пропавших” акционеров и путях их решения»;

— **Елена Алексеевна Сидорова**, Вице-президент АО “Санкт-Петербургская Международная Товарно-сырьевая Биржа”, — “Исторические и современные правовые аспекты биржевой торговли товарами”;

— **Роза Наильевна Салиева**, д.ю.н., профессор, заведующая лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса Академии наук Республики Татарстан, главный научный сотрудник АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, член Комиссии Ассоциации юристов России по энергетическому праву и развитию законодательства в сфере топливно-энергетического комплекса, — “Правовые вопросы поддержки субъектов малого предпринимательства в нефтяной отрасли”;

— **Олег Александрович Городов**, д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, — “О технологической политике в сфере энергетики”;

— **Дмитрий Анатольевич Петров**, д.ю.н., профессор кафедры коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, — “Государственная политика в отношении использования возобновляемых источников энергии в Российской Федерации”;

— **Кристина Сергеевна Семенович**, к.ю.н., доцент кафедры коммерческого права, директор Центра энергетического права Санкт-Петербургского государственного университета, — “Водородная

энергетика: первоочередные задачи правового регулирования”;

— **Андрей Валерьевич Михайлов**, к.ю.н., заведующий кафедрой предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета, — “Вопросы систематизации энергетического законодательства России”;

— **Вячеслав Юрьевич Гусяков**, к.ю.н., заместитель Председателя Международного союза юристов, член Комиссии Ассоциации юристов России по энергетическому праву и развитию законодательства в сфере топливно-энергетического комплекса, — “Памяти В.А. Мусина: проблемы страхования при морской перевозке нефти и нефтепродуктов в условиях санкций”;

— **Весна Зорановна Живкович**, специалист отдела закупок и тендеров ООО “ЛУКОЙЛ СЕРБИЯ”, — “Роль отходов в энергетическом комплексе”;

— **Мария Сергеевна Наконечная**, директор по правовым вопросам ООО “ГАЗПРОМНЕФТЬ ЭКСПЕРТНЫЕ РЕШЕНИЯ”, аспирант АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, — “Правовое и организационное обеспечение проведения медиации в организациях ТЭК”;

— **Юрий Аркадьевич Капул**, заместитель начальника отдела ПАО “ТРАНСНЕФТЬ”, аспирант АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, — “Правовое регулирование санитарно-защитных зон магистральных нефтепроводов”;

— **Павел Сергеевич Аниканов**, ведущий юрист-консульт ООО “ГАЗПРОМ МЕЖРЕГИОНГАЗ”, аспирант АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, — “Пробелы правового регулирования публичного сервитута в целях строительства линейного объекта системы газоснабжения”;

— **Денис Сергеевич Романченко**, руководитель направления Акционерное общество “АТОМ-СТРОЙЭКСПОРТ”, аспирант АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, — “Роль атомной энергетики в достижении целей устойчивого развития ООН”;

— **Сергей Юрьевич Комаров**, начальник отдела по управлению имуществом ФГУП “РАДОН”, аспирант АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной

правовой науки имени В.А. Мусина”, — **“Критерии отнесения ядерно и радиационных опасных объектов в Российском законодательстве”**;

— **Мария Александровна Пятых**, начальник отдела ПАО “Транснефть”, аспирант АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, — **“Понятие вреда окружающей среде: спорные вопросы”**;

— **Руслан Булатович Суфьянов**, старший юрист-консульт, практика судебной защиты Центра регуляторного права и судебной защиты ООО “ГАЗПРОМНЕФТЬ ЭКСПЕРТНЫЕ РЕШЕНИЯ”, — **“Институт поворота исполнения судебного акта в арбитражном процессе: некоторые проблемные вопросы”**;

— **Артем Янович Берлин**, эксперт ПАО “ГАЗПРОМ НЕФТЬ”, младший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, — **“Эксклюзивные операции в рамках соглашений о сервисных рисках”**;

— **Анастасия Александровна Бородавко**, главный специалист ПАО “РОССЕТИ ЛЕНЭНЕРГО”, аспирант АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, — **“Сервитут в целях строительства, реконструкции, эксплуатации, капитального ремонта объектов электросетевого хозяйства”**;

— **Екатерина Михайловна Кологерманская**, к.ю.н., юрист-консульт ООО “ПРОМХИМ”, — **“Правовое регулирование технологий искусственного интеллекта и робототехники в сфере энергетики в Российской Федерации: проблемы и перспективы”**;

— **Павел Зеновьевич Иванишин**, к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского федерального (Приволжского) университета, — **“О соотношении правовых категорий “цена”, “тариф” и тарификация в сфере энергетике”**;

— **Елена Александровна Нахова**, к.ю.н., доцент кафедры гражданского процессуального права СЗФ РГУП, — **“Некоторые аспекты доказывания по спорам, вытекающим из частно-правовых отношений в сфере энергетики”**;

— **Евгения Алексеевна Илларионова**, юрист ООО “ГАЗПРОМНЕФТЬ ЭКСПЕРТНЫЕ РЕШЕНИЯ”, — **“Цифровизация строительства объектов ТЭК”**;

— **Елизавета Викторовна Подымова**, главный эксперт по договорной работе АО “НПО “КИС”, аспирант АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, — **“Понятие и юридические признаки программы для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности”**;

— **Евгений Валерьевич Ковалев**, руководитель медицинских проектов АО “СОГАЗ”, аспирант АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, — **“Особенности правового регулирования телемедицинских консультаций в РФ в период пандемии новой коронавирусной инфекции”**;

— **Лидия Владимировна Самукова**, заместитель генерального директора по корпоративному и правовому обеспечению АО “НИИТФА”, аспирант АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, — **“Теплоснабжение как деятельность организации, владеющей источником тепловой энергии, по продаже тепловой мощности, теплоносителя”**;

— **Андрей Викторович Смагин**, руководитель проекта ПАО “РОССЕТИ”, аспирант АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, — **“Сетевые организации в электроэнергетике: понятие, виды, признаки”**;

— **Даниил Дмитриевич Катаев**, начальник отдела правового обеспечения региональной деятельности филиала ПАО “РОССЕТИ УРАЛ” — **“ПЕРМ-ЭНЕРГО”**, — **“Проблемы правоприменительной практики при разрешении споров о признании права собственности на бесхозяйные объекты электросетевого хозяйства (линейные объекты)”**;

— **Олеся Игоревна Еремеева**, эксперт отдела по управлению имуществом ФГУП “РАДОН”, аспирант АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”, — **“Правовые аспекты вывода из эксплуатации атомных**

ледоколов и судов атомного технологического обслуживания»;

— **Маргарита Кирилловна Кротова**, ведущий юрист ООО «ГАЗПРОМНЕФТЬ ЭКСПЕРТНЫЕ РЕШЕНИЯ», — «Тенденции правового регулирования корпоративного управления в сфере ТЭК»;

— **Радима Вадимовна Эфендиева**, старший юрист ООО «ГАЗПРОМНЕФТЬ ЭКСПЕРТНЫЕ РЕШЕНИЯ», — «Коммерциализация ИТ-продуктов в ТЭК: правовые аспекты»;

— **Даниил Владимирович Борейшо**, старший юрист ООО «ГАЗПРОМНЕФТЬ ЭКСПЕРТНЫЕ РЕШЕНИЯ», — «Защита должников при уступке права требования (к вопросу о защите доверия в современном обороте и доктрине видимости права)» (онлайн);

— **Элеанора Владимировна Снадина**, юрист АО «ТАТЭНЕРГО», — «Баланс интересов поставщиков и потребителей при выходе из строя ОДПУ тепловой энергии — проблемы правового регулирования»;

— **Данис Фанисович Ахунзянов**, ведущий юрист Практика сопровождения закупок ООО «ГАЗПРОМНЕФТЬ ЭКСПЕРТНЫЕ РЕШЕНИЯ», — «Новеллы закупочной деятельности в топливно-энергетическом комплексе»;

— **Диляра Рамаевна Сайфутдинова**, юрисконсульт 1 категории ООО «ГАЗПРОМ ГАЗОМОТОРНОЕ ТОПЛИВО», — «Правовое регулирование сервисных контрактов нефтегазовых компаний в практике применения зарубежных стран»;

— **Александр Эдуардович Гаврилов**, аспирант АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина», — «Современные практики корпоративного страхования и особенности их нормативно-правового регулирования»;

— **Злата Эльдаровна Загоруйко**, главный юрисконсульт АО «АТОМЭНЕРГОСБЫТ», — «Опреде-

ление объема оказанной услуги по передаче электроэнергии в аварийные дома. Актуальная практика»;

— **Никита Александрович Никитин**, главный специалист ПАО «ГАЗПРОМ», аспирант АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина», — «Виды нефтегазовых компаний в Российской Федерации. Понятие и предмет акционерного соглашения»;

— **Докучаев Александр Игоревич**, старший юрист ООО «ГАЗПРОМНЕФТЬ ЭКСПЕРТНЫЕ РЕШЕНИЯ», — «Актуальные проблемы регулирования «углеродных единиц»»;

— **Элина Олеговна Сагалова**, помощник юриста практики энергетики и природных ресурсов LEVEL Legal Services, — «Юридическое обеспечение совместных проектов в ТЭК в условиях ограничительных мер»;

— **Марсель Фанильевич Габдулхаков**, помощник юриста Адвокатское бюро г. Москвы «Инсайт», — «Международно-правовые основы формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов ЕАЭС»;

— **Вячеслав Викторович Севальнев**, к.ю.н., ведущий научный сотрудник АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина», — «Отдельные аспекты правового регулирования банковской деятельности в Китайской Народной Республике»;

— **Артем Михайлович Цирин**, к.ю.н., ведущий научный сотрудник АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина», — «Актуальные задачи международно-правового регулирования торговых отношений в рамках БРИКС»;

— **Николай Андреевич Акимов**, к.ю.н., кандидат юридических наук, старший научный сотрудник АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина», — «Актуальные проблемы развития института корпоративной ответственности»;

— **Вадим Викторович Шабуня**, к.ю.н., ведущий научный сотрудник АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина», член Комиссии Ассоциации юристов России по энергетическому праву и развитию законодательства в сфере топливно-энергетического комплекса, — «Актуальные правовые аспекты развития Арктического региона» и др.

Участники Мусинских чтений — 2024 посетили экскурсию по павильону “Энергия жизни” и ознакомились с инновационными достижениями энергетических компаний.

Труды участников Мусинских чтений — 2024 будут опубликованы в памятной монографии, посвященной 85-летию со дня рождения Валерия Абрамовича Мусина.

С подробным Обзором Мусинских чтений 2024 можно ознакомиться на сайте Центра имени В.А. Мусина.

Хочется выразить всем слова искренней благодарности и глубокого уважения участникам Мусинских чтений 2024 за памятное, доброе отношение к Валерию Абрамовичу Мусину, который внес огромный вклад в развитие правовой науки, подготовку высокопрофессиональных кадров и выразить искреннюю признательность за помощь в сохранении и развитии научного наследия великого ученого, учителя, человека на все времена!

Главный редактор,
доктор юридических наук, профессор,
дочь В.А. Мусина
В.В. Романова

===== **ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА** =====

DOI: 10.61525/S231243500031347-9

Оригинальная статья / Original Article

**О МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА****Клеандров М.И.**

Доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник Института государства и права РАН;
главный научный сотрудник АНО «Научно-исследовательский «Центр развития
энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»
E-mail: mklean@bk.ru

Аннотация. Рассматривается проблематика методологии научных исследований в сфере энергетического права как базы совершенствования энергетического законодательства. Под методологией научно-правовых исследований автор предлагает понимать совокупность общенаучных и частно-научных методов как систем подходов, приемов, способов и правил научных исследований в конкретном векторе познания. Автор выделяет обшеметодологический подход в научно-правовых исследованиях и теоретико-методологическую их основу. Обращается внимание на новые вызовы в методологии научных исследований, в том числе в сфере энергетического права, вызванные научно-техническим прогрессом, в частности использованием искусственного интеллекта. Предлагается при проведении исследований в сфере энергетического права использовать метод правовой стратиграфии. Обращается внимание на роль энергетического права в обеспечении национальной безопасности, что является, по мнению автора, важным компонентом ее методологии.

Ключевые слова: энергетическое право, методология и методы, правовая стратиграфия.

Для цитирования: Клеандров М.И. О методологии научных исследований в области энергетического права // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 13–18. DOI: 10.61525/S231243500031347-9

**ON THE METHODOLOGY OF SCIENTIFIC RESEARCH
IN THE FIELD OF ENERGY LAW****Kleandrov M.I.**

LL.D., Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Chief Research Scientist of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
Chief Research Scientist of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research
Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science
E-mail: mklean@bk.ru

Abstract. This article addresses the methodological issues inherent to scientific research in the field of energy law as a basis for improving energy legislation. The author proposes that the methodology of scientific and legal research be understood as a set of general and private scientific methods representing systems of approaches, methods, ways, and rules of scientific research in a particular vector of cognition. The author distinguishes between the general methodological approach and the theoretical and methodological framework of scientific and legal research. He highlights new challenges in the methodology of scientific research, including in

the field of energy law, resulting from scientific and technological progress, particularly the use of artificial intelligence. The author suggests the use of the method of legal stratigraphy when conducting research in the field of energy law. Furthermore, the author highlights the role of energy law in ensuring national security, which he considers an essential element of its methodology.

Keywords: energy law, methodology and methods, legal stratigraphy.

For citation: Kleandrov M.I. On the Methodology of Scientific Research in the Field of Energy Law. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 13–18. DOI: 10.61525/S231243500031347-9

Как провозглашено Доктриной энергетической безопасности (п. 5), ТЭК является основой энергетики России [1], при этом предприятия ТЭК в 2022 г. обеспечили 42% доходов России [2].

Вся многогранная деятельность структур ТЭК регулируется энергетическим (не только, разумеется) законодательством, основой и теоретической базой которого служит энергетическое право. Само энергетическое право, как, впрочем, и иные отрасли права, многогранно. Оно и самостоятельная отрасль права, и отрасль юридической науки, и отрасль законодательства, и учебная дисциплина.

Поэтому естественно, что модернизация правового регулирования в энергетическом секторе народного хозяйства, базируясь на фундаменте научных достижений в сфере энергетического права, должна в целом осуществляться стратегически в едином ключе, но тактически — различно в указанных сегментах.

Сегодня сама жизнь предъявляет к науке энергетического права высокие требования: переход на более высокий уровень обобщения исследуемой сферы общественных отношений, видение целостной картины ТЭК как важнейшего реального сектора экономики, формирование концепции правового будущего российской энергетики и пр., что позволяет сформулировать системно обоснованный алгоритм ее совершенствования. А для этого нужна правильно организованная методология этой модернизации, что, безусловно, невозможно без должного научного обеспечения самой методологии.

В Большом толковом словаре русского языка под методологией понимается: 1) греч. — метод + учение; 2) совокупность приемов исследований, применяемых в научном познании мира [3]. Точнее, по-видимому, было бы сказать, что это совокупность не приемов, а системная совокупность общенаучных и частно-научных методов (т.е. учение о системе подходов, приемов, способов и правил научных исследований); и не вообще, а в конкретном векторе познания. Вот под таким углом зрения и следует, по мнению автора данных строк, вести разговор о методологии научных исследований вообще и в сфере энергетического права в частности.

Сами модернизационные мероприятия в научно-правовых сферах могут быть фундаментальными, поисковыми и прикладными — в зависимости от целей, которые ставит перед собой законопроектант, а цели эти обусловлены прежде всего осознанными и сформулированными потребностями практики. В нашем случае потребностями народного хозяйства и, более узко, ее топливно-энергетического комплекса.

При этом очевидно, что как прикладные, так и поисковые научные исследования не могут не опираться на достижения фундаментальной науки, которая является генератором идей и проектов. В полной мере это относится и к правовым наукам, включая энергетическое право. Однако следует отметить, что любые научные идеи имеют свойство много терять в своей мудрости при столкновении реалиями практического воплощения их в жизнь.

Очевидно, что генеральным направлением развития науки энергетического права является конституционное нововведение 2020 г., которое провозгласило: в ведении Российской Федерации находится в числе прочих “обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных” (ст. 71 п. “м” Конституции РФ).

В определенной степени данное конституционное нововведение 2020 г. развивает Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 “О стратегии национальной безопасности Российской Федерации”.

В п. 67 этой Стратегии провозглашено: “Достижение целей обеспечения экономической безопасности РФ осуществляется путем решения следующих задач: ...15) обеспечение энергетической безопасности РФ, в том числе обеспечение устойчивого тепло- и энергоснабжения населения и субъектов национальной экономики, повышение энергетической эффективности экономики и эффективности государственного управления в сфере топливно-энергетического комплекса; ...19) развитие рыночной, энергетической, инженерной,

инновационной и социальной инфраструктур в целях ускорения роста российской экономики; ...п. 76. Достижение цели научно-технического развития РФ осуществляется путем решения следующих задач: (в том числе) ...б) совершенствование системы фундаментальных научных исследований как важнейшей составляющей устойчивого развития РФ”.

Более свежей, а главное — более обширной базой НИР в сфере энергетического (и иных отраслей) права послужит Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145. В этой Стратегии в числе иных больших вызовов для общества, государства и науки названы (п. 15е) “качественное изменение характера глобальных и локальных энергетических систем, рост значимости энерговооруженности экономики, наращивание объема выработки энергии, повышение эффективности ее передачи, хранения и использования”.

Что такое методология научно-правовых исследований с позиции ее структурных составляющих? Общеметодологический подход в научно-правовых исследованиях позволяет определить условные границы намеченного исследования, уточнить применяемые в ходе проводимого исследования основные понятия, терминологию (иногда даже разработать при необходимости глоссарий), выделить ключевые концептуальные векторы исследуемой проблемы.

Теоретико-методологическая основа научно-правовых исследований — это соответствующие положения таких наук, как философия, экономика, логика, история, в ряде случаев социология и т.д., что позволяет рассматривать объектно предметные отношения этих наук в применении к решению исследуемых правовых проблем.

К общенаучным методам научно-правовых исследований обычно относят:

— системный метод (это изучение элементов исследуемой проблемы в целом, при этом, в частности, исследуются отдельные элементы проблемы, создающие в совокупности цельную картину проблемы);

— метод анализа и синтеза, позволяющий проанализировать существующие точки зрения на исследуемую проблему и выявить схожие подходы, а значит, в идеале с максимальной эффективностью достичь намеченные цели и решить поставленные задачи;

— диалектический метод, использование которого позволяет изучить и оценить состояние современного правового регулирования, теоретической основы и методологического обеспечения исследуемой проблемы;

— элементарно-теоретический и проблемно-теоретический;

— методы индукции, дедукции, логического метода и обобщения, наблюдения, измерения, аналогии, классифицирования и др.

К частно-научным (специальным) методам при проведении научно-правовых исследований обычно относят:

— метод правового моделирования, обеспечивающий поиск и определение наиболее подходящих вариантов решения исследуемой проблемы;

— сравнительно-правовой метод, обеспечивающий выявление подходов к решению исследуемой проблемы как в сходных отечественных сферах правового регулирования (а иногда и в судебной практике), так и в международных и зарубежных;

— формально-юридический метод, методы интервьюирования, анкетирования, интерпретации (толкования), историко-правовой, элементарно-теоретический, проблемно-теоретический;

— метод выявления правовых лагун в энергетическом праве, что обязывает исследователя искать выход мысли за пределы устоявшихся стереотипов, и др.

Но мало просто перечислить название этих методологий и методов. Нужно наполнить их соответствующим содержанием, позволяющим ученым вести НИР в исследуемых ими векторах с максимальной эффективностью и результативностью.

Тем более что стремительно развивающийся научно-технический прогресс выдвигает требования к новым методологиям. А это означает, что фундаментальные исследования в области науки энергетического права должны вестись с ориентацией на сверхдальние, далеко загоризонтные цели. В принципе, научно-технический прогресс может в своем развитии затормозиться, а то и повернуть вспять, как это уже бывало в истории. Но с большой долей вероятности можно утверждать, что этого не произойдет, он и дальше будет, не останавливаясь, бурно развиваться. Наука же энергетического права не должна здесь отставать как база научно-правового обеспечения данного процесса, даже если горизонты проглядываются еле-еле. Например, в очень отдаленном будущем энергией времени можно будет пользоваться путем преобразования ее в энергию преодоления пространства. Конкретно: если до точки маршрута самолетом, летящим со скоростью 1000 км/ч, приходится лететь 15 часов, то преобразование энергии времени позволит достичь точки маршрута за 1 ч при полете со скоростью 15 тыс. км/ч. И так далее, вплоть нуля по оси времени, причем без всяких затрат обычной энергии извне. Но ведь это телепортация в чистом виде. А ее самостоятельное изобретение, наоборот,

позволит выделять и использовать энергию времени для других целей. Задуматься над проблематикой правового регулирования этих отношений уже сейчас не будет слишком рано.

В современных условиях (уже), тем более в будущем (непрерывно) методологически научные исследования в области энергетического права невозможны без имплементации в них нейросетей, искусственного интеллекта (далее — ИИ). При этом здесь отчетливо видны две стороны.

С одной стороны, в своем павильоне на ВДНХ “Роснефть” в феврале 2024 г. при проведении Недели российской науки продемонстрировали в качестве серьезного достижения два новых программных комплекса: “РН-нейросети” предназначен для выработки наиболее оптимального варианта разработки месторождения углеводородного сырья, когда требуется провести огромное количество гидродинамических расчетов (иногда сотни тысяч), и за счет предварительного самообучения эта нейросеть позволяеткратно снизить их количество. При этом прибыль от разработки месторождения может увеличиться до 30%; “РН-Аква” — софт, предназначенный для нефтяной гидрогеологии, с его помощью создаются трехмерные цифровые гидрогеологические модели водоносных слоев. И это позволяет автоматизировать прогнозные расчеты, повысить их достоверность и усилить контроль за выполнением проектных показателей разработки месторождения, что позволило Роскомиссии по запасам полезных ископаемых рекомендовать данный программный комплекс к применению [4].

Но энергетическое законодательство в нашей стране состоит из огромного массива законодательных и иных нормативных правовых актов, и его совершенствование прежними методами малопродуктивно и заведомо неэффективно. И это уже сегодня, а что будет в будущем, даже не столь отдаленном? К тому же определенная часть этих актов в разной степени засекречена, и больше всего в области атомной энергетики. Похоже, без внедрения ИИ в законопроектный процесс, а предварительно его использования в предпроектной разработке соответствующих положений прикладной наукой энергетического права не обойтись.

Кстати, Палата депутатов Италии под руководством вице-президента Анны Аскани сообщает об интеграции ИИ в законодательный процесс. Итальянские власти считают, что инициатива повлияет на прозрачность, подотчетность и эффективность управления огромным хранилищем парламентских документов и поможет совершенствовать законодательные процессы. Нейросети будут использоваться в системе документации для уменьшения числа документов, нормы которых

дублируют друг друга либо противоречат. Технологии ИИ проанализируют хранилище законодательных инициатив и помогут парламентариям скорректировать работу, указывает Анна Аскани. Нейросети создадут тематический реестр для быстрой ориентации в документах [5].

Но, с другой стороны, все отчетливее ИИ сравнивают с ядерным оружием, и не без основания. Уже сейчас человечество начинает терять над ним контроль, а что будет в будущем, не столь уж отдаленном, когда у ИИ появится (а это не невозможно в принципе) самосознание? Больше того, а как охарактеризовать ситуацию, при которой уже в настоящее время ИИ может обманывать управляющих им людей?

Сказанное здесь означает: составляющей методологии научных исследований во всем комплексе проблематики энергетического права должен наличествовать, если не доминировать (и то пока) соответствующий (как фундаментальная основа НИР) ИИ. Ведь фактически здесь речь идет уже не просто о достижениях научно-технического прогресса, а о переходе к новому технологическому укладу.

В правовой науке применим и метод правовой стратиграфии, который автор этих строк в научно-правовой литературе ранее не встречал. Особенно эффективен он в науке энергетического права [6]. В чем он заключается?

В принципе понятие “стратиграфия” — не юридическое. Прежде всего оно широко используется в науке геологии. Вообще этот термин смешанного латинско-греческого происхождения: *stratum* — настил (это латынь) + графия — *grapho* (букв. пишу), часть сложных слов, означающая: описание, запись, чертеж, рисунок и т.п.; употребляется как составная часть терминов-названий наук, названий, способов воспроизведения, изображения чего-нибудь, а также предприятий, где применяются такие способы (например, историография, типография, литография). В геологии это ее раздел, посвященный изучению последовательности формирования горных пород, их первичных пространственных взаимоотношений и относительного возраста с целью установления геологического строения местности и последовательности события геологической истории [7]; широко используется это понятие и в археологии, где стратиграфический метод означает определение сооружений и находок в зависимости от их залегания в слое, причем этот метод используется при всех археологических раскопках [8]. Таким образом, в основе термина, понятия и метода стратиграфии в геологии и археологии лежит хронология, причем слоистая, разделенная на слои, т.е. речь идет об определенных временных, исчисляемых

столетиями, а в геологии — и миллионлетиями, интервалах развития жизни на Земле.

В юриспруденции ничего подобного нет — ни в теории, ни в практике. Между тем определенная потребность исследования какого-либо правового явления с использованием приемов и способов хронологии становится все ощутимее. По этой причине понятие “стратиграфия” вполне может быть использовано, хотя бы в качестве первого подхода, и в юриспруденции вообще, и при локальных научно-правовых исследованиях в частности. В праве стратиграфия за неимением другого термина должна, по мысли автора, означать хронологическую последовательность, как бы разделенную на слои, на временные интервалы, но в формах взаимосвязей, взаимозависимостей, взаимодействия и т.д. правовых норм и целых нормативных правовых актов и даже их блоков, регулирующих локальную сферу общественных отношений: на определенно-ограниченной территории, для решения определенной общественно (государственно) значимой проблемы и т.д., в том числе при обосновании и в процессе формирования новых: правового института, отрасли законодательства и пр.

Представляется, что изучение способами (примемами) правовой стратиграфии многослойного комплекса регламентирующих актов, воздействующих на правоприменителя, в локальной сфере общественных отношений, изучение их взаимосвязей, взаимозависимостей и взаимодействий с учетом теоретически и практически хорошо юристам известной их иерархической значимости (но не всегда практикой востребованной), а отсюда — их эффективности, с широким хронологическим охватом, в динамике и т.п. — огромная, сложная и одновременно важная, насущная, интересная и благородная для исследователя задача. Видимо, в юридической науке, разумеется, в фундаментальной ее составной, а не прикладной, наступает такой этап развития, когда без стратиграфического метода результаты исследований не будут достаточно эффективны. И прежде всего, с точки зрения автора, это относится к той сфере общественных отношений, которая регулируется энергетическим законодательством, больше того, это относится и к обширной проблематике научных исследований в сфере энергетического права.

Причина этому — обширность энергетического права и значение ТЭК в экономике нашей страны, регулируемого обширным энергетическим законодательством. Таким образом, стратиграфический метод исследования правового поля действия норм энергетического законодательства заключается при монохронологическом подходе в исследовании напластований взаимозависимых, взаимодействующих и взаимосвязанных норм сегодняшнего

пласта норм и пласта норм недалекого прошлого — как естественно обусловленной предтечи пласта норм сегодняшних. При этом, в отличие от стратиграфического метода научно-правовых исследований в иных отраслях (сферах) права, особенностью этого метода исследований в энергетическом праве является то, что каждый в историческом плане правовой пласт становится все более обширным, значительным, объемным и пр. Вот пример: 5 августа 2022 г. Президент РФ В.В. Путин издал Указ № 520 “О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетических сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций” [9], и за это время в него уже был внесен ряд изменений и дополнений [10], и на этом корректировка данного Указа явно не завершится.

И важным представляется при этом учесть, что метод правовой стратиграфии в сфере энергетического права, как и в сферах иных отраслей права, — это не научные исследования в области истории права и государства при любом подходе к классификации отраслей права, что особенно важно в диссертационных исследованиях. Если ученый исследует проблематику энергетического права, то в глубь истории общественных отношений в сфере энергетики и ее правового регулирования он заглядывает не взором историка, коим он не является и на лавры которого не претендует. Он отыскивает в прошлом корни сегодняшних проблем в сфере энергетического права, и делает это глазами специалиста сегодняшнего дня. Историк же, в том числе специалист-ученый в области истории права и государства, не зная проблемы сегодняшнего дня, тем более узкого сегмента конкретной проблемы энергетического права, как сможет отыскать ее “корни” в прошлом?

Но очевидно, что подлинная эффективность стратиграфического метода исследования правового поля появится при выходе за пределы монохронологического (линейного) подхода — при переходе к теоретическим проработкам полихронологических векторов правовой действительности и, что особенно важно, правоприменения. Другими словами, задача заключается в теоретическом обосновании подходов к исследованию правового поля прошлого (достаточно далекого) и будущего нашего общества в целом и ТЭК в частности.

Вектор, направленный в будущее, позволяет поставить аналогичный вопрос в такой плоскости: с чего это мы взяли, что запасы углеводородного сырья принадлежат нынешнему поколению россиян (всему федеративному государству либо так или иначе обособленной группе граждан и т.п. — в данном случае неважно, речь идет сугубо о хронологи-

ческом аспекте)? Другими словами, а не являются ли также собственниками запасов нефти и газа в нашей сегодняшней стране такие принципиально новые для нас субъекты права, как будущие поколения россиян? И если будущие поколения россиян рассматривать в качестве субъекта права и этот субъект “вмонтировать” в наше законодательство, прежде всего в Конституцию РФ (тем более, что в Преамбуле действующей Конституции РФ провозглашена ответственность нас — многонационального народа РФ за свою Родину и перед будущими поколениями), появится фундаментальная правовая основа обеспечения устойчивого развития России. А это и есть то, что можно будет назвать практическим результатом использования стратиграфического метода исследования правового фундамента ТЭК России.

И при этом общее понимание методологии научных исследований в области энергетического права недостаточно, особенно в современных условиях, когда в ходе СВО и наложения на нашу страну множества различных санкций остро встал вопрос о востребованности научных результатов правовых исследований во всем их спектре, и в первую голову в сфере ТЭК, без приобретающих принципиальное значение исследований в областях обеспечения энергетического правопорядка [11] и правового обеспечения энергетической безопасности [12].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 “Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации” // Официальный интернет-

- портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2019).
2. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17384227>
 3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. С. 538.
 4. URL: <https://360.ru/tekst/nauka/den-rossijskoj-nauki-otmetili-v-pavilone-rosnefti-na-vdnh/>
 5. URL: <https://pravo.ru/news/251610/>
 6. Клеандров М.И. О стратиграфии, методологии и стратегии областного законотворчества // Актуальные проблемы юриспруденции. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 100–104; Клеандров М.И. Стратиграфический метод исследования применения норм нефтегазового законодательства // Российская академия юридических наук. Научные труды. I (том 2). 2001. С. 328–336.
 7. Словарь иностранных слов. 7-е изд., перераб. М.: Русский язык, 1980. С. 486–487.
 8. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М. Прохоров (пред.). М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 1288.
 9. Собрание законодательства РФ. 2020. № 32. Ст. 5816.
 10. Собрание законодательства РФ. 2022. № 50. Ст. 8889; 2023. № 52. Ст. 9553; Росс. газ. 2004. 27 февр.
 11. Романова В.В. Энергетический правопорядок: современное состояние и задачи. М.: Юрист, 2016. 254 с.
 12. Романова В.В. Правовое обеспечение энергетической безопасности в условиях экономических санкций // Актуальные задачи энергетического права: монография / под ред. В.В. Романовой. М.: Интеграция: Образование и наука, 2022. С. 10–44.

Сведения об авторе:

Клеандров Михаил Иванович

Доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института государства и права РАН; главный научный сотрудник АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”

Authors' information:

Mikhail I. Kleandrov

LL.D., Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Scientist of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Chief Research Scientist of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science

Поступила в редакцию / Received 22.03.2024
 Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.05.2024
 Принята к публикации / Accepted 10.06.2024

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

DOI: 10.61525/S231243500031368-2

Оригинальная статья / Original Article

**БАНКРОТСТВО ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ
В РОССИИ И КИТАЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ****Попондопуло В.Ф.¹, Силина Е.В.²**

¹Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой коммерческого права
Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: v.popondopulo@spbu.ru

²Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского процессуального права
Российского государственного университета правосудия (Северо-Западный филиал)
E-mail: Slepchenko.1974@mail.ru

Аннотация. В статье на основе метода сравнительного анализа проводится сравнение российского и китайского законодательства о банкротстве энергетических компаний, выявляются сходство и различия правового регулирования. Теоретическое значение работы заключается в выявлении основных законодательных подходов к правовому регулированию отношений банкротства энергетических компаний в России и Китае как основы дальнейших исследований по данной проблематике. Практическое значение работы заключается в возможном использовании лучших практик правового регулирования отношений банкротства энергетических компаний в России и Китае. Несмотря на значительное влияние государственного регулирования на экономику как в России, так и Китае, законодательство о банкротстве в целом соответствует по своему содержанию рыночным стандартам регулирования отношений банкротства. В части регулирования банкротства энергетических компаний российское законодательство о банкротстве, в отличие от китайского, предусматривает больше особенностей. Китайское законодательство о банкротстве восполняется решениями Государственного совета КНР и практикой высших судов, а также широко используемыми примирительными процедурами.

Ключевые слова: энергетические компании, градообразующие организации, стратегические организации, субъекты естественных монополий, государственные предприятия, банкротство.

Для цитирования: Попондопуло В.Ф., Силина Е.В. Банкротство энергетических компаний в России и Китае: правовое регулирование // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 19–28. DOI: 10.61525/S231243500031368-2

BANKRUPTCY OF ENERGY COMPANIES IN RUSSIA AND CHINA: LEGAL REGULATION

Popondopulo V.F.¹, Silina Y.V.²

¹ LL.D., Professor, Head of the Department of Commercial Law,
St. Petersburg State University
E-mail: v.popondopulo@spbu.ru

² LL.D., Professor, Department of Civil Procedural Law,
Russian State University of Justice (North-West Branch)
E-mail: Slepchenko.1974@mail.ru

Abstract. This article compares Russian and Chinese legislation on the bankruptcy of energy companies employing a comparative analysis method, identifies similarities and differences in legal regulation. The theoretical relevance of this work is to identify the main legislative approaches to the legal regulation of bankruptcy of energy companies in Russia and China, thereby providing a foundation for further research on this issue. The practical relevance of this work is the possible use of the best practices of legal regulation of bankruptcy relations of energy companies in Russia and China. Despite the significant influence of state regulation on the economy, both in Russia and China, bankruptcy legislation generally corresponds in its content to market standards of bankruptcy regulation. In terms of bankruptcy regulation of energy companies, Russian bankruptcy legislation, unlike Chinese legislation, has more specific features. Chinese bankruptcy legislation is supplemented by the decisions of the State Council of the People's Republic of China and the practice of higher courts, as well as by widely used conciliation procedures.

Keywords: energy companies, town-forming organizations, strategic organizations, natural monopoly entities, state-owned enterprises, bankruptcy.

For citation: Popondopulo V.F., Silina Y.V. Bankruptcy of Energy Companies in Russia and China: Legal Regulation. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 19–28. DOI: 10.61525/S231243500031368-2

Понятие энергетической компании. Энергетическими компаниями являются юридические лица, осуществляющие деятельность по производству энергетических ресурсов (компании, генерирующие электроэнергию, добывающие газ, нефть, уголь и т.д.) и снабжению ими потребителей (сбытовые компании). К энергетическим компаниям относятся также организации, предоставляющие услуги инфраструктуры.

Для изучения особенностей правового положения энергетических компаний предлагается несколько их классификаций [1], имеющих значение также для изучения особенностей их банкротства. Речь идет о выделении энергетических компаний, являющихся градообразующими, стратегическими, субъектами естественных монополий, государственными унитарными предприятиями, действующими на праве хозяйственного ведения. Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон РФ о банкротстве) предусмотрены особенности банкротства указанных организаций. Закон КНР «О банкротстве предприятий», принятый

на 23-м заседании Постоянного комитета ВСНП 10 созыва 27 августа 2006 г. и вступивший в силу с 1 июня 2007 г. (далее — Закон КНР о банкротстве), не содержит специальных норм о банкротстве энергетических компаний, что не исключает регулирования соответствующих отношений общими нормами Закона КНР о банкротстве, а также решениями Государственного совета КНР и высших судебных инстанций.

1. Под *градообразующими организациями* для целей Закона РФ о банкротстве понимаются должники — юридические лица, численность работников которых составляет не менее 25% численности работающего населения соответствующего населенного пункта. Положения об особенностях банкротства градообразующих организаций применяются также к иным организациям, численность работников которых превышает 5 тыс. человек (ст. 169). Правила § 2 гл. IX Закона РФ о банкротстве, регулирующие особенности банкротства градообразующих организаций, применимы также к энергетическим компаниям, в том числе если они являются стратегическими организациями или

субъектами естественных монополий. Правила о банкротстве градообразующих организаций объясняются необходимостью обеспечения интересов работников градообразующей организации, членов их семей и населенного пункта по месту нахождения градообразующей организации [2]. Количество дел о банкротстве градообразующих организаций невелико, однако законодатель считает необходимым регулировать отношения банкротства градообразующих организаций, учитывая социальные последствия их ликвидации.

2. Под *стратегическими организациями* понимаются федеральные государственные унитарные предприятия, а также акционерные общества, акции которых находятся в федеральной собственности, осуществляющие производство продукции (работ, услуг), имеющей стратегическое значение для обеспечения обороноспособности и безопасности государства, защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан РФ, а также иные организации в случаях, предусмотренных федеральным законом (ст. 190 Закона РФ о банкротстве) [3]. К стратегическим организациям могут относиться также крупные энергетические компании, например, организации атомного энергопромышленного комплекса: федеральные государственные унитарные предприятия, а также создаваемые на их основе акционерные общества, включая основное (материнское) акционерное общество, создаваемое по решению Президента РФ в соответствии с Федеральным законом от 05.02.2007 № 13-ФЗ “Об особенностях управления и распоряжения имуществом и акциями организаций, осуществляющих деятельность в области использования атомной энергии, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”.

Перечень стратегических организаций, к которым применяются правила § 5 гл. IX Закона РФ о банкротстве, определяющие особенности банкротства стратегических организаций, утверждается Правительством РФ (п. 2 ст. 190 Закона РФ о банкротстве). К ним, в частности, отнесены такие акционерные общества, как ПАО “Газпром”, ПАО “НК “Роснефть”, ПАО “РусГидро”, ПАО “Российские сети”, ПАО “ИнтерРАО”.

Постановлением Правительства РФ от 17.11.2005 № 684684 “О стратегических предприятиях и стратегических акционерных обществах, в отношении которых применяются специальные правила банкротства” в целях нормативной экономии установлено, что в качестве стратегических организаций, в отношении которых применяются правила, предусмотренные ст. 190–196 Закона РФ о банкротстве, рассматриваются стратегические предприятия

и стратегические акционерные общества, предусмотренные перечнем, утвержденным Указом Президента РФ от 04.08.2004 № 1009 “Об утверждении перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ” в соответствии с Федеральным законом от 21.12.2001 № 178-ФЗ “О приватизации государственного и муниципального имущества”.

В силу значения стратегических организаций для обороноспособности и безопасности, защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан особенности их банкротства проявляются прежде всего в предупреждении их банкротства.

3. Под *субъектами естественных монополий* понимаются организации, осуществляющие производство и/или реализацию товаров (работ, услуг) в условиях естественной монополии (п. 1 ст. 197 Закона РФ о банкротстве), т.е. при таком состоянии товарного рынка, когда удовлетворение спроса на этом рынке эффективнее в отсутствие конкуренции в силу технологических особенностей производства, а товары, производимые субъектами естественных монополий, не могут быть замещены в потреблении другими, в связи с чем спрос на эти товары в меньшей степени зависит от изменения цены на данный товар, чем спрос на другие виды товаров (ст. 3 Федерального закона от 17.08.1995 № 147-ФЗ “О естественных монополиях”). К естественным монополиям в сфере энергетики относятся: транспортировка нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам; транспортировка газа по трубопроводам; услуги по передаче электрической энергии; услуги по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике; услуги по передаче тепловой энергии; услуги общедоступной электросвязи и общедоступной почтовой связи (п. 1 ст. 4). В сферах естественных монополий используются специальные меры государственного регулирования: государственное регулирование цен (тарифов); контроль над инвестициями и крупными сделками; запрет на произвольное прекращение или ограничение деятельности и т.д.

Особенности банкротства субъектов естественных монополий регулируются § 6 гл. IX Закона РФ о банкротстве, нормами которого вводятся определенные ограничения на применение общих правил о банкротстве юридических лиц, тем самым преследуется цель ограничения банкротства субъектов естественных монополий, защиты потребителей продукции (работ, услуг) субъектов естественных монополий. Применение к субъектам естественных монополий “общей мерки” банкротства, как к иным участникам имущественного оборота,

может привести к катастрофическим последствиям в целом для российской экономики [4].

Законодательство о банкротстве энергетических компаний. В России к отношениям банкротства энергетических компаний применяются общие положения Закона РФ о банкротстве, если иное не установлено специальными его положениями и положениями иных законов, регулирующих отношения банкротства энергетических компаний.

Закон КНР о банкротстве не содержит специальных норм о банкротстве отдельных категорий должников. Однако и здесь отношения банкротства регулируются не только нормами Закона КНР о банкротстве, но и иными актами, устанавливающими особенности банкротства государственных предприятий и финансово-кредитных учреждений (ст. 133–135 гл. XII “Дополнительные положения” Закона КНР о банкротстве). Положения иных законодательных актов применяются к отношениям банкротства с особенностями, предусмотренными Законом КНР о банкротстве (ст. 135). Таким образом, к отношениям банкротства китайских энергетических компаний так же, как и в России, применяются общие положения Закона КНР о банкротстве, если иное не установлено специальными его положениями и положениями иных законов КНР, регулирующих отношения банкротства энергетических компаний.

Следует отметить также разницу в широте применения законодательства о банкротстве в России и Китае. Так, в России ежегодно рассматривается до 30–50 тыс. дел о банкротстве юридических лиц. В Китае практика реализации Закона КНР о банкротстве является незначительной, что объясняется национальным менталитетом, коллективистскими традициями, широким судебным усмотрением и правительственным участием [5]. По данным Высшего народного суда КНР, с 2007 по 2020 г. китайские суды всех уровней по всей стране рассмотрели всего 59 609 дел о банкротстве предприятий [6]. В соответствии с данными Китайского национального бюро статистики за 2020 г. было зарегистрировано более 5800 случаев банкротства предприятий в Китае [7]. По данным отчета Министерства юстиции КНР, за 2021 г. было зарегистрировано 19 613 дел о банкротстве в Китае [8]. В настоящее время КНР испытывает жестокий энергетический кризис, вызванный нехваткой электроэнергии, что привело к приостановке многих производств и угрозе их банкротства [9]. Таким образом, можно отметить тенденцию потенциального роста количества дел о банкротстве.

Сравнение законодательства о банкротстве России и Китая показывает также, что Закон РФ

о банкротстве является в основном продолжником, т.е. направлен в большей мере на защиту интересов неплатежеспособного должника [8], а Закон КНР о банкротстве имеет в целом прокредиторскую направленность, что выражается в отсутствии ряда черт, характерных для российского законодательства о банкротстве: отсутствии излишних требований при подаче заявления о признании должника банкротом; отсутствии излишней множественности процедур, применяемых в деле о банкротстве и способствующих сокращению сроков его рассмотрения; отсутствии специальных правил банкротства отдельных категорий должников и ряде других особенностей. В то же время нельзя не отметить, что основу режима банкротства в Китае составляют переговоры (мировое соглашение), по результатам которых реализуются права и обязанности должника и кредиторов [10].

Круг лиц, которые могут быть признаны банкротами. Банкротами могут быть признаны юридические лица, за исключением казенных предприятий, государственных корпораций, компаний и фондов (ст. 65 Гражданского кодекса РФ, далее — ГК РФ). Соответственно, если энергетическая компания создана и действует в организационно-правовой форме казенного предприятия, она не может быть признана банкротом, поскольку собственник имущества казенного предприятия несет субсидиарную ответственность по обязательствам такого предприятия при недостаточности его имущества (п. 6 ст. 113 ГК РФ). Унитарные предприятия, действующие на праве хозяйственного ведения, отвечают по своим обязательствам всем имуществом, поэтому они могут быть признаны банкротами.

Государственные корпорация и компании могут быть признаны банкротами, если это допускается федеральным законом, предусматривающим их создание. Обычно в федеральных законах, предусматривающих создание той или иной государственной корпорации или компании, предусмотрено, что они не могут быть признаны банкротами. Исключение государственных корпораций и компаний объясняется тем, что государство стремится обезопасить государственное имущество от возможных рисков, связанных с обращением взыскания на него по основаниям банкротства и переходом такого имущества в частную собственность. Если же учесть, что публичные компании по экономическому потенциалу занимают до 70% экономики страны [11], то можно сделать вывод, что значительная часть российской экономики лишь условно является рыночной. Это в полной мере относится к возможностям признания банкротами энергетических компаний.

По китайскому законодательству о банкротстве особым образом регулируется банкротство государственных предприятий. Их банкротство осуществляется по правилам Закона КНР о банкротстве с учетом положений Государственного совета КНР и его контрольно-надзорного органа (ст. 133) [12]. Можно предположить, что энергетические компании Китая создаются и действуют, как правило, в организационно-правовых формах государственных предприятий и, следовательно, могут быть признаны банкротами по правилам Закона КНР о банкротстве с учетом положений Государственного совета КНР, в которых как раз и содержатся особые правила (предписания, ограничения, запреты) в отношении банкротства таких организаций.

Критерии и признаки банкротства энергетических компаний. Банкротство — это признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, по выплате выходных пособий и оплате труда работников или исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Внешними признаками банкротства должника — юридического лица являются: а) задолженность не менее 300 тыс. руб. и б) просрочка платежа в течение 3 месяцев с даты, когда он должен быть исполнен, если иное не предусмотрено Законом РФ о банкротстве (ст. 2, 3, 6 Закона РФ о банкротстве).

Внешние признаки банкротства должника — градообразующей организации особенностями не отличаются. Соответственно, если энергетическая компания является градообразующей организацией, для обращения в арбитражный суд с заявлением о признании ее банкротом достаточно наличия задолженности не менее 300 тыс. руб. и просрочки исполнения обязательства в течение 3 месяцев.

Для возбуждения судопроизводства по делу о банкротстве энергетической компании, являющейся *стратегической организацией*, принимаются во внимание требования, составляющие в совокупности не менее 1 млн руб., если соответствующие требования не исполнены ею в течение 6 месяцев со дня, когда они должны были быть исполнены (ст. 190 Закона РФ о банкротстве).

Возбуждение дел о банкротстве энергетических компаний, являющихся *субъектами естественной монополии*, возможно при наличии задолженности не менее 1 млн руб., если соответствующие требования не исполнены должником — субъектом естественной монополии в течение 6 месяцев со дня, когда они должны были быть исполнены (ст. 197 Закона РФ о банкротстве).

Критерием банкротства юридического лица по общему правилу является его *неплатежеспособность*, т.е. должник — энергетическая компания предполагается неплатежеспособной, если в ходе судебного разбирательства не будет доказана ее платежеспособность. Факт недостаточности денежных средств (*критерий неоплатности должника*), т.е. фактическое превышение задолженности должника над стоимостью его имущества, предполагается, если иное не предусмотрено Законом РФ о банкротстве.

По китайскому законодательству предприятие проводит расчеты по долговым обязательствам в соответствии с Законом КНР о банкротстве в случае, если оно не может выполнить обязательства, срок которых истек, а также не имеет достаточного имущества для погашения всех долговых обязательств или испытывает серьезные затруднения в погашении долга (ст. 2). Других признаков понятия банкротства Закон КНР о банкротстве не содержит. Однако его лаконичность восполняется подзаконными актами, принимаемыми Государственным советом КНР. К банкротству государственных организаций применяются правила Закона КНР о банкротстве с учетом положений Государственного совета КНР. Кроме того, восполняющее регулирующее значение имеют разъяснения Верховного народного суда КНР и Народного суда высшей ступени города Пекин. Так, Народный суд высшей ступени города Пекин опубликовал 23 июля 2013 г. Правила производства по делам о банкротстве для нижестоящих судов, в которых определены внешние признаки банкротства, такие как: а) просрочка исполнения обязательств должником не менее 3 недель и б) задолженность на сумму не менее 5 тыс. юаней. Критерием банкротства должника является его неплатежеспособность. Факт превышения размера долгов должника над стоимостью его имущества (*критерий неоплатности должника*), как правило, не устанавливается.

Особенности судопроизводства по делам о банкротстве энергетических компаний [13]. В России дела о банкротстве подведомственны арбитражным судам и рассматриваются арбитражными судами субъекта РФ по месту нахождения должника — юридического лица. Судопроизводство по делам о банкротстве осуществляется по правилам Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ) с особенностями, предусмотренными Законом РФ о банкротстве. Эти правила в полной мере относятся к регулированию банкротства энергетических компаний.

Правом обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом при наличии необходи-

мых материальных и процессуальных предпосылок обладают *должник, конкурсные кредиторы, работники, бывшие работники должника, имеющие требования по выплате выходных пособий и оплате труда, и уполномоченные органы.*

Не позднее 5 дней со дня поступления в суд заявления о признании должника банкротом судья выносит *определение о принятии заявления о признании должника банкротом*, если заявление подано с соблюдением необходимых требований.

Подготовка дела о банкротстве к судебному разбирательству предполагает совершение судьей арбитражного суда проверки обоснованности требований заявителя и возражений должника, которая должна быть проведена после принятия заявления о признании должника банкротом в срок не ранее 15 и не позднее 30 дней.

При рассмотрении обоснованности требований кредиторов к должнику — *градообразующей организации*, в том числе являющейся энергетической компанией, суду должны быть представлены доказательства, подтверждающие, что организация является градообразующей. Обязанность представить указанные доказательства возлагается на должника, так как особенности банкротства градообразующих организаций предусмотрены законом в его интересах. Лицом, участвующим в деле о банкротстве градообразующей организации, признается соответствующий орган местного самоуправления, могут быть также привлечены федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти соответствующего субъекта РФ (ст. 170 Закона РФ о банкротстве).

При банкротстве *стратегических организаций* в качестве лица, участвующего в деле, привлекается федеральный орган исполнительной власти, обеспечивающий реализацию единой государственной политики в отрасли экономики, в которой осуществляет деятельность соответствующая стратегическая организация. Например, если рассматривается дело о банкротстве энергетической компании топливно-энергетического комплекса, лицом, участвующим в деле, признается Министерство энергетики РФ.

Лицом, участвующим в деле о банкротстве *субъекта естественной монополии*, признается федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством РФ проводить государственную политику в отношении соответствующего субъекта естественной монополии (ст. 198 Закона РФ о банкротстве).

К кандидатурам арбитражных управляющих в делах о банкротстве *стратегических организаций*

предъявляются дополнительные требования (ст. 193 Закона РФ о банкротстве), перечень которых определен постановлением Правительства РФ от 19.09.2003 № 586 “О требованиях к кандидатуре арбитражного управляющего в деле о банкротстве стратегического предприятия или организации”. В отношении отдельных стратегических организаций Правительством РФ могут устанавливаться дополнительные требования к кандидатуре арбитражного управляющего, например если это энергетическая компания топливно-энергетического комплекса.

Судебное разбирательство по делам о банкротстве производится судьей арбитражного суда единолично, если иное не предусмотрено процессуальным законодательством (например, сложные дела — ст. 17, 223 АПК РФ). Особенности судебного разбирательства дел о банкротстве проявляются в полномочиях суда, видах судебных актов, принимаемых по делам о банкротстве, последствиях их принятия, основаниях для отложения судебного разбирательства, приостановлении производства по делу, оставлении заявления без рассмотрения, прекращения производства по делу, других его чертах. Например, субъектом естественной монополии до принятия арбитражным судом заявления о признании его банкротом подано исковое заявление в суд о признании недействительными актов органов государственной власти об утверждении цен (тарифов) на товары (работы, услуги), производимые или реализуемые в условиях естественной монополии, производство по делу о банкротстве такого должника — субъекта естественной монополии приостанавливается до вступления в законную силу решения по делу о признании недействительными соответствующих актов органов государственной власти. При этом, если соответствующие акты государственной власти в части утверждения цен (тарифов) на товары (работы, услуги), производимые или реализуемые в условиях естественной монополии, признаны недействительными, суд может принять решение об отказе в признании должника — субъекта естественной монополии банкротом.

Закон РФ о банкротстве содержит также правила оспаривания сделок должника в деле о банкротстве (гл. III.1) и правила привлечения к ответственности контролирующих должника лиц в деле о банкротстве (гл. III.2). Эти правила следует рассматривать как специальные меры защиты прав кредитора через вовлечение в конкурсную массу неправомерно отчужденного имущества должника.

В Китае дела о банкротстве рассматриваются 97 специализированными трибуналами *народных*

судов и 9 судами по банкротству по месту нахождения должника (*специализированные суды*) [14]. Судопроизводство по делам о банкротстве осуществляется по правилам ГПК КНР с особенностями, предусмотренными Законом КНР о банкротстве. Действуют также Правила производства по делам о банкротстве для нижестоящих судов, опубликованные Народным судом высшей ступени города Пекин 22 июля 2013 г. [15].

Правом на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом обладают должник, кредиторы, налоговые органы, органы социального страхования, трудовой коллектив должника. При принятии заявления кредитора народный суд в течение 5 дней должен уведомить должника об этом. При наличии возражений должник должен обратиться в народный суд с протестом в течение 7 дней с момента получения уведомления народного суда. В течение 7 дней после окончания срока подачи протеста народный суд выносит определение о принятии или отказе принять заявление к рассмотрению. Если возражений должника не поступило, народный суд должен вынести определение о принятии или отказе принять заявление к рассмотрению в течение 15 дней с момента получения заявления (ст. 10, 12). Указанные определения могут быть обжалованы.

К лицам, участвующим в деле, т.е. заинтересованными в его исходе, относятся: должник; кредиторы; управляющий; иные лица в случаях, предусмотренных законом (например, контрольно-надзорный орган Государственного совета КНР при банкротстве государственных организаций).

В ходе подготовки дела о банкротстве к судебному рассмотрению народный суд назначает управляющего по делу о банкротстве. Это может быть физическое лицо, зарегистрированное в качестве управляющего в реестре народного суда (обычно по несложным делам), либо юридическое лицо, специализирующееся в сфере финансового оздоровления и банкротства. В качестве управляющего может быть назначена ликвидационная комиссия, которая формируется из различных государственных органов или фирм, занимающихся банкротством и ликвидацией юридических лиц [5]. Порядок назначения управляющих, а также их полномочия регламентируются гл. 3 Закона КНР о банкротстве, а также положениями Верховного суда КНР.

Законом КНР о банкротстве предусмотрена возможность оспаривания сделок должника (ст. 31–34), возможность привлечения к ответственности лиц, нарушающих законодательство о банкротстве (ст. 125–131).

Существенную роль в регулировании и контроле сферы финансового оздоровления и банкротства в Китае играют Министерство юстиции Китая и профессиональные ассоциации. Министерство юстиции Китая осуществляет государственную политику в сфере финансового оздоровления и банкротства, разрабатывает соответствующие нормативные правовые акты, а также надзор за деятельностью управляющих по делам о банкротстве. Профессиональные ассоциации объединяют управляющих по делам о банкротстве, занимаются совершенствованием профессиональных стандартов, организацией профессиональных тренингов и семинаров, обменом опытом и информацией.

Процедуры, применяемые в деле о банкротстве энергетических компаний. В китайском законодательстве процедур, применяемых к должнику в деле о банкротстве, значительно меньше. К должникам — юридическим лицам могут применяться финансовое оздоровление, ликвидация (аналог конкурсного производства) и мировое соглашение. Характерные для России процедуры наблюдения, внешнего управления, упрощенные процедуры банкротства не предусмотрены. К отдельным категориям юридических лиц — должников, в частности к государственным предприятиям, включая энергетические компании, процедуры банкротства, предусмотренные Законом КНР о банкротстве, применяются с особенностями, предусмотренными положениями Государственного совета КНР и другими законами (ст. 133–135).

Финансовое оздоровление — реабилитационная процедура, целью которой является восстановление платежеспособности должника посредством реструктуризации задолженности и ее погашения в соответствии с утверждаемым собранием кредиторов планом финансового оздоровления и графиком погашения задолженности.

Особенность процедуры финансового оздоровления, применяемой в отношении должника — энергетической компании, являющейся *градообразующей организацией*, проявляется в том, что финансовое оздоровление может быть продлено судом не более чем на год при наличии ходатайства органа местного самоуправления, или привлеченного к участию в деле федерального органа исполнительной власти, или органа исполнительной власти субъекта РФ при условии предоставления ими поручительства по обязательствам должника — градообразующей организации (ст. 172 Закона РФ о банкротстве).

В Китае реализация финансового оздоровления осуществляется в соответствии с планом финансового оздоровления, одобренным собранием

кредиторов и утвержденным народным судом [16]. В практике банкротства КНР процедура финансового оздоровления применяется редко. Производство по делу о банкротстве по китайскому законодательству может начаться как на основании заявления о введении финансового оздоровления, так и на основании введения конкурсного производства, в зависимости от ходатайства собрания кредиторов и решения народного суда.

Особенности продажи предприятия — *градообразующей организации*, в том числе энергетической компании, как в ходе внешнего управления (ст. 175 Закона РФ о банкротстве), так и в ходе конкурсного производства (ст. 175–176 Закона РФ о банкротстве), заключаются в следующем. При наличии ходатайства органа местного самоуправления, или привлеченного к участию в деле федерального органа исполнительной власти, или органа исполнительной власти субъекта РФ существенным условием договора купли-продажи предприятия может являться сохранение рабочих мест не менее чем для 50% работников на дату продажи предприятия в течение определенного срока, но не более чем в течение трех лет с момента вступления договора в силу. Иные условия договора могут быть установлены по предложению указанных органов, исключительно с согласия собрания кредиторов. В случае неисполнения покупателем предприятия предусмотренных договором условий договор купли-продажи подлежит расторжению судом на основании заявления органов, по ходатайству которых проводился конкурс.

Если ходатайство о продаже предприятия градообразующей организации на условиях конкурса не было подано, продажа имущества градообразующей организации, признанной банкротом, осуществляется на открытых торгах в форме аукциона. При этом конкурсный управляющий должен выставить на продажу сначала предприятие целиком, а если оно не было продано — имущество градообразующей организации по частям (ст. 110–111, 139 Закона РФ о банкротстве).

Признание банкротом должника — энергетической компании, являющейся *стратегической организацией*, и введение в отношении нее конкурсного производства осуществляются только при отсутствии оснований для введения финансового оздоровления и внешнего управления (ст. 194 Закона РФ о банкротстве). Продажа предприятия-должника — стратегической организации, в том числе энергетической компании, как в ходе внешнего управления, так и в ходе конкурсного производства осуществляется путем проведения открытых торгов в форме конкурса, если Законом РФ о банкротстве

не установлено иное. Так, продажа предприятия осуществляется только на закрытых торгах в форме конкурса, если в его состав входит имущество, относящееся к ограниченному в обороте имуществу. Обязательным условием конкурса является обеспечение целевого назначения предприятия и имущества мобилизационного назначения; выполнение договоров должника, связанных с выполнением оборонного заказа и других государственных нужд в области поддержания обороноспособности и безопасности РФ.

При продаже предприятия-должника — энергетической компании, являющейся стратегической организацией, предназначенной для осуществления деятельности, связанной с выполнением работ по государственному оборонному заказу, обеспечением федеральных государственных нужд в области поддержания обороноспособности и безопасности РФ, Российская Федерация имеет право преимущественного приобретения этого предприятия. К участию в торгах не допускаются лица, являющиеся конкурсными кредиторами в данном деле, и их аффилированные лица.

Продажа имущества, имущественных и иных прав, не входящих в имущественный комплекс должника — стратегической организации, предназначенный для осуществления деятельности, связанной с выполнением работ по государственному оборонному заказу, обеспечением федеральных государственных нужд в области поддержания обороноспособности и безопасности РФ, может осуществляться в общем порядке, предусмотренном ст. 111 Закона РФ о банкротстве (ст. 196 Закона РФ о банкротстве).

Имущество, составляющее единый технологический комплекс энергетической компании, являющейся *субъектом естественной монополии*, может быть продано в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве (наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления, конкурсного производства, мирового соглашения), только путем проведения торгов единым лотом в форме конкурса, обязательными условиями которого, а следовательно, и договора купли-продажи имущества являются: согласие покупателя принять на себя обязательства должника по договорам поставки товаров, являющимся предметом регулирования законодательства о естественных монополиях; принятие на себя покупателем обязательств по обеспечению доступности производимого или реализуемого товара (работ, услуг) для потребителей; наличие лицензии на осуществление соответствующего вида деятельности.

В случае неисполнения покупателем указанных обязательных условий договор купли-продажи подлежит расторжению судом на основании заявления соответствующего федерального органа исполнительной власти. При расторжении договора покупателю возмещаются средства, потраченные на покупку имущества должника, а также вложенные в него инвестиции.

При продаже имущества, составляющего единый технологический комплекс энергетической компании, являющейся субъектом естественной монополии, Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования имеют особые права: право приостанавливать реализацию имущества на срок до 3 месяцев для выработки предложений по восстановлению платежеспособности субъекта естественной монополии; право преимущественного приобретения такого имущества.

Процедура ликвидации регламентируется гл. X “Ликвидация и банкротство” Закона КНР о банкротстве и является аналогом конкурсного производства по российскому законодательству о банкротстве. Существенным отличием китайского законодательства о банкротстве в части очередности удовлетворения требований кредиторов является то, что удовлетворение требований по налоговым платежам признается приоритетным по сравнению требованиями коммерческих (конкурсных) кредиторов. Такой подход практиковался также в России до принятия действующего Закона РФ о банкротстве 2002 г.

Как российское, так и китайское законодательство, регулирующее процедуру мирового соглашения, не содержит каких-либо особенностей применительно к градообразующим организациям, стратегическим организациям и субъектам естественных монополий, в том числе когда они являются энергетическими компаниями. В то же время при определении условий заключаемого мирового соглашения следует учитывать особенности указанных организаций и гарантии сохранения целостности их технологических комплексов, в частности правила продажи имущества, сохранения рабочих мест, перепрофилирования, закрытия производства и т.д.

По Закону РФ о банкротстве условиями заключения мирового соглашения являются: полное удовлетворение требований кредиторов первой и второй очереди; голосование за заключение мирового соглашения не менее 50% кредиторов третьей очереди при условии, что за мировое соглашение проголосовали все кредиторы, чьи требования обеспечены залогом (ст. 150). По китайскому законодательству условиями заключения мирового

соглашения являются: одобрение мирового соглашения более 50% всех кредиторов, имеющих право голоса (обычные права кредитора); при этом кредиторы должны представлять более 75% всех прав кредитора, не обеспеченных имущественным залогом (ст. 97).

Российская практика применения мирового соглашения показывает, что эффективность этой процедуры, к сожалению, невелика из-за участия в ней уполномоченного органа государства, ограниченного в возможностях заключения мирового соглашения налоговым законодательством (п. 1 ст. 156 Закона РФ о банкротстве, гл. 9 Налогового кодекса РФ) [17]. Мировое соглашение в практике банкротства КНР применяется значительно шире, чем в России, что объясняется национальным менталитетом. Обращению за защитой права в суд китайские граждане, в том числе предприниматели, предпочитают находить компромиссы и договариваться.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Романова В.В. Энергетическое право: учебник для подготовки кадров высшей квалификации. М.: Издательская группа “Юрист”, 2021. С. 105–144.
2. Ткачев В.Н. Правовое регулирование несостоятельности градообразующих организаций // Законодательство и экономика. 2005. № 6. С. 41–50.
3. Марков П. Понятие, признаки и правовое регулирование банкротства стратегических предприятий // Право и экономика. 2006. № 12. С. 29–33.
4. Витрянский В.В. Особенности банкротства отдельных категорий должников // Вестник ВАС РФ. 2001. № 3. Специальное приложение. С. 120–127.
5. Jiang Yujia. The Curious Case of Inactive Bankruptcy Practice in China: A Comparative Study of U.S. and Chinese Bankruptcy Law // Northwestern Journal of International Law and Business. 2014. Vol. 34. P. 558–582.
6. URL: <https://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-318151.html>
7. China's National Economic and Social Development Statistical Bulletin. China National Bureau of Statistics, 2020.
8. Попондопуло В.Ф. Банкротство: правовое регулирование. 2-е изд. М., 2016. 432 с.
9. Колосс на глиняных ногах: энергетический кризис в КНР как следствие крушения Китая. URL: <https://topwar.ru/188003-koloss-na-glinjanyh-nogah-jenergeticheskij-krizis-v-krn-kak-posledstvija-krusheni-ja-kitaja.html>
10. Ли Ляньци, Баканова В.А. Исследование и практика рыночного банкротства в Китае // Молодой ученый.

2023. № 1. С. 169–171. URL: <https://moluch.ru/archive/448/97644/>
11. Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в Российской Федерации. М., 2016. С. 7. URL: <https://nationalinterest.ru/wp-content/uploads/2017/02/doklad-o-sostoyanii-konkurentsii-v-Rossijskoj-Federatsii-za-2015-god.pdf>
12. Стрелкова И.И. Законодательство Китая о банкротстве: основные этапы эволюции // Юридические исследования. 2017. № 1. С. 75–90.
13. Хасаншина Ф.Г., Гимазова Э.Н., Хасаншин Р.И. Судебное рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве). М., 2021. 192 с.
14. Bo Li, Ponticelli J. Going Bankrupt in China // Review of Finance. 2022. Vol. 26. Iss. 3. P. 449–486.
15. Варавенко Е.В. Общее и особенное в формировании современного гражданского права России и Китая (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2010. № 4. С. 104–108.
16. Сюй И. Некоторые проблемы правового регулирования несостоятельности банкротства в Китае // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 5. С. 86–91.
17. Шамшуринов Л.Л. Мировое соглашение как реабилитационная процедура несостоятельного должника // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2003. № 5. С. 112–118.

Сведения об авторах:**Попондопуло Владимир Федорович**

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой коммерческого права
Санкт-Петербургского государственного
университета

Силина Елена Владимировна

Доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского
процессуального права Российского
государственного университета правосудия
(Северо-Западный филиал)

Authors' information:**Vladimir F. Popondopulo**

LL.D., Professor,
Head of the Department
of Commercial Law,
St. Petersburg State University

Yelena V. Silina

LL.D.,
Professor,
Department of Civil Procedural Law,
Russian State University of Justice
(North-West Branch)

Поступила в редакцию / Received 08.04.2024
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 03.05.2024
Принята к публикации / Accepted 17.06.2024

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

DOI: 10.61525/S231243500031369-3

Оригинальная статья / Original Article

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА И РОБОТОТЕХНИКИ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Кологерманская Е.М.

Кандидат юридических наук,
юрисконсульт ООО “ПромХим”
E-mail: ekaterina.kologermanskaya@gmail.com

Аннотация. Энергетическая отрасль экономики — одна из динамично развивающихся и инвестиционно выгодных сферы, куда активно внедряются новые технологии. На повестке дня стоит цифровизация и один из ее важнейших продуктов — искусственный интеллект (далее — ИИ), как популярный и перспективный комплекс технологических решений, применяемых в различных сферах, в том числе и ТЭК. В качестве основного риска полноценного внедрения технологий ИИ в энергетический комплекс, а также создания инвестиционно выгодных условий для их дальнейшего развития отмечают несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей общие и отраслевые аспекты. В представленной статье анализируется современное состояние правового регулирования технологий ИИ и робототехники в энергетической сфере Российской Федерации, а также приведены некоторые примеры зарубежного правового опыта по рассматриваемой теме. В качестве перспективных примеров были выбраны юрисдикции Европейского союза (с последующим внедрением правовых норм в национальное законодательство государств-членов) и Великобритании. Следует отметить, что в каждом из выбранных государств был принят целый комплекс программных документов, закрепляющих цели и задачи развития ИИ, а также определяющих основные угрозы дальнейшего внедрения данных технологий в различные сферы экономики, а том числе энергетическую. В то же время имеют место и существенные различия в законодательных подходах. Совокупность изученного опыта позволяет совершенствовать национальное законодательство в сфере внедрения технологий ИИ и робототехники в ТЭК РФ. Представляется необходимым проведение унификации на уровне федерального закона, регулирующего общие положения ИИ. Кроме того, требуется актуализация специального законодательства в области энергетики, в том числе путем принятия новых нормативно-правовых актов на уровне подзаконного регулирования, обеспечивающих энергетическую безопасность.

Ключевые слова: энергетическое право, топливно-энергетический комплекс, энергетическое технологии искусственного интеллекта, энергетическая безопасность, робототехника.

Для цитирования: Кологерманская Е.М. Правовое регулирование технологий искусственного интеллекта и робототехники в сфере энергетики в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 29–38. DOI: 10.61525/S231243500031369-3

LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ROBOTICS IN THE ENERGY INDUSTRY IN THE RUSSIAN FEDERATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Kologermanskaya E.M.

PhD (Law), Legal Counsel at PromHim, LLC
E-mail: ekaterina.kologermanskaya@gmail.com

Abstract. The energy industry is one of the dynamically developing and investment-worthy areas where new technology is being actively introduced. The agenda is focused on digitalization and one of its most important products, artificial intelligence, as a popular and promising set of IT solutions applied in various areas, including the fuel and energy complex (FEC). The main risk of the full AI technology integration in the energy complex, as well as the creation of favorable investment conditions for its further development, is the imperfection of the legal and regulatory framework governing general and industrial aspects. This article analyzes the current state of legal regulation of AI and robotics in the energy industry of the Russian Federation, and also provides some examples of foreign legal experience on the topic under consideration. The jurisdictions of the European Union (with the subsequent implementation of legal norms into the national laws of the member States) and the United Kingdom were chosen as promising examples. It should be noted that in each of the selected states, a whole set of policy documents was adopted that consolidate the goals and objectives of AI development, as well as identify the main threats to the further integration of this technology into different economic realms, including energy. Besides, there are material differences in legislative approaches. The combination of the experience studied makes it possible to improve national laws on AI and robotics integration in the Russian FEC. It seems necessary to perform unification at the level of the federal law regulating the general provisions on AI. Besides, it is required to update special energy industry laws, including through the adoption of new energy security regulations at the substatutory level.

Keywords: energy law, fuel and energy complex, energy AI technology, energy security, robotics.

For citation: Kologermanskaya E.M. Legal Regulation of Artificial Intelligence and Robotics in the Energy Industry in the Russian Federation: Challenges and Opportunities. *Energy Law Forum*, 2024, iss. 2, pp. 29–38. DOI: 10.61525/S231243500031369-3

ВВЕДЕНИЕ

Энергетика — одна из лидирующих отраслей экономики, где активно внедряются новейшие технологии. Ее инновационность обосновывается не только комплексным характером ТЭК, консолидацией различных отраслей промышленности, но и стремительным развитием научно-технологического процесса. Дополнительно на развитие энергетической сферы оказывают влияние актуальные тенденции, например внедрение идей водородной и низкоуглеродной энергетики, развитие “зеленых” подходов, переход на возобновляемые источники энергии и пр.

Так, среди многочисленных процессов Четвертой промышленной революции на повестке дня стоит цифровизация и один из ее важнейших продуктов — искусственный интеллект (далее — ИИ)

как популярный и перспективный комплекс технологических решений, применяемых в различных сферах жизни и деятельности государства и общества.

В центре внимания научного и практического сообщества сейчас находится возможность внедрение технологий ИИ в топливно-энергетический комплекс. Для Российской Федерации это направление также является приоритетным и инвестиционно выгодным, что подтверждают статистические исследования [1]:

1) по количеству генеративных моделей ИИ РФ занимает 4-е место в мире, а по совокупной мощности суперкомпьютеров Россия входит в топ-10 государств;

2) по итогам 2022 г. объем российского рынка ИИ превысил 650 млрд руб.;

3) по состоянию на 2021 г. наиболее часто методы машинного обучения применяются в электроэнергетике на уровне 11%.

В качестве основного риска полноценного внедрения технологий ИИ в ТЭК, а также создания инвестиционно выгодных условий для их дальнейшего развития отмечают несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей общие и отраслевые аспекты.

На сегодняшний день существует большое количество примеров использования ИИ крупными энергетическими компаниями. Например, Группа компаний «Россети» применяет подходы внедрения ИИ для обеспечения контроля над正确ностью функционирования цифровых систем защиты и автоматики в электрических сетях [2]. Кроме того, роботы-консультанты, основанные на ИИ, осуществляют обслуживание клиентов в Едином расчетно-информационном центре Группы компаний «Русгидро» [3].

Таким образом, учитывая скорость внедрения новых технологий, происходит «отставание» права, возникают области, законодательно не урегулированные, а принцип своевременности правотворчества не реализуется. Существует риск того, что нормативно-правовая база окажется недостаточно гибкой или иным образом непригодной для реализации всех преимуществ новых технологий [4].

Безусловно, технологии ИИ выступают достаточно перспективным методом для решения задач дистанционного управления, повышения энергоэффективности, мониторинга и контроля за состоянием энергетических ресурсов и энергетических объектов, а также оптимизации распределения ресурсов возобновляемой энергии.

Несмотря на значительные преимущества применения ИИ в энергетическом секторе, нельзя не учитывать и значительные риски в обеспечении принципов безопасности, стабильности энергоснабжения и обеспечении баланса частных и публичных интересов.

Как справедливо отмечает В.В. Романова, для решения стратегических задач развития энергетической отрасли необходимо разработать правовую базу, на основании которой будет осуществляться использование цифровых технологий при учете добытых, произведенных, поставленных, переданных, транспортируемых, хранящихся энергетических ресурсов, функционирование энергетических систем и объектов, деятельность и взаимодействие участников энергетических рынков в договорном регулировании и при рассмотрении споров. Кроме того, подчеркивается, что целесообразно проведение

фундаментальных исследований проблем правового регулирования использования цифровых технологий для разработки научных положений, на основе которых может осуществляться формирование и функционирование системы правового регулирования применения цифровых технологий в сфере энергетики [5].

При этом следует отметить, что в сфере применения технологий ИИ в топливно-энергетическом комплексе Российской Федерации можно выделить следующие направления [6]:

1) промышленная робототехника, в том числе применение автономных комплексов, включая функционирование энергетических объектов, где доступ человека ограничен или отсутствует;

2) работа с большими данными — самый всеобъемлющий аспект (от мониторинга данных до ускорения процесса принятия правильных решений и реализация автоматизированного контроля);

3) информационная безопасность, включая обеспечение государственной, коммерческой тайны и иных видов информации.

Указанные направления справедливо являются самостоятельным предметом научных исследований российских и зарубежных ученых и практиков [7]. В связи с этим данное исследование посвящено преимущественно первому направлению.

Из этого следует, что в указанной статье анализируется современное состояние правового регулирования технологий ИИ и робототехники в энергетической сфере Российской Федерации, а также приведены некоторые примеры зарубежного правового опыта по рассматриваемой теме.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И РОБОТОТЕХНИКИ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На сегодняшний день уровень правового регулирования указанных общественных отношений находится на стадии формирования. Анализируя рассматриваемую тему, следует обратить внимание на ряд документов стратегического планирования.

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [8] — основной акт для государственно-правового регулирования рассматриваемой области.

Согласно подп. “а” п. 5 под ИИ понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Приведенная дефиниция является базовой и легитимной, используется в иных нормативно-правовых актах, регулирующих изучаемые общественные отношения.

В соответствии с подп. “е” п. 51 (7) топливно-энергетический комплекс выступает одной из отраслей экономики и социальной сферы, где осуществляется направление стимулирования технологий ИИ путем создания пилотных зон для апробации и демонстрации разработок в области ИИ.

В то же время одной из задач развития ИИ в Российской Федерации является “создание комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, обеспечение безопасности применения таких технологий” (подп. “ж” п. 24).

2. Доктрина энергетической безопасности [9] — документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ, в котором отражены официальные взгляды на обеспечение энергетической безопасности.

Так, среди трансграничных вызовов энергетической безопасности в Доктрине указывается “развитие и распространение прорывных технологий, в том числе цифровых и интеллектуальных”.

Отмечается необходимость сбалансированного развития локальных и интегрируемых в Единую энергетическую систему России распределенных источников энергоснабжения, формирования с их участием локальных интеллектуальных энергетических систем.

Такое развитие возможно лишь посредством создания четкой нормативно-правовой базы, где закрепляются основные требования к техническим и функциональным характеристикам технологии ИИ.

3. Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации” [10], среди основных

задач которой выделяется преобразование приоритетных отраслей экономики и социальной сферы, включая здравоохранение, образование, промышленность, сельское хозяйство, строительство, городское хозяйство, транспортную и энергетическую инфраструктуру, финансовые услуги, посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений.

Применительно к внедрению технологий ИИ и робототехники программой определяется следующее:

— необходимость разработки стандартов информационной безопасности по отношению к системам, реализующим технологию ИИ (п. 1.26);

— анализ угроз информационной безопасности в системах, применяющих технологию ИИ по уже существующим стандартам, разработка пилотных проектов ИИ (п. 1.29).

4. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. [11], целями которой являются:

— определение основных подходов к трансформации системы нормативного регулирования для обеспечения возможности создания и применения таких технологий в различных сферах экономики с соблюдением прав граждан и обеспечением безопасности личности, общества и государства;

— создание предпосылок для формирования основ правового регулирования новых общественных отношений, складывающихся в связи с разработкой и применением технологий ИИ и робототехники и систем на их основе, а также определение правовых барьеров, препятствующих разработке и применению указанных систем.

Как отмечается в Концепции, в настоящее время в Российской Федерации отсутствует специальное законодательное регулирование, учитывающее специфику применения технологий ИИ и робототехники.

Считается, что применение экспериментальных правовых режимов будет востребовано, в том числе для системы ИИ и робототехники топливно-энергетического комплекса. Таким образом, энергетика относится к сфере, где может быть использован механизм упрощенного внедрения продуктов с использованием рассматриваемых технологий. Дополнительно технологии ИИ и робототехники помогают значительно повысить эффективность предприятий в машиностроении, металлургии, горной добыче, нефтегазовом секторе, химической промышленности и других отраслях.

Кроме того, Концепцией устанавливаются иные общеотраслевые задачи регулирования применения технологий ИИ и робототехники, в том числе связанные с энергетической отраслью. Например, юридическая ответственность в случае применения систем ИИ и робототехники, развитие страховых институтов, обеспечение безопасности и пр.

5. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 г. [12], устанавливающая ориентиры и задачи для содействия социально-экономическому развитию страны, а также укрепления и сохранения позиций Российской Федерации в мировой энергетике.

Цифровая трансформация и интеллектуализация отраслей ТЭК является одной из составляющих модернизационного рывка к более эффективной, гибкой и устойчивой энергетике, способной адекватно ответить на вызовы и угрозы в своей сфере и преодолеть имеющиеся проблемы. В результате их реализации новое качество приобретут все процессы в сфере энергетики, новые права и возможности получают потребители продукции и услуг отраслей топливно-энергетического комплекса.

Стратегией подтверждается, что в отраслях топливно-энергетического комплекса быстрыми темпами разрабатываются и внедряются цифровые технологии, в состав которых включают интернет вещей, 3D-моделирование, моделирование и прогнозирование на основе анализа “больших данных” (Big Data), нейросети, облачные и туманные вычисления, виртуальную и дополненную реальность, машинное обучение, компьютерную имитацию на основе цифровых двойников, интеллектуальные датчики, роботизацию производства, аддитивные технологии.

При этом среди прочих мер развития энергетической отрасли определяются такие, как:

- внедрение “сквозных” цифровых технологий (раздел “Научно-техническая и инновационная деятельность”);
- внедрение автоматизированных и роботизированных технологий добычи (производства) энергетических ресурсов (раздел 3);
- внедрение роботизированных комплексов, исключающих присутствие персонала в потенциально опасных зонах (раздел 4).

Рассмотренные выше документы стратегического планирования прогнозируют угрозы и риски при внедрении технологий ИИ и робототехники в ТЭК РФ, а также указывают на несовершенство нормативно-правовой базы не только для своевременного использования высокотехнологичных

продуктов в энергетической отрасли, но и для обеспечения энергетической безопасности, баланса интересов всех заинтересованных участников таких общественных отношений.

Применительно к нормам специального законодательства, регулирующего общие аспекты функционирования топливно-энергетического комплекса Российской Федерации, следует отметить, что базовые нормативные акты не содержат четких требований к обеспечению энергетической безопасности при внедрении рассматриваемых систем. В частности, Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ “О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса” [13], являющийся основой обеспечения безопасности на энергетических объектах, на сегодняшний день не содержит специальных правил об ограничении или частичном использовании технологий ИИ и робототехники, не установлены также субъектный состав и положения, определяющие юридическую ответственность в случае причинения вреда объектами-роботами.

Отраслевые нормативно-правовые акты (например, федеральные законы от 21.11.1995 № 170-ФЗ “Об использовании атомной энергии”, от 31.03.1999 № 69-ФЗ “О газоснабжении в Российской Федерации” и пр.) также не устанавливают подобные правила. Хотя, как уже отмечалось ранее, некоторые аспекты цифровизации и внедрения технологий ИИ были предметами научных изысканий.

Исключением является Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ “Об электроэнергетике” [14], где устанавливаются основные требования к интеллектуальной системе учета электрической энергии (мощности), а постановлением Правительства РФ от 19.06.2020 № 890 [15] они конкретизируются.

Таким образом, несмотря на динамичное внедрение технологий ИИ и робототехники в энергетический сектор экономики РФ, большинство аспектов данной области находится за пределами правового поля.

При наличии стратегических документов, достаточно четко определяющих угрозы со стороны высоких технологий (в том числе и в энергетическом секторе), в российском законодательстве отсутствует универсальная этическая основа использования ИИ. Кроме того, законодателем не берется во внимание важность активного и последовательного правового обеспечения ИИ с учетом предварительного исследования всех предполагаемых на современном этапе рисков, а также специфики использования ИИ в ТЭК государства.

ПРИМЕРЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И РОБОТЕХНИКИ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Европейский союз. Развитие цифровых и высокотехнологичных продуктов в законодательстве Европейского союза (далее — ЕС) осуществляется на основе программного документа “Формирование цифровой трансформации” [16]. Согласно стратегии цифровая трансформация — это интеграция цифровых технологий компаниями и влияние этих технологий на общество; цифровые платформы, облачные вычисления и ИИ входят в число технологий, влияющих на все отрасли экономики — от транспорта до энергетики, агропромышленного комплекса, телекоммуникаций, финансовых услуг, промышленного производства и здравоохранения.

Аналогично подходу российских законодателей в анализируемом акте определены возможные угрозы и риски, вызванные внедрением технологий ИИ и робототехники: недостаточное и чрезмерное использование ИИ; определение ответственности за ущерб, причиненный продуктом; обеспечение информационной безопасности и пр.

В связи с этим, учитывая потенциальные системные риски, ЕС вводит эффективные правила и систему надзора в целях обеспечения справедливого, этичного и безопасного перехода в новую цифровую эпоху.

В апреле 2021 г. Европейская комиссия предложила первый нормативный документ для ИИ, где отмечается, что технологии ИИ, которые можно использовать в различных приложениях, анализируются и классифицируются в соответствии с риском, который они представляют для пользователей [17].

В результате продолжительного обсуждения в 2023 г. был принят Закон об искусственном интеллекте [18], устанавливающий обязательства для разработчиков и пользователей в зависимости от уровня риска со стороны ИИ.

1. Неприемлемый риск: когнитивно-поведенческое манипулирование людьми или конкретными уязвимыми группами, биометрическая идентификация и категоризация людей и пр.

2. Высокий риск, где находятся технологии ИИ, которые негативно влияют на тот или иной вид безопасности.

Во-первых, технологии ИИ, которые используются в продуктах, подпадающих под действие законодательства ЕС о безопасности продукции (например, авиация, автомобили, лифты и пр.).

Во-вторых, технологии ИИ, относящиеся к конкретным областям жизни и деятельности: управление и эксплуатация критической инфраструктуры (сюда входят энергетические объекты), деятельность государственных органов и пр. Такие высокотехнологичные системы должны быть зарегистрированы в специальной базе данных ЕС.

Конкретное упоминание об ИИ в энергетике и секторе коммунальных услуг встречается в разделе “Управление и эксплуатация критической инфраструктуры”, в котором подробно закрепляется: “Системы искусственного интеллекта, предназначенные для использования в качестве компонентов безопасности в управлении и эксплуатации дорожного движения и снабжение водой, газом, отоплением и электричеством” [19].

3. Универсальный риск. Высокоэффективные модели ИИ общего назначения, которые могут представлять системный риск, такие как более совершенная модель ИИ GPT-4, должны будут пройти тщательную оценку, а о любых серьезных инцидентах необходимо будет сообщать в Европейскую комиссию.

4. Ограниченный риск. Системы ИИ с ограниченным риском должны соответствовать минимальным требованиям прозрачности, которые позволят пользователям принимать обоснованные решения. После взаимодействия с приложениями пользователь может решить, хочет ли он продолжать его использовать.

Данная классификация риска зависит от функции, выполняемой системой ИИ, а также от конкретной цели и условий использования системы. Вместе с тем Закон устанавливает методологию, которая помогает выявлять системы ИИ с высоким уровнем риска в рамках правовой базы.

Таким образом, прежде чем разместить систему ИИ на рынке ЕС или иным образом ввести ее в эксплуатацию, поставщики должны подвергнуть ее оценке соответствия.

Кроме того, Закон учитывает системные риски, которые могут возникнуть в результате использования моделей ИИ общего назначения, включая крупные генеративные модели ИИ.

Нормативно-правовой акт также устанавливает штрафные санкции за несоблюдение правил в размере от 35 млн евро, или 7% мирового оборота

до 7,5 млн, или 1,5% оборота в зависимости от нарушения и размера компании.

Тем самым данные правила будут имплементированы в национальное законодательство всех государств — членов ЕС, а также являться частью специального регулирования, в том числе и энергетического.

В дальнейшем ожидается принятие правил по решению вопросов ответственности в рамках применения высокотехнологичных продуктов (включая ИИ), а также пересмотр отраслевого законодательства по безопасности разного вида.

Великобритания. В сентябре 2021 г. правительство Великобритании опубликовало Национальную стратегию в области искусственного интеллекта [20], в которой закреплены основные цели государства в рассматриваемой области, в том числе всесторонняя поддержка перехода к цифровой экономике, гарантируя, что ИИ принесет пользу всем секторам и регионам.

Надзор за реализацией программного документа возложен на специально созданное Управление искусственного интеллекта, являющееся подразделением Министерства науки, инноваций и технологий (DSIT).

В настоящее время в Великобритании к ИИ применяется ряд нормативных актов, в предмет регулирования которых входят защита данных, защита потребителей, безопасность продукции, а также регулирование финансовых услуг и медицинского оборудования, однако не существует всеобъемлющей структуры, регулирующей их использование. То есть государственно-правовое регулирование технологий ИИ и робототехники осуществляется с помощью уже существующих законодательных норм общего и отраслевого регулирования.

Различные регулирующие органы (например, в области энергетики) могут применять индивидуальный подход к использованию ИИ в различных условиях. При этом регуляторный подход опирается на ряд всеобъемлющих (межотраслевых) принципов, таких как безопасность, защищенность и надежность, соответствующая прозрачность и объяснимость, справедливость, подотчетность и управление, а также состязательность и возмещение ущерба.

Таким образом, государственные органы Великобритании осуществляют развитие существующих режимов, одновременно вмешиваясь пропорциональным образом для устранения нормативной неопределенности и пробелов. Это способствует созданию нормативно-правовой базы, ориентированной на инновации, которая будет адаптируемой

и ориентированной на будущее, поддерживаемой инструментами для надежного ИИ, включая методы обеспечения качества и технических стандартов. Представленный подход обеспечивает большую ясность и стимулирует сотрудничество между правительством, регулирующими органами и промышленностью для внедрения инноваций.

Отдельные регулирующие органы опубликуют свои годовые стратегические планы в области ИИ к 30 апреля текущего года [21].

С одной стороны, такой подход позволяет охватить более широкий круг общественных отношений и отраслей экономики, где в устоявшийся оборот будут внедряться высокотехнологичные продукты. Однако, с другой стороны, представители отраслей отмечают, что противоречивые или несоординированные требования со стороны регулирующих органов создают дополнительные бюрократические проблемы, вместе с тем пробелы в регулировании могут оставить риски незатронутыми, нанося ущерб общественному доверию и замедляя внедрение ИИ [22].

Дополнительно в ближайшее время ожидается разработка “межэкономического реестра рисков ИИ” с целью создания “единого источника достоверной информации о рисках ИИ, который могут использовать регулирующие органы, правительственные ведомства и внешние группы” [23].

Кроме того, ведущие компании в области ИИ, разрабатывающие высокоэффективные системы ИИ, взяли на себя обязательство принять добровольные меры безопасности и прозрачности в преддверии первого глобального саммита по безопасности ИИ, организованного правительством Великобритании в ноябре прошлого года [24].

Таким образом, Великобритания предлагает самостоятельный вариант регулирования технологий ИИ и робототехники. В рамках данного подхода Министерство энергетической безопасности и углеродной нейтральности (Ministry for Energy Security and Net Zero) в установленные сроки адаптирует энергетические юридические правила и нормативы к технологиям, основанным на ИИ и робототехнике. Используя межотраслевые принципы, регулирующий орган должен постепенно актуализировать законодательную базу касательно требований внедрения таких технологий в топливно-энергетический комплекс Великобритании.

Данный инновационный подход к регулированию ИИ использует основанную на принципах структуру, позволяющую регулирующим органам интерпретировать и применять ИИ в пределах своих полномочий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современный период времени ИИ развивается быстрыми темпами: от моделей генеративного языка, таких как ChatGPT, до достижений в технологии медицинского скрининга и оптимизации распределения энергетических ресурсов. Такое стремительное распространение технологий ИИ и робототехники может привести к фундаментальным изменениям практически во всех сферах жизни и деятельности государства.

Одновременно такие изменения не лишены риска, распространение технологической революции и ее продуктов стало причиной возникновения проблем этики и безопасности.

В связи с тем, что алгоритмы высоких технологий в большинстве случаев непрозрачны, это может создать неопределенность и затруднить эффективное соблюдение существующего законодательства о безопасности и обеспечение баланса интересов всех заинтересованных лиц. Следовательно, необходимы законодательные меры для обеспечения качественно функционирующего внутреннего рынка систем ИИ, на котором должным образом учитываются как преимущества, так и риски.

Энергетическая отрасль экономики также подвержена внедрению технологий ИИ и робототехники. ИИ может использоваться в ТЭК для различных целей, включая прогнозирование потребления энергии, оптимизацию распределения ресурсов и интеграцию возобновляемых источников энергии.

Вместе с тем необходимо учитывать особые характеристики энергетики как комплексной отрасли экономики, значительно влияющей не только на другие сферы промышленности, но и на национальную безопасность и социально-экономическое развитие государства.

Общественные отношения, возникающие в области функционирования ТЭК, обеспечивают жизнедеятельность как физических, так и юридических лиц. Именно поэтому сфера энергетики должна быть четко урегулирована законодательными актами различного уровня и содержания, определяющими правила поведения и учитывающими все возможные риски при проведении ее актуализации.

Согласно мнению В.В. Романовой, эффективность энергетического правопорядка во многом зависит от эффективности системы правового регулирования общественных отношений в ключевой отрасли экономики, элементов системы правового регулирования в их взаимосвязи [25].

Изучив современное состояние правового регулирования технологий ИИ и робототехники в сфере энергетики в Российской Федерации и зарубежных государствах (на примере Европейского союза и Великобритании), следует отметить, что в каждой юрисдикции был принят целый комплекс программных документов, закрепляющих цели и задачи развития ИИ, а также определяющих основные угрозы дальнейшего внедрения данных технологий в различные сферы экономики, а том числе энергетическую.

В то же время имеют место и существенные различия в юридических подходах. Начнем с того, что ЕС первым принял нормативно-правовой акт, устанавливающий требования к ИИ в целом. Такое регулирование основано на обеспечении того, чтобы системы, используемые на рынке ЕС, были безопасными и соответствовали действующему законодательству, а также обеспечивалась правовая определенность для облегчения инвестиций и инноваций, в том числе и в ТЭК государств — членов ЕС.

Великобритания, в свою очередь, представила самостоятельный вариант законодательного обеспечения технологий ИИ и робототехники, основанный как на отраслевой специфике использования данных продуктов цифровизации (регуляторный подход), так и на межотраслевых принципах безопасности и стабильности. Таким образом, каждый государственный орган может разработать ведомственный правовой акт, устанавливающий нормативы для внедрения ИИ в определенную отрасль экономики, например энергетическую.

Совокупность изученных подходов позволяет совершенствовать национальное законодательство в сфере внедрения технологий ИИ и робототехники в ТЭК РФ.

Представляется необходимым проведение унификации на уровне федерального закона, предметом регулирования которого будут общественные отношения, возникающие в сфере ИИ, определены уровни развития технологий ИИ в зависимости от их степени риска, допустимость применения тех или иных высокотехнологичных продуктов, а также введены нормы, регулирующие юридическую ответственность в случае причинения вреда данными технологиями и робототехникой.

Кроме того, необходимо актуализировать положения Федерального закона от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», расширив требования безопасности объектов топливно-энергетического комплекса при внедрении технологий ИИ

и робототехники, включая требования к персоналу, обеспечивающему безопасность, ответственность за нарушения законодательства РФ при использовании ИИ и пр.

Дополнительно на уровне подзаконного регулирования требуется разработка правовой базы (единой и отраслевой) по сертификации технологий ИИ и робототехники в сфере критической инфраструктуры в различных отраслях ТЭК (атомной, газовой, нефтяной и других видах энергетики).

Сфера применения технологий ИИ в настоящее время находится за пределами государственного контроля (надзора). Данный пробел может быть восполнен путем расширения компетенции Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Искусственный интеллект (рынок России) // TADVISER. Государство, бизнес, технологии. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_(рынок_России)) (дата обращения: 08.03.2024).
2. Искусственный интеллект будет контролировать правильность работы цифровых систем защиты и автоматизации в электрических сетях // Центр компетенций НТИ на базе МЭИ. URL: <http://nti.mpei.ru/ai-mpei-gosseti/> (дата обращения: 08.03.2024).
3. Лучшие практики — на Дальнем Востоке // Вестник РУСГИДРО. URL: <https://www.vestnikrushydro.ru/articles/2-fevral-2018/news/luchshie-praktiki-nadalnem-vostoke-2-2018/> (дата обращения: 08.03.2024).
4. Technology and the Energy Sector Four trends to watch and four challenges. URL: <https://www.cliffordchance.com/insights/resources/blogs/talking-tech/en/articles/2021/06/tech-in-the-energy-sector.html> (date of access: 08.03.2024).
5. Романова В.В. Проблемы, стратегические цели и задачи правового обеспечения энергетической безопасности // Проблемы и задачи правового обеспечения энергетической безопасности и защиты прав участников энергетических рынков: монография / под ред. В.В. Романовой. Москва: Юрист, 2019. 264 с.
6. Конев С.И., Кунина И.Л. Правовое регулирование применения технологий искусственного интеллекта в топливно-энергетическом комплексе России // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11 (191). С. 94.
7. Вашечкина А.В. Правовые проблемы обеспечения информационной (кибер-) безопасности энергетического сектора в условиях цифровизации // Правовой энергетический форум. 2023. № 4. С. 90–97; Коропец Н.В. правовое обеспечение цифровизации на оптовом рынке электрической энергии и мощности // Правовой энергетический форум. 2020. № 4. С. 48–55; Гусяков В.Ю. Проблемы и задачи правового обеспечения цифровизации нефтяной отрасли // Правовой энергетический форум. 2021. № 3. С. 13–21; Лизикова М.С. Искусственный интеллект в атомной энергетике: применение и регулирование // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: коллективная монография: в 4 т. Т. 3. М., 2020. С. 131–139; Neri A. Artificial Intelligence and the energy markets. Watson Farley & Williams. URL: <https://www.wfw.com/articles/artificial-intelligence-and-the-energy-markets/>
8. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 08.03.2024).
9. Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 “Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681/ (дата обращения: 08.03.2024).
10. Протокол президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. № 16. URL: <https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn-plai/projects/tsifrovaya-ekonomika> (дата обращения: 08.03.2024).
11. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р “Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года” // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.08.2020).
12. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р “Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года” // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.06.2020).
13. Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ “О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса” // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (Ч. 1). Ст. 4604.
14. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ “Об электроэнергетике” // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.
15. Постановление Правительства РФ от 19.06.2020 № 890 “О порядке предоставления доступа к минимальному набору функций интеллектуальных систем учета электрической энергии (мощности)” // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.06.2020).

16. Shaping the digital transformation. URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20210414STO02010/shaping-the-digital-transformation-eu-strategy-explained>
17. EU AI Act: first regulation on artificial intelligence. URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20230601STO93804/eu-ai-act-first-regulation-on-artificial-intelligence> (date of access: 08.03.2024).
18. Artificial Intelligence Act. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20231206IPR15699/artificial-intelligence-act-deal-on-comprehensive-rules-for-trustworthy-ai> (date of access: 08.03.2024).
19. Jones J.S. AI in Europe's energy sector in line for regulation. URL: <https://www.smart-energy.com/regional-news/europe-uk/ai-in-europes-energy-sector-in-line-for-regulation/#:~:text=AI%20objectives, to%20facilitate%20investment%20and%20innovation> (date of access: 08.03.2024).
20. National AI Strategy. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1020402/National_AI_Strategy_-_PDF_version.pdf (date of access: 08.03.2024).
21. Gallo V., Nair S. The UK's framework for AI regulation. URL: <https://www2.deloitte.com/uk/en/blog/emea-centre-for-regulatory-strategy/2024/the-uks-framework-for-ai-regulation.html>
22. A pro-innovation approach to AI regulation. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ai-regulation-a-pro-innovation-approach/white-paper#part-2-the-current-regulatory-environment> (date of access: 08.03.2024).
23. Ferguson M., Cameron S. AI laws inevitable but not right for today, says UK government. URL: <https://www.pinsentmasons.com/out-law/news/ai-laws-inevitable-says-uk#:~:text=The%20government's%20immediate%20approach%20to, and%20robustness%3B%20appropriate%20transparency%20and> (date of access: 08.03.2024).
24. AI Safety Summit. URL: <https://www.aisafetysummit.gov.uk/policy-updates/> (date of access: 08.03.2024).
25. Романова В.В. Энергетический правопорядок: современное состояние и задачи. М.: Юрист, 2016. 255 с.

Сведения об авторе:

Кологерманская Екатерина Михайловна
Кандидат юридических наук,
юрисконсульт ООО «ПромХим»

Authors' information:

Ekaterina M. Kologermanskaya
PhD (Law),
Legal Counsel at PromHim, LLC

Поступила в редакцию / Received 27.03.2024
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.05.2024
Принята к публикации / Accepted 10.06.2024

DOI: 10.61525/S231243500031370-5

Оригинальная статья / Original Article

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КОРПОРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ

Кротова М.К.

Ведущий юрист,
Практика корпоративного мониторинга и комплаенса
ООО “Газпромнефть Экспертные решения”
E-mail: Krotovarita@gmail.com

Аннотация. Популярными сегодня приложениями искусственного интеллекта (далее — ИИ) являются лишь демонстрацией всего потенциала ИИ в деловом мире. Искусственный интеллект находится на грани того, чтобы взять на себя общую роль в управлении компаниями, поскольку он неуклонно становится инструментом поддержки административной работы и принятия решений директорами и менеджерами. Если назначение роботизированного директора все еще кажется научной фантастикой, то широкое использование ИИ в корпоративном управлении доказало, что оно рационализирует процесс принятия решений. В целом корпоративное законодательство по всему миру по-прежнему основывается исключительно на принятии решений человеком и отрицает роль технологий в корпоративном управлении, что приводит к неэффективным стратегиям регулирования в отношении систем ИИ, наделенных управленческими полномочиями. В результате существует неопределенность в отношении юридической допустимости и правовых последствий внедрения ИИ в корпоративной сфере, что может отбить у корпораций желание внедрять ИИ, даже несмотря на то, что технология, несомненно, оптимизирует процесс ведения бизнеса. Таким образом, в данной статье предпринята попытка подчеркнуть растущую важность ИИ в корпоративном управлении на примере разработки нормативно-правовой базы и общих положений о правовом положении ИИ. В статье проводится правовой анализ потенциальной роли ИИ в юридической работе корпоративного юриста, уделяя внимание потенциальным рискам и способам их минимизации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, корпоративное управление, ответственность, правосубъектность, конфиденциальность.

Для цитирования: Кротова М.К. Искусственный интеллект в корпоративном управлении // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 39–45. DOI: 10.61525/S231243500031370-5

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CORPORATE GOVERNANCE

Krotova M.K.

Leading Lawyer,
Corporate Monitoring and Compliance Practice
Gazpromneft Expert Solutions, LLC
E-mail: Krotovarita@gmail.com

Abstract. The prevalent artificial intelligence (AI) applications of today merely exemplify the full potential of artificial intelligence in the business realm. Artificial intelligence is poised to assume a general role in the management of companies, as it is increasingly being used as a tool to support the administrative work and decision-making of directors and managers. While the appointment of a robotic director may still seem like

science fiction, the widespread use of artificial intelligence in corporate governance has proven to streamline the decision-making process. In general, corporate laws around the world are still based solely on human decision-making and deny the role of technology in corporate governance. This results in ineffective regulation strategies for artificial intelligence systems with managerial authority. As a result, there is uncertainty about the legal permissibility and legal implications of implementing artificial intelligence in the corporate sphere, which may discourage corporations from adopting artificial intelligence, even though the technology is likely to optimize the business process. This article aims to highlight the growing importance of artificial intelligence in corporate governance, with a focus on the development of a legal framework and general provisions on the legal position of artificial intelligence. The article offers a legal analysis of the potential role of artificial intelligence in the corporate lawyer's legal work, focusing on potential risks and ways to minimize them.

Keywords: artificial intelligence, corporate governance, liability, legal capacity, confidentiality.

For citation: Krotova M.K. Artificial Intelligence in Corporate Governance. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 39–45. DOI: 10.61525/S231243500031370-5

Современность диктует новые условия, и все сферы жизни теперь неразрывно связаны с использованием новейших цифровых систем и систем искусственного интеллекта (далее — ИИ). Повсеместное внедрение систем ИИ можно наблюдать в таких сферах, как ритейл, промышленность, спорт, юриспруденция, здравоохранение и многие другие. Говоря про область юриспруденции, стоит обратить внимание на корпоративное право, это важная отрасль для стабильного функционирования сферы ТЭК. В целом корпоративное управление — основа деятельности компаний, и именно эта сфера может рассматриваться как одно из перспективных направлений для развития и внедрения систем ИИ. Основными задачами при внедрении указанных технологий являются упрощение систем корпоративного управления и максимизация пользы при наименьших затратах. Однако важно, чтобы разработка и дальнейшее применение были контролируемы, так как создание “машины”, которая способна самообучаться, может привести к непредсказуемым результатам в будущем. Именно поэтому в мировом сообществе ведутся дискуссии на тему ИИ, споры возникают как в этической, так и в технологической сферах. Для области юриспруденции является важным установление баланса и закрепление на законодательном уровне важнейших принципов разработки и использования систем ИИ. Основной задачей в новой реальности новейших информационных технологий является обеспечение стабильности и безопасности.

О значимости ИИ и приоритетности его развития свидетельствует принятие правовых актов на федеральном уровне. Так, Правительством РФ в 2020 г. отдельно был разработан и принят федеральный проект “Искусственный интеллект”. Теперь все мероприятия по развитию, а также правовое регулирование должны осуществляться при учете общего проекта по нормативному

регулированию цифровой среды [1]. Основным вектор развития был задан при издании первого нормативного акта, посвященного ИИ, — Указа Президента Российской Федерации “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации”, которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта [2], устанавливающая основополагающие принципы для дальнейших разработок и использования систем ИИ.

Развитие ИИ затрагивает в том числе следующие направления:

- 1) защита прав и свобод человека: недопустимость нарушения, защита установленных законодательством прав и предоставление возможности для обучения и адаптации для жизни в изменяющихся условиях;
- 2) обеспечение безопасности: запрет использования ИИ для причинения умышленного вреда, а также необходимость предотвращения негативных последствий от использования указанных технологий;
- 3) прозрачность: недопустимость дискриминации при доступе к создаваемым продуктам, а также объяснение процесса работы ИИ;
- 4) технологический суверенитет: преимущественное использование отечественных технологий и обеспечение самостоятельности страны в этой области;
- 5) целостность инновационного цикла: обеспечение взаимодействия сфер науки с реальной экономикой;
- 6) разумная бережливость: преимущественная адаптация уже имеющихся конструкций;
- 7) поддержка конкуренции: запрет на действия, ограничивающие конкуренцию между российскими структурами, которые работают в области ИИ.

Развитие законодательной базы по регулированию применения систем ИИ — одна из важнейших задач современного регулятора, так как только это сможет предотвратить возможные проблемы, связанные с использованием современных цифровых технологий. Однако важно соблюдать баланс между частными и публичными интересами, так как закрепление жестких и избыточных правил может иметь негативное воздействие на развитие ИИ в стране: затруднить доступ к новым технологиям в этой сфере, замедлить рост ИИ в России, способствовать снижению числа специалистов. Кадровый вопрос в области IT-технологий стоит остро, ценные исследователи и организации, работающие с ИИ, могут предпочесть переехать в другие страны, где будут свободны в своих исследованиях и разработках.

Альтернативой ограничению ИИ могут быть усилия законодательных органов России по созданию механизмов, обеспечивающих безопасное использование технологий и защиту потребителей. Представляется, что оптимальными вариантами являются: создание отдельного органа, который будет контролировать применение ИИ, или разработка стандартов и правил, способствующих безопасности и этике использования этой технологии.

Начало было положено посредством разработки целого свода рекомендаций — Кодекса этики в области искусственного интеллекта. Российский бизнес в сотрудничестве с правительством создал и одобрил вышеназванный кодекс. В числе компаний, присоединившихся к этому кодексу, — «Яндекс», VK (бывшая Mail.ru Group), «Сбер», МТС, «Ростелеком», InfoWatch и «Циан». В создании документа также участвовали Аналитический центр при Правительстве РФ и Министерство экономического развития РФ. Это всеобъемлющий набор рекомендаций и правил, разработанных с целью содействия развитию надежных технологий в России. Этот кодекс предназначен для всех, кто участвует в создании, внедрении или использовании технологий ИИ, включая государственные органы, научные круги и бизнес.

Кодекс является практическим руководством для этического принятия решений и минимизации рисков в контексте создания и использования ИИ, которое может нарушать права и интересы людей. Кодекс также акцентирует внимание на том, что обязанность отвечать за результаты использования ИИ всегда лежит на человеке, а не на машине.

С целью выполнения требований кодекса будет сформирован комитет из представителей бизнеса, научного сообщества и государственных органов. В организациях, поддержавших документ, будут

введены должности специалистов по этике ИИ, задача которых — контролировать соблюдение компанией положений кодекса. Самые дискуссионные вопросы будут обсуждаться внутренним комитетом, созданным в компаниях.

Важно отметить, что для выстраивания дальнейшего регулирования встает вопрос о правосубъектности ИИ. Как уже упоминалось ранее, на сегодняшний день ИИ является объектом права, т.е. вещью, к которой применяются соответствующие положения норм права. Однако чем дальше идет развитие технологий, тем быстрее может встать вопрос о наделении ИИ статусом субъекта права. Предлагаются различные варианты, такие как: электронные лица или агенты, способные представлять интересы как физических, так и юридических лиц. Сторонники другой точки зрения настаивают на невозможности наделения его статусом субъекта и предлагают выделить особый вид имущества для учета всех нюансов такой категории, как ИИ [3].

По мнению ряда правоведов, уже можно сформулировать базовые принципы, на которых должно строиться законодательство: приоритет прав человека, гарантия прозрачности информации о разработках и внедрении новых технологий, запрет дискриминации в допуске к ИИ, а также право человека на выбор по взаимодействию с системами ИИ или же на выбор об отказе от такого взаимодействия вообще.

Вышеназванные принципы являются основополагающими, поэтому что нам не обойтись без закрепления в Конституции вопросов защиты прав человека в связи с внедрением новых технологий, так как процесс интеграции ИИ в жизнь общества неизбежен, а значит, нужно сделать этот процесс максимально безопасным и прозрачным. Проведя анализ позиций и изучив работы ученых-конституционалистов [4], можно выделить основные разделы вопросов, которые встают перед конституционным правом в связи с повсеместным внедрением ИИ.

Первый и главный блок вопросов посвящен защите прав человека. Представляется, что в законе должны быть прописаны основные гарантии по защите права человека на частную жизнь.

Второй блок вопросов посвящен запрету дискриминации. Согласно проведенным исследованиям, обученный ИИ может дискриминировать отдельные категории граждан, что только усугубит проблему, с которой борется весь мир. Таким образом, должны быть закреплены положения о контроле над системой ИИ на предмет дискриминации

и о предоставлении гарантий граждан на защиту от нее.

Третий раздел вопросов связан с прозрачностью работы систем ИИ. Для многих людей принципы работы систем ИИ остаются загадкой, а значит, такие технологии могут быть восприняты как угроза, прямая или потенциальная. Именно поэтому важно закрепить принцип открытости алгоритмов и прозрачности его работы. Отсюда будет вытекать ряд иных прав, которые также представляется целесообразным закрепить:

- право знать о причинах решения, которое вынесено системой;
- право знать о природе субъекта, с которым человек вступает в контакт;
- право на выбор субъекта, принимающего решение (принятое ИИ или при участии человека).

Четвертый блок вопросов раскрывает проблему правосубъектности ИИ. В зависимости от направления, выбранного тем или иным государством, будет также вставать вопрос о закреплении прав и обязанностей ИИ, если он все-таки будет признан субъектом права. Ученый из Гарвардского университета в 2019 г. выпустил статью, где рассуждает на тему закреплении права ИИ на самоуничтожение, что может подтолкнуть к идее о закреплении прав систем ИИ (в случае признания их субъектом) в главном законе страны [5].

Как уже было указано ранее, на сегодняшний день ИИ — это объект права, но уже сейчас вопросы о возможных его статусах активно обсуждаются. Например, Европарламентом в 2017 г. была принята Резолюция, которая предлагает присвоить системам ИИ статус электронного лица или личности [6]. Рассматривая вопрос признания ИИ субъектом права, стоит обратиться к критериям, которые выделяются в юридической науке для определения субъекта права: сознание, воля, эмоции, самостоятельность в принятии решений и руководстве своими действиями. Отдельным критерием также выделяют так называемую концепцию фикции юридического лица как средства управления рисками и ограничения имущественной ответственности [7]. При попытке проекции указанных критериев на системы ИИ можно с уверенностью сказать, что, например, робот не может иметь чувства и эмоции, а значит, не тождественен человеку как субъекту права изначально. Представляется, что нет препятствий для использования такого приема юридической техники, как фикция, аналогично той, что распространяется на юридические лица. Таким образом, если признать ИИ специальным электронным лицом, то можно будет по аналогии

применять правила, которые адаптированы под юридические лица.

Если же будет принято решение не признавать системы ИИ субъектом права, то возможен вариант признания его особым видом имущества. Например, особым видом имущества можно назвать животных, которые могут действовать автономно, но отвечать за их действия будет владелец. Также и здесь, но мы снова упираемся в ситуацию, где возможен упадок инвестиций, если всякая ответственность будет переложена на владельца [8].

Однако независимо от решения, принятого по вопросу признания ИИ субъектом или объектом права, нельзя не отметить колоссальную роль ИИ в упрощении и оптимизации юридической работы в целом. Становится возможно автоматизировать задачи и процессы, а это, в свою очередь, снизит затраты и повысит производительность. Чтобы полностью реализовать потенциал ИИ, штатные юристы должны начать с того, чтобы быть в курсе технологий и использовать новые способы работы.

Однако на практике мы сталкиваемся с проблемой, что в профессии с репутацией устойчивости к изменениям многие корпоративные юристы еще не знакомы с тем, что означает ИИ, не говоря уже о том, как он может укрепить их юридическую практику. Среди тех, кто знает о технологиях ИИ, есть скептицизм в отношении надежности, особенно когда речь идет о конфиденциальности и этических аспектах [9]. Несмотря на эти сомнения, многие корпоративные юристы признают, что ИИ может быть полезным инструментом для помощи юридическим отделам в сокращении затрат, разработке более надежных бизнес-стратегий, минимизации контрактных рисков и лучшем предоставлении юридических услуг.

Для крупных холдинговых компаний в сфере ТЭК становится неизбежным процесс внедрения новых технологий в управление, так как сейчас это и есть основной способ оптимизации затрат и концентрации на развитии. При внедрении ИИ с учетом основополагающих принципов безопасности, конфиденциальности и надежности системы могут стать стабильными участниками корпоративных отношений внутри компаний [10]. Так, например, при помощи систем ИИ могут быть существенно усовершенствованы следующие области.

1. Legal research. Чтобы найти подходящую информацию, юристы проводили бесчисленное количество часов, изучая учредительные документы, судебные прецеденты, нормативные акты и иные документы. Способность быстро анализировать огромное количество юридических данных,

находить релевантные кейсы и получать важную информацию теперь стала возможной благодаря исследовательским инструментам на базе ИИ. Делегируя задачи по поиску и исследованию, юристы могут сэкономить время и сосредоточиться на более глубоком анализе и стратегическом планировании.

2. *Due Diligence* и анализ контрактов. Трудоемкие задачи, требующие пристального внимания к деталям, включают в себя рассмотрение контрактов и проведение всесторонней проверки. Инструменты для анализа контрактов на базе ИИ теперь могут анализировать договоры, выявлять потенциальные проблемы и извлекать важные положения, требующие одобрения или дополнительной проверки. Это позволяет корпоративным юристам увеличивать свою эффективность, так как теперь не нужно тратить столько времени на вычитку и анализ, появляется ресурс для предметного рассмотрения вопросов и принятия решений.

3. Автоматизация рутинных задач. Кроме того, рутинные административные задачи могут выполняться автоматически благодаря системам ИИ, избавляя корпоративных юристов от трудоемкой и повторяющейся работы. Инструменты на базе ИИ могут оптимизировать создание документов, оформление договоров и сбор юридических документов.

4. Комплаенс и соответствие законодательству. Алгоритмы ИИ могут анализировать огромные объемы данных, избавляя компании от потенциального риска по несоответствию изменениям в законодательстве. Такие алгоритмы особенно актуальны в нынешних условиях интенсивно меняющихся правил и могут помочь корпоративным юристам оставаться в курсе новых законов и правил, которые влияют на деятельность компаний и крупных холдингов, постоянно отслеживая нормативно-правовые изменения и судебную практику.

5. Прогнозирование и юридическая аналитика. Инструменты юридической аналитики на основе ИИ могут предложить прогнозную аналитику и помочь юристам в определении вероятных результатов при принятии той или иной стратегии путем изучения предыдущих дел, судебных решений и правовых прецедентов. Это позволяет разрабатывать оптимальный план по разрешению правовых вопросов, принимать обоснованные решения и давать бизнесу точную оценку возможных результатов.

Однако нельзя не упомянуть, что, помимо массы преимуществ, при использовании ИИ могут

возникать этические и профессиональные проблемы. Корпоративные юристы столкнутся с новыми этическими и профессиональными проблемами, поскольку ИИ более полно интегрирован в юридическую профессию. Конфиденциальность данных, алгоритмическая предвзятость и ответственность за юридические консультации, сгенерированные ИИ, — это лишь некоторые из вопросов, которые необходимо тщательно изучить и регулировать [11]. Помимо прочего, юристов беспокоит, что алгоритмы ИИ не обеспечивают прозрачность данных, которые используются для получения ответа, что делает такие результаты неконтролируемыми и часто ненадежными в обстоятельствах, когда точность имеет первостепенное значение.

Данные, на которых обучается ИИ, могут быть подвержены предвзятости, что приводит к неверным вводным данным, ведущим к некорректным или даже дискриминационным ответам.

Корпоративным юристам придется проработать эти вопросы, чтобы убедиться, что ИИ применяется этично и в соответствии с правовыми и профессиональными стандартами. На основе проведенного исследования были выявлены три распространенных риска при использовании ИИ и предложены способы их минимизации в работе корпоративного юриста крупного холдинга.

1. **Утечка данных и безопасности.** Если юрист при использовании ИИ вносит конфиденциальную информацию контрагента или своей компании, она становится частью модели данных для самообучения и анализа и другие лица потенциально могут получить к ней доступ через аналогичные запросы [12]. Это действие может привести к утечке данных и нарушить требования по хранению данных, что, в свою очередь, может нести в себе угрозу национальной безопасности, если организация имеет прямо или косвенно отношения с государством.

Способ минимизации риска — воздержаться от раскрытия конфиденциальной и потенциально конфиденциальной информации. Принятие такой меры предосторожности помогает снизить риск утечки данных и нарушений безопасности. Однако, если без точной информации не обойтись, то решение проблем конфиденциальности и ответственности ИИ требует мер безопасности, включая шифрование и контроль доступа. Установление четких политик обработки данных и обучения пользователей снижает риски.

2. **Вопросы интеллектуальной собственности.** Определение принадлежности прав на код или текст, сгенерированный ИИ, может быть сложным вопросом. Чаще всего при использовании чат-

ботов и существующих систем ИИ по условиям предоставления услуг ответственность за вывод лежит на поставщике вводных данных [13].

Способ минимизации риска — внедрение комплексных систем отслеживания, помогающее определить происхождение и соответствие требованиям. Сотрудничество с юридическими экспертами обеспечивает соответствие законодательству об интеллектуальной собственности, снижая риск возникновения споров.

3. Ответственность за ошибочный результат. Использование ИИ потенциально подвергает компании риску привлечения к ответственности. Если результат, сгенерированный ИИ, приводит к неточным, небрежным или предвзятым результатам, причиняя вред, компания может нести ответственность за ущерб [14]. Следовательно, организации должны обеспечить надежность и точность ИИ, проверяя рабочий продукт на точность, достоверность, полноту и эффективность.

Способ минимизации риска — решение проблемы деликтной ответственности, которое включает в себя разработку прозрачных руководящих принципов развития ИИ, обучения пользователей и регулярных оценок рисков. Возможно, есть смысл задаться вопросом о регулировании страхования ответственности лиц, использующих системы ИИ.

В целом корпоративное право — это область, где точность и нюансы жизненно важны. Таким образом, организации, скорее всего, будут продолжать привлекать юристов-людей для уверенности в их опыте и для возможности контроля. Однако преимущества использования ИИ в области юридических услуг при осуществлении корпоративного управления достаточно значимы, чтобы их игнорировать. По мнению автора, использование возможности ИИ поможет юристам продвигать и аргументировать свои позиции, предоставлять лучший опыт для клиентов и сосредоточиться на принятии стратегических решений, в конечном итоге повышая производительность и ценность в корпоративной юридической отрасли.

В качестве вывода необходимо заключить, что государство в значительной степени несет ответственность за формирование правового режима, который отвечал бы потребностям современного цифрового общества. Подводя итог проведенного исследования, стоит отметить, что, несмотря на отсутствие сложившегося комплексного регулирования, при его создании в будущем необходимо стремиться к минимизации рисков для человека и общества в целом, так как технологии ИИ — еще

не до конца изученный вид систем, который может таить в себе непредвиденные опасности.

Сфера ТЭК идет вперед и развивается с немалой скоростью, а значит, необходимо совершенствование правового регулирования для безопасного и осознанного использования новых технологий в указанной стратегически значимой сфере, включая корпоративное управление в энергетических компаниях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р “Об утверждении программы Цифровая экономика Российской Федерации” (Утратило силу на основании Распоряжения Правительства РФ от 12.02.2019 № 195-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.02.2019).
2. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 “О развитии искусственного интеллект в Российской Федерации” // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.10.2019).
3. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 2 (54). С. 75–85.
4. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
5. Ptaschunder J.M. On Artificial Intelligence's Razor's Edge: On the Future of Democracy and Society in the Artificial Age. *Journal of Economics and Business*. 2019. No. 2 (1). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3387540
6. Нормы гражданского права о робототехнике. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 г. URL: http://robopravo.ru/riezoliutsia_ies
7. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. д-ра юрид. наук. М., 2018. URL: http://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Morhat/morhat_p_m_dissertaciya.pdf.
8. Глебов И.Н. Искусственный юридический разум // Сетевой научный юридический журнал. Гуманитарное право. URL: <https://humanlaw.ru/9-article/26-artificial-intelligence.html>
9. Цветкова И. Искусственный интеллект в суде, боты-юристы и краудфандинг правовых споров — как начинается LegalTech-революция. URL: <https://rb.ru/opinion/legaltech/>

10. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. 90 с.
11. Боровская Е.В., Давыдова Н.А. Основы искусственного интеллекта: учеб. пособие. М.: БИНОМ, 2019. 127 с.
12. Искусственный интеллект как угроза конфиденциальности. URL: <https://www.vpnside.com/ru/iskusstvennyj-intellekt-kak-ugroza-konfidentsialnosti/>
13. Харитоновна Ю.С. К вопросу об охраноспособности результата деятельности искусственного интеллекта // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет: сб. М.: ИНИОН РАН, 2018. Вып. 1. С. 52–64.
14. Корчагин М.А. Деликтная ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 224–231.
15. Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 166 с.
16. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статью 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.04.2020).
17. Доклад ООН “Поощрение и защита прав человека: вопросы прав человека, включая альтернативные подходы в деле содействия эффективному осуществлению прав человека и основных свобод”. URL: <https://undocs.org/ru/a/73/348>
18. Лапушкин А. Сферы применения систем искусственного интеллекта. URL: <https://maff.io/media/sfery-primeneniya-sistem-iskusstvennogo-intellekta/>
19. Hawking S. Brief Answers to the Big Questions. London: Random House LLC, 2018. 256 p.
20. McKay D.P., Shapiro S.C. Using active connection graphs for reasoning with recursive rules // Proceedings of the Seventh International Joint Conference on Artificial Intelligence. Los Altos, CA, 1981. P. 368–374.

Сведения об авторе:**Кротова Маргарита Кирилловна**

Ведущий юрист,

Практика корпоративного мониторинга

и комплаенса ООО «Газпромнефть

Экспертные решения»

Authors' information:**Margarita K. Krotova**

Leading Lawyer,

Corporate Monitoring and Compliance Practice

of Gazpromneft Expert Solutions,

LLC

Поступила в редакцию / Received 14.03.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.04.2024

Принята к публикации / Accepted 10.06.2024

DOI: 10.61525/S231243500031371-6

Оригинальная статья / Original Article

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ОБЪЕКТОВ ТЭК

Илларионова Е.А.

Юрист, ООО “Газпромнефть Экспертные решения”

E-mail: illarionova_99@list.ru

Аннотация. Изменения в экономической сфере, широкое использование новых технологий породили необходимость корректировки существующего регулирования правоотношений участников рынка. Цифровизация вынуждает создавать новые механизмы правового регулирования для возникающих экономических отношений: разработку нормативно-правовых актов, требующих соблюдения баланса между обеспечением публичного интереса и развитием бизнеса; внедрение новых институтов либо модернизацию существующих; широкую интеграцию различных сфер жизни общества. Действующая правовая база имеет недостатки, которые создают трудности внедрения новых технологий в экономику. В рамках настоящей статьи рассмотрим существующие правовые проблемы использования новых технологий при строительстве объектов топливно-энергетической инфраструктуры, такие как: правовая природа BIM-моделирования, привлечение к деликтной ответственности при применении технологий в процессе строительства/проектирования, проблемы широкого внедрения смарт-контрактов в строительную деятельность. Для подготовки настоящей научной статьи были использованы: нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы внедрения новых технологий в экономическую деятельность; немногочисленная судебная практика, отражающая современное отношение судебной системы к правовому регулированию новых технологий; разработанные концепции, отражающие основные направления деятельности в части развития цифровизации; новостные порталы. В процессе исследования были применены следующие научные методы: анализ, сравнение, описание, интерпретация, синтез, абстрагирование, аналогия. В работе приводятся существующие дискуссии в части отмеченных проблем использования цифровизации в строительстве объектов ТЭК: необходимость/отсутствие необходимости детального правового регулирования; правовая природа “ответственности” объектов цифровизации; пробелы действующего законодательства в части вопроса урегулирования механизма заключения смарт-контрактов. Существующие проблемы правового регулирования цифровизации в сфере строительства объектов ТЭК, отраженные в настоящей статье, требуют комплексного решения, позволяющего сохранить баланс между экономическим развитием и эффективным юридическим нормированием.

Ключевые слова: энергетическое право, BIM-моделирование, искусственный интеллект, цифровизация, деликтная ответственность.

Для цитирования: Илларионова Е.А. Цифровизация строительства объектов ТЭК // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 46–53. DOI: 10.61525/S231243500031371-6

DIGITALIZATION OF CONSTRUCTION OF FACILITIES OF THE FUEL AND ENERGY COMPLEX

Illarionova Y.A.

Lawyer, Gazpromneft Expert Solutions, LLC

E-mail: illarionova_99@list.ru

Abstract. The advent of new technologies and the evolving economic landscape have prompted a need to rethink the existing regulatory framework governing market players. Digitalization forces to create new legal mechanisms for regulating emerging economic relations. These include the development of normative legal acts that strike a balance between ensuring the public interest and business development, the introduction of new institutions or the modernization of existing ones, and the broad integration of various spheres of social life. The current legal framework presents shortcomings that create difficulties in introducing new technologies into the economy. This article will examine the existing legal issues of surrounding the use of new technologies in the construction of fuel and energy infrastructure facilities. It will focus on the legal nature of BIM-modeling, tort liability in the application of technologies in the construction/design process, and the problems of widespread introduction of smart contracts in construction activities. In preparing this scientific article, we relied on normative legal acts regulating the introduction of new technologies in economic activity, a small amount of judicial practice reflecting the current attitude of the judicial system to the legal regulation of new technologies, developed concepts reflecting the main areas of activity in the development of digitalization, and news portals. The following scientific methods were employed in the research process: analysis, comparison, description, interpretation, synthesis, abstraction, and analogy. This paper presents the current discussions on the mentioned problems of digitalization in the construction of facilities of the fuel and energy complex. It addresses the need/absence of the need for detailed legal regulation, the legal nature of the ‘liability’ of objects of digitalization, and gaps in the current legislation in terms of regulating the mechanism of smart contracts. The existing legal regulation issues surrounding digitalization in the construction of facilities of the fuel and energy complex, as outlined in this article, require a comprehensive solution that strikes a balance between economic development and effective legal regulation.

Keywords: energy law, BIM modeling, artificial intelligence, digitalization, tort liability.

For citation: Illarionova Y.A. Digitalization of Construction of Facilities of the Fuel and Energy Complex. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 46–53. DOI: 10.61525/S231243500031371-6

Современное высокотехнологичное общество задает тренды для развития экономической сферы любого государства. Д. Тапскоттом в своей книге “Цифровая экономика: обещание и опасность в эпоху сетевой разведки” определяет цифровую экономику как форму организации экономической деятельности, основанную на цифровых и электронных технологиях и непосредственно реализуемую через электронную коммерцию, облачные технологии, цифровые платформы и сетевой бизнес. При этом цифровизация направлена не только на внедрение современных технологий, но и на совокупную перестройку существующих бизнес-процессов [1].

В качестве преимущества цифровой экономики выделяют возможность автоматического управления всей системой и ее отдельными частями, а также практически неограниченное масштабирование без потери эффективности, что позволяет значительно повышать эффективность управления экономикой на микро- и макроуровнях.

Изменения в экономической сфере, широкое использование новых технологий породили необходимость корректировки существующего построения правоотношений участников рынка. В РФ за последнее время приняты нормативно-правовые акты, регулирующие использование информационных технологий в различных сферах, а также внесены изменения в действующие нормативно-правовые

акты, например Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ “О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”; Градостроительный кодекс Российской Федерации; Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ); Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации” и др.

Также подзаконными нормативно-правовыми актами в некоторых регионах России устанавливаются экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем: например, в Ненецком автономном округе постановлением Правительства РФ от 02.02.2024 № 100 “Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Ненецком автономном округе”; в г. Иннополис (Республика Татарстан) постановлением Правительства РФ от 17.02.2024 № 185 “Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в г. Иннополисе (Республика Татарстан)”.

В то же время существующая правовая база имеет недостатки, которые создают трудности для внедрения цифровых механизмов в экономику. Рассмотрим существующие правовые проблемы использования новых технологий при строительстве объектов топливно-энергетической инфраструктуры.

Среди наиболее эффективных и подлежащих широкому применению технологий в строительстве выделяют: BIM-моделирование — проектирование с использованием технологии информационного моделирования; высокотехнологичная топосъемка для строительства и георазведка; 3D-печать; умные датчики, обеспечивающие подключение всех объектов инфраструктуры и рабочих к единой сети в целях отслеживания процесса строительства в реальном времени; роботы и дроны; искусственный интеллект; виртуальная и дополненная реальность; блокчейн (например, для смарт-контрактов).

Наиболее широко применимой и спорной в части правового регулирования является технология BIM-моделирования. На настоящий момент в разных отраслях строительства осуществляются разработки правил по применению BIM-технологий (технологий информационного моделирования).

В распоряжении Правительства РФ от 30.09.2018 № 2101-р “Об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года” указывается, что в системе управления реализацией транспортной части плана планируется использование технологии информационного моделирования (Building Information Modeling; далее — BIM). Коллективное создание и использование информации об объектах транспортной инфраструктуры посредством BIM позволит сформировать надежную основу для принятия решений на любой стадии проекта (от ранних концепций до эксплуатации).

Одной из практических проблем в сфере применения информационных моделей при строительстве является вопрос квалификации договорных отношений по созданию информационных моделей (далее — ИМ).

В литературе отмечается, что выбор договорной модели обеспечения информационного моделирования основывается на следующих факторах: способ построения информационной модели и ее содержание; особенности субъектного состава правоотношения; распределение рисков и характер управления проектированием; степень интеграции информационной модели в процессы проектирования, строительства и эксплуатации [3].

Информационная модель аналогична результатам проектно-исследовательских работ, однако отличается формой предоставления результата как цифрового актива. Информационная модель не является типичным объектом гражданских прав.

Согласно нормативному документу «Методические рекомендации по подготовке информационной модели объекта капитального строительства, представляемой на рассмотрение в ФАУ “Главгосэкспертиза России” в связи с проведением государственной экспертизы проектной документации и оценки информационной модели объекта капитального строительства», в состав ИМ входят в том числе цифровые информационные модели объекта строительства (далее — ЦИМ ОКС) и инженерные цифровые модели местности (далее — ИЦММ). Состав и содержание ЦИМ ОКС, ИЦММ представляется с помощью понятия “слой” (“уровень”).

Под слоем (уровнем) понимается структурированная информация (графическая, текстовая, таблицы, ведомости, спецификации, сведения, данные, отметки высот, отметки заглублений, сведения о несущей способности грунтов, сведения о подземных коммуникациях и т.д.), наносимая на предыдущий слой (уровень) информации об объекте капитального строительства. Информация может быть обособлена для пользователя ИМ с помощью программных средств для улучшения восприятия модели и принятия решений пользователем относительно отдельных аспектов ИМ. Способы технической реализации обособления информации модели включают в себя использование, например, веток иерархии элементов, наборов элементов в специализированных программных продуктах.

В судебной практике существуют разные подходы к определению природы договорных отношений по созданию BIM-моделей: 1) договор подряда (например, в Определении Верховного Суда РФ от 31.03.2022 № 305-ЭС22-4588 по делу № А40-281512/2019, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.08.2023 № Ф07-10387/2023 по делу № А56-84385/2022); 2) договор оказания услуг (например, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.05.2021 № 09АП-21141/2021 по делу № А40-145924/2020); 3) договор на разработку проектной документации (например, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.10.2023 № Ф07-13179/2023 по делу № А56-49907/2022, постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.08.2023 № Ф07-10342/2023 по делу № А56-117122/2022).

В связи с неоднозначной классификацией в судебной практике соответствующего договора на создание информационной модели в научной литературе высказывается идея о необходимости создания единого механизма регулирования результатов использования BIM-технологий в проектировании.

Одной из проблем использования информационных технологий при строительстве является возможность привлечения к деликтной ответственности при совершении правонарушения роботом (в широком смысле этого слова). При этом важно отметить, что роботы могут обладать искусственным интеллектом, а могут осуществлять деятельность на основе заданной программы. Интересным является вопрос ответственности роботов, созданных на основе искусственного интеллекта.

В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года (распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р) отмечается, что на настоящий момент требуется дальнейшая проработка механизмов гражданско-правовой, уголовной и административной ответственности в случае причинения вреда системами искусственного интеллекта и робототехники, имеющими высокую степень автономности, при принятии ими решений, в том числе с точки зрения определения лиц, которые будут нести ответственность за их действия, доработки при необходимости механизмов безвиновной гражданско-правовой ответственности, а также возможности использования способов, позволяющих возместить причиненный действиями систем искусственного интеллекта и робототехники вред (например, страхование ответственности, создание компенсационных фондов и др.). Следовательно, вопрос юридической ответственности при использовании искусственного интеллекта имеет особую значимость, в том числе при его использовании в ходе строительства объектов топливно-энергетической инфраструктуры.

Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в котором в том числе используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений (Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490

“О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации”).

В существующем гражданско-правовом регулировании искусственный интеллект может выступать в качестве вещи, объекта авторских прав, источника повышенной опасности [4], однако нормы, регулирующие вопросы ответственности за действия, совершенные искусственным интеллектом, отсутствуют.

В доктрине выделяют несколько моделей ответственности за действия автономных роботов: полное освобождение ответственности (обстоятельства непреодолимой силы); частичное освобождение от ответственности (компенсация из страхового фонда или за счет владельца робота); ответственность в зависимости от вины (например, разработчики, если проблема в программном обеспечении, производители, если недостатки в конструкции); ограниченная безвиновная ответственность; полная безвиновная ответственность; личная ответственность робота, которая подразумевает наделение машины правосубъектностью; смешанный режим ответственности, при котором те или иные подходы применяются в зависимости от степени опасности робота и других его характеристик [5].

Согласно ст. 127.4 проекта Федерального закона “О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники” (Закон Гришина), предлагается производить возмещение вреда, причиненного роботом, за счет имущества, переданного во владение робота, т.е. проводится аналогия с самостоятельной гражданско-правовой ответственностью юридического лица.

Доктриной выделяются три основных подхода к деликтной ответственности за вред, причиненный роботами: деликтная ответственность по общим основаниям, закрепленным в ст. 1064 ГК РФ; деликтная ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ); деликтная ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ, услуг (ст. 1095 ГК РФ). При этом отмечается, что деликтная ответственность за вред, причиненный роботом, должна наступать в зависимости от класса его опасности и степени автономности робота [6]. Часть исследователей относит роботов к источникам повышенной опасности и считает, что вопрос о возмещении вреда необходимо решать в соответствии со ст. 1079 ГК РФ [7].

Традиционно в числе основных условий деликтной ответственности выделяют: противоправное

поведение причинителя вреда; наличие вреда (убытков); причинную связь между противоправным поведением и вредом; вину. В силу ст. 1079 ГК РФ вред, причиненный жизни или здоровью граждан деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (источником повышенной опасности), возмещается владельцем источника повышенной опасности независимо от его вины (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 “О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина”).

По смыслу ст. 1079 ГК РФ источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами (п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1), т.е. в целом технологии на базе искусственного интеллекта могут подпадать под требования к источнику повышенной опасности.

Под владельцем источника повышенной опасности следует понимать юридическое лицо или гражданина, которые используют его в силу принадлежащего им права собственности, права хозяйственного ведения, оперативного управления либо на других законных основаниях.

В научной литературе определяют следующих лиц, которые могут быть привлечены к ответственности при причинении вреда искусственным интеллектом: 1) автор соответствующего изобретения либо программист; 2) юридическое лицо, являющееся правообладателем программного обеспечения либо изготовителем соответствующего технического устройства; 3) пользователь/собственник (как юридическое либо физическое лицо); 4) третье лицо в случае неправомерного завладения роботом или его перепрограммирования на причинение вреда [8]; 5) лицо, получающее прибыль от деятельности искусственного интеллекта [9].

Следовательно, ст. 1064 и 1079 ГК РФ могут применяться при решении вопроса об ответственности при причинении вреда роботами, если соответствующая технология не полностью автономна и зависит от деятельности конкретных людей.

В соответствии с иной точкой зрения, определяя ответственного за вред, причиненный роботом,

необходимо применять ст. 1095 ГК РФ о продаже некачественного товара (робота). В этом случае субъектом ответственности являются продавец или изготовитель [10].

В 2018 г. в США было расследовано прецедентное дело. 19 марта 2018 г. беспилотный автомобиль Uber в ходе прохождения испытания сбил гражданина, нарушившего правила дорожного движения, насмерть. Поездка проходила в автономном режиме, но за рулем находился водитель-испытатель. Комиссия по расследованию аварии разделила вину между водителем-тестировщиком, пешеходом, Uber, а также властями штата, которые не уделяют достаточного внимания проверке безопасности программ тестирования беспилотных автомобилей на дорогах общего пользования. В процессе расследования было установлено, что автомобиль обнаружил пешехода почти за 6 с до столкновения, но не затормозил из-за отключенной и перенастроенной системы аварийного торможения, не смог распознать пешеходов вне переходов, а тестировщик не отслеживал дорожную обстановку.

В числе дополнительных гарантий в целях компенсации понесенных потерпевшими затрат в некоторых источниках предлагается ввести страхование ответственности лиц, использующих технологии с искусственным интеллектом [11]. Соответствующая позиция поддерживается в том числе в Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. “Нормы гражданского права о робототехнике”.

Кроме того, на РБК была опубликована новость, согласно которой Минэкономразвития России разработало механизм, способный обеспечить компенсацию вреда, причиненного в результате применения технологий искусственного интеллекта в рамках экспериментальных правовых режимов. Законопроект о внесении изменений в Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ “Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации” был одобрен на заседании комиссии Правительства РФ по законопроектной деятельности 4 декабря 2023 г.

В законопроекте предлагается внесение следующих изменений: субъекты экспериментального правового режима будут обязаны вести реестр лиц, вступивших с ними в правоотношения, и в этом реестре должна будет содержаться информация об ответственных за использование решений, основанных на искусственном интеллекте; в реестре будет отображаться информация о лицах, непосредственно работающих с технологиями; участникам необходимо будет страховать гражданскую ответственность за причинение вреда жизни,

здоровью или имуществу других лиц в результате использования искусственного интеллекта.

На текущий момент соответствующий законопроект не принят, однако если он будет одобрен, то вопрос привлечения к ответственности при возмещении вреда, причиненного искусственным интеллектом, будет решен в части, потому что действие Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ крайне ограничено (учитывая его сферу действия). При этом экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций могут устанавливаться в том числе по следующему направлению разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций: архитектурно-строительное проектирование, строительство, капитальный ремонт, реконструкция, снос объектов капитального строительства, эксплуатация зданий, сооружений (ст. 1 Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»).

Таким образом, вопрос об ответственности при причинении вреда искусственным интеллектом при строительстве, проектировании может быть решен с помощью внесения изменений в действующее правовое регулирование в части страхования ответственности.

Еще одним механизмом применения цифровых технологий при строительстве является возможность заключения смарт-контрактов. Согласно Перечню поручений Президента РФ по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере, состоявшегося 10 октября 2017 г. в рамках реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации», Правительству РФ совместно с Банком России поручается обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих определение статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, и их понятий (в том числе таких, как «технология распределенных реестров», «цифровой аккредитив», «цифровая закладная», «криптовалюта», «токен», «смарт-контракт») исходя из обязательности рубля в качестве единственного законного платежного средства в Российской Федерации.

Впервые понятие «смарт-контракт» было отмечено в трудах Н. Сабо. Данная договорная форма была определена как электронный алгоритм, предназначенный для автоматизации процесса исполнения контрактов в блокчейне [12].

В некоторых странах закрепляется понятие «смарт-контракт» на законодательном уровне. Например, в Декрете Президента Республики

Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» указывается, что смарт-контракт — это программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и/или исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий.

В проекте Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» дано определение смарт-контракта, под которым понимается договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств.

При этом предмет Федерального закона и сфера действия определялись как отношения, возникающие при создании, выпуске, хранении и обращении цифровых финансовых активов, а также осуществлении прав и исполнении обязанностей по смарт-контрактам.

В последующем при принятии Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» понятие «смарт-контракт» было исключено из текста Федерального закона № 259 и включено в абз. 2 ст. 309 ГК РФ в действующей формулировке.

В Концепции цифрового рубля, подготовленной Банком России, определяется, что смарт-контракт — это сделка, исполняемая автоматически при наступлении заранее определенных сторонами условий. Аналогичное определение содержится в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов (подготовлены Банком России).

В РФ на текущий момент есть примеры использования смарт-контрактов. Так, в декабре 2016 г. Альфа-банк вместе с S7 Airlines стали первыми в России, кто провел расчеты с контрагентом с применением смарт-контрактов. В банк, который обслуживает авиакомпанию, была внесена ею согласованная сумма, в момент подачи заявки на аккредитив деньги были списаны со счета, а после поставки услуг и предоставления документов об этом они зачислились на счет исполнителя. Смарт-контракт был подготовлен с использованием системы Ethereum. В последующем S7 Airlines

создала блокчейн-платформу с целью совершенствования торговых сделок и запустила на этой платформе обслуживание с целью расчетов с агентами, которые продают авиабилеты, заключила смарт-контракт с оператором авиатопливного рынка “Газпромнефть-Аэро”. Данный контракт включал сведения о стоимости и необходимом объеме горючего для самолетов авиакомпании. Затем командир воздушного судна запрашивал у оператора точный объем топлива, который необходим для выполнения рейса, и после этого в Альфа-банк направлялась онлайн-заявка для резервирования соответствующей суммы. Заправка начиналась тогда, когда банк мгновенно подтверждал эту онлайн-заявку. Когда заправка заканчивалась, то списывались средства, а в коммерческие службы сторон поступала информация, что сделка закрывается со всеми документами. Смарт-контракт был подготовлен на блокчейн-платформе Hyperledger [13].

Согласно абз. 2 ст. 309 ГК РФ, условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки. Соответствующие изменения были внесены в Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ “О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”.

В пояснительной записке к законопроекту указывалось, что для целей исполнения сделок с цифровыми правами (“смарт-контракты”, “самоисполняемые” сделки) в ст. 309 ГК РФ вводится единственное требующее закрепления в законе правило — факт совершенного компьютерной программой исполнения сделки не оспаривается (кроме случаев вмешательства в действие программы).

После идентификации пользователей в системе дальнейшее их поведение подчиняется алгоритму компьютерной программы, организующей сеть, а лицо, “покупающее” тот или иной виртуальный объект (цифровое право), получит этот объект автоматически при наступлении указанных в пользовательском соглашении обстоятельств. Например, некое лицо является обладателем цифрового права на бокс с алмазами, имеющий индивидуализирующий его номер и хранящийся у профессионального хранителя. В информационной системе сделка с таким объектом будет исполнена “автоматически”, без дополнительных распоряжений или иных

волеизъявлений сторон сделки — у продавца будет списано цифровое право, а у покупателя деньги, и оспорить эти списания по общему правилу будет нельзя.

При этом отмечается, что других норм для “смарт-контрактов” не требуется, в остальном для регулирования отношений сторон по таким сделкам действующий ГК РФ вполне годен, т.е. законодатель подразумевает, что существующих механизмов для регулирования договорных отношений достаточно, в том числе при заключении смарт-контрактов.

Анализируя внесенные изменения в абз. 2 ст. 309 ГК РФ, можно прийти к выводу, что она охватывает не только смарт-контракты как таковые, но любое автоматизированное исполнение договора (например, покупка услуг, товаров, работ с использованием онлайн-платформ) [14].

На текущий момент в российском правовом порядке отсутствуют примеры использования смарт-контрактов при строительстве, однако внесенные изменения в ГК РФ позволяют использовать соответствующую форму договоров в любой сфере деятельности (в том числе при строительстве, проектировании).

Существующие проблемы правового регулирования цифровизации в сфере строительства объектов ТЭК, отмеченные в настоящей статье, требуют комплексного решения, позволяющего сохранить баланс между экономическим развитием и эффективным юридическим нормированием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril In The Age of Networked Intelligence. McGraw-Hill, 1995.
2. Васильева Н.В., Бачуринская И.А. Проблемные аспекты цифровизации строительной отрасли // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 7. С. 39–46.
3. Ялилов А.Д. Особенности гражданско-правового регулирования отношений в сфере проектирования и строительства при использовании технологии информационного моделирования (BIM) // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 17 (11). С. 87–99.
4. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Академический юридический журнал. 2019. Т. 10. № 2.
5. Агибалова Е.Н. Юридическая ответственность при применении систем искусственного интеллекта // Государство, право и общество: вопросы теории и практики: материалы второй Всероссийской

- научно-практической конференции (Сочи, 7–8 февраля 2020 г.) / отв. ред. В.И. Скрябин. Сочи, 2020. С. 15–24.
6. Бегишев И.Р. Размышления о проекте Федерального закона “Об обороте роботов, их составных частей (модулей)” // Право и цифровая экономика. 2021. № 2.
 7. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Академический юридический журнал. 2019. Т. 10. № 2.
 8. Цуканова Е.Ю., Скопенко О.Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 4А. С. 42–48.
 9. Горохова С.С. Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле // Юрист. 2021. № 6. С. 60–67; Апостолова Н.Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 112–119.
 10. Летута Т.В., Сотникова Ю.В. Гражданско-правовые аспекты применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Академический юридический журнал. 2019. Т. 20. № 1.
 11. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.
 12. Szabo N. The Idea of Smart Contracts. URL: http://szabo.best.net/smart_contracts_idea.html (date of access: 01.06.2019).
 13. Смарт-контракты: как они работают и зачем нужны. URL: <https://pravo.ru/story/205151/>
 14. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Г. Карапетова. М.: М-Логос, 2022. 1494 с.

Сведения об авторе:

Илларионова Евгения Алексеевна
Юрист, ООО “Газпромнефть
Экспертные решения”

Authors' information:

Yevgeniya A. Illarionova
Lawyer,
Gazpromneft Expert Solutions, LLC

Поступила в редакцию / Received 14.03.2024
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.05.2024
Принята к публикации / Accepted 15.06.2024

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

DOI: 10.61525/S231243500031372-7

Оригинальная статья / Original Article

**ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПУБЛИЧНОГО СЕРВИТУТА В ЦЕЛЯХ СТРОИТЕЛЬСТВА
ЛИНЕЙНОГО ОБЪЕКТА СИСТЕМЫ ГАЗОСНАБЖЕНИЯ****Аниканов П.С.**

Ведущий юрисконсульт отдела претензионной и исковой работы юридического управления ООО “Газпром межрегионгаз”; аспирант, АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”
E-mail: U1203036@mrg.gazprom.ru

Аннотация. В статье рассматривается законодательство, регулирующее осуществление публичного сервитута с целью эксплуатации, реконструкции и строительства линейных объектов системы газоснабжения. Автор выявляет пробелы в правовых нормах и проблемные вопросы, возникающие при использовании данных норм на всех этапах действия публичного сервитута. В работе проанализированы основные условия и принципы утверждения публичного сервитута по отношению к земельным участкам в частной собственности, а также механизм формирования платы за пользование публичным сервитутом. Автор указывает на целесообразность детализации определенных понятий и усовершенствования существующих норм, поскольку введенные в действие в 2018 г. нормы, касающиеся утверждения публичного сервитута в специфических целях, в том числе для эксплуатации, реконструкции и строительства объектов инженерного типа системы газоснабжения, нуждаются в дополнении и частичном изменении ввиду того, что они не в полной мере отвечают поставленным перед государством задачам по газификации страны в максимально сжатые сроки.

Ключевые слова: энергетическое право, правовой режим энергетических объектов, линейный объект системы газоснабжения, публичный сервитут.

Для цитирования: Аниканов П.С. Пробелы правового регулирования публичного сервитута в целях строительства линейного объекта системы газоснабжения // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 54–60. DOI: 10.61525/S231243500031372-7

**GAPS IN LEGAL REGULATION OF PUBLIC SERVITUDE
FOR THE PURPOSES OF CONSTRUCTION OF A LINEAR FACILITY
OF THE GAS SUPPLY SYSTEM****Anikanov P.S.**

Leading Counsel, Claim Administration Department, Legal Division, Gazprom Mezhrefiongaz, LLC; Postgraduate Student, Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science
E-mail: U1203036@mrg.gazprom.ru

Abstract. The article examines the legislation regulating the implementation of public servitude for the purpose of operation, reconstruction, and construction of linear facilities of the gas supply system. The author

identifies gaps in the rules of law and issues that arise in the application of these rules at all stages of the public servitude validity. The paper analyzes the major conditions and principles governing the approval of public servitudes in relation to privately owned land plots and the mechanism of formation of payment for the use of public servitudes. The author emphasizes the necessity of detailing certain concepts and improving existing rules, given that the rules introduced in 2018 pertaining to the approval of public servitudes for specific purposes, including for the operation, reconstruction and construction of engineering facilities for the gas supply system, require supplementation and partial amendment. This is due to the fact that they do not fully align with the State's objectives of gasifying the country in the shortest possible time.

Keywords: energy law, legal regime of power facilities, linear facility of gas supply system, public servitude.

For citation: Anikanov P.S. Gaps in Legal Regulation of Public Servitude for the Purposes of Construction of a Linear Facility of the Gas Supply System. *Energy Law Forum*, 2024, iss. 2, pp. 54–60. DOI: 10.61525/S231243500031372-7

Наличие на территории того или иного государства природных ресурсов является одним из важнейших критериев определения перспектив его развития в долгосрочной программе. К основным, критически необходимым, наиболее актуальным, а также востребованным по ряду причин энергетическим ресурсам относятся такие виды топлива, как нефть и газ.

По запасам нефти Россия занимает 6-е место в мире, а по добыче — 3-е. По газу позиции России совершенно иные — 1-е место в мире по запасам и 2-е по добыче. При этом следует учитывать, что нефти России хватит еще только на 21 год, а газа — на 75 лет [1].

Более того, газ является более экологически чистым, энергоемким и дешевым по сравнению с нефтью ресурсом, его транспортировка может осуществляться как в сжиженном виде, так и по газопроводам. Второй вариант представляется наиболее предпочтительным, так как позволяет осуществлять транспортировку значительных объемов газа на большие дистанции с минимальными рисками.

В 2021 г. Правительством РФ был утвержден план действий по внедрению социально ориентированной и экономически эффективной системы газификации и газоснабжения субъектов РФ, согласно которому к 2030 г. уровень газификации населения субъектов РФ должен выйти на уровень 82,9% [2].

Для достижения столь высоких показателей необходимо, чтобы все элементы системы работали как единый слаженный механизм, чтобы каждый этап газификации, будь то получение необходимой разрешительной документации, строительство или введение газопровода в эксплуатацию, проходил по заранее намеченному сценарию.

Подразумевается, что законодательная база в данном сценарии выступает своеобразным

мостом, соединяющим такую амбициозную идею с прогнозируемым к достижению результатом.

Строительство газопровода — сложный процесс, предполагающий помимо прочего определение земельных участков, которые будут использованы для расположения газопровода, а также оформление на данные земельные участки необходимых прав.

Публичный сервитут стал одним из наиболее удобных способов оформления прав на земли и земельные участки, необходимые для размещения линейных объектов [3], к которым в том числе относятся газопроводы, после того, как Федеральный закон от 03.08.2018 № 341-ФЗ [4] (далее — Закон) внес изменения в земельное законодательство с целью упрощения процедуры размещения линейных объектов.

Еще в процессе разработки и шлифовки законопроекта указанного нормативного правового акта эксперты высказывались неоднозначно о выбранной законодателем конструкции.

Так, М.В. Бочаров указывал, что с точки зрения общественного развития этот Закон является необходимым и полезным. Он позволяет оформлять размещение инженерных сооружений, в которых есть общественная потребность, в 3–4 раза быстрее. Без инженерных сооружений, как мы знаем, невозможно ни жилищное строительство, ни промышленное развитие, ни ведение современного сельского хозяйства, а это как раз те задачи, которые стоят перед нашим обществом [5].

По мнению же Е.А. Суханова, земельные участки для указанных в Законе целей будут передаваться в пользование субъектам публичного сервитута не по соглашениям с их собственниками, а по решениям органов публичной власти, принятым по «обоснованным предложениям» лиц, требующих установления сервитута. Применительно к частной собственности на землю такой путь вызывает по меньшей мере недоумение. Ведь проложенный

через земельный участок линейный объект практически лишает землю экономической ценности, а во многих случаях и физически препятствует ее обычному использованию, оставляя ее собственника с “голым правом” (*nudum ius*) [5].

Спустя почти шесть лет применения Закона можно сделать вывод, что, будучи призванным, как следует из его названия, упростить, систематизировать и расширить алгоритмы использования конструкции публичного сервитута с целью расположения различных линейных объектов, он оказался весьма противоречивым и породил ряд проблемных вопросов, особенно в ситуациях, когда земельные участки, которые предполагаются к использованию при установлении публичного сервитута, пребывают в частной собственности.

В гл. V.7, поименованной “Установление публичного сервитута в отдельных целях” Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ), содержатся пробелы, нестыковки и оценочные понятия, которые оставляют широкий плацдарм для вольного толкования и судебного усмотрения там, где должная степень “прозрачности” и правовой определенности поможет не только избежать споров, но и ускорить процесс установления публичного сервитута и заключения соответствующего соглашения между газораспределительной организацией и собственником участка земли.

Вольное толкование, т.е. возможность сервитуария либо собственника земельного участка интерпретировать значение нормы права в свою пользу, что вытекает, к примеру, в разногласия относительно размера оплаты за пользование публичным сервитутом, либо возражения правообладателя участка земли с распоряжением об утверждении публичного сервитута ввиду наличия, по его мнению, условий, делающих дальнейшую эксплуатацию земельного участка по назначению невозможным, неминуемо приводит к судебному спору.

Так, спорный вопрос остается на усмотрение суда, что представляется не самым лучшим решением в силу имеющихся в законодательстве недоработок и не раскрытых должным образом формулировок.

Например, последует отказ в утверждении публичного сервитута, если деятельность, в целях реализации которой испрашивается публичный сервитут, в том числе спровоцированные такой деятельностью ограничения прав на земельный участок, повлекут невозможность эксплуатации или существенные затруднения в эксплуатации земельного участка, а также располагающегося на нем объекта недвижимого имущества, согласно их разрешенному использованию в течение срока, превышающего три месяца в отношении

земельных участков, предназначение которых — жилищное строительство (в том числе индивидуальное жилое строительство), осуществление гражданами личного подсобного хозяйства, садоводства или огородничества не в коммерческих целях, или один год в отношении остальных земельных участков.

Во-первых, представляется неясным, что подразумевается под формулировкой “существенные затруднения”, чем они отличаются от невозможности использования и по каким критериям такие затруднения могут быть идентифицированы применительно к каждому отдельно взятому земельному участку, учитывая, что линейный объект системы газоснабжения прокладывается через определенное количество таких участков, а решение об утверждении публичного сервитута в основном выносится сразу для всех земельных участков.

Не вызывает сомнений, что частный собственник земельного участка считает само строительство линейного объекта системы газоснабжения на принадлежащем ему участке причиной невозможности его дальнейшего использования, так как подобного рода обременение, от которого, к слову, невозможно отказаться, лишает земельный участок определенной доли привлекательности на рынке недвижимости.

Сервитуарий же, в данном случае газораспределительная организация, несмотря на то, что разногласия возникают лишь при утверждении публичного сервитута на участки земли в частной собственности, будет стараться идти по пути минимизации и без того внушительных затрат, прокладывая маршрут прохождения газопровода по оптимальной и короткой траектории, зачастую не имея возможности выбирать, через какие земельные участки проложить линейный объект.

Во-вторых, вопрос об установлении публичного сервитута отнесен к компетенции государственных или местных органов власти исходя из цели установления, т.е. степень “существенных затруднений” определяется при принятии решения в отношении ходатайства заинтересованного в установлении публичного сервитута лица без участия собственника земельного участка, что с учетом отсутствия прозрачности и определенности в понятии “существенных затруднений” будет усугублять степень разногласий между собственником земельного участка и сервитуарием.

Кроме того, словосочетание “существенные затруднения” применяется в п. 13 ст. 23 ЗК РФ, где сказано, что правообладатели земельных участков имеют возможность обратиться в соответствующие органы власти, ответственные за утверждение публичного сервитута, попросив соизмеримой

платы, в тех случаях, когда утверждение публично-го сервитута повлекло за собой наступление существенных затруднений в эксплуатации земли. Если понимать эту норму формально, то оплата за публичный сервитут пребывает в зависимости от “существенных затруднений” в эксплуатации земли. То есть при отсутствии таких затруднений собственник земельного участка не будет иметь возможности потребовать соразмерной платы за утверждение публичного сервитута?

Также возникает вопрос, как указанная норма соотносится со ст. 39.46 ЗК РФ, которая обязывает осуществлять оплату за публичный сервитут лицо, в пользу которого он установлен. То есть стоит полагать, что п. 13 ст. 23 ЗК РФ выступает в качестве специальной нормы к ст. 39.46 ЗК РФ и подлежит компенсации отдельно от платы за пользование публичным сервитутом (т.е. только при наличии “существенных затруднений”), в особенности принимая во внимание, что п. 13 ст. 23 ЗК РФ отсылает нас к Методическим рекомендациям [6] по вычислению платы именно за пользование публичным сервитутом, или имеются в виду совершенно разные факторы утверждения публичного сервитута?

Примечательным является то, что п. 7 ст. 39.46 ЗК РФ в части учреждения за публичный сервитут оплаты также адресует к Методическим рекомендациям. Одновременно с этим п. 8 ст. 39.46 ЗК РФ установлено, что оплата за публичный сервитут подлежит выплате правообладателю земли, с которым до этого было заключено в установленном порядке соглашение о пользовании публичным сервитутом, т.е. существует предопределяющее условие получения такой платы.

Каким образом происходит компенсация в случае наличия “существенных затруднений” в эксплуатации участка, а также имеющейся на нем недвижимости по смыслу п. 13 ст. 23 ЗК РФ и почему обязанным производить такую компенсацию лицом названы муниципальные или государственные органы власти, не уточняется, но на практике оплату за использование публичного сервитута вносит газораспределительная организация, силами которой осуществляются строительство и последующая эксплуатация газопровода, потому что именно эта организация обращается с заявлением об обременении участка земли публичным сервитутом и заключает в последующем с собственником участка земли необходимое соглашение.

Весьма противоречивым представляется п. 5 ст. 23 ЗК РФ (в соответствии с п. 2 ст. 39.39 ЗК РФ обязательный к применению при утверждении публичного сервитута), исходя из которого обременение участка земли публичным сервитутом

не лишает ее правообладателя прав распоряжения, пользования и владения этой землей.

Учитывая, что невозможность использования, которая допускается подп. 4 п. 1 ст. 39.44 ЗК РФ, пусть и на определенный срок, напрямую пересекается с правом пользования, т.е. буквально препятствует эксплуатации земельного участка его правообладателем, то совокупное толкование вышеуказанных статей порождает правовую неопределенность.

Возможно, законодатель имел в виду, что невозможность использования носит временный характер и поэтому не лишает, а лишь ограничивает правообладателя в праве пользования, но в таком случае статья должна содержать более развернутую, внятную формулировку.

Капитальный ремонт, реконструкция, эксплуатация и строительство газопроводов на участках земли, используемых в каких-либо личных целях, будь то садоводство, личное подсобное хозяйство, огородничество, а также индивидуальное жилищное строительство, посредством утверждения публичного сервитута не допускается в силу п. 5 ст. 39.39 ЗК РФ. И это, в принципе, понятно и логично.

Но тут есть один нюанс. В этой же норме указано, что в исключительных случаях (например, для реконструкции, капитального ремонта инженерных сооружений, а также их эксплуатации) утверждение публичного сервитута все же является допустимым.

Отсюда можно сделать вывод, что недопустимым является, в принципе, только утверждение публичного сервитута с целью строительства газопровода на землях, определенных под нужды личного характера, такие как ведение садоводства, огородничества или личного подсобного хозяйства, а также индивидуальное жилищное строительство.

Вместе с тем капремонт и реконструкция газопровода включают в себя почти идентичный список необходимых к выполнению процедур, что и строительство.

Остается нераскрытым, почему из целей, для достижения которых можно испрашивать утверждение публичного сервитута на участках земли определенного типа, было исключено строительство инженерных сооружений.

Получается, что газораспределительная организация должна учитывать при строительстве газопровода это законодательное ограничение и быть готовой при необходимости заключать арендный договор с собственником земли, предназначенной под нужды личного характера, такие как ведение садоводства, огородничества или личного подсобного хозяйства, а также индивидуальное жилищное

строительство, который, в свою очередь, вправе отказаться от заключения такого договора аренды, если посчитает его не выгодным для себя, что может повлиять на весь процесс строительства, так как придется вносить изменения в проектную документацию.

Исходя из положений п. 1 ст. 39.41 ЗК РФ в срок, когда эксплуатация земельного участка будет затруднена существенно или вовсе невозможна, включается срок текущего или капитального ремонта, строительства, а также реконструкции газопровода.

Таким образом, газораспределительная организация во избежание отказа в утверждении публичного сервитута и необходимости в последующем выкупать земельный участок у правообладателя (ст. 39.48 ЗК РФ) обязана производить любые работы (будь то строительство, реконструкция либо ремонт газопровода) на участках земли, кроме тех, которые предназначены под нужды личного характера, такие как ведение садоводства, огородничества или личного подсобного хозяйства, а также индивидуальное жилищное строительство, в срок, не превышающий одного года, а на участках земли, используемых для ИЖС и т.д., — в течение трех месяцев.

Понятно, что законодатель при утверждении вышеуказанных сроков преследовал цель обеспечить исполнение п. 8 ст. 23 ЗК РФ, т.е. установление публичного сервитута на максимально необременительных для правообладателя земельного участка условиях, но такое положение вещей может негативно сказываться на качестве проводимых газораспределительной организацией работ, а в последующем и на безопасности функционирования построенного, реконструированного или отремонтированного газопровода, который, в свою очередь, отнесен к категории опасных производственных объектов, поломка которого может привести к катастрофическим последствиям.

В контексте сроков установления публичного сервитута необходимо отметить следующее.

Для реализации частно-публичных интересов обладателей публичных сервитутов для отдельных целей, как правило, большую роль играют бессрочные инфраструктурные публичные сервитуты [7].

Так, в целях строительства и последующей эксплуатации линейного объекта системы газоснабжения бессрочная природа публичного сервитута либо его установление на период жизнедеятельности газопровода усматриваются наиболее подходящими по ряду весомых причин.

Во-первых, как правило, линейный объект системы газоснабжения обеспечивает энергетическим ресурсом населенные пункты, крупные производ-

ственные объекты, а также объекты здравоохранения, образования, социальной защиты и социального обеспечения населения, т.е. имеет высокую значимость для развития инфраструктуры.

Во-вторых, построенный газопровод никак не затрудняет использование земельного участка по назначению при условии соблюдения определенных требований безопасности.

В-третьих, правообладатель земельного участка будет на постоянной основе получать плату за публичный сервитут, помимо той выгоды, которую он будет извлекать из эксплуатации своего участка.

Однако действующее законодательство предусматривает утверждение публичного сервитута в целях эксплуатации, реконструкции и строительства в том числе линейного объекта системы газоснабжения только на определенный срок от 10 до 49 лет.

К тому же ЗК РФ не предусматривает механизм пролонгации ранее установленного публичного сервитута в случае такой необходимости, а лишь дает сервитутарию право заявить до истечения срока такого сервитута ходатайство об утверждении сервитута на новый срок. Будет ли таким образом продлен старый сервитут или утвержден новый, не раскрывается.

В силу п. 4 ст. 39.47 ЗК РФ срок соглашения о пользовании публичным сервитутом должен совпадать со сроком публичного сервитута, утвержденным решением о его установлении.

Остается неясным, можно ли в таком случае просто внести необходимые изменения в уже действующее соглашение, заключенное с собственником земли в порядке ст. 39.47 ЗК РФ, либо необходимо заключать новое, в этой связи возникает вопрос — как быть при таких обстоятельствах с платой за публичный сервитут?

Есть вопросы и к нормам, регулирующим приращение земельного участка в пригодное состояние.

Как было указано выше, в срок, когда использование земельного участка станет невозможным или существенно затрудненным, включается срок строительства инженерного сооружения. В силу подп. 4 п. 1 ст. 39.44 ЗК РФ в случае строительства газопровода данный срок не должен быть более одного года.

В силу п. 6 ст. 39.43 ЗК РФ при подаче заявления об утверждении публичного сервитута для целей реконструкции или строительства сооружения инженерного типа публичный сервитут утверждается для расположения такого сооружения.

В письме Министерства экономического развития РФ от 02.04.2020 № ОГ-Д23-3142 указано, что

понятие “размещение линейных объектов” включает в себя строительство, реконструкцию и эксплуатацию линейных объектов [8].

Из этого следует, что при установлении публичного сервитута, допустим, на 10 лет, непосредственно строительство линейного объекта системы газоснабжения из них займет максимум один год, остальные девять лет — эксплуатация.

Нормами ЗК РФ предусмотрено, что сервитутарию необходимо возвратить участок земли в состояние, пригодное для его эксплуатации согласно его разрешенному использованию, не позднее чем в течение трех месяцев после завершения эксплуатации, консервации, сноса сооружения инженерного типа, с целью расположения которого был утвержден публичный сервитут, его текущего или капитального ремонта, а также строительства.

Не до конца ясно, вынужден ли сервитутарий выполнять работы по приведению участка земли в приемлемое состояние после каждого указанного в п. 8 ст. 39.50 ЗК РФ этапа (строительство, ремонт эксплуатация) либо он обязан это сделать по итогу всех этапов?

Последний вариант поставит правообладателя земельного участка в неудобное положение, так как он рискует увидеть свой участок в пригодном состоянии только по истечении 10 лет.

Также наводит на размышления сам характер мероприятий по возвращению участка земли в нормальное (пригодное) состояние в разрезе смысла “существенных затруднений” и неясно, вправе ли правообладатель участка земли в такой ситуации просить соответствующую плату с государственных или местных органов власти в соответствии с п. 13 ст. 23 ЗК РФ?

Наиболее критичным вопросом в регулировании утверждения публичного сервитута является механизм определения размера возмещения за публичный сервитут. Именно размер данной платы зачастую приводит сервитутария и собственника земельного участка в суд, и этому есть рациональное объяснение.

Оплата за публичный сервитут определяется в соответствии с Федеральным законом “Об оценочной деятельности в Российской Федерации” и Методическими рекомендациями (п. 7 ст. 39.46 ЗК РФ).

В Методических рекомендациях оплата за публичный сервитут определяется в качестве разницы между рыночной стоимостью земли (в случае установления сервитута в отношении участка, находящегося в частной собственности) до утверждения публичного сервитута и после его утверждения.

В соответствии с п. 1 ст. 66 ЗК РФ рыночная стоимость участка земли определяется в соответствии с Федеральным законом “Об оценочной деятельности”, который определяет рыночную стоимость как самую вероятную цену, по которой возможна продажа соответствующего объекта оценки в условиях конкуренции на открытом рынке [9]. И если вычислить рыночную стоимость участка земли до утверждения публичного сервитута возможно, например, прибегнув к методу сравнения продаж, выполнив анализ предложений о продаже аналогичных участков земли в регионе, то с рыночной стоимостью участка земли после утверждения публичного сервитута все гораздо сложнее.

Таким образом, рыночная стоимость земельного участка является крайне нестабильной оценочной величиной, и фактически законодатель оставляет вопрос вычисления оплаты за публичный сервитут на усмотрение эксперта, так как суд, столкнувшись с разногласиями сервитутария и правообладателя участка земли по части размера оплаты за публичный сервитут, назначит судебную экспертизу.

Так, на практике часто встречаются ситуации, когда на обозрение суду представлены три заключения экспертизы (дело № А05-6826/2021) [10], в которых размер оплаты за публичный сервитут существенно отличается. Причем эксперт со стороны собственника земельного участка выводит размер оплаты за публичный сервитут в абсолют, эксперт же со стороны сервитутария получает весьма скромный результат, а судебный эксперт старается найти “золотую середину”.

При таких реалиях ни о каком объективном и справедливом размере оплаты за публичный сервитут говорить не приходится.

Ко всему прочему, положения ЗК РФ о публичном сервитуте просто “пестрят” оценочными формулировками, такими как, например, “наименее обременительные условия” (п. 8 ст. 23 ЗК РФ), “рациональное использование земель” (п. 9 ст. 23 ЗК РФ) и др.

В довершение п. 3 ст. 23 ЗК РФ гласит, что публичный сервитут утверждается в соответствии с ЗК РФ. К правоотношениям, существующим в связи с утверждением, осуществлением и прекращением действия публичного сервитута, положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) о сервитуте (к слову, весьма скудные) не подлежат применению, в этой связи появляется очередной вопрос: применяются ли общие нормы ГК РФ и к соглашению об использовании публичного сервитута или нужно применять исключительно ст. 39.47 ЗК РФ?

В заключение необходимо указать, что введенные в действие в 2018 г. нормы, касающиеся

утверждения публичного сервитута в специфических целях, в том числе для эксплуатации, реконструкции и строительства объектов инженерного типа системы газоснабжения, нуждаются в дополнении и частичном изменении ввиду того, что они не в полной мере отвечают поставленным перед государством задачам по газификации страны в максимально сжатые сроки.

В законодательстве предусмотрены отдельные инструменты, упрощающие размещение ряда объектов электроэнергетики на земельных участках и оформление прав на такие участки для энергетических компаний. Однако теперь необходимо также выстроить цельный юридический механизм, обеспечивающий системный учет разнонаправленных интересов субъектов сложных правоотношений, возникающих при размещении объектов электроэнергетики [11].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Басалаева Е.В., Илюшина М.Н., Смирнов В.В. Инвестиции в газовую отрасль России: приоритет импортозамещению и инновациям // Безопасность бизнеса. 2023. № 4. С. 10–20.
2. Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2021 № 1152-р «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) по внедрению социально ориентированной и экономически эффективной системы газификации и газоснабжения субъектов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.05.2021).
3. Малинникова А.И. Особенности установления публичного сервитута в целях размещения инженерных сооружений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 1. С. 104–110.
4. Федеральный закон от 03.08.2018 № 341-ФЗ “О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части упрощения размещения линейных объектов” // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.08.2018).
5. Иванов А., Бочаров М., Суханов Е. и др. Новая жизнь публичных сервитутов // Закон. 2018. № 10. С. 17.
6. Приказ Минэкономразвития России от 04.06.2019 № 321 “Об утверждении методических рекомендаций по определению платы за публичный сервитут в отношении земельных участков, находящихся в частной собственности или находящихся в государственной или муниципальной собственности и предоставленных гражданам или юридическим лицам” // ИПС Консультант плюс.
7. Кокурин В.А. Проблема обеспечения баланса частных и публичных интересов при определении срока публичного сервитута // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 4. С. 71–76.
8. Письмо Минэкономразвития России от 04.02.2020 № ОГ-Д23-910 “О рассмотрении обращения” // ИПС Консультант Плюс.
9. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ “Об оценочной деятельности в Российской Федерации” // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3813.
10. Решение Арбитражного суда Архангельской области от 10.10.2022 по делу № А05–6826/2021. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
11. Игнатъева И.А. Модернизация публичного сервитута и потенциальные основания для земельных споров при размещении объектов электроэнергетики // Судья. 2019. № 3. С. 38–42.

Сведения об авторе:

Аниканов Павел Сергеевич

Ведущий юрисконсульт отдела претензионной и исковой работы юридического управления ООО “Газпром межрегионгаз”; аспирант, АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А.Мусина”

Authors' information:

Pavel S. Anikanov

Leading Counsel, Claim Administration Department, Legal Division, Gazprom Mezhrefiongaz, LLC; Postgraduate Student, Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science

Поступила в редакцию / Received 14.03.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.05.2024

Принята к публикации / Accepted 17.06.2024

DOI: 10.61525/S231243500031373-8

Оригинальная статья / Original Article

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЗДАНИЯ СИСТЕМ ОПОВЕЩЕНИЯ О ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТИРОВКИ ГАЗА

Торопов Н.Н.

Юрисконсульт 2-й категории,
ООО “Газпром трансгаз Саратов”
E-mail: toropov-nn@utg.gazprom.ru

Аннотация. В 2014 г. были внесены существенные изменения в законодательство о гражданской обороне, согласно которым компании Группы Газпром, эксплуатирующие магистральные газопроводы, газораспределительные станции, компрессорные станции, обязаны создавать и поддерживать в постоянной готовности локальные системы оповещения (далее — ЛСО) о чрезвычайных ситуациях. Целью исследования является анализ действующего законодательства, а также особенностей практического применения норм, касающихся создания ЛСО. Предмет исследования — общественные отношения, возникающие при проведении проверок МЧС России и вынесении предписаний в отношении газотранспортных организаций. Автором рассматриваются некоторые спорные вопросы, связанные с устойчивой отрицательной судебной практикой в арбитражных судах и судах общей юрисдикции для дочерних обществ ПАО “Газпром”. Системно рассматривается законодательство о гражданской обороне стран СНГ (республик Беларусь и Казахстан). В настоящей статье предлагается внесение изменений в действующее законодательство, конкретизирующих отдельные особенности создания ЛСО на опасных производственных объектах I и II классов опасности.

Ключевые слова: энергетическое право, локальные системы оповещения, магистральные газопроводы, газораспределительные станции, компрессорные станции.

Для цитирования: Торопов Н.Н. Правовое регулирование создания систем оповещения о чрезвычайных ситуациях на объектах транспортировки газа // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 61–68. DOI: 10.61525/S231243500031373-8

LEGAL REGULATION OF EMERGENCY NOTIFICATION SYSTEM CREATION AT GAS TRANSMISSION FACILITIES

Toropov N.N.

2nd Category Legal Counsel,
Gazprom Transgaz Saratov, LLC
E-mail: toropov-nn@utg.gazprom.ru

Abstract. In 2014, significant changes were made to the civil defense legislation which require Gazprom Group companies operating gas trunk lines, gas distributing plants, and gas compressor stations to create and maintain local emergency notification systems (LNS) in a state of immediate readiness. The objective of this study is to analyze the current legislation and the peculiarities of practical application of the LNS-related rules. The subject of the study is the social relations that arise in the course of inspections by the Ministry of

Emergency Situations of Russia and the issuance of improvement notices to gas transmission organizations. The author reviews some controversial issues related to the persistent negative judicial practice in commercial courts and general jurisdiction courts for subsidiaries of Gazprom PJSC. The civil defense legislation of the CIS countries (the Republic of Belarus and Kazakhstan) is systematically reviewed. This article proposes amendments to the current legislation that would specify certain features establishing LNSs at class I and II HPFs.

Keywords: energy law, local notification systems, gas trunk lines, gas distributing plants, gas compressor stations.

For citation: Toropov N.N. Legal Regulation of Emergency Notification System Creation at Gas Transmission Facilities. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 61–68. DOI: 10.61525/S231243500031373-8

На территории Российской Федерации расположено значительное количество опасных производственных объектов (далее — ОПО) разных классов опасности. В то же время действующее законодательство с учетом изменений, которые произошли в 2014 г., продолжает пополняться новыми требованиями для владельцев ОПО I и II классов опасности в области гражданской обороны [1]. В связи с этим на организации, эксплуатирующие ОПО I и II классов, возложена обязанность по созданию локальных систем оповещения населения (далее — ЛСО). В свою очередь, компании Группы Газпром, занимающиеся транспортом газа, вынуждены претерпевать различные негативные последствия, выражающиеся в вынесении предписаний надзорных органов, усилении контроля при эксплуатации ОПО, значительных затратах на создание ЛСО.

Федеральным законом от 28.12.2013 № 404-ФЗ «О внесении изменений в статью 14 Федерального закона “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера” и Федеральный закон “О гражданской обороне”» были внесены следующие изменения:

— ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера” была дополнена п. “г” следующего содержания: “организации обязаны: г) создавать и поддерживать в постоянной готовности локальные системы оповещения о чрезвычайных ситуациях в порядке, установленном законодательством Российской Федерации”;

— ст. 9 Федерального закона от 12.02.1998 № 28-ФЗ “О гражданской обороне” была дополнена п. 3: “Организации, эксплуатирующие опасные производственные объекты I и II классов опасности, последствия аварий на которых могут причинять вред жизни и здоровью населения, проживающего или осуществляющего хозяйственную деятельность в зонах воздействия поражающих факторов за пределами их территорий, создают, реконструируют

и поддерживают в состоянии постоянной готовности к использованию локальные системы оповещения населения”.

В п. 1 ст. 10 Федерального закона от 21.07.1997 № 116-ФЗ “О промышленной безопасности опасных производственных объектов” также предусмотрено, что в целях обеспечения готовности к действиям по локализации и ликвидации последствий аварии организация, эксплуатирующая ОПО, обязана создавать системы наблюдения, оповещения, связи и поддержки действий в случае аварии и поддерживать указанные системы в пригодном к использованию состоянии.

Федеральный закон от 04.11.2022 № 417-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданской обороне”, Федеральный закон “О гражданской обороне”» дополнен следующими положениями и понятиями:

— **оповещение населения** — доведение до населения сигналов оповещения и экстренной информации об опасностях, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера;

— **системы оповещения населения** — совокупность технических средств, предназначенных для приема, обработки и передачи в автоматизированном и/или автоматических режимах сигналов оповещения и экстренной информации об опасностях, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера.

Таким образом, в законодательстве окончательно закрепились система норм, регулирующих требования по созданию ЛСО на ОПО. Несмотря на это, на практике могут возникать нормативные противоречия. Так, согласно ст. 6 Федерального закона от 12.02.1998 № 28-ФЗ “О гражданской обороне”, Правительство РФ наделено полномочием определения порядка создания, реконструкции

и поддержания в состоянии постоянной готовности к использованию систем оповещения населения.

Во исполнение вышеуказанной нормы Правительством РФ постановлением от 17.05.2023 № 769 “О порядке создания, реконструкции и поддержания в состоянии постоянной готовности к использованию систем оповещения населения” утверждены Правила создания, реконструкции и поддержания в состоянии постоянной готовности к использованию систем оповещения населения, которые определяют виды систем оповещения населения, границы зон их действия, мероприятия по их созданию, реконструкции. Данное постановление Правительства РФ вступило в силу с 1 сентября 2023 г.

Из указанных выше Правил следует, что мероприятия по созданию, реконструкции региональных и муниципальных систем оповещения населения проводятся в три этапа:

— на первом этапе разрабатываются план мероприятий, техническое задание и проектно-техническая документация на создание или реконструкцию системы оповещения населения;

— на втором этапе устанавливаются технические средства оповещения, проводятся работы, предусмотренные проектно-технической документацией на создание или реконструкцию системы оповещения населения; осуществляются подключение системы оповещения населения к сетям операторов связи, ввод адресов направлений оповещения и взаимодействия в базу данных технических средств оповещения системы оповещения населения и комплексная наладка программного обеспечения системы оповещения населения и технических средств оповещения, включая средства защиты информации; проводится обучение правилам эксплуатации допускаемых к эксплуатации технических средств оповещения дежурного (дежурно-диспетчерского) и технического персонала органов, осуществляющих управление гражданской обороной, и органов повседневного управления единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций;

— на третьем этапе проводятся испытания и осуществляется ввод системы оповещения населения в эксплуатацию.

Следует отметить, что организации, эксплуатирующие ОПО I и II классов, должны самостоятельно определять перечень мероприятий, необходимых для исполнения установленных требований. На наш взгляд, соблюдение установленных законом требований по созданию ЛСО в краткосрочный период

невозможно, поскольку возникают сложности с поиском проектных организаций и необходимостью несения финансовых затрат, которые могут достигать десятков миллионов рублей, а само намерение субъекта совершить действия в будущем не способно обеспечить в должной мере исполнимость вновь выносимых предписаний.

В соответствии с п. 4.2 ГОСТ Р22.7.05-2022 основной задачей ЛСО является доведение сигналов оповещения и экстренной информации:

— до руководящего состава и персонала организации, эксплуатирующей объект;

— объектовых аварийно-спасательных формирований, в том числе специализированных (при их наличии);

— единой дежурно-диспетчерской службы муниципальных образований, попадающих в границы зоны действия ЛСО;

— руководителей и дежурных служб организаций и предприятий, расположенных на территории объекта в зоне действия ЛСО;

— людей, находящихся в границах зоны действия ЛСО [2].

Из п. 4.3 ГОСТ Р22.7.05-2022 следует, что границами зоны действия ЛСО являются границы территории (зон) воздействия поражающих факторов от аварий на ОПО I и II классов опасности [2].

В разд. 2.2 Методических рекомендаций по поддержанию в состоянии постоянной готовности к использованию систем оповещения населения, утвержденных протоколом заседания рабочей группы Правительственной комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности по координации создания и поддержания в постоянной готовности систем оповещения населения от 20.12.2023 № 1, содержатся условия о численности населения, проживающего или осуществляющего хозяйственную деятельность в границах зон действия локальных систем оповещения населения. Данная информация указывается на основании деклараций промышленной безопасности ОПО и потенциально опасных объектов, а также сведений проектно-технической документации ЛСО и актов комплексных проверок состояния готовности ЛСО [3].

При установлении необходимости создания ЛСО на ОПО I и II классов опасности организациям транспорта газа следует руководствоваться декларацией о промышленной безопасности на объект. Однако при ознакомлении с декларациями нередки случаи, когда в них приводится информация о том,

что на линейной части магистрального газопровода располагаются земли сельскохозяйственного назначения, пересечения с автомобильными дорогами, и при возникновении поражающих факторов (возгорание, взрыв и т.д.) возможно наступление летальных исходов среди населения [3].

Следует учитывать, что ОПО могут иметь значительную протяженность, размещение части объекта возможно в труднопроходимых и безлюдных местах (леса, болота, горная местность). Таким образом, при создании ЛСО нормативно не урегулирован вопрос о критериях необходимости установления ЛСО в определенных местах на магистральных газопроводах с большой протяженностью [4].

Еще одним значимым требованием при создании ЛСО на ОПО I и II классов опасности является наличие сопряжения с действующими системами оповещения на региональном и муниципальном уровнях.

Требования к сопряжению установлены и в п. 5 приложения 1 к приказу МЧС России и Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 31.07.2020 № 578/365 “Об утверждении Положения о системах оповещения населения”, в котором указано, что все системы оповещения населения должны программно и технически сопрягаться. Пунктом 19 Положения определено, что “автоматический режим функционирования является основным для локальных систем оповещения, при этом допускается функционирование данных систем оповещения в автоматизированном режиме [5].

В п. 4.7 ГОСТ Р22.7.05-2022 указано, что ЛСО должна обеспечивать включение (запуск) оконечных средств оповещения в границах зоны действия ЛСО при получении информации [6].

В ГОСТ Р 42.3.01-2021 даны следующие термины:

— **оконечное средство оповещения** — специальное техническое устройство, осуществляющее передачу непосредственно человеку, в возможном для восприятия слухом и/или зрением аудио- и/или аудиовизуальном формате, а также путем вибрации сигналов оповещения и/или экстренной информации (п. 3.13);

— **мобильное средство оповещения** — вспомогательное или резервное техническое средство населения, стационарно установленное на подвижном объекте, предназначенное для привлечения внимания населения с последующей передачей сигнала оповещения и/или экстренной информации (п. 3.10);

— **носимое средство оповещения** — вспомогательное специальное техническое средство, предназначенное для привлечения внимания населения с последующей передачей сигнала оповещения и/или экстренной информации, приспособленное для работы при переноске (п. 3.12).

Таким образом, мобильное средство оповещения и носимое средство оповещения являются не оконечными средствами оповещения, а вспомогательными дополнительными техническими средствами оповещения населения.

Мы считаем, что опасность ОПО определяется совокупностью опасных производственных факторов процесса перекачки и опасных свойств перекачиваемой среды. К характерным признакам аварий и повреждений на газопроводе следует относить: шум при выходе газа через повреждения в газопроводе; в местах утечек пожелтевшая трава; бурые пятна на снегу; открытый огонь в охранной зоне газопровода; пузырьки или бурление на заболоченных/обводненных участках. Признаки аварийной ситуации на автомобильных дорогах: сход автотранспорта с автодороги, дорожно-транспортные происшествия; возгорание автотранспорта; утечка легко воспламеняющихся и ядовитых перевозимых жидкостей; повреждение элементов автомобильной дороги.

В подобном стечении обстоятельств, в случае возникновения поражающих факторов на ОПО I и II классов опасности, при нахождении людей в зоне досягаемости и видимости негативных последствий фактическое наличие и функционирование системы оповещения малоэффективны. На наш взгляд, представляется невозможным игнорировать характерные признаки аварий, которые в равной степени способны сигнализировать о чрезвычайной ситуации на опасном объекте. Из этого следует, что практическое создание ЛСО на ОПО I и II классов опасности подразумевает выполнение основных задач только по оповещению населения при угрозе военных конфликтов, стихийных бедствий и т.д., образуя минимальную целесообразность применения при авариях на магистральных газопроводах, компрессорных или газораспределительных станциях.

Из анализа судебной практики дочерних обществ ПАО “Газпром” по делам, связанным с установкой ЛСО на ОПО I и II классов опасности, следует, что территориальными органами МЧС России в отношении дочерних обществ ПАО “Газпром” (ООО “Газпром трансгаз Томск”, ООО “Газпром трансгаз Екатеринбург”, ООО “Газпром трансгаз Чайковский”, ООО “Газпром ПХГ”) неоднократно выдавались предписания, связанные

с необходимостью создания ЛСО на опасных производственных объектах, которые уже длительное время находились в эксплуатации. В частности, ООО «Газпром трансгаз Томск» обжаловало в судебном порядке выданные предписания. Суды всех инстанций, включая Верховный Суд РФ, отказали дочернему обществу в удовлетворении требований, признав обоснованность и законность выданных предписаний [7].

Таким образом, в настоящее время сложилась устойчивая судебная практика, согласно которой выданные МЧС России (его управлениями и территориальными органами) и Ростехнадзором предписания о необходимости организациям, эксплуатирующим опасные производственные объекты I и II классов опасности, последствия аварий на которых могут причинять вред жизни и здоровью населения, проживающего или осуществляющего хозяйственную деятельность в зонах воздействия поражающих факторов за пределами их территорий, создавать (реконструировать) и поддерживать в состоянии постоянной готовности к использованию ЛСО населения, остаются в силе. При этом суды при рассмотрении дела с целью установления границ территории (зон) воздействия поражающих факторов от аварий на ОПО I и II классов опасности берут за основу декларацию промышленной безопасности на ОПО и, ссылаясь на законодательство о гражданской обороне, признают законным требование о необходимости создания ЛСО [8].

Анализируя законодательства стран СНГ (Республика Беларусь, Республика Казахстан), встречаются схожие подходы и проблемы при рассмотрении вопроса обязательности создания ЛСО, но с учетом определенных особенностей.

Так, в Республике Беларусь действует постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28.11.2014 № 1118 «Об утверждении Положения о системе оповещения населения, органов управления и сил Государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны». В соответствии с данным нормативным актом система оповещения в населения создается также и на республиканском (федеральном) уровне, дается понятие объектовой системы оповещения. Для оповещения населения, проживающего на территории, не охваченной системами оповещения (малонаселенные пункты, садоводческие товарищества и др.), могут быть использованы автомобили, оборудованные сигнальными громкоговорящими установками. Порядок использования данных автомобилей определяется местными исполнительными и распорядительными органами. Финансирование мероприятий по со-

зданию, совершенствованию и поддержанию в состоянии постоянной готовности к использованию систем оповещения, материально-техническое обеспечение систем оповещения всех уровней осуществляются за счет средств республиканского и/или местных бюджетов, субъектов системы оповещения и иных источников в соответствии с законодательством [9].

В своей научной работе «Системы аварийного оповещения» А.В. Полулех приходит к выводу относительно практики применения систем оповещения в Республике Беларусь, что вероятность использования в конкретный момент времени теле- и радиоприемников на частотах государственных каналов не превышает 5–10% от количества населения, подлежащего оповещению, несмотря на то, что по радио и телевизионным каналам сигнал оповещения можно довести до 98% населения. Наиболее эффективным средством оповещения и информирования населения является интернет. Анализ отзывов граждан в социальных сетях свидетельствует об охвате оповещением не менее 70%, однако это не относится ко всем категориям населения: пожилые люди, в отличие от молодых, реже пользуются интернетом и могут не получить информацию о возможной чрезвычайной ситуации. Проведенный автором анализ показывает, что ни одно из существующих технических средств оповещения населения при возникновении чрезвычайных ситуаций не является универсальным, так как его эффективность определяется адресностью и скоростью, которые зависят от ряда факторов: территориальности, времени суток, категории населения, погодных условий, подготовленности к восприятию информации [10].

В Республике Казахстан, согласно Правилам организации системы оповещения гражданской защиты и оповещения населения, государственных органов при чрезвычайных ситуациях в мирное и военное время, утвержденным приказом Министра по чрезвычайным ситуациям Республики Казахстан от 26.12.2014 № 945, система оповещения населения также действует на республиканском уровне, ЛСО обеспечивает доведение сигналов оповещения и информации до населения, попадающего в расчетную зону распространения чрезвычайной ситуации. Границы зоны действия ЛСО определяются при разработке технического задания на создание (реконструкцию): ОПО в соответствии с зонами действия основных поражающих факторов (оценка зоны действия основных поражающих факторов при различных сценариях аварий, инцидентов), определяемыми Правилами разработки декларации промышленной безопасности

опасного производственного объекта, утвержденными приказом Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 30.12.2014 № 341 [11].

Из проведенного анализа следует, что принятие требований, регулирующих вопросы создания систем оповещения в странах СНГ, производилось в один период. В то же время нормативное регулирование в данных странах напрямую затрагивает интересы организаций, эксплуатирующих ОПО. Однако только в Республике Беларусь имеется возможность создания ЛСО за счет средств региональных или федеральных бюджетов, а также предполагается участие в субсидированных программах [12].

Таким образом, в силу закона организации транспорта газа, эксплуатирующие ОПО I и II классов опасности, вынуждены исполнять требования действующего законодательства в части создания ЛСО. Необходимость создания и реконструкции ЛСО регулируется не только законодательством о гражданской обороне, защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, но и законодательством о промышленной безопасности. Все имеющиеся нормативные акты, регулирующие ЛСО, возлагают на организацию, эксплуатирующую ОПО I и II классов, не только обязанность по созданию, реконструкции и поддержанию в состоянии готовности к использованию ЛСО, но и обязанность по обеспечению программно-технического сопряжения ЛСО с муниципальными и региональными системами оповещения.

В свою очередь, за отсутствие ЛСО предусмотрена административная ответственность в соответствии со ст. 19.5, 20.6, 20.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях, максимальный размер штрафа по которым может достигать 200 тыс. руб.

Имеется устойчивая судебная практика, в частности, для дочерних обществ ПАО «Газпром», из которой следует, что суды приходят к выводу об обязанности создания ЛСО на объектах I и II классов опасности.

Законодателем не конкретизируются способы внедрения систем оповещения на линейные объекты со значительной протяженностью, не учитываются особенности ландшафта местности, климатических условий, удаленность населенных пунктов друг от друга. Линейная часть ОПО может включать технологические площадки и узлы, не требующие постоянного или вахтового технического обслуживания и присутствия персонала [4].

Автор считает, что организации транспорта газа должны самостоятельно рассматривать необходимость создания ЛСО при эксплуатации ими линейных объектов I и II классов опасности.

На основании вышеизложенного предлагается рассмотреть возможность внесения следующих изменений в действующее законодательство.

1. Дополнить ст. 14 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»; ст. 9 Федерального закона от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне»; ст. 10 Федерального закона от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» пунктом следующего содержания:

“Для организаций, эксплуатирующих опасные производственные объекты I и II классов, в случае отсутствия опасного вещества в количествах, указанных в приложении 2 к Федеральному закону от 21.07.1997 № 116-ФЗ, или сведений в декларациях промышленной безопасности о числе пострадавших в случае аварии среди населения и персонала сторонних организаций, создание локальных систем оповещения не требуется”.

2. Дополнить Положение о системах оповещения населения, утвержденное приказом МЧС России и Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 31.07.2020 № 578/365; ГОСТ Р 42.3.01-2021 пунктом следующего содержания:

“Для оповещения населения, проживающего на территории, не охваченной системами оповещения (малонаселенные пункты, садоводческие товарищества и другое), в приоритетном порядке могут быть использованы автомобили, оборудованные сигнальными громкоговорящими установками”.

3. Изложить п. 3 ст. 9 Федерального закона от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне» в следующей редакции:

“3. Организации, эксплуатирующие опасные производственные объекты и гидротехнические сооружения I и II классов опасности, за исключением линейной части магистрального трубопроводного транспорта, особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты, которым установлена категория потенциальной радиационной опасности, последствия аварий на которых могут причинять вред жизни и здоровью населения, проживающего в зонах воздействия поражающих факторов за пределами их территорий, создают и поддерживают в состоянии готовности локальные системы оповещения, осуществляют

оповещение и информирование населения в зоне ответственности организации, определяемой проектной документацией или стандартом организации”.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. What are the hazard classes of industrial facilities // Attec Group of Companies website. URL: <https://www.centrattek.ru/info/OPO-kanegoriya-i-reestr/>
2. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 22.7.05-2022 “Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Локальные системы оповещения в районах размещения потенциально опасных объектов. Общие требования” // Справочно-правовая система “Консультант”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=29521#wZxKd6UUXFDde5mU4>
3. Методические рекомендации по созданию и реконструкции систем оповещения населения // Справочно-правовая система “Гарант”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400465761/>
4. Леонова А.Н., Леонова Е.М. Создание локальных систем оповещения с учетом особенностей арктической зоны // Столыпинский вестник. 2023. № 3. С. 3–5.
5. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/7/2020 No. 50-AD20-4 // Legal reference system “Consultant”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=652148#1gKad6UAID00GK07>
6. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 22.7.05-2022 “Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Локальные системы оповещения в районах размещения потенциально опасных объектов. Общие требования” // Справочно-правовая система “Консультант”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=29521#wZxKd6UUXFDde5mU4>
7. Определение Верховного Суда РФ от 23.03.2021 № 304-ЭС21-1802 по делу № А46-21804/2019 // Справочно-правовая система “Консультант”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=659982#vtmUd6UvSks1HqOD>; Определение Верховного Суда РФ от 25.06.2021 № 304-ЭС21-11720 по делу № А46-5274/2020 // Справочно-правовая система “Консультант”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=671800#KMmVd6Uspov4AgIM1>; Rules defining criteria for classifying hazardous production facilities as declared, and Rules for the development of a declaration of industrial safety of a hazardous production facility, approved by Order of the Minister for Investment and Development of the Republic of Kazakhstan dated December 30, 2014 No. 341 // Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010151>; Rules for the organization of the civil protection notification system and public notification, state bodies in emergency situations in peacetime and wartime, approved by Order of the Minister of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan dated 12.26.2014 No. 945 // Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010151>; Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.23.2021 No. 304-ES21-1802 in case No. A46-21804/2019 // Legal reference system “Consultant”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=659982#vtmUd6UvSks1HqOD>; Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.25.2021 No. 304-ES21-11720 in case No. A46-5274/2020 // Legal reference system “Consultant”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=671800#KMmVd6Uspov4AgIM1>
8. Постановление Верховного Суда РФ от 03.10.2016 № 18-АД16-147 // Справочно-правовая система “Консультант”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=480555#ZraZd6U4okrvUkLH1>; постановление Верховного Суда РФ от 16.12.2020 № 50-АД20-6 // Справочно-правовая система “Консультант”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=651856#ro0ad6UCOsdyE6nj1>; постановление Верховного Суда РФ от 07.12.2020 № 50-АД20-4 // Справочно-правовая система “Консультант”. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=652148#1gKad6UAID00GK07>
9. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28.11.2014 № 1118 “Об утверждении Положения о системе оповещения населения, органов управления и сил Государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны” // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21401118>
10. Полулех А.В. Системы аварийного оповещения // Электронный архив научных публикаций сотрудников и преподавателей БГУИР. URL: <https://libeldoc.bsuir.by/handle/123456789/43583>
11. Правила организации системы оповещения гражданской защиты и оповещения населения, государственных органов при чрезвычайных ситуациях в мирное и военное время, утвержденные Приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 26.12.2014 № 945 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010151>; Правила, определяющие критерии отнесения опасных производственных объектов к декларлируемым, и Правила разработки декларации промышленной безопасности опасного производственного объекта, утвержденные Приказом

Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 30.12.2014 № 341 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1400010257>

12. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28.11.2014 № 1118 “Об утверждении

Положения о системе оповещения населения, органов управления и сил Государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны” // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21401118>

Сведения об авторе:

Торопов Николай Николаевич
Юрисконсульт 2-й категории,
ООО «Газпром трансгаз Саратов»

Authors' information:

Nikolay N. Toropov
2nd Category Legal Counsel,
Gazprom Transgaz Saratov, LLC

Поступила в редакцию / Received 14.03.2024
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.04.2024
Принята к публикации / Accepted 20.05.2024

DOI: 10.61525/S231243500031374-9

Оригинальная статья / Original Article

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ ОПАСНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В ОТСУТСТВИЕ ОФОРМЛЕННОГО ПРАВА НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

Свиридова Д.А.

Юрисконсульт,
отдел нормативно-правовой экспертизы
ООО “Газпром трансгаз Томск”
E-mail: swiridowadarya@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье исследованы основные проблемы правового регулирования размещения энергетических объектов на землях и земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитута, публичного сервитута. В данной работе названный правовой институт рассматривается в качестве правового режима дозvolения использования лицами земель и земельных участков при условии ограничения прав собственника, при этом обращается внимание на то, что возможность его использования подразумевает смешанную правовую природу, поскольку изъявление воли пользователя подкрепляется необходимостью выдачи акта уполномоченным органом (разрешения). Автор статьи приходит к выводу о необходимости законодательного урегулирования вопроса о взимании платы за использование земель и земельных участков в соответствии с гл. V.6 Земельного кодекса Российской Федерации. Данная норма позволила бы достичь единообразия при регулировании рассматриваемых правоотношений.

Ключевые слова: энергетическое право, правовой режим энергетических объектов, земельный участок, сервитут, публичный сервитут.

Для цитирования: Свиридова Д.А. Проблемы правового регулирования эксплуатации опасных производственных объектов в отсутствие оформленного права на земельные участки // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 69–73. DOI: 10.61525/S231243500031374-9

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF OPERATION OF HAZARDOUS PRODUCTION FACILITIES IN THE ABSENCE OF REGISTERED RIGHTS TO LAND PLOTS

Sviridova D.A.

Legal Counsel,
Regulatory Expertise Department,
Gazprom transgaz Tomsk, LLC
E-mail: swiridowadarya@yandex.ru

Abstract. This article examines the primary challenges associated with the legal regulation of placement of energy facilities on land and land plots owned by the state or municipality without providing land plots and establishing easements or public easements. This paper considers the legal institution in question as a legal

regime for permitting the use of lands and land plots by persons subject to the limitation of the rights of the owner. It notes that the possibility of its use implies a mixed legal nature, since the expression of the user's will is supported by the need to issue an act by an authorized body (permit). The author of this article concludes that the issue of charging fees for the use of land and land plots should be legislatively regulated in accordance with Chapter V.6 of the Land Code of the Russian Federation. This rule would ensure uniformity in the regulation of the legal relations under consideration.

Keywords: energy law, legal regime of energy facilities, land plot, easement, public easement.

For citation: Sviridova D.A. Problems of Legal Regulation of Operation of Hazardous Production Facilities in the Absence of Registered Rights to Land Plots. *Energy Law Forum*, 2024, iss. 2, pp. 69–73. DOI: 10.61525/S231243500031374-9

По общему правилу использование земель и земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, связано с их предоставлением на праве собственности, аренды, безвозмездном праве пользования или же путем установления сервитута, публичного сервитута.

Федеральным законом от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» с 1 марта 2015 г. в Земельный кодекс РФ (далее — ЗК РФ) введена гл. V.6 «Использование земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитута, публичного сервитута», тем самым ознаменовав образование одноименного правового института в российском земельном законодательстве.

По смыслу ст. 39.33 ЗК РФ использование земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, за исключением земельных участков, предоставленных гражданам или юридическим лицам, может осуществляться без предоставления земельных участков и установления сервитута, публичного сервитута в 10 определенных случаях, среди которых: проведение инженерных изысканий; капитальный или текущий ремонт линейного объекта; возведение некапитальных строений, сооружений (включая ограждения, бытовки, навесы); складирование строительных и иных материалов, техники для обеспечения строительства, реконструкции линейных объектов федерального, регионального или местного значения. К числу таких объектов, в частности, относятся нефте- и газопроводы, являющиеся в соответствии с Федеральным законом от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» опасными производственными объектами.

Для установления прав на земли и земельные участки с целью эксплуатации указанных выше

объектов энергетические компании преимущественно пользуются институтом публичного сервитута, устанавливаемого государственным органом исполнительной власти, поскольку организации, эксплуатирующие такие объекты, в процессе своей хозяйственной деятельности реализуют удовлетворение общественных интересов населения, заинтересованного в том числе в газификации мест их проживания.

Использование публичных земель и земельных участков без предоставления, по сути, представляет легальное беститульное использование, так как данные правоотношения являются одновременно законными, но в то же время не предполагают наличия у пользователя предусмотренного законом титула.

В процессе выявления правовой природы рассматриваемых правоотношений Конституционный Суд РФ указал, что федеральный законодатель с учетом имеющегося многообразия видов сооружений, а также их функциональных и технических характеристик таким образом предусмотрел возможность размещения ряда сооружений без предоставления находящихся в публичной собственности земельных участков и установления сервитутов, т.е. без оформления прав собственников (владельцев) таких сооружений на эти земельные участки. Данное правовое регулирование, согласно позиции Конституционного Суда РФ, призвано обеспечить возможность оперативного (без оформления правоустанавливающих документов на землю) размещения определенных объектов с учетом их особых характеристик и назначения [1].

Виды объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов, содержатся в одноименном Перечне, утвержденном постановлением Правительства РФ от 03.12.2014 № 1300, который является закрытым и содержит 34 катего-

рии объектов, среди которых газопроводы и иные трубопроводы давлением до 1,2 МПа, для размещения которых не требуется разрешения на строительство [2].

Рассматриваемый правовой институт, по мнению автора статьи, является весьма неоднозначным, наверное, потому он и не нашел отражения ни в нормах земельного законодательства об ограниченном праве пользования чужими земельными участками, аренде, безвозмездном праве пользования земельными участками (гл. IV ЗК РФ), ни в нормах об основаниях возникновения прав на земельные участки, предоставляемые из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности (ст. 39.1 ЗК РФ). Следует отметить, что рассматриваемые вопросы справедливо становятся предметом правовых исследований [3].

Таким образом, несмотря на то что фактически так называемое право на земли или земельные участки приобретает, именно в качестве права оно не поименовано в ЗК РФ, что не может не вызывать вопросы как среди ученых — теоретиков юридической науки, так и в правоприменительной практике.

Как следует из п. 2 ст. 39.33 ЗК РФ, основанием для использования таких земель или земельных участков является разрешение уполномоченного органа.

Вопреки наличию Правил выдачи разрешения на использование земель или земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27.11.2014 № 1244, автор статьи считает необходимым обратить внимание на тот факт, что положения рассматриваемой главы ЗК РФ все же нельзя признать детально регламентирующими процесс использования земель и земельных участков без предоставления, ведь нормы не содержат информации, например, о возмездности такого использования, категорий земель, на которых размещены или планируются к размещению объекты, виды разрешенного использования земельных участков [4].

В соответствии с подп. 7 п. 1 ст. 1 ЗК РФ одним из принципов, на котором основывается данный кодекс и иные изданные в соответствии с ним акты земельного законодательства, является принцип платности использования земли, согласно которому любое использование земли осуществляется за плату, за исключением случаев, установленных федеральными законами и законами субъектов РФ.

Согласно разъяснениям Минэкономразвития России 2016 г., использование земель или

земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитута во всех случаях, предусмотренных ст. 39.33 ЗК РФ, осуществляется бесплатно [5].

Противоположную позицию по данному вопросу высказал Верховный Суд РФ, обоснованно указав: “Договор на размещение на государственных или муниципальных землях соответствующего объекта и договор аренды земельного участка имеют схожую правовую природу, поскольку оба связаны с отношениями по использованию земель. Следовательно, использование земли по договору на размещение объекта без предоставления земельного участка не может иметь в вопросе платы иное правовое регулирование, чем это предусмотрено статьей 65 Земельного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой одной из форм платы за использование земли является арендная плата. Иное ставило бы в неравное положение участников данных правоотношений. При этом размещение нестационарных торговых объектов, являясь одним из способов использования земельных участков, предполагается платным, поскольку иное не предусмотрено ни федеральным законом, ни законом субъекта Российской Федерации” [6].

В противовес данной точке зрения существует судебная практика, содержащая выводы о том, что использование земель или земельных участков в рассматриваемых целях осуществляется бесплатно. Обоснование сводится к тому, что обязанность по внесению платежей возникает при использовании земельных участков на каком-либо праве, а использование земельных участков в целях размещения объектов, перечисленных в ст. 39.33 ЗК РФ, не порождает вещные права, подлежащие государственной регистрации. Разрешение на использование земельных участков не является правоустанавливающим документом на земельный участок, разрешая лишь ограниченное пользование и владение им. Наличие у лица разрешения позволяет использовать земельный участок без принятия со стороны органов государственной власти или местного самоуправления решения о его предоставлении или заключения с указанными органами соответствующих договоров [7].

С целью частичного урегулирования спорного вопроса о возмездности пользования земель и земельных участков без предоставления в 2021 г. в п. 1 ст. 65 ЗК РФ добавлена форма платы за использование земли, помимо земельного налога и арендной платы, “иная плата, предусмотренная Земельным кодексом Российской Федерации”. Однако плата за использование земли в установлен-

ных гл. V.6 ЗК РФ случаях, отдельно в нормах ЗК РФ не предусмотрена. Помимо прочего, представляется противоречие введенной нормы с подп. 7 п. 1 ст. 1 ЗК РФ, по смыслу которого федеральным законом или законом субъекта РФ устанавливается исключение, когда использование земли является бесплатным.

Достаточно спорной представляется позиция судов относительно отсутствия в региональных нормативных правовых актах норм о безвозмездности землепользования, а также о порядке расчета и внесения платы за пользование земельными участками. Так, отсутствие в нормативном акте субъекта РФ условия о платности размещения объектов на земельных участках без их предоставления, по мнению судебного органа, не означает установление бесплатности такого размещения, так как на это обстоятельство должно быть прямо указано в соответствующем нормативном акте, что следует из содержания общего принципа платности землепользования [8].

В этой связи автор статьи приходит к выводу о необходимости законодательного урегулирования вопроса о взимании платы за использование земель и земельных участков в соответствии с гл. V.6 ЗК РФ. Данная норма позволила бы достичь единообразия при регулировании рассматриваемых правоотношений.

Помимо вышеуказанного не стоит также забывать про положение п. 1.1 ст. 39.20 ЗК РФ, устанавливающего запрет на предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в собственность или аренду собственникам и иным правообладателям сооружений на таких земельных участках, в случае, если эти сооружения могут быть размещены на земельных участках на основании сервитута, публичного сервитута или в соответствии со ст. 39.36 ЗК РФ.

При таком подходе представляется неясной логика законодателя относительно приоритетности использования земель и земельных участков в порядке гл. V.6 ЗК РФ перед предоставлением их на праве собственности или аренды. Более того, Министерство экономического развития РФ в своем письме указало на то, что использование земель без предоставления имеет более низкую степень юридической защиты права на использование земельных участков, нежели аренда и вещные права. С данным заключением невозможно не согласиться, поскольку правовая природа рассматриваемой конструкции подвергается сомнению сквозь призму принципов вещного права.

Помимо этого наблюдается некий диссонанс п. 1 и 4 ст. 39.33 ЗК РФ. Так, в п. 1 исчерпывающим образом определены цели использования земель или земельных участков без предоставления, тогда как п. 4, напротив, устанавливает для лиц, получивших разрешение, запрет на строительство или реконструкцию объектов капитального строительства, возведение которых, по мнению автора статьи, возможно, будет являться необходимым для цели обеспечения безопасной эксплуатации объектов систем газоснабжения.

Подводя итог вышеизложенному, автор настоящей статьи полагает, что рассматриваемую конструкцию все же можно назвать удобной для организаций энергетического сектора, в том числе компаний, осуществляющих деятельность в сфере нефте- и газоснабжения. Среди причин такого заключения можно выделить нелегкий в плане временных затрат процесс оформления прав на земли и земельные участки, расположенные под линейными объектами [9].

Вместе с тем в связи с отсутствием достаточного правового регулирования применение указанного правового института в правоприменительной практике вызывает ряд вопросов и правовых коллизий, которые возможно устранить путем совершенствования земельного законодательства способами, представленными в настоящей статье.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.03.2019 № 722-О; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 1629-О; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 1630-О; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.2021 № 138-О. URL: <https://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>
2. Постановление Правительства РФ от 03.12.2014 № 1300 “Об утверждении перечня видов объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов” // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.12.2014).
3. Корнеев А.Л. Особенности действия норм об использовании земли (земельных участков) без предоставления // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 2; Игнатьева И.А. Использование земель и земельных участков с объектами электроэнергетики: право и практика. М.: Проспект, 2019; Кораблин А.Ф., Косаруков З.С.,

- Миклашевская О.В., Сизов А.П., Чуприн М.С. Особенности документационного обеспечения процедуры предоставления земельных участков из земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности (с учетом положений ЗК РФ, вступающих в силу с 01.03.2015 г.) // *Науки о Земле*. 2015. № 1; Липски С.А. Изменение правил предоставления земельных участков — новый шаг в развитии земельного законодательства // *Аграрное и земельное право*. 2014. № 7; Кузьмин Р.Р. Использование земли без предоставления и установления сервитута как фиктивная категория. Ее влияние на вещное право // *Хозяйство и право*. 2022. № 6. С. 53–61.
4. Постановление Правительства РФ от 27.11.2014 № 1244 “Об утверждении правил выдачи разрешения на использование земель или земельного участка, находящихся в государственной или муниципальной собственности” // *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2014).
 5. Письмо Минэкономразвития России от 14.10.2016 № Д23и-4886 “О платности использования земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без их предоставления и установления в отношении их сервитута в случаях, предусмотренных подпунктом 6 пункта 1 статьи 39.33 Земельного кодекса Российской Федерации” // СПС “КонсультантПлюс”.
 6. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 12.12.2018 № 48-АПГ18-30 // СПС “КонсультантПлюс”.
 7. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.11.2018 № 9-АПГ18-13 // СПС “КонсультантПлюс”.
 8. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19.07.2021 № А56-24161/2021; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2021 № 13АП-30006/202; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.04.2022 № Ф07-4520/2022. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
 9. Игнатъева И.А. *Использование земель и земельных участков с объектами электроэнергетики: право и практика*. М.: Проспект, 2019.

Сведения об авторе:**Свиридова Дарья Алексеевна**

Юрисконсульт,

отдел нормативно-правовой экспертизы

ООО «Газпром трансгаз Томск»

Authors' information:**Darya A. Sviridova**

Legal Counsel,

Regulatory Expertise Department,

Gazprom transgaz Tomsk, LLC

Поступила в редакцию / Received 15.03.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.05.2024

Принята к публикации / Accepted 10.06.2024

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

DOI: 10.61525/S231243500031375-0

Оригинальная статья / Original Article

**МЕСТО ДОГОВОРА НА СТРОИТЕЛЬСТВО
ГЕНЕРИРУЮЩИХ ОБЪЕКТОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ
НА ОСНОВЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ,
В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ****Патес А.С.**

Аспирант, АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права
и современной правовой науки имени В.А. Мусина”
E-mail: pas@vershina.energy

Аннотация. В представленной статье автор акцентировал внимание на теоретическом осмыслении договорных инструментов, используемых для создания генерирующих объектов, которые функционируют на основе возобновляемых источников энергии (далее — ВИЭ). Цель исследования заключается в поиске правовых особенностей обязательств, направленных на строительство данных объектов на фоне системы общих и специальных договоров, выделяемых в гражданском и энергетическом законодательстве Российской Федерации. Для этого автор соотнес теоретические подходы, сложившиеся в российской цивилистике и в науке энергетического права, по вопросам применения смешанных и комплексных договорных форм. В результате договор на строительство генерирующих объектов, функционирующих на основе ВИЭ, предлагается рассматривать в двух плоскостях: в качестве единого гражданско-правового соглашения и как совокупность смежных гражданско-правовых сделок. В первом случае договор порождает комплекс обязательств, направленных на строительство соответствующего объекта, что подчиняет стороны не только нормам гражданского законодательства, но и требованиям энергетического законодательства Российской Федерации. Во втором варианте несколько гражданско-правовых договоров, в том числе смешанного или комплексного типа, призваны достичь общую цель — создание определенного генерирующего объекта. В таком случае действие гражданского и энергетического законодательства может быть разграничено в зависимости от предмета и содержания договора.

Ключевые слова: энергетическое право, частно-правовые отношения, возобновляемые источники энергии (ВИЭ), договорное регулирование, строительство энергообъектов.

Для цитирования: Патес А.С. Место договора на строительство генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии, в системе гражданско-правовых договоров // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 74–79. DOI: 10.61525/S231243500031375-0

**PLACE OF A RES-BASED GENERATING FACILITY CONSTRUCTION
CONTRACT IN THE SYSTEM OF CIVIL LAW CONTRACTS****Pates A.S.**

Postgraduate Student,
Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development
of Energy Law and Modern Legal Science
E-mail: pas@vershina.energy

Abstract. In this article, the author has focused on the theoretical understanding of contractual instruments used to create renewable energy source (RES) based generating facilities. The purpose of the study is to find the legal peculiarities of the obligations aimed at the construction of these facilities against the background of a system of general and special contracts highlighted in the Russian civil law and energy law. To do this, the author has correlated the theoretical approaches that have developed in Russian civil jurisprudence and in the energy law science on the application of mixed and comprehensive contractual forms. As a result, the contract for the construction of RES-based generating facilities is proposed to be considered on two levels: as a single civil law agreement and as a set of related civil law transactions. In the first case, the contract generates a set of obligations aimed at the construction of the relevant facility, which subordinates the parties not only to the norms of civil law, but also to the requirements of the Russian energy laws. In the second case, several civil law contracts, including those of a mixed or comprehensive type, are aimed to achieve a common goal, the creation of a specific generating facility. In this case, the effect of civil and energy laws can be differentiated depending on the subject matter and content of the contract.

Keywords: energy law, private law relations, renewable energy sources (RES), contractual regulation, energy facility construction.

For citation: Pates A.S. Place of a RES-Based Generating Facility Construction Contract in the System of Civil Law Contracts. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 74–79. DOI: 10.61525/S231243500031375-0

СИСТЕМА ДОГОВОРОВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ГРАЖДАНСКОМУ ОБОРОТУ ОБЪЕКТОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ НА ОСНОВЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫМ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ

Энергетический рынок Российской Федерации претерпевает различные институциональные изменения, вызванные в том числе потребностью в развитии и интеграции в единую энергосистему генерации, функционирующей на основе возобновляемых источников энергии (далее — ВИЭ). Если в масштабах национальной энергетической системы применение ВИЭ-генерации к настоящему времени имеет признаки фрагментарности и в целом недостаточно распространено, то в отдельных субъектах РФ акцент сделан именно на альтернативную энергетику, что позволило ВИЭ-генерации играть заметную часть в региональном энергетическом балансе.

Указанное обстоятельство вызвано многочисленными экономическими факторами, к числу которых за последнее десятилетие добавились политические обстоятельства. Так, наложение международных санкций на российский энергетический сектор спровоцировало необходимость расширения поисков и разработок ВИЭ, что немаловажно без использования эффективных договорных инструментов, призванных согласовать волю определенного круга хозяйствующих субъектов и публично-правовых образований [1].

В российской правовой науке сложились разнообразные типологии договоров, оформляющих обязательственные правоотношения в сфере использования ВИЭ. В частности, ряд исследователей предлагает целую систему договорных конструкций по их предмету [2]:

- 1) договоры, опосредующие строительство генерирующих объектов, функционирующих на основе ВИЭ;
- 2) договоры, направленные на проведение комплекса изысканий, проектных работ и прохождения экспертизы проекта по строительству генерирующих объектов;
- 3) договоры, обеспечивающие технологическое присоединение подобных генерирующих объектов;
- 4) договоры, направленные на оперативно-диспетчерское управление генерирующими объектами;
- 5) договоры, регулирующие эксплуатацию и техническое обслуживание генерирующих объектов;
- 6) договоры, при помощи которых предоставляется мощность квалифицированных генерирующих объектов;
- 7) различные договоры, опосредующие куплю-продажу электроэнергии, вырабатываемой генерирующими объектами, или атрибутов генерации.

Приведенный перечень демонстрирует соответствующую градацию хозяйственной деятельности, предметом которой выступают генерирующие объекты, функционирующие на основе ВИЭ [3]. Соответственно, в цивилистике и науке предприниматель-

ского права нередко встречаются теоретические осмысления договорных средств в качестве определенного вида предпринимательской деятельности [4], что, в свою очередь, изначально сужает субъектный состав названных обязательственных правоотношений [5].

Между тем данная типологизация является далеко не единственной среди научных исследований, посвященных договорному регулированию отношений в рассматриваемой сфере. Так, распространенным критерием разграничения договоров следует признать субъектный состав возникающих на их основании обязательств [6]. В силу этого принято выделять заказчиков, проектные и подрядные организации, сетевые организации, собственников, покупателей, каждый из которых классифицируется по тому виду рынка, в рамках которого складываются договорные отношения (оптовый и розничный, контрактный и оперативный, национальный, региональные и зональные рынки).

Например, договор на строительство генерирующего объекта, который функционирует на основе ВИЭ, всегда предполагает выделение фигуры заказчика, с одной стороны, и подрядной (проектной) организации, с другой. Вместе с тем сложный предмет подобного договора, обоснованный технологической неустойчивостью объекта договорных отношений или его инновационным характером в российских условиях, предполагает заключение на практике трехсторонних и многосторонних обязательств, оформленных либо единой гражданско-правовой сделкой, либо совокупностью смежных договоров. Отсюда можно заключить, что классическая типология гражданско-правовых обязательств, сложившаяся в цивилистике по критерию количества сторон, в полной мере может быть спроецирована на договор, опосредующий строительство генерирующих объектов, которые функционируют на основе ВИЭ.

Однако сформировавшиеся в современном гражданском праве теоретические подходы к видовому разнообразию сделок, предметом которых выступают объекты, функционирующие на основе ВИЭ, не позволяют однозначно квалифицировать возникающие обязательства в общей системе гражданско-правовых договоров. Наглядным примером этого является договор на строительство генерирующих объектов безотносительно того источника энергии, на основе которого он будет функционировать.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА НА СТРОИТЕЛЬСТВО ГЕНЕРИРУЮЩИХ ОБЪЕКТОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ НА ОСНОВЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ

Установление правовой природы обязательств, призванных организовать строительство генерирующих объектов, упирается в матричное строение договоров, оформляющих данные правоотношения.

Так, одни авторы полагают, что рассматриваемое обязательство в полной мере выступает разновидностью строительного подряда и базируется на нормах гл. 37 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) с умеренным публично-правовым вмешательством [7].

Напротив, исследователи, специализирующиеся на отдельных договорных конструкциях в области энергетики, подчеркивают смешанный тип договоров, направленных на строительство подобных объектов, поскольку в них одновременно сочетаются признаки не только смежных договорных обязательств, но и особых сделок, которые совершаются исключительно в энергетической отрасли [8]. При этом позиции второй группы ученых расходятся по вопросу гармоничного применения к данным правоотношениям норм частного и публичного права.

По мнению одних авторов, договор на строительство генерирующих объектов испытывает значительное влияние энергетического, экологического и административного права, что существенно снижает автономию воли его сторон [9]. Другие исследователи отмечают достижение баланса частных и публичных интересов в строительстве экономически востребованных генерирующих объектов, что обосновывает государственное участие в стимулировании инвестиционных проектов, призванных увеличить долю ВИЭ [10].

Впрочем, инвестиционная основа обязательств, направленных на строительство рассматриваемых объектов, предполагает формирование нескольких правовых режимов, среди которых договорный режим может сочетать сугубо гражданско-правовые средства с административно-правовыми и финансово-правовыми, если проект обеспечивается участием федерального или регионального бюджетов, а равно построен на механизме государственно-частного партнерства. Тем самым правовая природа данных отношений зависит не только от предмета и субъектного состава обязательств, но и

от наличия публичного (государственного) интереса.

В нормативно-правовой базе, сложившейся в Российской Федерации, прослеживается сразу несколько подходов, по-разному трактующих природу обязательств, опосредующих строительство генерирующих объектов, которые функционируют на основе ВИЭ.

Согласно п. 1 ст. 21 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ “Об электроэнергетике” (далее — ФЗ “Об электроэнергетике”) на Правительство РФ возложена функция по выработке порядка строительства объектов электроэнергетики, который включает не только условия финансирования, но и условия осуществления строительных проектов в данном направлении. С 1 февраля 2024 г. вступили в силу правительственные правила квалификации генерирующих объектов, основанных на применении ВИЭ [11]. Они содержат комплекс требований к подобным объектам для признания их квалифицированными, что является новацией российского энергетического законодательства.

Квалификация генерирующих объектов была введена в положения ФЗ “Об электроэнергетике” в 2023 г. посредством комплекса новых норм [12], которые в своей совокупности не наделяют собственников таких объектов очевидной юридической обязанностью прохождения данной процедуры, но стимулируют к этому для распространения специальных правовых норм, регулирующих особенности эксплуатации объектов, основанных на ВИЭ. Тем самым законодательно не содержится специальных требований к субъектному составу договора на строительство генерирующего объекта, что компенсируется условиями признания его в качестве квалифицированного генерирующего объекта.

Впрочем, предпринимательское использование генерирующего объекта зависит от ряда льгот, предоставляемых государством. Согласно п. 2 ст. 32 ФЗ “Об электроэнергетике” Правительство РФ может как устанавливать соответствующий механизм стимулирования, так и выдвигать требования к содержанию договоров, используемых хозяйствующими субъектами при строительстве, реконструкции, модернизации и ремонте подобных объектов.

Отмеченные правовые особенности обосновывают контроль Правительства РФ над созданием генерирующих объектов, которые функционируют на основе использования определенного вида ВИЭ. Например, ежегодно составляется перечень

субъектов РФ, в которых запланирована установка или эксплуатация генерирующих объектов с использованием отходов производства [13].

Кроме того, рассматриваемые объекты должны соответствовать техническим требованиям в рамках использования вырабатываемой электроэнергии, что также является предметом регулирования правовых актов Правительства РФ [14]. Стороны, имеющие обязательства по строительству данных объектов, не могут игнорировать указанные технические нормы, поскольку соответствующая юридическая обязанность возникает вне зависимости от содержания договора и целей последующей эксплуатации создаваемого генерирующего объекта.

Таким образом, проанализированные подзаконные нормативно-правовые акты Правительства РФ и нормы ФЗ “Об электроэнергетике” являются специальными по отношению к гражданско-правовым нормам, регулирующим подрядные обязательства. Их применение основано на смешанном типе договора, опосредующего строительство генерирующего объекта, который функционирует на основе ВИЭ, что не противоречит нормативной конструкции п. 3 ст. 421 ГК РФ.

СООТНОШЕНИЕ ДОГОВОРА НА СТРОИТЕЛЬСТВО ГЕНЕРИРУЮЩЕГО ОБЪЕКТА, ФУНКЦИОНИРУЮЩЕГО НА ОСНОВЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ, СО СМЕЖНЫМИ ДОГОВОРНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ

Общая правовая природа рассматриваемого договора с договором строительного подряда и другими видами подрядных обязательств вытекает из диспозиции п. 1 ст. 740 ГК РФ, в которой предметом может быть не только строительство определенного объекта, но и ряд иных строительных работ. В п. 2 ст. 740 ГК РФ в вариативной форме перечисляются такие действия, как реконструкция, монтажные, пуско-наладочные работы, а равно любые виды работ, которые неразрывно связаны с объектом строительства. В сравнительном выражении предмет договора может предусматривать также последующую эксплуатацию построенного объекта на согласованных сторонами сроках.

Тем самым заказчик строительства генерирующего объекта, функционирующего на основе ВИЭ, вправе ограничиться гражданско-правовой конструкцией договора строительного подряда, а иные виды работ, услуг или приобретение необходимых

конструктивных элементов — оформить другим договором (включая договор поставки).

В названной системе договорных инструментов, обеспечивающих создание или реконструкцию генерирующего объекта, прослеживается гражданско-правовой принцип свободы договора, который, несмотря на специфический предмет, подчиненный требованиям энергетического законодательства, предоставляет заинтересованному лицу определенный выбор не только контрагентов, но и договорных средств достижения экономического результата.

Вместе с тем право заказчика оформить комплекс работ, направленных на строительство генерирующего объекта, функционирующего на основе ВИЭ, в виде комплекса договорных обязательств на практике приводит к заключению смешанного договора, который сочетает в себе условия строительного подряда, проектных и изыскательских работ, поставки и возмездного оказания услуг. Учитывая уровень развития ВИЭ в Российской Федерации, хозяйствующие субъекты вынуждены самостоятельно заказывать опытно-конструкторские и технологические работы, которые могут стать частью общего комбинированного обязательства.

В цивилистических публикациях нередко выделяют категорию комплексного договора, построенного на достижении общей цели [15]. В рамках такой конструкции заказчик генерирующего объекта может заключить сразу несколько договоров с одним или несколькими контрагентами при условии их подчиненности единым требованиям (например, правительственным условиям квалификации будущего объекта), в том числе с обязанностью достижения такого состояния объекта, который соответствовал бы техническим требованиям.

Разграничение договорных инструментов, используемых для формирования обязательства по строительству генерирующего объекта, как правило, имеет практическое предназначение: договорные отношения подчинены не только условиям, согласованным сторонами, но и требованиям законодательства, которые различаются в зависимости от предмета обязательств. Поэтому одновременное сочетание в одном договоре нескольких договорных конструкций, предусмотренных ГК РФ, налагает на участников строительства комплекс разнообразных обязанностей.

Таким образом, договор на строительство генерирующих объектов, функционирующих на основе ВИЭ, представляет собой дихотомию договорных инструментов регулирования:

1) единое гражданско-правовое соглашение, оформляющее комплекс обязательств сторон по созданию, реконструкции или модификации соответствующего объекта, подчиненного одновременно действию гражданского и энергетического законодательства;

2) совокупность смежных гражданско-правовых соглашений, объединенных целью создания определенного генерирующего объекта с разграничением действия гражданского и энергетического законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Седова Ж.И. Влияние санкционных режимов на электрогенерацию России: правовые аспекты // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 157–170; Акбашев И.И. Механизмы регулирования зеленой энергетики в России // Вестник Академии права и управления. 2022. № S3.1 (69). С. 79–86.
2. Кологерманская Е.М. Особенности договорного регулирования отношений при использовании возобновляемых источников энергии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 3 (67). С. 174; Ляпин Н.В. К вопросу о проблемах регулирования возобновляемых источников энергии в Российской Федерации // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 8. С. 466.
3. Дзюба А.П. Классификация договорных механизмов, применяемых в процессе экономических отношений по созданию и использованию возобновляемых источников энергии // Вестник экономики, управления и права. 2023. Т. 16. № 3. С. 17–27.
4. Романова В.В. Строительство энергетических объектов как вид предпринимательской деятельности: особенности правового регулирования // Юридический мир. 2012. № 5. С. 54–55.
5. Камышанский В.П., Ксиропулос С.Г. Гражданско-правовые формы государственной поддержки энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии // Современное право. 2013. № 10. С. 79–82; Марченко К.С. Возобновляемые источники энергии как объект гражданских прав // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции / Краснодарский университет МВД России, Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России. Новороссийск, 2012. С. 466–468.
6. Ксиропулос С.Г. Заключение договоров купли-продажи энергии, полученной из возобновляемых источников, на оптовом рынке электроэнергии // Власть Закона. 2011. № 1 (5). С. 155–162; Чирیشان А.Р. Особенности заключения и исполнения энергосервисного договора // Власть Закона. 2019. № 2 (38). С. 198–204.

7. Климан Ю.А. Новые модели договора подряда в области энергетики // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2016. № 3. С. 148–159; Максимкина Ю.А. Баланс публичных и частных интересов в строительстве объектов энергетического хозяйства: теория и практика правового регулирования // Вестник современных исследований. 2018. № 11.8 (26). С. 61–64.
8. Романова В.В. Правовая природа отношений по строительству и модернизации энергетических объектов // Правовые вопросы строительства. 2012. № 1. С. 10–12; Городов О.А. О системе договоров, заключаемых в отдельных отраслях энергетики // Закон. 2015. № 1. С. 38–44.
9. Символоков О.А. Принудительное обязательство по заключению договора в сфере энергетики // Гражданское право. 2023. № 5. С. 34–37; Волненко А.Н. Особенности правового регулирования строительства и модернизации энергетических объектов // Эпомен. 2018. № 19. С. 24–27
10. Дзюба А.П. Правовые барьеры реализации инвестиционных проектов в области строительства источников возобновляемой энергии в России // Глаголь правосудия. 2022. № 4 (30). С. 20–26; Беляев Ю.М., Попов Р.А. Строительство объектов возобновляемых источников энергии: экономика и организация // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2013. № 4 (131). С. 254–258.
11. Постановление Правительства РФ от 28.12.2023 № 2359 “Об утверждении Правил квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии и (или) являющегося низкоуглеродным генерирующим объектом, Правил определения степени локализации на территории Российской Федерации производства генерирующего оборудования для производства электрической энергии с использованием возобновляемых источников энергии по генерирующему объекту и показателя экспорта промышленной продукции (генерирующего оборудования для производства электрической энергии с использованием возобновляемых источников энергии) и (или) работ (услуг), выполняемых (оказываемых) при проектировании, строительстве и монтаже генерирующих объектов, расположенных на территориях иностранных государств, по генерирующему объекту, Правил ведения реестра атрибутов генерации, предоставления, обращения и погашения сертификатов происхождения электрической энергии” // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.12.2023).
12. Федеральный закон от 04.08.2023 № 489-ФЗ (ред. от 02.11.2023) «О внесении изменений в Федеральный закон “Об электроэнергетике”» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (Ч. II). Ст. 6221; 2023. № 45. Ст. 7987.
13. Распоряжение Правительства РФ от 31.03.2018 № 567-р “О перечне субъектов Российской Федерации, в которых предусматривается строительство (реконструкция, модернизация) генерирующих объектов, функционирующих на основе использования отходов производства и потребления” // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.04.2018).
14. Распоряжение Правительства РФ от 20.01.2022 № 33-р “Об утверждении технических требований к генерирующим объектам” // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2022).
15. Илюшина М.Н. Смешанные и комплексные договоры в торговом обороте // Коммерческое право. Научно-практический журнал. 2008. № 2 (3). С. 80–86; Лисицын В.В., Климан Ю.А. Комплексный договор на строительство единого недвижимого комплекса // Государственная служба и кадры. 2020. № 3. С. 47–53; Мисник Г.А. Комплексный договор как основание возникновения земельных правоотношений // Правовые вопросы недвижимости. 2023. № 2. С. 18–20.

Сведения об авторе:**Патес Александр Сергеевич**

Аспирант, АНО “Научно-исследовательский
“Центр развития энергетического права
и современной правовой науки
имени В.А. Мусина”

Authors' information:**Aleksandr S. Pates**

Postgraduate Student,
Autonomous Non-Commercial Organization
V.A. Musin Research Center for the Development
of Energy Law and Modern Legal Science

Поступила в редакцию / Received 11.03.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.05.2024

Принята к публикации / Accepted 10.06.2024

DOI: 10.61525/S231243500031376-1

Оригинальная статья / Original Article

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПО ДОГОВОРУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ

Бородавко А.А.

Аспирант, АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права
и современной правовой науки имени В.А. Мусина”
E-mail: Borodavko.AA@lenenergo.ru

Аннотация. В статье проведен анализ материалов судебной практики по вопросам технологического присоединения к электрическим сетям. Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что: а) судебная практика противоречива, и при вынесении решений в отдельных случаях нарушается принцип однократности технологического присоединения; б) законодательство о технологическом присоединении требует доработки в части решения вопроса о том, кто является обязанным лицом в части оплаты услуг сетевой организации в случае, если процедура технологического присоединения, начатая при первоначальном собственнике подсоединяемого объекта недвижимости, завершается при последующем собственнике. В результате проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, в частности, предложено включить в Правила о технологическом присоединении норму об обязанности правообладателей объектов недвижимости, на территории которых расположено энергопринимающее устройство заявителя, не чинить препятствий сетевой организации при осуществлении ею технологического присоединения. Также предложено дополнить содержание типового договора технологического присоединения в части возложения обязанности по оплате услуг сетевой организации на собственника объекта недвижимости.

Ключевые слова: энергетическое право, энергетический правопорядок, технологическое присоединение, договор технологического присоединения, принцип однократности технологического присоединения, электросетевые объекты.

Для цитирования: Бородавко А.А. Правоприменительная практика по договору технологического присоединения к электрическим сетям // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 80–87. DOI: 10.61525/S231243500031376-1

LAW ENFORCEMENT PRACTICE ON AN AGREEMENT ON TECHNOLOGICAL CONNECTION TO ELECTRICAL GRIDS

Borodavko A.A.

Postgraduate Student, Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center
for the Development of Energy Law and Modern Legal Science
E-mail: Borodavko.AA@lenenergo.ru

Abstract. The article analyzes materials of the judicial practice on issues of technological connection to electrical grids. The reviewed examples show that: a) the judicial practice is contradictory, and judgments in certain cases are issued at violation of the principle of technological connection on a once-only basis; b) the laws

on technological connection need to be updated in terms of determination of the party responsible for payment for grid operator services if the technological connection procedure started by the initial owner of a connected real estate unit is completed by a new owner. Law improvement proposals are brought forward as a result of the performed study, in particular, it is suggested to include in the Technological Connection Rules a provision to place title holders of real estate units, on the territory of which the applicant's energy receiver is located, under an obligation to throw no obstacles in the way of a grid operator performing technological connection. It is also suggested to supplement the standard technological connection agreement with a clause imposing the obligation to pay for grid operator services on the real estate owner.

Keywords: energy law, energy law and order, technological connection, technological connection agreement, principle of technological connection on a once-only basis, electrical grid facilities.

For citation: Borodavko A.A. Law Enforcement Practice on an Agreement on Technological Connection to Electrical Grids. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 80–87. DOI: 10.61525/S231243500031376-1

ВВЕДЕНИЕ

Энергетика в современном мире является одной из наиболее важных сфер человеческой жизни. Она охватывает все процессы, связанные с производством, преобразованием и использованием энергии для удовлетворения потребностей человека и развития общества. При этом электроэнергетика — это важнейшая отрасль и во всем энергетическом комплексе в целом. В этой связи имеет особое значение состояние энергетического правопорядка в электроэнергетической отрасли.

В.В. Романова отмечает, что “энергетический правопорядок представляет собой правопорядок во взаимодействии всех участников общественных отношений в сфере энергетики, включая отношения в том числе по поиску, добыче, поставке, транспортировке, передаче, хранению различных энергетических ресурсов, строительству энергетических объектов. Эффективность энергетического правопорядка зависит во многом от эффективности системы правового регулирования общественных отношений в ключевой отрасли экономики, элементов системы правового регулирования и их взаимосвязи” [1].

Дальнейшее перспективное развитие этого вида правопорядка, а также повышение уровня его эффективности не представляется возможным, если судебная практика противоречива и непредсказуема, если решения судов разнятся и противопоставляются одно другому, если при одинаковых фактических обстоятельствах решения судов и правовое обоснование в корне отличаются друг от друга.

Во избежание данных ситуаций важно научное обоснование подготовки законопроектов. Необходимо изучение и обобщение правоприменительной практики в целях обоснования предложений по совершенствованию законодательства.

В.В. Витрянский, обращают внимание, что для достижения цели по преодолению экономического кризиса необходимо развивать гражданское законодательство и стремиться к достижению принципа единообразия правоприменительной деятельности [2].

Как показывает практика, в сфере правового регулирования в электроэнергетике недостаточно регламентируется правовое положение субъектов в сфере технологического присоединения.

Так, потребители должны быть бесперебойно обеспечены электроэнергией, поскольку ее получение является жизненной необходимостью, соответственно, в сфере правового регулирования не должны допускаться “недерегулированность” и существенные пробелы. Подробное закрепление на законодательном уровне процедуры технологического присоединения потребителей к электрическим сетям вызвано стремлением обеспечить безопасность населения и нормальное функционирование сетевых компаний.

ПРОБЛЕМА ПЕРВАЯ: НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА ОДНОКРАТНОСТИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ В СВЯЗИ С НЕОБХОДИМОСТЬЮ ДЕМОНТАЖА ЭЛЕКТРОСЕТЕВОГО ОБОРУДОВАНИЯ.

Принцип однократности технологического присоединения является важнейшей основой рассматриваемого договора. Согласно Письму ФАС России от 21.05.2019 № ВК/42082/19 “О рассмотрении обращения”, “под однократностью понимается разовое осуществление процедуры технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов

по производству электрической энергии, объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, а также построенных линий электропередачи, в объеме максимальной мощности таких энергопринимающих устройств, указанной в документах, подтверждающих технологическое присоединение, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации» [3].

Таким образом, данный принцип способствует тому, что лицо, подключившее свой объект к электрическим сетям, может в дальнейшем не заботиться о его «переподключении» даже в случае отчуждения имущества, иными словами, «повторное технологическое присоединение энергопринимающего устройства, которое ранее в надлежащем порядке было технологически присоединено, не требуется при смене собственника или иного законного владельца» [4], плата за процедуру технологического присоединения также взимается один раз. Смена собственника (или формы собственности), а также реконструкция объекта капитального строительства, при которой не происходит увеличение мощности энергопринимающего устройства, не требуют повторного осуществления технологического присоединения и не влекут за собой новую оплату процедуры присоединения [5]. У потребителя есть лишь обязанность по уведомлению сетевой организации о факте смены собственника энергопринимающих устройств (Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»; далее — ФЗ «Об электроэнергетике») посредством подачи заявления и оформления новых документов (п. 57, подп. в п. 59 Правил технологического присоединения, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27.12.2024 № 861; далее — Правила № 861). Эти положения подробно прописаны ФЗ «Об электроэнергетике» и разъяснены в п. 7 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3.

Однократность технологического присоединения призвана обеспечить безопасное и непрерывное получение потребителями оплаченной электроэнергии. Однако в юридической практике встречаются ситуации при которых неукоснительное соблюдение данного принципа не всегда возможно. Данная проблема заключается в следующем.

Судебное решение по демонтажу и выносу электросетевого оборудования с земельного участка, не принадлежащего сетевой организации, влечет за собой неизбежное отключение потребителей, нарушая таким образом одну из основополагающих целей энергетического правопорядка — возмож-

ность безопасного и бесперебойного получения субъектами электрической энергии.

Именно в рассматриваемом случае возникает нарушение принципа однократности технологического присоединения: судебный акт входит в противоречие с законом — суд вынужден принять решение, которое заведомо повлечет за собой нарушение положений ФЗ «Об электроэнергетике».

Чаще всего подобная ситуация возникает в связи со спором между сетевой организацией и владельцем земельного участка, на котором находится электросетевое имущество компании. Если по каким-либо причинам электросетевое хозяйство не было зарегистрировано и внесено в Единый государственный реестр недвижимости (далее — ЕГРН), а правоотношения с прежним владельцем земельного участка не были оформлены надлежащим образом, то новый собственник вполне обоснованно может потребовать освобождение земельного участка от размещенного оборудования.

Однако анализ судебной практики показывает, что суды не всегда выносят решения по обязательному демонтажу оборудования, даже если у лица, разместившего оборудование, отсутствуют оформленные права на землю. Это обусловлено именно тем, что подобное решение может повлечь нарушение прав присоединенных к электрической сети потребителей.

Так, Верховный Суд РФ, рассматривая одно из таких дел, сформировал следующую позицию [6].

Лицо, на земельном участке которого расположено электросетевое имущество другого лица, обратилось в суд с негативным иском: заявило требование о демонтаже и выносе со своей земли линии энергопередач, принадлежащей ответчику. Основанием для подачи иска явился тот факт, что нахождение указанного имущества на участке истца не было согласовано с последним, также отсутствовала регистрация электросетевого имущества в ЕГРН (в реестр была внесена только охранный зона). Суд первой инстанции отказал в иске, апелляция изменила решение и обязала ответчика вынести оборудование с участка истца.

Верховный Суд РФ отменил определение суда апелляционной инстанции и направил дело на новое рассмотрение, указав, что необходимо дополнительно исследовать влияние факта демонтажа части линейного объекта на общую функциональность линии энергопередачи. Кроме того, важным является и тот факт, что данный вынос неизбежно повлечет нарушение прав заявителей, притом что спорный объект даже не является объектом самостоятельного строительства.

По результату пересмотра апелляционный суд отказал в иске по требованию о демонтаже оборудования со ссылкой на то, что железобетонный столб, находящийся на участке истца, является составной частью недвижимости электросетевого оборудования и вынос составной части повлияет на работоспособность всего объекта, что непосредственно затронет интересы подключенных потребителей [7].

Помимо этого, исследование практики показывает, что суды рассматривают и оценивают, наравне с прочими фактами, социальную значимость спорных объектов: каким образом вынос имущества отразится на жизнедеятельности заинтересованных лиц и не будет ли в данном случае нарушен баланс частных и публичных интересов [8]. Также лицу, заявляющему подобный иск, необходимо доказать факт нарушения своих прав и обосновать невозможность использования по назначению земельного участка при наличии на нем чужого оборудования [9].

Таким образом, практика предоставляет достаточно много критериев, по которым можно определить, подлежит ли выносу с земельного участка электросетевое имущество сетевой организации, расположенное на чужой территории.

Для обеспечения единообразия правоприменительной деятельности, упрощения процедуры доказывания, а также в целях разгрузки судов и уменьшения количества судебных процессов представляется возможным рассмотреть применение аналогии закона, указанной в п. 1 ст. 6 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ).

Поскольку законодателем прямо не предусмотрена обязанность коммерческих организаций, а также иных лиц, на территории которых расположено энергопринимающее устройство заявителя, не препятствовать в осуществлении технологического присоединения, то к рассматриваемой ситуации (при возникновении необходимости демонтажа имущества и, как следствие, появлении риска нарушения принципа однократности технологического присоединения) можно применить абз. 2 п. 8 (5) Правил № 861: “В случае осуществления технологического присоединения энергопринимающих устройств, принадлежащих гражданам, осуществляющим ведение садоводства или огородничества на земельных участках, расположенных в границах территории садоводства или огородничества, или иным правообладателям объектов недвижимости, расположенных в границах территории садоводства или огородничества, садоводческое или огородническое некоммерческое товарищество не вправе препятствовать сетевой организации

в осуществлении технологического присоединения таких энергопринимающих устройств и требовать за это плату”.

При этом на сегодняшний день есть судебная практика по применению данного пункта: суды обязывают садоводческие и огороднические некоммерческие товарищества не препятствовать в осуществлении технологического присоединения заявителей.

Так, в рамках судебного процесса по делу № А56-117463/2022 рассматривался спор между ПАО “Россети Ленэнерго” (истец) и СНТСН “Малый Петербург 1 очередь” (ответчик) об обязанности не чинить препятствия при осуществлении технологического присоединения заявителя (третье лицо). Энергопринимающее устройство третьего лица было расположено в границах территории, принадлежащей ответчику.

Сетевая организация, апеллируя к ст. 426 ГК РФ, ссылалась на публичный и обязательный характер договора технологического присоединения, а также указывала, что не имеет права отказать заявителю от присоединения к электрической энергии, согласно п. 3 Правил № 861.

Суд признал позицию истца соответствующей закону, обязав ответчика не препятствовать осуществлению договора технологического присоединения: согласно абз. 2 п. 8 (5) Правил № 861, садоводческие и огороднические некоммерческие товарищества не вправе препятствовать перетоку электрической энергии [10]. Данная судебная практика достаточно распространена [11].

Однако по причине отсутствия в настоящий момент в законодательстве нормы, обязывающей не только данные товарищества, но и всех лиц не чинить препятствий при осуществлении технологического присоединения, суды вынуждены прибегать к аналогии закона. В качестве примера рассмотрим судебное дело № А55-11996/2021 [12].

ПАО “Россети Волга” (истец) обратилось с иском к ООО “Воскресенка” (ответчик) с требованием не чинить препятствий при осуществлении договора технологического присоединения. Основанием для иска явилось отсутствие возможности иным образом подключить заявителя, не затрагивая электросетевое оборудование ответчика.

При этом ООО “Воскресенка” не является садоводческим или огородническим товариществом, соответственно, п. 8 (5) Правил № 861 напрямую применению не подлежит. Арбитражный суд Самарской области указывает, что, поскольку в законодательстве нет специального регулирования для данной ситуации, по аналогии используются

общеправовые механизмы, указанные в п. 8 (5) и п. 6 Правил № 861.

Аналогичный вывод сделан Арбитражным судом Томской области в решении по делу № А67-13250/2018 [13]. ПАО “Томская распределительная компания” (истец) подала иск к жилищно-строительному кооперативу “Каскад” (ответчик) с требованием устранить препятствия при осуществлении технологического присоединения устройств заявителя.

В рассматриваемом деле суд, применяя п. 8 (5) Правил № 861, указывает, что никто не вправе препятствовать перетоку электроэнергии, так как доступ к электроэнергии — это жизненно важная необходимость, также в законодательстве отсутствует противоположное регулирование помимо указанного выше. Кроме того, суд дополнительно отмечает, что иное решение нарушило бы баланс интересов, поскольку слабая сторона договора (заявитель) не была бы защищена. Вышестоящие инстанции согласились с позицией Арбитражного суда первой инстанции.

Однако есть и диаметрально противоположная судебная практика [14].

Так, согласно решению Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-71363/2022, суд отказал в иске ПАО “Россети Ленэнерго” об обязанности ООО “Управляющая компания “Аква-Плюс” не чинить препятствия при осуществлении договора технологического присоединения.

Суд первой инстанции указал, что п. 8 (5) Правил № 861 в настоящем деле неприменим, поскольку ответчик не относится к садоводческим и огородническим товариществам. Кроме того, в решении указано, что коммерческие организации не обязаны обеспечивать возможность осуществления технологического присоединения к своим объектам и что подобное присоединение согласно абз. 2 п. 4 ст. 26 ФЗ “Об электроэнергетике” может быть осуществлено только на основании договора и на возмездной основе. На момент написания настоящей статьи указанное решение еще не вступило в законную силу и находится на стадии апелляционного обжалования.

Вывод суда первой инстанции представляется не вполне обоснованным.

Так, в решении суда указано: “Действующим законодательством не предусмотрена обязанность коммерческих организаций не препятствовать в осуществлении нового технологического присоединения...” [14]. Данный вывод напрямую противоречит п. 6 Правил № 861, в котором закреплено,

что любой собственник и владелец объектов электросетевого хозяйства не вправе препятствовать перетоку электрической энергии.

Ссылка суда на абз. 2 п. 4 ст. 26 ФЗ “Об электроэнергетике” также не обоснована.

Верховный Суд РФ в Определении от 02.02.2017 № АПЛ16-632 [15] указал, что лицо, которое желает осуществлять деятельность по передаче электроэнергии, должно соответствовать законодательно установленным критериям, закрепленным в постановлении Правительства РФ от 28.02.2015 № 184. Если организация по каким-либо причинам лишилась статуса территориальной сетевой организации, то она не имеет более права осуществлять подобную деятельность на возмездной основе и, кроме того, должна соблюдать запрет, установленный в п. 6 Правил № 861.

Данная позиция также закреплена в Разъяснении Президиума ФАС России от 13.09.2017 № 12: лица, не подпадающие под критерии территориальных сетевых организаций, должны нести бремя содержания имущества согласно ст. 210 ГК РФ и не препятствовать перетоку электроэнергии и не требовать за это оплату [16].

В рассматриваемом деле ответчик — ООО “Управляющая компания “Аква-Плюс”. Данная организация не является территориальной сетевой организацией, соответственно, вывод суда о том, что необходимо заключение договора между заявителем и ответчиком на осуществление технологического присоединения, представляется необоснованным.

Проведенный анализ показывает, что судебная практика по-разному решает рассматриваемый вопрос, однако он имеет крайне важное значение, поскольку электроэнергия должна быть доступна каждому. Коммерческие и некоммерческие организации, садоводческие и огороднические товарищества, индивидуальные предприниматели и физические лица должны иметь возможность беспрепятственного получения электричества.

Таким образом, в целях минимизации риска нарушения принципа однократности технологического присоединения представляется целесообразным внести изменения в абз. 2 п. 8 (5) Правил № 861, исключив в нем упоминание о имуществе и земельных участках, расположенных на территории садоводства, огородничества, расширив таким образом действие указанного абзаца на все земельные участки и иную недвижимость, на территории которых расположено электросетевое имущество.

Данный пункт предлагается изложить в следующей редакции: “При осуществлении сетевой

организацией технологического присоединения правообладатели земельных участков и иных объектов недвижимости, на территории которых расположены энергопринимающие устройства заявителей, не вправе препятствовать в осуществлении технологического присоединения таких устройств и требовать за это плату”.

ПРОБЛЕМА ВТОРАЯ: КТО ЯВЛЯЕТСЯ ОБЯЗАННЫМ ЛИЦОМ ПО ОПЛАТЕ УСЛУГ СЕТЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИ СМЕНЕ СОБСТВЕННИКА В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ

Помимо рассмотренной проблемы, связанной с нарушением принципа однократности технологического присоединения, в правоприменительной практике по-разному решается вопрос, связанный с обязанностью оплаты процедуры присоединения. Данная проблема обусловлена следующим.

В юридической среде наиболее распространено является точка зрения, согласно которой сущностью рассматриваемого договора является возмездное оказание услуг. Данная позиция нашла свое отражение в сфере отечественной цивилистики [17]. Л.Ю. Акимов, Г.А. Гаджиев указывают, что в результате исполнения договора технологического присоединения не происходит создание материального результата в овеществленной форме, подлежащего передаче заявителю. Ценность в данном случае представляет сама услуга по технологическому присоединению энергопринимающих устройств заявителя к сетям сетевой организации, иными словами, обеспечение передачи электроэнергии абоненту с помощью подключенного электротехнического оборудования [18]. Судебная практика также более склонна считать правильной именно названную позицию [19].

Рассматривая принцип однократности технологического присоединения через призму договора об оказании услуг, мы приходим к выводу: сетевая организация оказывает услуги конкретному юридическому или физическому лицу, которые должны быть оплачены потребителем лично. Соответственно, вполне логично, что у нового собственника отсутствует необходимость повторной оплаты технологического присоединения по причине принципа относительности обязательств (в частности, на существование данного принципа в российской правовой системе указывают положения ГК РФ, например п. 1 ст. 307, п. 3 ст. 308 и ст. 324).

Часто на практике возникает ситуация, когда собственник, заключив договор технологического присоединения, продает недвижимость другому лицу, не успев окончательно завершить саму процедуру технологического присоединения. В связи с этим становится актуальным вопрос относительно оплаты услуг сетевой организации: кто обязан произвести оплату — первоначальный или последующий собственник?

Поскольку в настоящее время господствующей является точка зрения, согласно которой договор технологического присоединения рассматривается в качестве соглашения об оказании услуг, соответственно, суды со ссылкой на п. 1 ст. 779 и 781 ГК РФ обязывают именно заявителя оплатить услуги по технологическому присоединению даже после передачи права собственности на подключаемый объект другому лицу [20].

В данной ситуации заявители в судебных процессах ссылаются на ст. 416 ГК РФ, указывая, что обязательство прекратилось невозможностью исполнения по причине перехода прав собственности на недвижимость другому лицу. Соответственно, дальнейшее взаимодействие может осуществляться только между сетевой организацией и новым собственником. Однако данная позиция не представляется полностью обоснованной.

Так, согласно разъяснениям, приведенным в п. 36–37 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6, “обязанность стороны прекращается в силу объективной невозможности исполнения, наступившей после возникновения обязательства и имеющей неустранимый (постоянный) характер, если эта сторона не несет риск наступления таких обстоятельств” [21]. Однако сам факт отчуждения собственности другому лицу является актом осознанного волеизъявления, и, таким образом, положения ст. 416 ГК РФ в рассматриваемом случае неприменимы. Кроме того, существует принцип относительности обязательств, согласно которому по общему правилу обязательство не порождает никаких прав или обязанностей для любой стороны, которая в обязательстве не участвовала. Соответственно, пока судебная практика придерживается позиции, что договор технологического присоединения — это договор об оказании услуг, прекращение обязательства в рассматриваемой ситуации на основании ст. 416 ГК РФ не представляется возможным.

Возможный вариант решения данного вопроса — это привязка оплаты по договору к возникновению права собственности на объект. То есть внесение корректировок в Правила № 861 посредством составления нормы по аналогии с ч. 3 ст. 158

Жилищного кодекса РФ: “при переходе права собственности на помещение в многоквартирном доме к новому собственнику переходит обязательство предыдущего собственника по оплате расходов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме”.

То есть необходимо установить, существует ли у договора технологического присоединения так называемый вещный эффект, иными словами, обладает ли рассматриваемый договор правом следования при смене собственника имущества (как, например, договор аренды) [22].

Данное нововведение установит справедливое условие по возмещению издержек той стороной, которая получает материальное благо, и поможет сократить количество судебных разбирательств между сетевыми организациями и первоначальными и последующими собственниками недвижимости.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что правовое регулирование прав и обязанностей субъектов по договору технологического присоединения в энергетической сфере требует дальнейшего реформирования на основе обобщения судебной практики и разработки предложений по совершенствованию законодательства о технологическом присоединении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Романова В.В. Энергетический правопорядок: современное состояние и задачи. М.: Юрист, 2016. С. 12–141.
2. Витрянский В.В. Роль институтов гражданского права в минимизации последствий экономического кризиса // Журнал российского права. 2011. № 1 (169). С. 14.
3. Письмо ФАС России от 21.05.2019 № ВК/42082/19 “О рассмотрении обращения” // СПС “КонсультантПлюс”.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.12.2022) // СПС “КонсультантПлюс”.
5. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 11.04.2023 № АКПИ23-113 // СПС “КонсультантПлюс”.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.07.2016 № 18-КГ16-61 // СПС “КонсультантПлюс”.
7. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 27.10.2016 № 33-24141/2016 // СПС “КонсультантПлюс”.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.01.2017 № Ф05-19221/2016 по делу № А41-9863/2014. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.06.2021 № Ф07-5932/2021 по делу № А05-7592/2020. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
10. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 02.06.2023 по делу № А56-117463/2022. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
11. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 09.02.2021, постановление Тринадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 31.05.2021, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.12.2021 по делу № А56-17734/2020. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
12. Решение Арбитражного суда Самарской области от 27.08.2021 по делу № А55-11996/2021. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
13. Решение Арбитражного суда Томской области от 28.03.2019, постановление Седьмого Арбитражного Апелляционного суда от 25.06.2019, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.10.2019 по делу № А67-13250/2018. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
14. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10.10.2023 по делу № А56-71363/2022. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
15. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 02.02.2017 № АПЛ16-632 “Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 26.10.2016 № АКПИ16-801, которым отказано в удовлетворении заявления о признании недействующим пункта 1 критериев отнесения владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям, утв. Постановлением Правительства РФ от 28.02.2015 № 184” // СПС “КонсультантПлюс”.
16. Разъяснение Президиума ФАС России от 13.09.2017 № 12 “О применении положений антимонопольного законодательства в отношении владельцев объектов электроэнергетики, в том числе не соответствующих критериям отнесения владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям” (утв. протоколом Президиума ФАС России от 13.09.2017 № 19) // СПС “КонсультантПлюс”.
17. Елисеев И.С. Технологическое присоединение — pro et contra // Энергетика и право. 2009. № 1. С. 4–22.
18. Акимов Л.Ю., Гаджиев Г.А. О вещности электроэнергетики // Предпринимательское право. 2022. № 3.
19. Определение Верховного Суда РФ от 19.01.2018 № 310-ЭС17-11570 по делу № А62-434/2016. URL: <https://ras.arbitr.ru/>; Определение Верховного Суда РФ от 25.12.2017 № 305-ЭС17-11195 по делу № А40-205546/2016. URL: <https://ras.arbitr.ru/>; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа

- от 13.04.2017 по делу № А44-4085/2016. URL: <https://ras.arbitr.ru/>; Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 25.12.2017 № 305-ЭС17-11195. URL: <https://ras.arbitr.ru/>; Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 24.03.2017 № 304-ЭС16-16246. URL: <https://ras.arbitr.ru/>; Определение Верховного Суда РФ от 03.04.2018 № 37-ПЭК18). СПС “КонсультантПлюс”.
20. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.12.2022 № Ф07-13719/2022 по делу № А56-115415/2020. URL: <https://ras.arbitr.ru>
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 “О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств”. URL: <https://ras.arbitr.ru>
22. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. Ст. 3.7 // СПС “КонсультантПлюс”.

Сведения об авторе:**Бородавко Анастасия Александровна**

Аспирант, АНО “Научно-исследовательский
“Центр развития энергетического права
и современной правовой науки
имени В.А. Мусина”

Authors' information:**Anastasia A. Borodavko**

Postgraduate Student, Non-Commercial
Organization V.A. Musin Research Center
for the Development of Energy Law and Modern
Legal Science

Поступила в редакцию / Received 21.02.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.04.2024

Принята к публикации / Accepted 10.06.2024

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
БИРЖЕВОЙ ТОРГОВЛИ ЗА РУБЕЖОМ**

DOI: 10.61525/S231243500031377-2

Оригинальная статья / Original Article

**МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНЫМ ТОРГОВЫМ
ПРАКТИКАМ НА ЗАРУБЕЖНЫХ БИРЖЕВЫХ ТОВАРНЫХ РЫНКАХ****Хачатурова К.И.**

Начальник отдела правового сопровождения срочного и товарного рынков
Юридического управления АО “Санкт-Петербургская Международная товарно-сырьевая биржа”;
аспирант, АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права
и современной правовой науки имени В.А. Мусина”
E-mail: kseniakhachaturova@gmail.com

Аннотация. В настоящее время одной из причин роста цен на топливо на биржевых торгах является применение участниками торгов недобросовестных биржевых практик, что неоднократно подчеркивали и Минэнерго России, и ФАС России. Понятие “недобросовестные биржевые практики” не закреплено на уровне нормативных правовых актов Российской Федерации, в связи с чем биржи самостоятельно определяют действия, которые относятся к таким практикам, что влечет, в частности, регуляторные риски для бирж и может негативно отразиться на рынке в целом. В данной статье проанализирована зарубежная практика в части уровня закрепления видов недобросовестных практик (законодательный и/или локальный уровень), а также проанализированы виды и критерии недобросовестных практик с целью дальнейшего анализа для имплементации зарубежного опыта в российское законодательство либо локальные акты бирж. В результате сравнительно-правового анализа выявлено, что в каждой юрисдикции присутствует регулирование недобросовестных практик как на законодательном, так и на уровне правил торгов, установлены их виды и критерии, что позволяет сделать вывод о том, что регулирование недобросовестного поведения на биржевых торгах является областью, в которой требуется участие не только биржи, но и государства, в том числе в части установления критериев и видов такого поведения.

Ключевые слова: правовое регулирование биржевых товарных рынков, правовое положение участников, торговые практики, недобросовестное поведение.

Для цитирования: Хачатурова К.И. Меры противодействия недобросовестным торговым практикам на зарубежных биржевых товарных рынках // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 88–98. DOI: 10.61525/S231243500031377-2

**MEASURES TO COUNTER UNFAIR TRADING PRACTICES
IN FOREIGN COMMODITY EXCHANGE MARKETS****Khachaturova K.I.**

Head of the Department of Legal Support of Commodity and Derivatives Markets
of the Legal Department of the Saint Petersburg International Mercantile Exchange (SPIMEX), JSC;
Postgraduate Student, Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center
for the Development of Energy Law and Modern Legal Science
E-mail: kseniakhachaturova@gmail.com

Abstract. Currently, one of the reasons for the increase in fuel prices at trading on exchanges is the use of unfair exchange practices by trading participants, which has been repeatedly emphasized by the Russian Ministry of Energy and the Federal Anti-Monopoly Service. The concept of “unfair trading practices” is not enshrined at the level of statutes and regulations of the Russian Federation, and therefore, exchanges determine actions that relate to such practices at their own discretion, which entails, in particular, regulatory risks for exchanges, and may negatively affect the market as a whole. This article analyzes foreign practice in terms of the level of enshrinement of types of unfair practices: the legislative and/or local level, as well as analyzes the types and criteria of unfair practices in order to further analyze the implementation of foreign experience in Russian laws or local instruments of exchanges. As a result of a comparative legal analysis, it was revealed that in each jurisdiction there is regulation of unfair practices both at the legislative level and at the level of trading rules, their types and criteria are established, which allows us to conclude that the regulation of unfair behavior in stock trading is an area in which the participation of both an exchange and the state is required, including in terms of establishing criteria and types of such behavior.

Keywords: legal regulation of commodity exchange markets, participants’ legal status, trading practices, unfair behavior.

For citation: Khachaturova K.I. Measures to Counter Unfair Trading Practices in Foreign Commodity Exchange Markets. *Energy Law Forum*, 2024, iss. 2, pp. 88–98. DOI: 10.61525/S231243500031377-2

В связи с внесенными в Федеральный закон от 21.11.2011 № 325 “Об организованных торгах” изменениями [1] у Банка России появилось право ограничить совершение отдельными участниками торгов действий (сделок, операций) либо запретить совершение всеми участниками торгов отдельных действий (сделок, операций), в частности в случае, если действия (сделки, операции) участников торгов и/или их клиентов создают угрозу стабильности финансового рынка Российской Федерации, правам и законным интересам участников торгов и/или их клиентов. Критерии, в соответствии с которыми оценивается наступление такого случая, в нормативных правовых актах, нормативных актах регулятора и его разъяснениях отсутствуют.

В отношении товарного рынка в целях обеспечения транспарентности организованных торгов на товарном рынке в 2019 г. Банком России предложено товарным биржам разработать и утвердить Кодекс профессиональной этики участников торгов товарного рынка [2], при этом содержание такого кодекса и критерии “этичности” в нормативных правовых актах, нормативных актах регулятора и его разъяснениях до сих пор отсутствуют. В настоящее время товарные биржи совместно с профессиональным сообществом определяют понятие профессиональной этики (добросовестного поведения), содержание кодекса (например, виды недобросовестного поведения), а также устанавливают критерии добросовестного/недобросовестного поведения.

Отсутствие закрепленных на нормативном уровне ориентиров влечет множественные риски как для рынка в целом, так и для участников торгов и бирж. Так, например, отсутствие критериев

недобросовестного поведения на биржевом товарном рынке может выражаться в нарушении стабильности функционирования биржевого товарного рынка, в частности необеспечения недискриминационных условий доступа к товару, ценовой волатильности, значительных убытках для участников торгов и их клиентов, а также потере их репутации.

В связи с изложенным предлагается провести исследование зарубежного законодательства и опыта крупнейших товарных бирж (для исследования и анализа выбраны наиболее крупные мировые товарные биржи, на которых осуществляются как спот-торги, так и торги срочными контрактами, базисным активом которых является товар), в части определения критериев недобросовестного поведения, видов такого поведения, а также проанализировать уровень, на котором закреплены виды и критерии такого поведения.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Нормативно-правовое регулирование. На законодательном уровне практически отсутствует описание торговых практик, запрещенных к использованию на биржевых торгах. Так, Закон о финансовых услугах и рынках (Financial Services and Markets Act) не содержит описания данных практик, однако виды таких практик можно найти в различных руководствах регулятора — Управления по финансовому регулированию и надзору Великобритании (Financial Conduct Authority, далее — Управление).

Согласно Руководству Управления [3], в целях исполнения Управлением функций по надзору за биржами и защитой прав инвесторов

Управление осуществляет оценку правил и процедур биржи на предмет, в частности, наличия в правилах биржи запрета:

- на осуществление недобросовестных торговых практик;
- совершение намеренного сообщения или намеренной публикации ложной информации о торгах;
- наличие запрета на осуществление следующих действий: заключение сделок, в которых со стороны договора неправомерно истребуются убытки; заключение сделок с намерением создать ложную видимость торговой активности; осуществление кросс-торговли с нечестными или противозаконными целями; совершение сделок, заключение которых оговорено заранее и соглашение о заключении которых достигнуто ненадлежащим образом; совершение сделок с намерением подействовать или скрыть потенциальные злоупотребления на рынке; совершение сделок, в которых одна сторона не имеет намерения рассчитаться по итогам сделки или ликвидировать свои позиции.

Кроме того, требования к должному поведению практически всех предпринимателей, поднадзорных Управлению, определяются, в частности, в Руководстве Управления, устанавливающим принципы для бизнеса [4]. К принципам, соблюдение которых является обязательным, относятся честность, наличие квалификации и должной осмотрительности, соблюдение должных стандартов рыночного поведения. В связи с этим компании должны разумно предполагать во время совершения действий, нарушат ли они данные принципы, — это является тестом на разумное предположение или условие предсказуемости, однако этот тест не является основным, согласно которому определяется нарушение данных принципов. Управление разъясняет, что принципам можно следовать разными способами. Вместе с тем там, где поведение ниже ожидаемого Управлением, субъекту предпринимательской деятельности разумно ожидать последствий за выбранное поведение, даже несмотря на то, что данное поведение широко распространено на рынке [5].

Согласно письму Управления от 11.01.2023 [6], некоторые брокеры принимают на работу лиц, которые не следовали должным стандартам поведения на предыдущем месте работы. Это означает, что осуществляемый фирмой контроль не соответствует эффективному риск-менеджменту. Во избежание данных практик, а также практик недобросовестного поведения трейдеров, выражающихся

в извлечении выгоды при совершении клиентских сделок, рекомендуется: во-первых, пересмотреть систему оплаты труда, одной из составляющих которой является нефинансовая, в частности поведение трейдеров; во-вторых, компаниям необходимо принимать во внимание нормативные требования при приеме на работу новых сертифицированных сотрудников и вести учет рисков при получении неблагоприятной информации о таких сотрудниках. Фирмы не могут рассчитывать на снисхождение со стороны Управления в случае, если последствия нарушений отразились на целостности рынка посредством трудоустройства лиц, к которым применялись дисциплинарные меры воздействия еще где-либо и фирмами не были приняты действия по дополнительному контролю и надзору.

Лондонская биржа металлов (London Metal Exchange). Согласно одобренной Советом директоров Лондонской биржи металлов редакции Правил торгов от 11.12.2023, размещенной на официальном сайте биржи, участник торгов должен соблюдать высокие стандарты добросовестности и честности при заключении сделок, а также соблюдать высокие стандарты рыночного поведения. Кроме того, участники торгов должны действовать в интересах своих клиентов. Данные принципы заключаются в соблюдении требований, связанных с исполнением предпринимательских обязанностей, таких как добросовестность, справедливость, профессионализм, раскрытие информации, соблюдение правил в отношении категоризации клиентов, взаимодействие с клиентами, управление конфликтом интересов, принцип лучшего исполнения.

Под недолжным поведением (проступком) понимается, в частности: нарушение участником торгов правил торгов, а также способствование в совершении другой стороной нарушению правил торгов, если третья сторона обязана соблюдать такие правила; любое поведение, которое влечет или может повлечь потерю биржей репутации; предоставление бирже ложной, вводящей в заблуждение или неточной информации, а также иные нарушения, о которых биржа сообщает путем уведомлений, раскрываемых на сайте.

Под поведением, которое влечет или может повлечь потерю биржей репутации, понимается, включая, но не ограничиваясь, указание контрактов, заключенных не на Лондонской бирже металлов, как контрактов, заключенных на данной бирже (например, путем указания на это в контракте).

Согласно Правилам торгов к запрещенным практикам относятся:

— манипулирование или попытка манипулирования или иного злоупотребления или попытка злоупотребления рынком или создания искусственного рынка;

— заключение сделки или попытка заключить сделку или серию сделок, предназначенных для создания искусственного рынка, при котором цены и оборот не отражают действительную картину осуществляемой предпринимательской деятельности;

— вош-трейдинг (wash trading) — форма фиктивной торговли, при которой сделка или серия сделок совершается под видом того, что участники совершают реальные сделки по покупке или продаже, однако на самом деле сделки были совершены без намерения занять реальную позицию на рынке и без намерения их исполнения, т.е. принять риски, или ложные (фальшивые) сделки;

— демонстрация или попытка демонстрации, что торговая активность имела место, когда фактически таковой не осуществлялось, либо введение в заблуждение или попытка введения в заблуждение биржи о природе торговой активности;

— намеренное или непреднамеренное создание неупорядоченного (неорганизованного) рынка;

— торговля, выставление заявок для торговли или побуждение к торговле другого лица в том же направлении (покупка/продажа), что и клиентское поручение, с целью получения прибыли или уменьшения издержек в соответствии с любым изменением цены, вызванным таким клиентским поручением;

— введение в заблуждение или попытка введения в заблуждение персонала биржи в отношении поручений или сделок;

— манипулирование или попытка манипулирования любыми ценами или индексами, установленными или опубликованными биржей;

— попытка обеспечить то, что другое лицо предпримет или предпримет попытку обеспечить любое поведение, которое противоположно применяемому закону, или регулированию, направленному на предотвращение злоупотреблений на рынке [7].

Выводы.

1. Практики, которые запрещены к использованию в процессе биржевой торговли, можно разделить на практики, указанные в законодательстве, включая руководства регулятора, а также иные практики, не запрещенные законодательством, но запрещенные биржей.

2. Некоторые виды запрещенных практик, а также общие принципы осуществления бизнеса определяются в руководствах регуляторов, что подтверждает вывод о том, что биржа не является полностью самостоятельным институтом в отношении выявления отдельных недобросовестных торговых практик. При этом определение принципов добросовестного торгового поведения обозначено достаточно широко как в законодательстве, так и в правилах биржи, что дает широкую свободу усмотрения при оценке поведения участника торгов.

3. Можно выделить несколько основных критериев, которые учитываются законодателем при определении, является ли практика недобросовестной. К таким критериям относятся *наличие (в большинстве случаев) противоправного намерения* у участника торгов, которое выражается в желании и возможности совершить действие, как правило, с целью достижения собственной выгоды с использованием противоправных методов (например, созданием искусственного рынка). Исходя из предложенного, можно выделить второй критерий — *использование противоправных методов*. Третьим критерием является достижение или попытка достичь *негативных последствий для рынка (преимущественно)*. При этом при описании недобросовестных практик в руководстве Управления и правилах торгов биржи конъюнктура рынка (текущие рыночные условия), частота совершения сделок, размер сделок и иные факторы не указываются в качестве факторов, влияющих на квалификацию сделки недобросовестной торговой практикой.

ЯПОНИЯ

Нормативно- правовое регулирование. В Японии перечень недобросовестных торговых практик приведен в Акте о товарных деривативах (The Commodity Derivatives Act; далее — Акт). В ст. 116 Акта приведен список недобросовестных практик, к которым относятся следующие действия:

— совершение сделки купли-продажи на товарном рынке без намерения передать право собственности на товар;

— занятие практикой вош-трейдинга на товарном рынке или занятие торговлей на товарном рынке под ложным предлогом, избегая использования своего имени;

— осуществление серии сделок на товарном рынке, которые, вероятно, введут людей в заблуждение, заставив их поверить, что сделки на товарном рынке являются успешными или, вероятно, изменят котировки на этом товарном рынке

(данные сделки могут быть совершены либо самостоятельно, либо совместно с другим лицом);

— осуществление сделок на товарном рынке и совершение купли-продажи или иной сделки с товарами и т.д. с намерением вызвать колебания котировок на товарном рынке;

— распространение информации о том, что котировки на товарном рынке будут колебаться из-за собственных манипуляций на рынке или манипуляций другой стороны в отношении сделок на товарном рынке;

— совершение сделки на товарном рынке и намеренное создание ложного представления о существенной особенности или представления о существенной особенности, которое может ввести в заблуждение.

Актом (ст. 118) определено, что если на товарном рынке совершается или, вероятно, будет совершен чрезмерный объем сделок путем скупки товаров (корнер), медвежьих рейдов или любым другим методом, или формируется несправедливая сумма вознаграждения или контрактная цена и т.д., и министр, регулирующий профильный рынок, считает, что необходимо принять меры для поддержания порядка на товарном рынке и защиты общественных интересов, министр может издавать соответствующие приказы следующим лицам:

1) участникам торгов и т.д. в части наложения ограничений на операции на товарном рынке или на получение доверенности на проведение операций;

2) товарной бирже в части принятия мер по ограничению колебаний котировок или объема неурегулированных сделок на товарном рынке, на котором работает товарная биржа, изменения размера клиринговой маржи или выполнения одного из действий, определенных приказом компетентного министерства как нечто, обеспечивающее справедливость расчетов сделок на товарном рынке;

3) клиринговой организации в части изменения размера клиринговой маржи или выполнения одного из действий, определенных приказом компетентного министерства как нечто, обеспечивающее честность сделок на товарном рынке.

Токийская товарная биржа (Tokyo Commodity Exchange). Согласно Уставу Токийской товарной биржи [8] участники торгов должны соблюдать Акт, иные законы, правила торгов, Устав биржи, правила осуществления брокерской деятельности и иные положения биржи, а также соблюдать справедливые и честные принципы торговли.

Согласно ст. 165 Правил торгов, следующие действия рассматриваются как нарушение принципа честности или равенства сделок: вовлечение в недобросовестные сделки или брокерскую деятельность; отказ от поддержания достоверности; вовлечение в совершение действий, которые противоречат защите потребителя; вовлечение в неосторожные или небрежные сделки или брокерские действия; другие акты или поведение, предусмотренные правилами членства [9].

Кроме того, на сайте биржи приведены примеры недобросовестных практик. К таким практикам можно отнести, в частности, следующие [10]:

1) намеренное манипулирование ценой во время колл-аукциона:

— практика размещения заявок на покупку (продажу) с целью изменения цены контракта при размещении заявок на продажу (покупку) заранее, во время и/или непосредственно перед периодом, в который невозможно отменить заявки, а также непосредственно перед определением контрактной цены аукциона закрытия на дневную сессию;

— практика отмены ранее размещенной заявки или внесения изменений в цену и/или количество, указанные в заявках, размещенных заранее, с целью изменения контрактной цены аукциона на покупку непосредственно перед периодом, в который невозможно отменить заявки, а также непосредственно перед определением контрактной цены аукциона закрытия на дневную сессию;

2) намеренное манипулирование ценой во время непрерывной торговли. Во время непрерывной торговли практикуется размещение заявки на покупку (продажу) с целью достижения высокой или более низкой цены независимо или в сотрудничестве с другими лицами с целью изменения цены;

3) намеренное манипулирование расчетной ценой. Практика независимой торговли или торговли в сотрудничестве с другими лицами с целью манипулирования расчетной ценой (ценой поставки) в течение периода расчета такой цены;

4) поддельная заявка, или спуфинг. Практика “заманивания” заявок на покупку (продажу) от других участников торгов с целью повышения/понижения цены путем введения в заблуждение через показ большого количества заявок на покупку (продажу) во время непрерывной торговли без какого-либо намерения исполнять заявки на покупку (продажу). Затем, когда появляется заявка на покупку (на продажу) от другого участника рынка, недобросовестный участник подает заявку по соответствующей изменившейся цене;

5) front-running (опережение заявки). Когда брокер получает заявку на покупку (продажу) от клиента и пользуется тем, что брокер знает, что подача такой заявки увеличит (уменьшит) рыночную цену. Брокер направляет заявку на покупку (продажу) до получения указанной клиентской заявки с целью исполнения собственной заявки на покупку (продажу) по цене ниже (выше) клиентской заявки, затем размещает клиентскую заявку на покупку (продажу) и получает ее исполнение по повышенному (пониженному) уровню цен;

б) перечисление прибыли. После получения заявок на продажу и покупку от клиентов в ходе непрерывной торговли с целью получения прибыли от собственных сделок брокер не размещает полученные клиентские заявки немедленно. Брокер предварительно размещает собственную заявку на покупку (продажу), которая соответствует указанной клиентской заявке на продажу, а затем размещает собственную заявку на продажу (покупку) против клиентских заявок на покупку (продажу), которые должны быть исполнены по более высокой (более низкой) цене, чем цена первоначальной сделки.

При определении намерения при применении недобросовестных практик биржа будет считать, что участник торгов имел намерение на совершение действий, если намерение может быть объективно распознано после рассмотрения ряда действий и т.д. в целом. Следует также отметить, что действия, нарушающие правила биржи, включают в себя и действия, возникающие по неосторожности.

Кроме того, биржа осуществляет мониторинг следующих практик недобросовестного поведения, применение которых может послужить поводом для последующего расследования [11]:

1) подача или отмена чрезмерного количества заявок с учетом рыночных условий, существующих в этот момент, особенно в случае, если такие действия создали значительные последствия для рынка и могут негативно повлиять на рынок (исказить показатели);

2) отмена заявок в короткое время после подачи (данная практика является подозрительной, поскольку такие поданные заявки могут быть поданы без намерения их исполнения);

3) сделки, в которых лицо одновременно является покупателем и продавцом независимо или совместно с другим лицом (данное поведение является подозрительным, поскольку такие лица могут иметь цель иную, чем заключение

сделок, — манипулирование цены или создание искусственной ликвидности рынка);

4) подача заявок с указанием цены, значительно отличающейся от рыночной на момент подачи такой заявки (данное поведение может вызвать, в частности, значительное отклонение);

5) значительное увеличение объема торгов или процента участия;

6) участие в торгах в ходе изменения цены.

Выводы.

1. Запрещенные практики биржевой торговли можно разделить на практики, указанные в законодательстве и в отношении которых законодательством установлена ответственность, а также иные практики, не запрещенные законодательством, но запрещенные биржей. Правилами торгов установлены как перечень недобросовестных практик, так и общие принципы добросовестного поведения.

2. Исходя из перечня недобросовестных практик, указанных в законодательстве и правилах торгов биржи, можно выделить следующие критерии, которые лежат в основе классификации действий, являющихся недобросовестными торговыми практиками (аналогично Великобритании): наличие противоправного намерения (в большинстве случаев); использование противоправных методов достижения цели; наличие негативных последствий для рынка, как правило, значительных (вызвать высокое колебание цен и др.). Осуществление совместных действий с другими лицами также может быть одним из признаков использования недобросовестных практик. В Японии система таких признаков более детально идентифицирована, так как помимо указанных выше практик принимаются во внимание конъюнктура рынка (текущие рыночные условия), количество заявок, совершение сделки совместно с другим лицом, увеличение объема заявок.

США

Нормативно-правовое регулирование. Согласно разд. 7 гл. 1 § 7 Кодекса США [12], биржа должна иметь ресурсы для предотвращения манипулирования рынком, искажения цены и срыва поставки. Параграф 6с гл. 1 разд. 7 Кодекса США устанавливает запрет: на вовлечение в любую торговлю, на подачу заявок на покупку или продажу в случаях, установленных законом или правилами торгов; на демонстрацию намеренного или халатного неуважения к упорядоченному исполнению заявок

в течение периода закрытия; на осуществление спуфинга.

Согласно разъяснениям Комиссии по торговле товарными фьючерсами (CFTC) [13], данный запрет не касается алгоритмической торговли, при использовании которой происходит автоматический мэтчинг лучшей цены заявки на покупку и продажу. Данный запрет касается недопущения возможности покупки на бирже контракта по цене выше самой низкой доступной цены, предложенной для такого контракта или продажа контракта, по цене, которая ниже самой высокой доступной цены, предложенной для такого контракта.

Так, например, нарушение может произойти в случае, если участник торгов аккумулирует большой объем товара (позицию) в период перед закрытием с намерением (или по халатности) нарушить упорядоченное исполнение сделок в течение периода закрытия. Нарушение также возможно в случае применения спуфинга, который включает, но не ограничиваясь: а) подачу или отмену заявок с целью перегрузки системы торгов биржи; б) подачу или отмену заявки с целью задержки исполнения заявки другого лица; в) подачу заявки или ее отмену с намерением создания искусственного движения цены; г) подачу или отмену множественных заявок с целью создания ложной глубины рынка. При спуфинге CFTC презюмирует наличие намерения участника торгов или его знания о применении запрещенной практики, поскольку участник торгов имел намерение отменить заявку перед ее исполнением [14].

Чикагская товарная биржа (Chicago Mercantile Exchange). Правилами торгов Чикагской товарной биржи [15] установлены следующие запрещенные практики:

1) вовлечение в нечестную торговлю, а также наличие поведения, не характерного для предпринимателей; вовлечение в поведение и процедуры, несовместимые с принципом справедливой и честной торговли; совершение действий, которые являются убыточными для благосостояния биржи, или вовлечение в совершение действий, которые могут ухудшить репутацию биржи; удержание заявки (не допускается удержание заявки либо какой-либо части заявки в интересах иного лица, отличного от того, в интересах которого подается заявка);

2) лицо, которое подает заявки в интересах клиента, не должно акцептовать такую заявку, т.е. подавать заявку противоположной направленности (прямо или косвенно) в своих интересах (с указанием своего счета, счета, в котором данное лицо имеет косвенный финансовый интерес). Данный

запрет носит общий характер и законом предусмотрены исключения;

3) участник не должен покупать (продавать) фьючерсный контракт, покупать (продавать) опцион “колл” или продавать (покупать) опцион “пут” за свой собственный счет, счет, в котором у него есть прямой или косвенный финансовый интерес, в ситуации, когда такому участнику торгов дано поручение другого лица купить (продать) фьючерсный контракт, купить (продать) опцион “колл” или продать (купить) опцион “пут” на один и тот же продукт, независимо от места исполнения;

4) ненадлежащее использование или раскрытие информации. В частности, прямо или косвенно запрещается торговать (или вводить, отменять или изменять заявку) на основе существенной непубличной информации, когда участник торгов знает или разумно должен был знать, что информация была получена или раскрыта путем мошенничества, обмана или в нарушение ранее существовавшей обязанности (установленной законом, правилом, соглашением, взаимопониманием или каким-либо другим источником). Кроме того, запрещается раскрывать существенную непубличную информацию, когда участник торгов знает или разумно должен был знать, что раскрытие информации нарушило бы ранее существовавшую обязанность (установленную законом, правилом, соглашением, взаимопониманием или каким-либо другим источником), возложенную на другого, за исключением случаев, когда раскрытие осуществляется должностному лицу биржи, разрешенному правительству официальному лицу или это требуется по закону;

5) одновременная подача заявок на покупку и продажу в интересах разных бенефициарных владельцев;

6) запрет вош-трейдинга. Ни один участник торгов не должен подавать заявки на покупку или продажу в отношении одного и того же продукта и месяца экспирации, при условии, когда данное лицо знает или должно знать, что целью заявки является избегание занятия добросовестной рыночной позиции, подверженной рыночному риску. Заявки на покупку и продажу для разных владельцев, имеющих общего бенефициарного владельца, которые подаются с намерением снизить рыночный риск или ценовую конкуренцию, также считаются нарушением запрета на вош-трейдинга;

7) ни одно лицо не должно заранее организовывать или вести переговоры о какой-либо покупке или продаже или заключать неконкурентную сделку;

8) все заявки должны исполняться добросовестно. Ни одно лицо не должно подавать заявки с намерением их отмены перед исполнением или изменения с целью не допустить исполнения (спуфинг). Также запрещены подача и отмена заявок с целью нагрузки системы биржи, а также подача и отмена заявок с целью задержки исполнения сделок другим лицом. Кроме того, к запрещенным практикам относится флиппинг — подача заявок или заключение сделок с целью вызывать изменение волатильности рынка или стабильности (быстрая смена направления торговли (позиции)).

Выводы.

1. Запрещенные практики биржевой торговли можно разделить на практики, указанные в законодательстве, и в отношении которых законодательством установлена ответственность, а также иные практики, не запрещенные законодательством, но запрещенные биржей.

2. Правилами торгов установлен как перечень недобросовестных практик, так и общие принципы добросовестного поведения.

3. Исходя из перечня недобросовестных практик, указанных в законодательстве, можно выделить следующие основные критерии, которые лежат в основе классификации действий, являющихся недобросовестными торговыми практиками: наличие противоправного намерения (в большинстве случаев); использование противоправных методов (распространение ложной информации); наличие негативных последствий для рынка, как правило, значительных (вызвать высокое колебание цен и др.). При этом отмечено, что волатильность как самостоятельный фактор не может быть интерпретирована, поскольку волатильность может возникать в процессе формирования рыночной цены. Наравне с данными критериями можно выделить кооперацию с другими участниками торгов, большой объем заявок, время (момент) их подачи, количество заявок. Таким образом, применяются еще множественные факторы, совокупность которых может привести к признанию поведения участника торгов недобросовестной торговой практикой.

ИНДИЯ

Нормативно-правовое регулирование. Согласно Закону о договорах с ценными бумагами (The Securities contracts (regulation) act 1956), под ценными бумагами понимаются в том числе товарные деривативы [16].

Согласно Положению о запрете мошеннических действий и недобросовестных торговых практик, ни одно лицо не должно:

— совершать мошеннические действия с деривативами, в том числе товарными, заниматься мошеннической или недобросовестной торговой практикой;

— использовать любые манипулятивные или вводящие в заблуждение устройства в нарушение положений соответствующих законов и правил;

— участвовать в любых действиях, практиках, ведении бизнеса, которые являются или будут являться мошенничеством или обманом в отношении любого лица в связи с любыми сделками с деривативами в нарушение положений соответствующего закона или правил и предписаний.

Кроме того, совершение сделок с товарными деривативами может быть признано мошенническим действием или нечестной торговой практикой, если такая практика включает любое из следующих действий:

— совершение, в том числе намеренное, действий, создающих ложную или вводящую в заблуждение видимость торговли с товарными деривативами;

— совершение операций с товарными деривативами, которые не имеют целью осуществить передачу права собственности бенефициару, а осуществляются только для использования в качестве средства для завышения, снижения или вызывания колебаний цены такого дериватива с целью неправомерной выгоды или избегания убытков;

— побуждение любого лица к совершению сделок с любыми деривативами для искусственного завышения, снижения, поддержания или вызывания колебаний цен на деривативы любыми способами;

— совершение любого действия или бездействия, равносильного манипулированию ценой дериватива, включая влияние или манипулирование базовой или ориентировочной ценой;

— сознательная публикация или принуждение публиковать, сообщение или принуждение к сообщению лицом, имеющим дело с деривативами, любой информации, относящейся к деривативам, включая финансовые результаты, финансовую отчетность, разрешения регулирующих органов, которая не соответствует действительности или которую участник торгов не считает достоверной до совершения сделки или в ходе торгов;

— совершение сделки с деривативами без намерения ее совершить или без намерения сменить владельца;

— распространение информации или рекомендаций с помощью любых средств массовой информации, будь то физических или цифровых, которые, как известно распространителю, являются ложными или вводящими в заблуждение неосторожным образом и предназначены для того, чтобы повлиять, или могут повлиять на решение инвесторов, имеющих дело с деривативами;

— мошенническое побуждение участником рынка любого лица к совершению сделок с деривативами с целью увеличения его брокерской деятельности, комиссионных или дохода;

— распространение ложных или вводящих в заблуждение новостей, которые могут побудить к продаже или покупке деривативов;

— мисселлинг деривативов и услуг на рынке ценных бумаг (мисселлинг означает продажу ценных бумаг или услуг, относящихся к рынку ценных бумаг, любым лицом, прямо или косвенно, путем 1) заведомого ложного или вводящего в заблуждение заявления, или 2) заведомого сокрытия или неразглашения существенных фактов, или 3) заведомого сокрытия связанного с этим риска, или 4) неприятия разумной осторожности для обеспечения пригодности ценных бумаг или услуги покупателю).

Универсальная товарная биржа Индии (The Multi Commodity Exchange of India Limited). Согласно правилам торгов, к ценным бумагам относятся в том числе товарные деривативы.

Ответственность, согласно правилам биржи, наступает за недолжное поведение (проступок), осуществление поведения, несвойственного предпринимателям, непрофессиональное поведение, мошенническое поведение и недобросовестные торговые практики. К недолжному поведению относятся в том числе: мошенничество; неуважительное, неправильное поведение (в случае когда имеет место неуважительное поведение, влияющее на упорядоченный биржевой рынок, либо поведение, препятствующее осуществлению биржей деятельности). К поведению, несвойственному предпринимателям, относят:

— использование фиктивных имен;

— осуществление фиктивных сделок, исполнение которых не повлечет переход права собственности, или осуществление сделки, зная о ее характере;

— распространение слухов;

— содействие в осуществлении сделки с целью нарушения рыночного равновесия или способствование состоянию рынка, при котором цены не будут точно отражать рыночную стоимость;

— манипулирование рынком;

— ведение необеспеченной биржевой деятельности, т.е. невозможность исполнения заключенных сделок.

К недобросовестным торговым практикам относятся: манипулирование рынком; распространение информации, вводящей в заблуждение, которая побуждает к покупке контрактов другими лицами или имеет эффект поддержания или стабилизации рыночной цены контракта, в случае если участник не придает значения, ложная или правдивая ли эта информация, либо он точно знает, что информация ложная. Кроме того, не допускается: вовлекать других лиц в мошеннические действия либо совершение обмана в связи с покупкой или продажей контрактов; совершение сделок от своего имени или в интересах связанного с ним лица, при этом зная, что учредитель (директор) компании даст распоряжение совершить сделки с этими же товарными деривативами; задерживать (откладывать) передачу ценных бумаг, что приводит к изменению цены актива.

Дампинг — практика продажи продукта на иностранном рынке по несправедливо низкой цене (по цене ниже, чем на внутреннем рынке).

Churning — практика брокера, заключающаяся в чрезмерном совершении сделок с использованием клиентского счета с целью увеличения брокерской комиссии.

Выводы.

1. Индия — одна из немногих стран, в которой законодателем предусмотрен самостоятельный нормативный акт, регулирующий недобросовестные торговые практики. Данные практики также устанавливаются и регулируются на уровне бирж.

2. Среди признаков, которые указывают на совершение недобросовестных практик, можно выделить наличие намерения, использование недобросовестных методов осуществления таких практик, наличие негативных последствий, кооперация с другими лицами, при этом отсутствуют такие признаки, как конъюнктура рынка, история совершения сделок, количество и объем заявок и др.

3. Среди перечисленных практик не обнаружено таких “популярных практик” как спуффинг, флиппинг и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проанализировав нормативно-правовое и биржевое регулирование недобросовестных торговых практик, их критерии и виды, можно сделать следующие выводы.

1. Недобросовестные биржевые торговые практики можно разделить на запрещенные практики, указанные в законодательстве, а также на иные практики, не запрещенные законодательством, но запрещенные биржей. Данное наблюдение подтверждает, что государство каждой из стран придает значение регулированию недобросовестных практик и биржа не является полностью самостоятельным институтом в отношении выявления отдельных недобросовестных торговых практик.

2. Одними из критериев практик, которые признаются недобросовестными, являются:

— наличие противоправного намерения (иногда стандарт может повышаться и халатность (безрассудство) принимается во внимание) участника торгов, которое выражается в желании и возможности совершить действие, как правило, с целью достижения собственной выгоды с использованием противоправных методов (например, созданием искусственного рынка);

— использование противоправных методов достижения цели (например, распространение ложной информации);

— наличие негативных последствий для рынка (преимущественно), для биржи и остальных участников.

Кроме того, учитывая, что целью заключения договора на биржевых торгах является его исполнение сторонами, которые обладают действительной волей заключить такой договор, биржами также оценивается, привели ли действия участников торгов к исполнению договора, было ли такое исполнение “реальным”.

Указанные выше критерии выявлены по всех странах, в отношении которых проведен анализ, при этом для признания недобросовестности практик необходима совокупность указанных выше основных критериев.

Помимо критериев, перечисленных в п. 2, могут приниматься во внимание и иные (дополнительные) критерии, такие как размер и объем заявок, конъюнктура рынка, время подачи/отмены заявок и т.д., что свидетельствует о всестороннем подходе к оценке действий как недобросовестного поведения в некоторых юрисдикциях.

3. Недобросовестное поведение возможно не только участника торгов, но и трейдера — представителя участника торгов, осуществляющего подачу заявок. Подход, регулирующий не только поведение юридического лица в ходе торгов, но и политику приема на работу, т.е. поведение вне торгов, представляется наиболее эффективным и продвинутым, в частности, в части управления рисками.

4. Ни в одной юрисдикции не выявлено ни одной классификации недобросовестных торговых практик, в связи с этим предлагаются следующие возможные классификации:

— в зависимости от объекта недобросовестной практики, которому наносится вред в первую очередь, — интересы рынка, клиентов участника торгов или самого участника;

— в зависимости от приоритетного действия, выбранного в целях изменения цены, — распространение ложной информации, подача заявок, например, в большом объеме;

— в зависимости от механизма изменения цены — создание искусственного рынка, когда цены не отражают действительность, создание ложной торговой активности, подача большого количества заявок без намерения их исполнять и т.д. Механизмов, используемых участниками торгов, множество, объединяющим является то, что все они направлены на создание ложного эффекта для рынка либо участников торгов;

— по последствиям — убытки, потеря деловой репутации, волатильность рынка и т.д.

5. Практиками, которые признаются либо регулятором, либо биржей недобросовестными, во всех юрисдикциях являются: спуфинг, намеренное распространение ложной информации; создание искусственного рынка, при котором цены и оборот не отражают действительную картину рынка; воштрейдинг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 25.12.2023 № 632-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”. URL: pravo.gov.ru
2. Анализ Банка России биржевого товарного рынка за 2019 год. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/32204/reveiw_29052020.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
3. Recognised Investment Exchanges. URL: <https://www.handbook.fca.org.uk/handbook/REC.pdf> (date of access: 20.01.2024).

4. Principles for Business. URL: PRIN.pdf (fca.org.uk) (date of access: 20.01.2024).
5. Enforcement guide. URL: 2.pdf (fca.org.uk) (date of access: 20.01.2024).
6. Письмо директора оптовой торговли Управления по финансовому регулированию и надзору Великобритании. URL: <https://www.fca.org.uk/publication/correspondence/wholesale-brokers-portfolio-letter-2023.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).
7. London Metal Exchange Rules and Regulations, одобренные Советом директоров биржи 11.12.2023. URL: <https://www.lme.com/about/Regulation/Rules/Rule-book> (date of access: 20.01.2024).
8. Устав Токийской товарной биржи. URL: https://www.jpx.co.jp/english/rules-participants/rules/regulations/b5b4pj0000048mt4-att/ArticlesOfIncorporation_20200828.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
9. Правила торгов Токийской товарной биржи. URL: <https://www.jpx.co.jp/english/rules-participants/rules/regulations/03.html> (дата обращения: 20.01.2024).
10. Перечень недобросовестных торговых практик, размещенный на сайте токийской товарной биржи. URL: <https://www.jpx.co.jp/english/regulation/tocom/preventing/02.html> (дата обращения: 20.01.2024).
11. Перечень практик по надзору за рынком. URL: <https://www.jpx.co.jp/english/regulation/tocom/preventing/03.html> (дата обращения: 20.01.2024).
12. Кодекс США. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/7/7> (дата обращения: 20.01.2024).
13. Разъяснение Комиссии по торговле товарными фьючерсами. URL: https://www.cftc.gov/sites/default/files/idc/groups/public/@newsroom/documents/file/dtpinterpretiveorder_qa.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
14. Разъяснения Комиссии по торговле товарными фьючерсами в отношении политики по применению недобросовестных практик. URL: Fact Sheet: Interpretive Guidance and Policy Statement on Disruptive Practices. URL: [cftc.gov](https://www.cftc.gov).
15. Правила торгов Чикагской товарной биржи. URL: https://www.cftc.gov/sites/default/files/idc/groups/public/@newsroom/documents/file/dtp_factsheet.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
16. The Securities contracts (regulation) act 1956. URL: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/1644/1/A195642.pdf> (date of access: 20.01.2024).

Сведения об авторе:**Хачатурова Ксения Игоревна**

Начальник отдела правового сопровождения срочного и товарного рынков Юридического управления АО «Санкт-Петербургская Международная товарно-сырьевая биржа»; аспирант, АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»

Authors' information:**Ksenia I. Khachaturova**

Head of the Department of Legal Support of Commodity and Derivatives Markets of the Legal Department of the Saint Petersburg International Mercantile Exchange (SPIMEX), JSC; Postgraduate Student, Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science

Поступила в редакцию / Received 22.02.2024
 Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.04.2024
 Принята к публикации / Accepted 10.06.2024

===== **ЗАРУБЕЖНЫЕ УЧЕНЫЕ О РОЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ** =====
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

DOI: 10.61525/S231243500031378-3

Оригинальная статья / Original Article

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЛОБАЛИЗОВАННОМ МИРЕ:
РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Алакбарзада В.А. кызы¹, Мамедова А.Г. кызы²

¹Преподаватель кафедры ЮНЕСКО по правам человека и информационному праву
Бакинского государственного университета;
докторант юридического факультета Бакинского государственного университета,
Баку, Азербайджанская Республика
E-mail: Vadiya.zadeh@gmail.com

²Преподаватель кафедры права интеллектуальной собственности
Бакинского государственного университета;
докторант юридического факультета Бакинского государственного университета,
Баку, Азербайджанская Республика
E-mail: aydan.rustambekova@live.com

Аннотация. Энергетическая безопасность в глобализованном мире — это способность стран и регионов удовлетворять энергетические потребности, не ставя под угрозу свою экономическую, социальную и политическую стабильность. Энергетическая безопасность зависит от многих факторов, таких как наличие, надежность, цена и экологичность энергоресурсов, а также уровень сотрудничества и конкуренции между производителями, потребителями и транзитными странами. Энергетическая безопасность в глобализованном мире — это многогранная проблема, которая включает в себя наличие, надежность и доступность энергетических ресурсов. Международное сотрудничество имеет важное значение, поскольку энергетическая безопасность не ограничивается национальными границами, а является общей глобальной проблемой. Ключевая роль отводится международным договорам. Страны должны решить юридические проблемы, связанные с переходом к низкоуглеродной экономике, гарантируя, что политика соответствует обязательствам по борьбе с изменением климата. Для достижения безопасного и устойчивого энергетического будущего во взаимосвязанном мире необходимо сочетание правовых мер и стратегического планирования.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование в сфере энергетики, энергетическая безопасность, международные договоры.

Для цитирования: Алакбарзада В.А. кызы, Мамедова А.Г. кызы. Энергетическая безопасность в глобализованном мире: роль международно-правового регулирования // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 99–104. DOI: 10.61525/S231243500031378-3

ENERGY SECURITY IN THE GLOBALIZED WORLD: THE ROLE OF INTERNATIONAL LAW REGULATION

Alakbarzada V.A.¹, Mamedova A.G.²

¹Lecturer, UNESCO Department of Human Rights and Information Law, Baku State University;
Doctoral Student of the Faculty of Law, Baku State University,
Baku, Republic of Azerbaijan
E-mail: Vadiya.zadeh@gmail.com

²Lecturer, Department of Intellectual Property Law, Baku State University;
Doctoral Student of the Faculty of Law, Baku State University,
Baku, Republic of Azerbaijan
E-mail: aydan.rustambekova@live.com

Abstract. In the globalized world, energy security means the ability of countries and regions to satisfy their energy demands without any threats to their economic, social or political stability. Energy security depends on a variety of factors such as availability, reliability, price and sustainability of energy resources as well as the level of cooperation and competition between producers, consumers and transit countries. Energy security in the globalized world is a multifaceted problem that includes availability, reliability and accessibility of energy resources. International cooperation is of great importance since energy security is not limited by national borders, but is a common global problem. The key role is assigned to international treaties. Countries need to solve legal issues arising in view of the transition to the low-carbon economy and guarantee that their policy is in line with the obligations to fight against the climate change. The achievement of safe and sustainable energy future in the inter-related world requires a combination of legal measures and strategic planning.

Keywords: international law regulation in the energy sphere, energy security, international treaties.

For citation: Alakbarzada V.A., Mamedova A.G. Energy Security in the Globalized World: The Role of International Law Regulation. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 99–104. DOI: 10.61525/S231243500031378-3

Международно-правовое регулирование в области энергетической безопасности в глобализованном мире представляет собой правила, принципы и механизмы, направленные на регулирование процесса, обеспечивающего интеграцию энергетических ресурсов, потребителей и рынков в глобальном масштабе и превращающего сектор энергетики в сложную систему, подверженную влиянию экологических, социальных, политических и экономических факторов. Международно-правовое регулирование направлено на развитие сотрудничества, солидарности, согласованности и решение проблем странами для обеспечения энергетической безопасности, определяемой как непрерывность, пригодность, качество и доступность энергоснабжения. В условиях глобализации международное право в области энергетической безопасности имеет многоуровневую и динамичную структуру, состоящую из различных уровней и источников. Международно-правовое сотрудничество можно классифицировать следующим образом:

— региональные международные договоры и организации — включают документы и институты,

регулирующие сотрудничество в сфере энергетики в определенных географических регионах;

— специализированные международные договоры и организации — включают документы и институты, отвечающие за использование конкретных видов энергии или аспекты энергетической безопасности, например, Международное агентство по атомной энергии, Международное энергетическое агентство, Договор о нераспространении ядерного оружия, Киотский протокол и т.д. [1];

— международные договоры — включают договоры, регулирующие отношения в сфере энергетики между двумя или несколькими государствами, например, соглашения по таким вопросам, как транзит, поставки, инвестиции, налогообложение, разрешение споров в области энергетики.

ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЛОБАЛИЗОВАННОМ МИРЕ

Международные договоры играют важную роль в обеспечении энергетической безопасности в условиях глобализации и имеют существенное

воздействие на отношения между государствами и компаниями, осуществляющими деятельность в сфере энергетики. В международных договорах определены принципы, направленные на обеспечение стабильности и надежности энергоснабжения в условиях глобальной взаимозависимости. Международные договоры, такие как Киотский протокол или Парижское соглашение, являются важными нормативными инструментами, направленными на сокращение выбросов парниковых газов и стимулирование перехода на устойчивые источники энергии. Эти договоры устанавливают обязательства государств по ограничению вредного воздействия на окружающую среду и способствуют развитию совместных проектов в области снижения выбросов парниковых газов, формируя тем самым правовую основу для поддержки глобальных усилий по борьбе с изменением климата.

Многосторонние энергетические договоры являются основными инструментами обеспечения стабильности энергетического рынка. В них определены условия поставки, тарифы, маршруты транзита и даже технологические стандарты, которые формируют нормативно-правовую базу для международного сотрудничества и обеспечивают правовую предсказуемость для участников рынка [2]. В условиях геополитической напряженности энергетической безопасности следует уделять особое внимание, поскольку многие страны стремятся диверсифицировать свои источники энергии, чтобы снизить зависимость от отдельных поставщиков. Результатом этого процесса зачастую становится подписание долгосрочных контрактов на поставку энергоресурсов для обеспечения надежности поставок и укрепления экономической безопасности. Однако применение международных договоров также может быть сопряжено с проблемами, обусловленными многообразием правовых систем, национальных интересов и внутренних политик. Для урегулирования потенциальных конфликтов требуется высокий уровень дипломатических и юридических навыков, чтобы обеспечить баланс интересов сторон и соблюдение общепринятых норм международного права.

В глобализованном мире национальная политика в области энергетики и соответствующее регулирование имеют фундаментальное значение для обеспечения энергетической безопасности государства, в то же время их влияние выходит за пределы национальных границ, формируя сложную среду взаимодействия на мировой энергетической арене. Сегодня они являются важным инструментом регулирования и управления энергетическими ресурсами, оказывая влияние не только на внутренние аспекты сектора энергетики, но и на глобальные экономические и политические отношения.

Национальная политика в области энергетики и законодательство — инструменты, которые страны используют для обеспечения энергетической безопасности. Национальная политика в области энергетики и законодательство определяют условия, на которых страны могут получать выгоду от использования энергетических ресурсов, право выбора различных источников энергии и полномочия по определению общей структуры энергоснабжения. Национальная политика в области энергетики и законодательство также способствуют адаптации стран к глобальной энергетической среде, развитию сотрудничества и солидарности в сфере энергетики, обеспечению безопасности энергоснабжения, энергоэффективности, использованию возобновляемых источников энергии, борьбе с изменением климата, а также проведению исследований и внедрению инноваций в секторе энергетики. Правовое воздействие национальной политики в области энергетики и законодательства на энергетическую безопасность может быть выражено в форме правил, стандартов, санкций и стимулов, регулирующих энергетический сектор стран. Национальная политика в области энергетики и законодательство оказывают влияние на функционирование, производительность, конкурентоспособность и устойчивость энергетического сектора. Национальная политика в области энергетики и законодательство также обеспечивают соответствие энергетического сектора нормам международного права, соглашениям, институтам и механизмам [3]. В условиях глобализации правовое воздействие национальной политики в области энергетики и законодательства на энергетическую безопасность не только открывает новые возможности, но и создает проблемы. Новые возможности позволяют расширить глобальный охват энергетических ресурсов, рынков и технологий, способствуют развитию сотрудничества и солидарности в сфере энергетики, повышению энергоэффективности и расширению потенциала возобновляемых источников энергии. Формируются новые перспективы в сфере противодействия изменению климата, а также новые возможности для проведения исследований и внедрения инноваций в сфере энергетики.

Во всем мире национальная политика в области энергетики и соответствующее законодательство играют важную роль в формировании и обеспечении энергетической безопасности, оказывая непосредственное влияние на государства, корпорации и рядовых граждан. Современные национальные энергетические стратегии и законы определяют механизмы регулирования выработки, распределения и потребления энергии для достижения целей устойчивого развития, эффективности и соответствия экологическим стандартам [4]. Национальное регулирование энергетики неразрывно

связано с такими глобальными проблемами, как изменение климата. Многие страны принимают законы, направленные на сокращение выбросов парниковых газов и стимулирование перехода на возобновляемые источники энергии, ввиду чего энергетические компании вынуждены внедрять инновации и применять более устойчивые технологии, что в конечном итоге способствует уменьшению глобального углеродного следа. Государственная политика в области энергетики оказывает непосредственное влияние на энергетические стратегии и инвестиционные решения компаний. Тарифное регулирование, принципы налогообложения и стимулирование разработки экологически чистых технологий определяют решения по развитию энергетической инфраструктуры и инвестиционные приоритеты.

ПРАВОВЫЕ СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГЛОБАЛИЗОВАННОМ МИРЕ

Правовые стратегии обеспечения энергетической безопасности могут быть ориентированы на три ключевые области: безопасность энергообеспечения, интеграция энергетического рынка, а также энергоэффективность и возобновляемые источники энергии. Правовые действия, необходимые в указанных сферах, включают:

- безопасность энергообеспечения. Для предотвращения прерывания или сокращения поставок энергии необходимы правовые меры, обеспечивающие осуществление таких процессов, как диверсификация источников и маршрутов энергообеспечения, увеличение мощностей для хранения энергии и планирование на случай чрезвычайных ситуаций, защита и укрепление энергетической инфраструктуры, создание механизмов сотрудничества и солидарности между поставщиками и потребителями энергии, а также применение энергетической дипломатии;

- интеграцию энергетического рынка. Для обеспечения конкурентоспособности, прозрачности, справедливости и эффективности энергетического рынка можно принять такие меры, как либерализация, надзор и интеграция энергетического рынка на региональном и глобальном уровнях [5]. Эти реформы могут обеспечить такие преимущества, как снижение цен на энергоносители, стимулирование торговли энергоносителями, поощрение инвестиций в энергетику и повышение надежности энергообеспечения;

- энергоэффективность и возобновляемые источники энергии. В целях снижения энергопотребления, обеспечения устойчивости энергоресурсов, борьбы с изменением климата, повышения энергоэффективности и расширения использова-

ния возобновляемых источников энергии можно установить нормы, предусматривающие стимулы, механизмы поддержки. Указанные меры могут способствовать повышению энергосбережения, снижению стоимости энергии, развитию внутреннего экологически чистого производства энергии и сокращению выбросов парниковых газов.

РАЗВИТИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ — ПРАВОВЫЕ БАРЬЕРЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Развитие энергетической инфраструктуры является важным компонентом обеспечения энергетической безопасности, эффективности, устойчивости и доступности энергии. В условиях глобализации развитие энергетической инфраструктуры сопряжено как с правовыми препятствиями, так и с возможностями.

К правовым препятствиям для развития энергетической инфраструктуры относятся правовая неопределенность, несогласованность правовых норм, противоречия в правовом регулировании, дисбаланс интересов участников правовых отношений [6].

Правовые возможности для развития энергетической инфраструктуры включают внедрение правовых стимулов, мер поддержки участников климатических проектов, правовое обеспечение цифровизации в сфере энергетики. Представляется целесообразной разработка стандартов и кодексов, устанавливающих требования в отношении энергетической инфраструктуры [7].

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Международное право играет важнейшую роль в формировании глобальной энергетической политики и выполняет важную регуляторную функцию в условиях усложнения международных отношений и стратегической значимости энергетических ресурсов. В этом контексте международное право становится основным инструментом, регулирующим использование, распределение и управление энергетическими ресурсами в рамках межгосударственных отношений. В настоящее время энергетика воспринимается как неотъемлемая часть экономического развития и национальной безопасности, что обуславливает необходимость рассматривать политику в области энергетики с учетом не только внутренних, но и международных аспектов [8].

Международное право включает ряд норм и принципов, способствующих устойчивому использованию энергоресурсов, регулированию

торговли энергоресурсами, контролю за воздействием на окружающую среду и обеспечению энергетической безопасности. При формировании политики в области энергетики на глобальном уровне международное право обеспечивает справедливое и сбалансированное распределение, учитывая ограниченный характер энергоресурсов и растущие глобальные потребности в энергии. В этой связи право на доступ к энергоресурсам является одним из важных элементов международного права при формировании политики в области энергетики. Международное право направлено на обеспечение справедливого и прозрачного разрешения споров в сфере энергетики между государствами и способствует мирному урегулированию конфликтов, связанных с использованием энергоресурсов. Кроме того, международное право направлено на минимизацию воздействия на окружающую среду, обеспечение устойчивости энергетических проектов и управление рисками, связанными с энергетической безопасностью, посредством регулирования обязанностей компаний и государств, осуществляющих деятельность в секторе энергетики.

Таким образом, международное право призвано сбалансировать влияние энергетических проектов за счет включения в политику в области энергетики не только национальных, но и глобальных интересов. Международное право играет важнейшую регулируемую роль в определении глобальной политики в области энергетики [9]. Ограниченность энергоресурсов, растущие потребности в энергии и экологические факторы превращают международное право в основной механизм формирования политики в области энергетики.

Таким образом, международное право сохраняет свое значение как комплексный инструмент регулирования межгосударственных отношений, направленный на обеспечение энергетической безопасности, урегулирование конфликтов и содействие справедливому и устойчивому управлению энергоресурсами.

КОНФЕРЕНЦИЯ СТОРОН

Конференция сторон (далее — КС) является ключевым элементом международного сотрудничества в области окружающей среды и устойчивого развития. Это высший руководящий орган различных международных конвенций, таких как Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК) и Конвенция о биологическом разнообразии (КБР). КС объединяет представителей стран-участниц для обсуждения прогресса, достигнутого в рамках конвенций, и принятия решений, направленных на улучшение их реализации. КС проводятся регулярно и служат платформой для обсуждения вопросов, связанных с глобальными экологическими

проблемами, такими как изменение климата, защита биоразнообразия и борьба с опустыниванием. На этих заседаниях страны-участницы обмениваются информацией о национальных стратегиях, достижениях и проблемах, связанных с выполнением обязательств в рамках конвенций. Одной из самых известных КС является Конференция сторон по изменению климата, которая ежегодно привлекает к себе внимание мирового сообщества. Например, 26-я сессия КС, прошедшая в Глазго в 2021 г., была посвящена усилиям, направленным на активизацию мер в рамках Парижского соглашения. КС осуществляет свою деятельность на основании регламента, принятого на первом заседании, который может быть изменен в ходе последующих сессий. Основные задачи КС включают изучение прогресса реализации конвенций, предоставление рекомендаций по предотвращению экологических проблем и реагированию на них, разработку программы работы и создание вспомогательных органов для изучения вопросов, связанных с реализацией конвенций. Решения, принятые на КС, имеют юридическую силу для стран-участниц и могут включать принятие новых протоколов, поправок к конвенциям и даже создание новых международных инструментов. Эти решения играют важную роль в формировании международной политики в области охраны окружающей среды и устойчивого развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В глобализированном мире энергетическая безопасность имеет первостепенное значение, поскольку эта сфера объединяет правовое поле со стратегическими задачами. Правовые последствия весьма масштабны, поскольку международные многосторонние и двусторонние договоры диктуют условия торговли энергоресурсами, защиты инвестиций и охраны окружающей среды. Стратегии энергетической безопасности должны учитывать эти правовые сложности, обеспечивая при этом стабильность энергоснабжения. Диверсификация источников энергии — одна из ключевых стратегий, позволяющая снизить зависимость от какого-либо одного вида или источника энергии. Эта стратегия подразумевает использование ископаемых видов топлива, ядерной энергетики и расширение применения возобновляемых источников энергии. Международные договоры служат платформой для сотрудничества и разрешения споров между странами, способствуя формированию стабильной среды для торговли энергоресурсами. Инвестиции в технологии возобновляемых источников энергии — это не только стратегия энергетической безопасности, но и юридическая необходимость, поскольку страны связаны международными обязательствами, такими как Парижское

соглашение, по сокращению выбросов парниковых газов. Для перехода к низкоуглеродной экономике необходима правовая поддержка в виде субсидий, налоговых льгот и нормативных актов, стимулирующих инновации и внедрение экологически чистой энергии. Развитие инфраструктуры — это еще один стратегический компонент, в рамках которого необходима надежная нормативная база для организации трансграничных трубопроводов, систем и цепочек поставок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айрес Р.Ю., Уорр Б. Двигатель экономического роста: как энергия и труд определяют материальное процветание. Челтнем: Эдвард Элгар Пабблишинг, 2013. С. 100.
2. Истерли У. Неуловимый поиск роста: приключения и ошибки экономистов в тропиках. Кембридж: Изд-во Массачусетского технологического института, 2021. С. 152.
3. Айрес Р.Ю., Уорр Б. Двигатель экономического роста: как энергия и труд определяют материальное процветание. Челтнем: Эдвард Элгар Пабблишинг, 2020. С. 89.
4. Бланшар О.Дж. Макроэкономика. Бостон: Пирсон, 2017. С. 391.
5. Донелла Г., Медоуз Де.Л., Медоуз Дж.Р., Уильям У.Б. Пределы роста. Вирджиния: Потомак Ассошиэйтс, 1972. С. 204.
6. Агион П., Хоуитт П. Теория эндогенного роста. Кембридж: Изд-во Массачусетского технологического института, 2017. С. 88.
7. Айрес Р.Ю. Экономический пузырь: возможен ли устойчивый рост. Нью-Йорк: Спрингер, 2019. С. 219.
8. Барроб Р.Дж., Сала-и-Мартин К. Экономический рост. Нью-Йорк: Макгроу-Хилл, 2014. С.150.
9. Дитц Т., Роза Э.А. Переосмысление влияние населения, изобилия и технологий на окружающую среду // Обзор экологии человека. 1994. № 1 (2). С. 267.

Сведения об авторе:

Алакбарзада В.А. кызы

Преподаватель кафедры ЮНЕСКО по правам человека и информационному праву Бакинского государственного университета; докторант юридического факультета Бакинского государственного университета, Баку, Азербайджанская Республика

Мамедова А.Г. кызы

Преподаватель кафедры права интеллектуальной собственности Бакинского государственного университета; докторант юридического факультета Бакинского государственного университета, Баку, Азербайджанская Республика

Authors' information:

Alakbarzada V.A.

Lecturer,
UNESCO Department
of Human Rights and Information Law,
Baku State University;
Doctoral Student of the Faculty of Law,
Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Mamedova A.G.

Lecturer, Department
of Intellectual Property Law,
Baku State University;
Doctoral Student of the Faculty of Law,
Baku State University,
Baku, Republic of Azerbaijan

Поступила в редакцию / Received 15.03.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.05.2024

Принята к публикации / Accepted 10.06.2024

International Scientific and Practical Journal

ENERGY LAW FORUM

2024, Issue 2

Quarterly

ISSN Print: 2312-4350, ISSN (Online): 2782-6902

Editor-in-chief

Romanova Viktoriya Valeryevna, Dr. Sci. (Law), Prof., Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Centre for the Development of Energy Law and Modern Legal Science (Moscow, Russia).

Editorial council

Avornik G.K., Dr. Sci. (Law), University of Political and Economic European Studies “Constantin Stere” (Chisinau, Republic of Moldova); **Blazheyev V.V.**, PhD (Law), Prof., the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia); **Bublik V.A.**, Dr. Sci. (Law), Prof., The Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Ural State Law University named after V.F. Yakovlev” (Ekaterinburg, Russia); **Grib V.V.**, Corresponding Member of the RAE, Dr. Sci. (Law), Prof., JURIST Publishing Group, Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia); **Kleandrov M.I.**, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Law), The Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia); **Kropachev N.M.**, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Law), Prof., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); **Lisitsyn-Svetlanov A.G.**, Academician of the RAS, Dr. Sci. (Law), The Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia); **Maksimov S.V.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Institute of Problems of Science Development of the Russian Academy of Sciences; **Musin V.A.**, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Law), Scientist Emeritus of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Mikhailov N.I.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Popondopulo V.F.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); **Salieva R.N.**, Dr. Sci. (Law), Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia); **Sviridenko O.M.**, Dr. Sci. (Law), Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Tarkhanov I.A.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Truntsevsky Y.V.** Dr.Sci.(Law), prof., ANO V.A.Musin Research Centre for the Development of Energy Law and Modern Legal Science; **Ustinov A.A.**, PhD (Law), Insurance Company of Gaz Industry SOGAZ (Moscow, Russia); **Frommann M.V.**, Dr. Sci. (Law), Bureau of Prof. F.Y. Zekker (Moscow, Russia); **Sheveleva N.A.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); **Shumkov D.V.**, Dr. Sci. (Law) (Moscow, Russia); **Yakovlev V.F.**, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Law) (Moscow, Russia); **Yastrebov O.A.**, Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Econ.), Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia); **Bergmann W.**, Dr. Sci. (Law), Petersburger Dialog e.V, Deutsch-Russisches Forum e.V. (Berlin, Germany); **Butler W.E.**, Dr. Sci. (Law), University of Pennsylvania (USA); **Handrlica J.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Charles University in Prague (Prague, Czech Republic); **Säcker F.J.**, Dr. Sci. (Law), Institute for Energy Law and Government Regulation (Berlin, Germany); **Heffron R.J.**, Dr. Sci. (Law), University of Dundee (Dundee, UK); **Talus K.**, Dr. Sci. (Law), The Tulane University of Louisiana (USA), University of Eastern Finland, University of Helsinki (Helsinki, Finland).

Editorial board

Akimov L.Yu., PhD (Law), Prof., PJSC ROSSETI Lenenergo (Moscow, Russia); **Amir A.I.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Rector of Academy of Azerbaijani Bar Association (Republic of Azerbaijan); **İbrahim E.**, Dr. Sci. (Law), Prof., Ankara University (Türkiye); **Yefimova A.A.**, PJSC Mosenergo (Moscow, Russia); **Zhabin N.A.**, PhD (Law), PJSC Inter RAO (Moscow, Russia); **Inyutyn A.Yu.**, PhD (Law), JSC Gazprombank (Moscow, Russia); **Shabunya V.V.**, PhD (Law), Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Centre for the Development of Energy Law and Modern Legal Science (Moscow, Russia); **Chichkanov A.B.**, PhD (Law), JSC Gazprombank (Moscow, Russia), **Shi Xiaojuan**, Prof. of Law, School of Humanities and Law, Hebei University of Technology (China).

Recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of basic results of PhD and doctor theses.

Certificate of Mass Media Registration

ПИ № ФС 77-83276 of May 12, 2022, ПИ № ФС 77-83274 of May 12, 2022, ЭЛ № ФС 77-83307 of May 12, 2022

© Copyright. Full or partial reprint of the materials without the written permission of the authors of the articles or the editorial board is punishable by law.

Международный научно-практический журнал ПРАВОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

2024, номер 2

Выходит 4 раза в год

ISSN Print: 2312-4350, ISSN (Online): 2782-6902

Главный редактор

Романова Виктория Валерьевна, д-р юрид. наук, проф., АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина» (Москва, Россия).

Редакционный совет

Аворник Г.К., д-р юрид. наук, проф., Университет политических и экономических европейских знаний имени «Константина Стере» (Кишинёв, Молдова); **Блажеев В.В.**, канд. юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия); **Бублик В.А.**, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия); **Гриб В.В.**, чл.-кор. РАО, д-р юрид. наук, проф., Издательская группа «Юрист», МГИМО (У) МИД РФ (Москва, Россия); **Клеандров М.И.**, чл.-кор. РАН, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН (Москва, Россия), АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»»; **Кропачев Н.М.**, чл.-кор. РАН, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); **Лисицын-Светланов А.Г.**, акад. РАН, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН (Москва, Россия), АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»»; **Максимов С.В.**, д-р юрид. наук, проф., Институт проблем развития науки РАН (Москва); **Мусин В.А.**, чл.-кор. РАН, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва, Россия); **Михайлов Н.И.**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия наук (Москва, Россия); **Попондопуло В.Ф.**, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); **Салиева Р.Н.**, д-р юрид. наук, проф., Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия), АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»»; **Свириденко О.М.**, д-р юрид. наук, Министерство юстиции Российской Федерации (Москва, Россия); **Тарханов И.А.**, д-р юрид. наук, проф., ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Россия); **Трунцевский Ю.В.**, д-р юрид. наук, проф., АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина» (Москва, Россия); **Устинов А.А.**, канд. юрид. наук, АО «СОГАЗ» (Москва, Россия); **Фромманн М.В.**, д-р юрид. наук, Бюро проф. Ф.Ю. Зеккера (Москва, Россия); **Шевелева Н.А.**, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); **Шумков Д.В.**, д-р юрид. наук, проф. (Москва, Россия); **Яковлев В.Ф.**, чл.-кор. РАН, д-р юрид. наук, проф. (Москва, Россия); **Ястребов О.А.**, д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф., ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (Москва, Россия); **Bergmann W.**, д-р юрид. наук, проф., Petersburger Dialog e.V, Deutsch-Russisches Forum e.V. (Берлин, Германия); **Butler W.E.**, д-р юрид. наук, проф., Университет штата Пенсильвания (США); **Handrlica J.**, д-р юрид. наук, проф., Карлов университет в Праге (Прага, Чехия); **Säcker F.J.**, д-р юрид. наук, проф., Институт энергетического права и государственного регулирования (Берлин, Германия); **Heffron R.J.**, проф., Университет г. Данди (Данди, Великобритания); **Talus K.**, д-р юрид. наук, проф., Тулейнский университет Луизианы (США), Университет Восточной Финляндии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Акимов Л.Ю., канд. юрид. наук, ПАО «Россети Ленэнерго» (Москва, Россия), АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»»; **Алиев А.И. оглы**, д-р юрид. наук, проф., ректор Академии Коллегии адвокатов Азербайджанской Республики (Азербайджанская Республика); **Ерменек И.**, д-р юрид. наук, проф., Университет Анкары (Турецкая Республика); **Ефимова А.А.**, ПАО «Мосэнерго» (Москва, Россия); **Жабин Н.А.**, канд. юрид. наук, ПАО «Интер РАО» (Москва, Россия); **Инюцын А.Ю.**, канд. юрид. наук, АО «Газпромбанк» (Москва, Россия); **Шабуня В.В.**, канд. юрид. наук, АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина» (Москва, Россия); **Чичканов А.Б.**, канд. юрид. наук, АО «Газпромбанк» (Москва, Россия), **Ши Сяоцзюань**, проф. права, Гуманитарная и правовая школа Хэбэйского технологического университета (КНР).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС 77-83276 от 12.05.2022 г., ПИ № ФС 77-83274 от 12.05.2022 г., ЭЛ № ФС 77-83307 от 12.05.2022 г.

© Запрет. Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

CONTENTS / СОДЕРЖАНИЕ

ENERGY LAW FORUM
ПРАВОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

2024, Issue 2
2024, номер 2

Overveiw of the International Scientific and Practical Conference The Musin Readings. 2024. Relevant Tasks of Energy Law and the Contemporary Legal Science.....	5
Обзор Международной научно-практической конференции «Мусинские чтения.2024. Актуальные задачи энергетического права и современной правовой науки», посвященной 85-летию со дня рождения Валерия Абрамовича Мусина	5

FUNDAMENTAL OBJECTIVES OF ENERGY LAW |

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА

Kleandrov M.I. On the Methodology of Scientific Research in the Field of Energy Law.....	13
Клеандров М.И. О методологии научных исследований в области энергетического права.....	13

LEGAL STATUS OF ENERGY COMPANIES |

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

Popondopulo V.F., Silina Y.V. Bankruptcy of Energy Companies in Russia and China: Legal Regulation	19
Попондопуло В.Ф., Силина Е.В. Банкротство энергетических компаний в России и Китае: правовое регулирование	19

LEGAL REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE |

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Kologermanskaya E.M. Legal Regulation of Artificial Intelligence and Robotics in the Energy Industry in the Russian Federation: Challenges and Opportunities.....	29
Кологерманская Е.М. Правовое регулирование технологий искусственного интеллекта и робототехники в сфере энергетики в Российской Федерации: проблемы и перспективы	29
Krotova M.K. Artificial Intelligence in Corporate Governance	39
Кротова М.К. Искусственный интеллект в корпоративном управлении	39
Sharionova Y.A. Digitalization of Construction of Facilities of the Fuel and Energy Complex.....	46
Илларионова Е.А. Цифровизация строительства объектов ТЭК.....	46

LEGAL REGIME OF ENERGY INFRASTRUCTURE |

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Anikanov P.S. Gaps in Legal Regulation of Public Servitude for the Purposes of Construction of a Linear Facility of the Gas Supply System.....	54
Аниканов П.С. Пробелы правового регулирования публичного сервитута в целях строительства линейного объекта системы газоснабжения.....	54
Toropov N.N. Legal Regulation of Emergency Notification System Creation at Gas Transmission Facilities.....	61
Торопов Н.Н. Правовое регулирование создания систем оповещения о чрезвычайных ситуациях на объектах транспортировки газа	61

Sviridova D.A. Problems of Legal Regulation of Operation of Hazardous Production Facilities in the Absence of Registered Rights to Land Plots	69
Свиридова Д.А. Проблемы правового регулирования эксплуатации опасных производственных объектов в отсутствие оформленного права на земельные участки	69

CONTRACTUAL REGULATION IN THE ENERGY SECTOR |

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

Pates A.S. Place of a RES-Based Generating Facility Construction Contract in the System of Civil Law Contracts	74
Патес А.С. Место договора на строительство генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии, в системе гражданско-правовых договоров	74
Borodavko A.A. Law Enforcement Practice on an Agreement on Technological Connection to Electrical Grids....	80
Бородавко А.А. Правоприменительная практика по договору технологического присоединения к электрическим сетям	80

LEGAL REGULATION OF EXCHANGE TRADING ABROAD |

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БИРЖЕВОЙ ТОРГОВЛИ ЗА РУБЕЖОМ

Khachaturova K.I. Measures to Counter Unfair Trading Practices in Foreign Commodity Exchange Markets	88
Хачатурова К.И. Меры противодействия недобросовестным торговым практикам на зарубежных биржевых товарных рынках	88

FOREIGN SCIENTISTS ON THE ROLE OF INTERNATIONAL TREATIES IN ENSURING ENERGY SECURITY |

ЗАРУБЕЖНЫЕ УЧЕНЫЕ О РОЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Alakbarzada V.A., Mamedova A.G. Energy Security in the Globalized World: The Role of International Law Regulation.....	99
Алакбарзада В.А., Мамедова А.Г. Энергетическая безопасность в глобализованном мире: роль международно-правового регулирования	99

DOI: 10.61525/S231243500031346-8

Original Article / Оригинальная статья

OVERVIEW THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE THE MUSIN READINGS. 2024. RELEVANT TASKS OF ENERGY LAW AND THE CONTEMPORARY LEGAL SCIENCE DEDICATED TO THE 85th ANNIVERSARY OF VALERY A. MUSIN

Мусинские чтения. 2024.
Актуальные задачи энергетического права
и современной правовой науки

Международная научно-практическая
конференция

Посвящается 85-летию
со дня рождения В.А.Мусина

Musin Readings. 2024
**Actual Issues of Energy Law
and Modern Legal Science**

Scientific and Practical Conference
Dedicated
to the 85th anniversary
of the birth of V.A.Musin

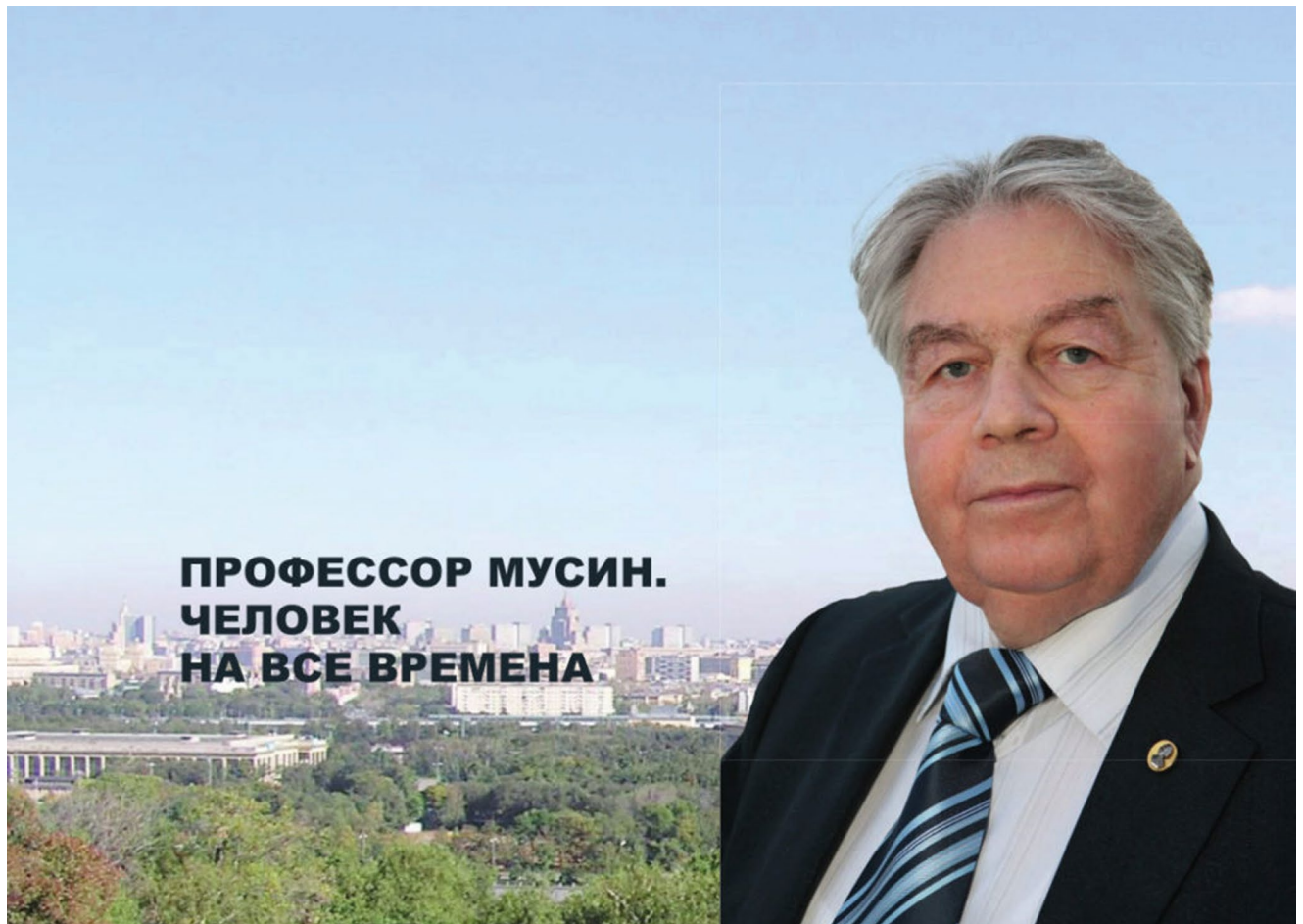

The international scientific and practical conference The Musin Readings. 2024. Relevant Tasks of Energy Law and the Contemporary Legal Science took place on April 4, 2024, at Pavilion No. 46 of the Exhibition of Achievements of National Economy within the framework of the Russia international exhibition and forum; **the conference was dedicated to the 85th anniversary of Valery A. Musin**, who made an invaluable contribution to the development of the Russian legal science, personnel training.

Organizer of the event: Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, the event was supported by the Ministry

of Energy of the Russian Federation and the Association of Lawyers of Russia.

The conference started with the welcoming speech of State Secretary, Deputy Minister of Energy of the Russian Federation, Anastasia B. Bondarenko, who suggested the Musin Readings 2024 to be held in the Energy of Life pavilion of the Ministry of Energy of Russia.

The event was moderated by Viktoriya V. Romanova, LL.D., Professor, Director of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, Chair of the Commission on Energy Law and the Development of Laws in the Fuel and Energy Complex of the Association of Lawyers of Russia.

There was received a large number of welcoming addresses directed at the participants and organizers of the conference.

Welcoming addresses directed at the participants and organizers:

— Assistant to the President of the Russian Federation, **Andrey A. Fursenko**;

— Chairman of the Board of Directors of GAZPROM, PJSC, **Viktor A. Zubkov**;

— Minister of Justice of the Russian Federation, **Konstantin A. Chuychenko**;

— Deputy Head of the Directorate for Moscow of the Ministry of Justice of Russia, **Elena V. Suschenko**;

— Chief Executive Officer of GAZPROM VNI-IGAZ, LLC, **Maksim Yu. Nedzvetsky**;

— Co-Chairman of the Association of Lawyers of Russia, **Vladimir N. Pligin**;

— Vice-President of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, **Vadim V. Chubarov**;

— Deputy Chief Executive Officer, Chief Legal Officer of Inter RAO, PJSC, **Mikhail L. Galperin**;

— Head of the Directorate of Regulatory Affairs of Inter RAO, PJSC, **Nikita A. Zhabin**;

— Rector of the Academy of the Bar Association of the Republic of Azerbaijan, LL.D., Professor, **Amir I. Aliev**;

— Chairman of the International Union of Lawyers, **Andrey A. Trebkov**;

— Advisor to the President of Transneft, PJSC, **Zhunus A. Dzhakupov**;

— Deputy Chief Operations Officer, Chief Legal Officer of MOSENERGO, PJSC, **Anna A. Efimova**;

— Deputy Chief Executive Officer of Mosenergosbyt, JSC, **Irina V. Peskova**;

— Dean of the Law Faculty of the RANEPa, Saint Petersburg, **Sergey L. Sergevnin**;

— Director of the Institute of Environmental Problems and Subsoil Use of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, **Rifgat R. Shagidullin**;

— Rector of the Federal State Government-Owned Educational Institution of Higher Education Research Institute of the Moscow Energy Institute, **Nikolay D. Rogalev** and others.

On April 4, 2024, during the Musin Readings, the Institute for Energy Law Studies (Republic of Türkiye) and Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science entered into an agreement on cooperation in the sphere of science

and education. The agreement was signed by Head of the Institute for Energy Law Studies, Head of the Energy Disputes Arbitration Center, **Süleyman BOŞÇA (Republic of Türkiye)** and Director of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, **Viktoriya V. Romanova**.

Results of the 1st stage of the All-Russian Contest of Scientific Publications of Young Specialists of the Fuel and Energy Complex and Young Scientists were announced during the Musin Readings 2024, the contest participants were awarded.

Members of the Commission on Energy Law and Development of Laws in the Fuel and Energy Complex were awarded during the opening part of the Musin Readings.

Students and colleagues of Valery A. Musin, famous and young scientists, specialists of energy companies, representatives of government authorities, judicial community, social organizations, practicing lawyers, postgraduate students, degree-seeking students took part in the Musin Readings 2024.

Participants of the Musin Readings discussed the most relevant tasks of energy law and the contemporary legal science including tendencies of further establishment of energy law of the Eurasian Economic Union, BRICS+, friendly countries, relevant tasks of gas law; nuclear law; oil law; electrical energy law; contemporary tendencies of development of corporate governance and digitalization in energy companies; novelties of procurement activities in the fuel and energy complex; development of special energy arbitrations; reviews of the practice of dispute resolution in the energy sphere; tendencies of state regulation and control (supervision) in the energy sphere and much more.

Contributions:

— **Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov**, LL.D., Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, Member of the Commission on Energy Law and Development of Laws in the Fuel and Energy Complex of the Association of Lawyers of Russia, — **Contractual Terms and Legal Risks of Investment Projects**;

— **Mikhail I. Kleandrov**, LL.D., Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Judge (Emeritus) of the Constitutional Court of the Russian Federation, Member of the Commission on Energy Law and Development of Laws in the Fuel and Energy Complex of the Association of Lawyers of Russia, — **On Methodology of Modernization Studies in Energy Law**;

— **Andrey Yu. Bushev**, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, — **Constitutionalization in Contemporary Law**;

— **Darya A. Melnik**, Advisor of the Unit of Electrical Energy and Nuclear Policy of the Energy Department of the Eurasian Economic Commission, — **Relevant Tasks of Legal Support of Energy Security in the Eurasian Space**;

— **Irina N. Pavlova**, Head of the Unit of Oil and Gas Policy of the Energy Department of the Eurasian Economic Commission, **Viktor E. Borodaev**, Chief Expert of the Unit of Oil and Gas Policy of the Energy Department of the Eurasian Economic Commission, — **New Configuration of the Global Gas Market: Risks and Opportunities**;

— **Yulia V. Lebedeva**, PhD (Law), advisor of the Department of History and Records of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Leading Research Scientist of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the

Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **Legal Determination of Physical Protection of a Nuclear Facility in International Law**;

— **Süleyman BOŞÇA**, Managing Partner at Bosca Law, Head of the Institute for Energy Law Studies, Head of the Energy Disputes Arbitration Center (Turkey), — **New Approaches to Regional Energy Disputes**;

— **Ibrahim Ermenek**, LL.D., Professor of the Ankara University (Turkey), — **Protection of Consumers on the Turkish Energy Market**;

— **Elena V. Belyakovich**, PhD (Law), Judge of the Commercial Court of the Central District, — **Tendencies of the Judicial Practice in the Electrical Energy Supply Sphere**;

— **Petr G. Lakhno**, PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Entrepreneurial Law of the Law Faculty of the Lomonosov MSU, Chief Operating Officer of Academic Center of Energy and Law, — **The V.A. Musin's Contribution to Improvement of the System of Arbitral Proceedings in the Russian Federation**;

— **Gao Yu**, Director of the One Belt, One Road Research Institute of Energy Industry and Energy Law under Hebei University of Technology (People's Republic of China) — **On the Definition of Energy Law Within the Framework of the Energy Transition**;

— **Adel I. Abdullin**, LL.D., Professor, Head of the Department of International and European Law of the Kazan (Volga Region) Federal University, — **Valery A. Musin: Man, Scientist, Mentor**;

— **Viktoriya V. Romanova**, LL.D., Professor, Academic Supervisor of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, Chair of the Commission on Energy Law and the Development of Laws in the Fuel and Energy Complex of the Association of Lawyers of Russia, — **Relevant Tasks of International Energy Law and Order**;

— **Sergey A. Lobanov**, LL.D., Associate Professor, Head of the Department of Legal Regulation of the Fuel and Energy Complex of the International Institute of Energy Policy and Diplomacy of the MGIMO University, — **Legal Support of Russian Companies of the Fuel and Energy Complex by the Government in the Conditions of Sanctions**;

— **Snezhana M. Saushkina**, Deputy Directorate Head of GAZPROM, PJSC, — **Challenging Aspects**

of Carrying out Procurements by Energy Companies Without Bidding Procedures;

— **Alber F. Bikmurzin**, Deputy Chief Executive Officer of GAZPROM ENERGOHOLDING, LLC, — **On Problems of the Missing Shareholder Register and Solutions;**

— **Elena A. Sidorova**, Vice-President of Saint Petersburg International Commodity Exchange, JSC, — **Historical and Contemporary Legal Aspects of Commodity Exchange;**

— **Roza N. Salieva**, LL.D., Professor, Head of the Laboratory of Legal Problems of Subsoil Use, Ecology and Fuel and Energy Complex of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Chief Research Scientist of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, Member of the Commission on Energy Law and Development of Laws in the Fuel and Energy Complex of the Association of Lawyers of Russia, — **Legal Issues of Support of Small Enterprises in the Oil Industry;**

— **Oleg A. Gorodov**, LL.D., Professor, Chief Research Scientist of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **On the Technological Policy in the Energy Sphere;**

— **Dmitry A. Petrov**, LL.D., Professor of the Department of Commercial Law of the Law Faculty of the Saint Petersburg State University, — **State Policy with Regards to the Use of Renewable Energy Sources in the Russian Federation;**

— **Kristina S. Semenovich**, PhD (Law), Associate Professor of the Department of Commercial Law, Director of the Energy Law Center of the Saint

Petersburg State University, — **Hydrogen Energy: Primary Legal Regulation Tasks;**

— **Andrey V. Mikhaylov**, PhD (Law), Head of the Department of Entrepreneurial and Energy Law of the Kazan (Volga Region) Federal University, — **Issues of Systematization of Energy Laws of Russia;**

— **Vyacheslav Yu. Gussyakov**, PhD (Law), Deputy Chairman of the International Union of Lawyers, Member of the Commission on Energy Law and Development of Laws in the Fuel and Energy Complex of the Association of Lawyers of Russia, — **In the Memory of V.A. Musin: Problems of Insurance in Marine Transportation of Oil and Petroleum Products in the Conditions of Sanctions;**

— **Vesna Z. Zhivkovich**, Specialist of the Unit of Procurements and Tenders of LUKOIL SERBIA, LLC, — **The Role of Waste in the Energy Complex;**

— **Maria S. Nakonechnaya**, Chief Legal Officer of GAZPROMNEFT EXPERT SOLUTIONS, LLC, Postgraduate Student of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **Legal and Organizational Support of the Mediation Procedure in Companies of the Fuel and Energy Complex;**

— **Yury A. Kapul**, Deputy Unit Head at TRANSNEFT, PJSC, Postgraduate Student of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **Legal Regulation of Sanitary Protection Zones of Main Oil Pipelines;**

— **Pavel S. Anikanov**, Leading Counsel at GAZPROM MEZHREGIONGAZ, LLC, Postgraduate Student of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **Gaps in Legal Regulation of Public Servitude for the Purposes of Construction of a Linear Facility of the Gas Supply System;**

— **Denis S. Romanchenko**, Line Manager at ATOMSTROYEXPORT Joint-Stock Company, Postgraduate Student of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **The Role of Nuclear Energy in the Achievement of U.N. Sustainable Development Goals;**

— **Sergey Yu. Komarov**, Head of the Property Management Unit at RADON Federal State Unitary Enterprise, Postgraduate Student of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research

Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **Criteria of Classification of Nuclear and Radiation Hazardous Facilities in Russian Laws;**

— **Maria A. Pyatykh**, Unit Head at Transneft, PJSC, Postgraduate Student of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **The Concept of Damage to the Environment: Challenging Issues;**

— **Ruslan B. Sufyanov**, Senior Legal Counsel of the Department of Judicial Protection of the Center for Regulatory Law and Judicial Protection of GAZPROMNEFT EXPERT SOLUTIONS, LLC, — **The Institution of the Writ of Restitution in the Arbitration Procedure: Some Challenging Issues;**

— **Artem Ya. Berlin**, Expert at GAZPROM NEFT, PJSC, Junior Research Scientist of the Saint Petersburg State University, — **Exclusive Transactions Within the Framework of Risk Service Agreements;**

— **Anastasia A. Borodavko**, Chief Specialist at ROSSETI LENENERGO, PJSC, Postgraduate Student of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **Servitude for the Purposes of Construction, Reconstruction, Operation, Major Repair of Electrical Grid Facilities;**

— **Ekaterina M. Kologermanskaya**, PhD (Law), Legal Counsel at PROMKHIM, LLC, — **Legal Regulation of Artificial Intelligence and Robotics in the Energy Industry in the Russian Federation: Challenges and Opportunities;**

— **Pavel Z. Ivanishin**, PhD (Law), Associate Professor of the Department of Entrepreneurial and Energy Law of the Kazan (Volga Region) Federal University, — **On the Correlation Between the Legal**

Categories of Price, Tariff and Rate Setting in the Energy Sphere;

— **Elena A. Nakhova**, PhD (Law), Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law of the North-Western Branch of the RSUJ, — **Some Aspects of Proving in Disputes Arising out of Private Law Relations in the Energy Sphere;**

— **Evgenia A. Illarionova**, Lawyer at GAZPROM-NEFT EXPERT SOLUTIONS, LLC, — **Digitalization of Construction of Facilities of the Fuel and Energy Complex;**

— **Elizaveta V. Podymova**, Chief Expert on Contractual Work at Critical Information Systems Scientific and Production Association, JSC, Postgraduate Student of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **The Concept and Legal Attributes of Software as an Intellectual Deliverable;**

— **Evgeny V. Kovalev**, Medical Project Head at SOGAZ, JSC, Postgraduate Student of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **Special Aspects of Legal Regulation of Telemedicine Healthcare Services in the Russian Federation in the Period of the Pandemic of the New Coronavirus Infection;**

— **Lidia V. Samukova**, Deputy Chief Executive Officer for Corporate and Legal Support of NIITFA, JSC, Postgraduate Student of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **Heat Supply as Sale of Heat Power, Heat Transfer Agent by the Company That Owns the Heat Energy Source;**

— **Andrey V. Smagin**, Project Manager at ROSSETI, PJSC, Postgraduate Student of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **Grid Operators in the Energy Industry: The Concept, Types, Attributes;**

— **Daniil D. Kataev**, Head of the Unit of Legal Support of Regional Operations of the PERMEN-ERGO Branch of ROSSETI URAL, PJSC, — **Problems of the Law Enforcement Practice in Solution of Disputes over Acknowledgment of Title to Abandoned Electrical Grid (Linear) Facilities;**

— **Olesya I. Ereemeeva**, Expert of the Property Management Unit at RADON Federal State Unitary Enterprise, Postgraduate Student of the Autonomous

Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **Legal Aspects of Decommissioning of Nuclear Icebreakers and Nuclear Maintenance Ships;**

— **Margarita K. Krotova**, Leading Lawyer at GAZPROMNEFT EXPERT SOLUTIONS, LLC — **Tendencies of Legal Regulation of Corporate Governance in the Fuel and Energy Complex;**

— **Radima V. Efendieva**, Senior Lawyer at GAZPROMNEFT EXPERT SOLUTIONS, LLC, — **Commercialization of IT Products in the Fuel and Energy Complex: Legal Aspects;**

— **Daniil V. Boreysho**, Senior Lawyer at GAZPROMNEFT EXPERT SOLUTIONS, LLC, — **Protection of Debtors in the Context of Assignment of Claims (on Protection of Trust in the Contemporary Stream of Commerce and the Law Transparency Doctrine)** (online);

— **Eleanora V. Snadina**, Lawyer at TATENERGO, JSC, — **Balance of Interests of Suppliers and Consumers in Case of Breakdown of a Communal Heat Energy Meter: Legal Regulation Problems;**

— **Danis F. Akhunzyanov**, Leading Lawyer of the Procurement Department of GAZPROMNEFT EXPERT SOLUTIONS, LLC, — **Novelties of Procurement Activities in the Fuel and Energy Complex;**

— **Dilyara R. Sayfutdinova**, 1st Category Legal Counsel at GAZPROM NATURAL GAS MOTOR FUEL, LLC, — **Legal Regulation of Service Contracts of Oil and Gas Companies in the Application Practice of Foreign Countries;**

— **Aleksandr E. Gavrilov**, Postgraduate Student of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal

Science, — **Contemporary Practices of Corporate Insurance and Special Aspects of Statutory Regulation Thereof;**

— **Zlata E. Zagorulko**, Chief Legal Counsel at ATOMENERGOSBYT, JSC, — **Determination of the Volume of Electrical Energy Supplied to Ramshackle Houses. Relevant Practice;**

— **Nikita A. Nikitin**, Chief Specialist at GAZPROM, PJSC, Postgraduate Student of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **Types of Oil and Gas Companies in the Russian Federation. The Concept and Subject of a Shareholder Agreement;**

— **Aleksandr Dokuchaev**, Senior Lawyer at Gazpromneft Expert Solutions, LLC, — **Relevant Problems of Carbon Unit Regulation;**

— **Elina O. Sagalova**, Paralegal of the Department of Energy and Natural Resources of LEVEL Legal Services, — **Legal Support of Common Projects in the Fuel and Energy Complex in the Conditions of Sanctions;**

— **Marsel F. Gabdulkhakov**, Paralegal at the Insight Moscow Law Firm, — **International Law Fundamentals of the Establishment of Common Markets of Oil and Petroleum Products in the EAEU;**

— **Vyacheslav V. Sevalnev**, PhD (Law), Leading Research Scientist of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **Separate Aspects of Legal Regulation of Banking in the People's Republic of China;**

— **Artem M. Tsirin**, PhD (Law), Leading Research Scientist of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **Relevant Tasks of International Law Regulation of Trade Relations Within the Framework of BRICS;**

— **Nikolay A. Akimov**, PhD (Law), Senior Research Scientist of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, — **Relevant Problems of Development of the Corporate Liability Institution;**

— **Vadim V. Shabunya**, PhD (Law), Leading Research Scientist of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science, Member of the Commission on Energy Law and Development of Laws in the Fuel and Energy Complex of the Association of Lawyers of Russia, —

Relevant Legal Aspects of Development of the Arctic Region and others.

Participants of the Musin Readings went on an excursion around the Energy of Life pavilion and reviewed innovative achievements of energy companies.

Works of the participants of the Musin Readings will be published in a commemorative monograph dedicated to the 85th anniversary of Valery A. Musin.

A detailed review of the conference can be found on the website of the V.A.Musin Center.

Sincere gratitude and deep respect to all the participants for remembering and tender attitude to Valery A. Musin, who made a great contribution to development of the legal science, training of highly professional employees, profound gratitude for the assistance in preservation and development of the scientific heritage of the great scientist, teacher, person forever!

Editor-in-chief, Doctor of Law, Professor,
daughter of V.A. Musin

V.V. Romanova

FUNDAMENTAL OBJECTIVES OF ENERGY LAW

DOI: 10.61525/S231243500031347-9

Original Article / Оригинальная статья

**ON THE METHODOLOGY OF SCIENTIFIC RESEARCH
IN THE FIELD OF ENERGY LAW****Kleandrov M.I.**

LL.D., Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Chief Research Scientist of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
Chief Research Scientist of the Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research
Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science
E-mail: mklean@bk.ru

Abstract. This article addresses the methodological issues inherent to scientific research in the field of energy law as a basis for improving energy legislation. The author proposes that the methodology of scientific and legal research be understood as a set of general and private scientific methods representing systems of approaches, methods, ways, and rules of scientific research in a particular vector of cognition. The author distinguishes between the general methodological approach and the theoretical and methodological framework of scientific and legal research. He highlights new challenges in the methodology of scientific research, including in the field of energy law, resulting from scientific and technological progress, particularly the use of artificial intelligence. The author suggests the use of the method of legal stratigraphy when conducting research in the field of energy law. Furthermore, the author highlights the role of energy law in ensuring national security, which he considers an essential element of its methodology.

Keywords: energy law, methodology and methods, legal stratigraphy.

For citation: Kleandrov M.I. On the Methodology of Scientific Research in the Field of Energy Law. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 13–18. DOI: 10.61525/S231243500031347-9

**О МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА****Клеандров М.И.**

Доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник Института государства и права РАН;
главный научный сотрудник АНО “Научно-исследовательский “Центр развития
энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”
E-mail: mklean@bk.ru

Аннотация. Рассматривается проблематика методологии научных исследований в сфере энергетического права как базы совершенствования энергетического законодательства. Под методологией научно-правовых исследований автор предлагает понимать совокупность общенаучных и частно-научных методов как систем подходов, приемов, способов и правил научных исследований в конкретном векторе познания. Автор выделяет общеметодологический подход в научно-правовых исследованиях и теоретико-методологическую их основу. Обращается

внимание на новые вызовы в методологии научных исследований, в том числе в сфере энергетического права, вызванные научно-техническим прогрессом, в частности использованием искусственного интеллекта. Предлагается при проведении исследований в сфере энергетического права использовать метод правовой стратиграфии. Обращается внимание на роль энергетического права в обеспечении национальной безопасности, что является, по мнению автора, важным компонентом ее методологии.

Ключевые слова: энергетическое право, методология и методы, правовая стратиграфия.

Для цитирования: Клеандров М.И. О методологии научных исследований в области энергетического права // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 13–18. DOI: 10.61525/S231243500031347-9

As stated in the Energy Security Doctrine (p. 5), the FEC serves as the foundation of Russia's energy sector [1]. In 2022, FEC enterprises accounted for 42% of Russia's income [2].

All multifaceted activities of FEC entities are regulated by (not only, of course) energy legislation, which is based on and theoretically informed by energy law. Energy law itself, as well as other branches of law, is a multifaceted field. It is an independent branch of law, a branch of legal science, a branch of legislation, and an academic discipline.

It is therefore evident that legal regulation in the energy sector of the national economy, founded upon the scientific achievements in energy law, should be strategically modernized in a unified manner, while being tactically implemented in different ways in these segments.

Today, the science of energy law is confronted with a heightened set of requirements imposed by life itself. These include the transition to a higher level of generalization of the studied field of public relations, a holistic vision of the FEC as the most important real sector of economy, the formation of a conceptual framework for the legal future of the Russian energy sector, etc., which will allow us to develop a systemic algorithm for its improvement. In order to achieve this, it is necessary to implement a methodologically sound approach to this modernization, which, of course, cannot be achieved without proper scientific support for the methodology itself.

The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language defines methodology as follows: 1) Greek: *methodos* + *logos*; 2) a set of research techniques employed in scientific cognition of the world [3]. It would be more accurate to state that it is not a set of techniques, but rather a systematic set of general and private scientific methods (that is, a doctrine of the system of approaches, methods, ways, and rules of scientific research); and not in general, but in

a specific vector of cognition. In the opinion of the author of these lines, the methodology of scientific research in general and, specifically, in the field of energy law should be discussed from this perspective.

Modernization initiatives in the scientific and legal fields can be fundamental, exploratory, and applied, depending on the goals set by the draft lawmaker. These goals are primarily informed by the realized and formulated needs of practice. In this case, the needs of the national economy, and more narrowly, its fuel and energy complex, should be considered.

It is evident that both applied and exploratory scientific research are contingent upon the findings of fundamental science, which serves as the driver of new ideas and projects. This is equally applicable to legal sciences, including energy law. Nevertheless, it is important to acknowledge that scientific ideas often lose much of their intrinsic value when confronted with the realities of their practical implementation.

It is evident that the general trajectory of development of the science of energy law is the constitutional novelty of 2020 which asserts that the Russian Federation is responsible for, among other things, "ensuring the security of individuals, society, and the state in the application of information technologies and the circulation of digital data" (Article 71, clause "m" of the Constitution of the Russian Federation).

To a certain extent, this constitutional novelty of 2020 develops the National Security Strategy of the Russian Federation, which was approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 On the National Security Strategy of the Russian Federation of July 2, 2021.

Clause 67 of this Strategy asserts that "the goals of ensuring the economic security of the Russian Federation is to be achieved by solving the following tasks: ...15) ensuring the energy security of the Russian Federation, which encompasses ensuring a sustainable heat and energy supply to the population and

actors in the national economy, increasing the energy efficiency of the economy and the efficiency of state management in the fuel and energy complex; ...19) the development of market, energy, engineering, innovation, and social infrastructure in order to accelerate the growth of the Russian economy; ...according to clause 76, the goal of scientific and technical development of the Russian Federation is to be achieved by solving the following tasks: (including, but not limited to) ...6) the improvement of the system of fundamental scientific research as the most important component of sustainable development of the Russian Federation”.

The Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation, approved by Presidential Decree No. 145 of February 28, 2024, will serve as a more recent and, most importantly, more extensive framework for R&D in the field of energy (and other branches of) law. The Strategy specifies the following challenges, among others, as significant challenges for society, the state, and science (clause 15e): “A qualitative change in the nature of global and local energy systems, the growing importance of the power supply capacity of the economy, the increasing volume of energy generation, and the increasing efficiency of energy transmission, storage, and use”.

What is the methodology of scientific and legal research in terms of its structural components? The general methodological approach in scientific and legal research helps to define the conventional boundaries of the planned research, to clarify the basic concepts and terminology used in the course of the research (sometimes even to develop, if necessary, a glossary), to identify the key conceptual vectors of the problem under study.

The theoretical and methodological basis of scientific and legal research is the relevant provisions of such sciences as philosophy, economics, logic, history, and in some cases, sociology, etc. This allows for the consideration of the subject-object relations of these sciences as applied to the solution of legal problems under study.

The general scientific methods of scientific and legal research typically include the following:

— system method (study of the elements of a problem as a whole, while also studying the individual elements of the problem, which, when considered collectively, provide a holistic picture of the problem);

— analysis and synthesis method, which allows for the analysis of existing points of view on the problem under study and the identification of similar approaches. This, in turn, should ideally lead to the achievement of the intended goals and the solution of problems with maximum efficiency;

— dialectical method, which allows for the study and evaluation of the state of modern legal regulation, theoretical framework, and methodological support for the problem under study;

— elementary theoretical and problem-theoretical method;

— induction and deduction methods, logical method and generalization of observation, measurement, analogy, classification, etc.

The private scientific methods employed in the conduct of scientific and legal research typically include the following:

— method of legal modeling to search for and determine the most appropriate options for solving the problem under study;

— comparative legal method to identify approaches to the solution of the problem under study, both in similar domestic spheres of legal regulation (and sometimes in judicial practice) and in international and foreign ones;

— formal legal method; interviewing, questioning, and interpretation, historical legal, elementary theoretical, and problem theoretical methods;

— method of identifying legal gaps in energy law, which obliges the researcher to think outside the box, etc.

However, merely enumerating the names of these methodologies and methods is insufficient. It is necessary to populate them with the appropriate content thereby enabling researchers to conduct R&D in the vectors they study with optimal efficiency and effectiveness.

In particular, the rapid advancement of scientific and technological progress has led to the necessity for the development of novel methodologies. This implies that fundamental research in the field of energy law science should be concentrated on very-long-term, over-the-horizon objectives. In principle, scientific and technological progress may slow down or even reverse its development, as has already occurred in history. Nevertheless, it is reasonable to assert that this will not occur, the progress will continue to develop rapidly without stopping. It is imperative that the science of energy law not fall behind as

a framework for scientific and legal support of this process, even if the horizons are barely visible. For instance, in the very distant future, it will be possible to harness the energy of time by transforming it into the energy of overcoming space. In particular, if it takes 15 hours to reach a waypoint by airplane flying at a speed of 1,000 kilometers per hour, then the transformation of time energy will make it possible to reach the waypoint in one hour when flying at a speed of 15,000 kilometers per hour. This process can be continued indefinitely, up to the zero point on the time axis, and without the expenditure of conventional energy from outside. But this is teleportation in its purest form. And the independent invention of this technology will permit the allocation and utilization of time energy for alternative purposes. It is prudent to consider the issue of legal regulation of these relations at an early stage.

Today (already), and even more so in the future (certainly), scientific research in the field of energy law is methodologically impossible without the implementation of neural networks and artificial intelligence (AI). Two distinct perspectives are readily apparent in this context.

In particular, on the one hand, Rosneft exhibited two new program complexes as a significant achievement in its pavilion at VDNKh in February 2024 during the Russian Science Week. RN-Neural Networks is designed to identify the most optimal variant of hydrocarbon field development, when a significant number of hydrodynamic calculations (sometimes hundreds of thousands) are required. Due to preliminary self-learning, this neural network is capable of briefly reducing the number of calculations required. At the same time, the profit from field development can be enhanced by up to 30%. RN-Aqua is a software designed for petroleum hydrogeology. It is used to create three-dimensional digital hydrogeological models of water-bearing layers. Furthermore, the software enables the automation of predictive calculations, thereby enhancing their reliability and facilitating the monitoring of target parameters of field development. This has led the State Commission for Mineral Reserves to recommend this software package for use [4].

But the energy legislation in our country is comprised of a vast array of legislative and other normative legal acts. Previous methods of improvement have proven to be unproductive and obviously ineffective, and this is evident even in the present day. What, then, can be expected in the future, even in the near future? Furthermore, a certain portion of these acts is classified to varying degrees, particularly in the

field of atomic power. It appears that the integration of AI into the legislative process is inevitable. This integration should commence with the application of AI in the pre-drafting of relevant provisions by the applied science of energy law.

By the way, the Italian Chamber of Deputies, led by Vice President Anna Ascani, reports on the integration of artificial intelligence into the legislative process. Italian authorities believe that this initiative will impact the transparency, accountability, and efficiency in managing the substantial repository of parliamentary documents, thereby facilitating improvements to legislative processes. Neural networks will be used in the documentation system to reduce the number of documents containing provisions that duplicate or contradict each other. According to Anna Ascani, AI technologies will analyze the repository of legislative initiatives and assist parliamentarians in adjusting their work. Neural networks will create a thematic register to help quickly identify necessary documents [5].

But, on the other hand, there is a growing parallel being drawn between AI and nuclear weapons, and there are compelling reasons for this comparison. Mankind is already losing control of AI. What will happen in the not-so-distant future when AI reaches a point (and it is not impossible in principle) where it is capable of self-awareness? Moreover, how can we describe the situation of AI deceiving those who control it?

This means that the relevant AI (as a fundamental basis for R&D) should be incorporated into, if not dominate in (and for now only), the methodology of scientific research across the entire energy law field. After all, in fact, we are not merely discussing the advancements of scientific and technological progress. We are witnessing the transition to a new technological paradigm.

The method of legal stratigraphy is also applicable in legal science, which the author of these lines has not encountered in the scientific and legal literature. This method is particularly effective in the field of energy law [6]. What is it, and how does it work?

In essence, the concept of “stratigraphy” is not a legal concept. First of all, it is a widely used term in the field of geology. In general, this term is of mixed Latin-Greek origin: “stratum” (derived from the Latin) plus “grapho” (literally in Greek — to write), which is a part of complex words meaning “description”, “record”, “drawing”, “picture”, etc. It is used as a part of the names of sciences, names, ways of reproduction, images of something, and enterprises where such ways

are used (for example, historiography, typography, lithography). In geology, it refers to its section that examines the sequence of rock formation, the primary spatial relationships and the relative age of rocks to establish the geological structure of the area and the sequence of geological events [7]. This concept is widely used in archaeology, where the stratigraphic method helps to define structures and findings based on their occurrence in the layer. This method is used in all archaeological excavations [8]. Thus, the basis of the term, concept, and method of stratigraphy in geology and archaeology is chronology, in particular, a layered one, divided into layers. This means that we are discussing specific time intervals of the development of life on Earth, which are counted in centuries, and in geology, in millions of years.

In jurisprudence, there is no precedent for this approach, either in theory or in practice. Meanwhile, the necessity to examine any legal phenomenon using the methods and techniques of chronology is becoming increasingly apparent. For this reason, the concept of “stratigraphy” may be a useful starting point in jurisprudence, in general, and in local scientific and legal research, in particular. In law, stratigraphy, due to the lack of another term, should, in the author’s opinion, mean a chronological sequence sort of divided into layers, into time intervals, but in forms of interrelations, interdependencies, interaction, etc. of legal rules, entire normative legal acts and even their blocks regulating a local sphere of social relations on a certain limited territory to solve a certain socially (state) significant problem, etc., inter alia, to justify and form something new: a legal institution, a branch of legislation, etc.

It seems that the study of a multi-layered complex of regulatory acts affecting the law enforcer in a local public relations context using methods (techniques) of legal stratigraphy, the study of interrelations, interdependencies, and interactions between these acts taking into account their hierarchical significance, which is theoretically and practically recognized among lawyers (but not always demanded by practice), and hence, their effectiveness, with a wide chronological coverage, in dynamics, etc., is a huge, complex, and at the same time, important, interesting, and noble task for the researcher. Apparently, in legal science, of course in its fundamental, not applied, component, there comes a stage of development when the results of research will not be effective enough without the stratigraphic method. Firstly, from the author’s point of view, this applies to the field of public relations regulated by energy laws.

Furthermore, it applies to the extensive range of problems of scientific research in the field of energy law.

The reason for this is the vastness of energy law and the significance of the fuel and energy complex regulated by numerous energy laws for the economy of our country. Thus, the stratigraphic method of research in the legal domain of energy law rules involves — in a monochronological approach — studying the layers of interdependent, interacting, and interrelated rules of today’s layer of rules and the recent past’s layer of rules as a natural forerunner of the layer of today’s rules. In this case, in contrast to the stratigraphic method of scientific and legal research in other branches (fields) of law, the distinctive feature of this method of research in energy law is that each — in historical terms — legal stratum becomes more extensive, significant, voluminous, etc. As an illustration, on August 5, 2022, the President of the Russian Federation, V.V. Putin, issued Decree No. 520 On the Application of Special Economic Measures in the Financial and Fuel and Energy Sectors in Connection with Unfriendly Actions of Some Foreign States and International Organizations [9]. Since that time, a number of amendments and additions [10] have already been made to it. It is clear that the adjustment of this Decree will not end.

It is important to take into account that the method of legal stratigraphy in energy law, as well as in other branches of law, is not a scientific research of the history of law and state under any approach to the classification of branches of law. This is especially important in thesis research. When examining the issues surrounding energy law, scholars delve deeply into the history of social relations in energy and its legal regulation. They do not approach this work with the perspective of a historian, nor do they claim to be one. They seek to identify the origins of contemporary challenges in energy law in the past, employing the perspective of a contemporary specialist. It is challenging for a historian, including a specialist scientist in the history of law and state, to identify the “origins” in the past without first understanding the contemporary issue, especially a narrow segment of a specific issue of energy law.

But it is evident that the true effectiveness of the stratigraphic method of legal domain research will become apparent when moving beyond the monochronological (linear) approach, to theoretical studies of polychronological vectors of legal reality and, most importantly, law enforcement. In other words, the objective is to provide theoretical support for

approaches to the study of the legal domain in the (distant enough) past and future of our society in general, with a particular focus on the fuel and energy complex.

The vector aimed at the future allows us to pose a similar question in this context: why do we believe that hydrocarbon reserves belong to the current generation of Russians (the chronological aspect is the key factor in this case, regardless of whether it is the entire federal state or a specific group of citizens, etc.)? In other words, are such fundamentally new subjects of law as future generations of Russians also the owners of oil and gas reserves in our country today? If future generations of Russians are considered a subject of law and this subject is “built” into our legislation, first of all, into the Constitution of the Russian Federation (especially since the Preamble of the current Constitution of the Russian Federation places responsibility on us, as a multinational people of the Russian Federation, for our Motherland and before future generations), a fundamental legal framework for ensuring sustainable development of Russia will appear. This is what we can call a tangible result of employing the stratigraphic method to study the legal foundation of the fuel and energy complex in Russia.

In light of these developments, the general understanding of the methodology of scientific research in energy law is not insufficient, especially in the current context where, in the course of SMO and numerous sanctions imposed on our country, there has been a shift in focus towards the demand for scientific results of legal research across the entire spectrum, with a particular emphasis on the fuel and energy complex, without research in areas such as ensuring energy law and order [11] and legal support for energy security [12] becoming fundamentally important.

Authors' information:

Mikhail I. Kleandrov

LL.D., Professor,
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Chief Research Scientist of the Institute of State
and Law of the Russian Academy of Sciences;
Chief Research Scientist of the Autonomous
Non-Commercial Organization V.A. Musin
Research Center for the Development
of Energy Law and Modern Legal Science

REFERENCES

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 216 On Approval of the Doctrine of Energy Security of the Russian Federation dated May 13, 2019 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 14.05.2019).
2. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17384227>
3. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / Chief Editor S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2008. P. 538.
4. URL: <https://360.ru/tekst/nauka/den-rossijskoj-nauki-otmetili-v-pavilone-rosnefti-na-vdnh/>
5. URL: <https://pravo.ru/news/251610/>
6. Kleandrov M.I. About the Stratigraphy, Methodology, and Strategy of Regional Lawmaking // Topical Issues of Jurisprudence. Tyumen: Tyumen State University. 1998. Vol. 2. P. 100–104; Kleandrov M.I. The Stratigraphic Method of Research into the Application of Rules of Oil and Gas Laws // Russian Academy of Legal Sciences. Scientific Papers. I (Vol. 2). 2001. P. 328–336.
7. Dictionary of Foreign Words. 7th ed., revised. Moscow: Russian Language, 1980. P. 486–487.
8. Soviet Encyclopedic Dictionary / Scientific Editorial Board: A.M. Prokhorov (chair.). Moscow: Soviet Encyclopedia, 1981. P. 1288.
9. Collection of Laws of the Russian Federation. 2020. No. 32. Art. 5816.
10. Collection of Laws of the Russian Federation. 2022. No. 50. Art. 8889; 2023. No. 52. Art. 9553; Russian Newspaper. 2004. February 27.
11. Romanova V.V. Energy Law Order: Current State and Tasks. Moscow: Lawyer, 2016. 254 p.
12. Romanova V.V. Legal Support of Energy Security in the Context of Economic Sanctions // Current Tasks of Energy Law: monograph / ed. by V.V. Romanova. Moscow: Integration: Education and Science, 2022. P. 10–44.

Сведения об авторе:

Клеандров Михаил Иванович

Доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник Института
государства и права РАН;
главный научный сотрудник
АНО “Научно-исследовательский
“Центр развития энергетического права
и современной правовой науки
имени В.А. Мусина”

Received / Поступила в редакцию 22.03.2024

Revised / Поступила после рецензирования и доработки 13.05.2024

Accepted / Принята к публикации 10.06.2024

LEGAL STATUS OF ENERGY COMPANIES

DOI: 10.61525/S231243500031368-2

Original Article / Оригинальная статья

**BANKRUPTCY OF ENERGY COMPANIES IN RUSSIA AND CHINA:
LEGAL REGULATION****Popondopulo V.F.¹, Silina Y.V.²**

¹LL.D., Professor,
Head of the Department of Commercial Law,
St. Petersburg State University
E-mail: v.popondopulo@spbu.ru

²LL.D., Professor,
Department of Civil Procedural Law,
Russian State University of Justice (North-West Branch)
E-mail: Slepchenko.1974@mail.ru

Abstract. This article compares Russian and Chinese legislation on the bankruptcy of energy companies employing a comparative analysis method, identifies similarities and differences in legal regulation. The theoretical relevance of this work is to identify the main legislative approaches to the legal regulation of bankruptcy of energy companies in Russia and China, thereby providing a foundation for further research on this issue. The practical relevance of this work is the possible use of the best practices of legal regulation of bankruptcy relations of energy companies in Russia and China. Despite the significant influence of state regulation on the economy, both in Russia and China, bankruptcy legislation generally corresponds in its content to market standards of bankruptcy regulation. In terms of bankruptcy regulation of energy companies, Russian bankruptcy legislation, unlike Chinese legislation, has more specific features. Chinese bankruptcy legislation is supplemented by the decisions of the State Council of the People's Republic of China and the practice of higher courts, as well as by widely used conciliation procedures.

Keywords: energy companies, town-forming organizations, strategic organizations, natural monopoly entities, state-owned enterprises, bankruptcy.

For citation: Popondopulo V.F., Silina Y.V. Bankruptcy of Energy Companies in Russia and China: Legal Regulation. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 19–28. DOI: 10.61525/S231243500031368-2

БАНКРОТСТВО ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ В РОССИИ И КИТАЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Попондопуло В.Ф.¹, Силина Е.В.²

¹Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой коммерческого права
Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: v.popondopulo@spbu.ru

²Доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского процессуального права
Российского государственного университета правосудия (Северо-Западный филиал)
E-mail: Slepchenko.1974@mail.ru

Аннотация. В статье на основе метода сравнительного анализа проводится сравнение российского и китайского законодательства о банкротстве энергетических компаний, выявляются сходство и различия правового регулирования. Теоретическое значение работы заключается в выявлении основных законодательных подходов к правовому регулированию отношений банкротства энергетических компаний в России и Китае как основы дальнейших исследований по данной проблематике. Практическое значение работы заключается в возможном использовании лучших практик правового регулирования отношений банкротства энергетических компаний в России и Китае. Несмотря на значительное влияние государственного регулирования на экономику как в России, так и Китае, законодательство о банкротстве в целом соответствует по своему содержанию рыночным стандартам регулирования отношений банкротства. В части регулирования банкротства энергетических компаний российское законодательство о банкротстве, в отличие от китайского, предусматривает больше особенностей. Китайское законодательство о банкротстве выполняется решениями Государственного совета КНР и практикой высших судов, а также широко используемыми примирительными процедурами.

Ключевые слова: энергетические компании, градообразующие организации, стратегические организации, субъекты естественных монополий, государственные предприятия, банкротство.

Для цитирования: Попондопуло В.Ф., Силина Е.В. Банкротство энергетических компаний в России и Китае: правовое регулирование // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 19–28. DOI: 10.61525/S231243500031368-2

Energy company concept. Energy companies are legal entities engaged in the production of energy resources (companies generating electricity, companies extracting gas, oil, coal, etc.) and the subsequent supply of these resources to consumers (retail companies). Energy companies also include organizations that provide infrastructure services.

In order to study the peculiarities of the legal status of energy companies, several classifications [1] have been proposed, which are also relevant for studying the peculiarities of their bankruptcy. It is about identifying energy companies that are town-forming, strategic, natural monopoly entities, and state unitary enterprises operating under the right of economic management. Federal Law No. 127-FZ On Insolvency (Bankruptcy) dated October 26, 2002

outlines the specific features of bankruptcy of these organizations. The Law On Bankruptcy of Enterprises of the People's Republic of China, adopted at the 23rd meeting of the Permanent Committee of the 10th National People's Congress on August 27, 2006, and entered into force on June 1, 2007, does not contain special rules on the bankruptcy of energy companies. However, this does not exclude the regulation of the relevant relations by the general rules of the Law on Bankruptcy, as well as decisions of the State Council of the People's Republic of China and higher judicial instances.

1. For the purposes of the Law on Bankruptcy of the Russian Federation, a *town-forming organization* means a legal entity that is a debtor and whose number of employees represents at least 25% of the

working population of the respective locality. Furthermore, the provisions on the peculiarities of bankruptcy of town-forming organizations also apply to other organizations with a number of employees exceeding 5,000 (Article 169). The rules of § 2 of Chapter IX of the Bankruptcy Law of the Russian Federation regulating the peculiarities of bankruptcy of town-forming organizations are also applicable to energy companies, inter alia, if they are strategic organizations or natural monopoly entities. The rules on the bankruptcy of town-forming organizations are based on the need to ensure the interests of employees of a town-forming organization, members of their families, and the locality where the town-forming organization is located [2]. The number of bankruptcy cases of town-forming organizations is relatively low, yet the legislator has deemed it necessary to regulate the bankruptcy relations of town-forming organizations, taking into account the social consequences of their liquidation.

2. A *strategic organization* means a federal state unitary enterprise or a joint-stock company whose shares are in federal ownership. These organizations are engaged in the production of products (works, services) of strategic importance for the defense and security of the State, the protection of morality, health, rights, and legitimate interests of citizens of the Russian Federation, as well as other organizations in cases stipulated by the Federal Law (Article 190 of the Law on Bankruptcy) [3]. Furthermore, strategic organizations may include large energy companies, such as organizations within the nuclear power industry complex: federal state unitary enterprises and joint stock companies established on their basis, including the main (parent) joint-stock company established by the decision of the President of the Russian Federation in accordance with Federal Law No. 13-FZ On the Peculiarities of Management and Disposal of Property and Shares of Organizations Engaged in Activities in Atomic Energy Use and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation dated February 5, 2007.

The list of strategic organizations to which the rules of § 5 of Chapter IX of the Law on Bankruptcy determining the specifics of bankruptcy of strategic organizations apply is approved by the Government of the Russian Federation (clause 2 of Article 190 of the Law on Bankruptcy). These include, in particular, such joint stock companies as Gazprom PJSC, Rosneft PJSC, RusHydro PJSC, Russian Grids PJSC, and InterRAO PJSC.

In order to achieve regulatory economy, Resolution of the Russian Government No. 684 On Strategic Enterprises and Strategic Joint-Stock Companies to Which Special Bankruptcy Rules Apply dated November 17, 2005, establishes that strategic enterprises and strategic joint-stock companies included in the list approved by Presidential Decree No. 1009 On Approval of the List of Strategic Enterprises and Strategic Joint-Stock Companies to Which Special Bankruptcy Rules Apply dated August 4, 2004, shall be considered as strategic organizations to which the rules outlined in Articles 190–196 of the Law on Bankruptcy apply.

Given the pivotal role of strategic organizations in defense and security, the protection of morality, health, rights, and legitimate interests of citizens, the peculiarities of their bankruptcy are most evident in the prevention of their bankruptcy.

3. A *natural monopoly entity* means an organization engaged in the production and/or sale of goods (works, services) under conditions of natural monopoly (clause 1 of Article 197 of the Law on Bankruptcy). Such condition of the commodity market occurs when the satisfaction of demand in this market is more efficient in the absence of competition due to technological features of production, and goods produced by natural monopoly entities cannot be substituted in consumption by others. Consequently, the demand for these goods depends to a lesser extent on changes in the price of goods (works, services) than the demand for other types of goods (Article 3 of Federal Law No. 147-FZ On Natural Monopolies of August 17, 1995). In the energy sector, natural monopolies are present in the transportation of crude oil and oil products through trunk pipelines, the transportation of gas through pipelines, electric power transmission services, operational and supervisory control services in the electric power industry, heat power transmission services, and publicly available telecommunications services and postal services (clause 1 of Article 4). In the context of natural monopolies, special measures of state regulation are employed, including the state regulation of prices (tariffs), control over investment and major transactions, prohibition of arbitrary termination or restriction of activities, etc.

The specifics of bankruptcy of natural monopolies are regulated by § 6 of Chapter IX of the Law on Bankruptcy, which provisions introduce certain restrictions on the application of general rules on the bankruptcy of legal entities, with the goal of limiting the bankruptcy of natural monopoly entities and

protecting consumers of products (works, services) of natural monopoly entities. The application of the “common standard” of bankruptcy to natural monopoly entities in the same manner as to other agents of property turnover has the potential to have catastrophic consequences for the Russian economy as a whole [4].

Bankruptcy legislation for energy companies. In Russia, the general provisions of the Law on Bankruptcy apply to bankruptcy relations of energy companies, unless otherwise stipulated by its special provisions and provisions of other laws regulating bankruptcy relations of energy companies.

The PRC Bankruptcy Law does not contain special provisions on bankruptcy of certain categories of debtors. Nevertheless, even in this instance, bankruptcy relations are regulated not only by the rules of the Bankruptcy Law, but also by other acts establishing the specifics of bankruptcy of state-owned enterprises and financial institutions (Articles 133–135 of Chapter XII “Additional Provisions” of the PRC Bankruptcy Law). Provisions of other legislative acts are applied to bankruptcy relations with peculiarities stipulated by the PRC Bankruptcy Law (Article 135). Consequently, the general provisions of the PRC Bankruptcy Law apply to bankruptcy relations of Chinese energy companies, as well as in Russia, unless otherwise stipulated by its special provisions and provisions of other PRC laws regulating bankruptcy relations of energy companies.

It is also important to consider the disparity in the scope of application of bankruptcy legislation between Russia and China. In Russia, between 30,000 and 50,000 cases of bankruptcy of legal entities are considered annually. In China, the practice of implementing the PRC Bankruptcy Law is minimal, which can be attributed to several factors, including the country’s national mentality, collectivist traditions, broad judicial discretion, and government involvement [5]. According to the PRC Supreme People’s Court, from 2007 to 2020, Chinese courts at all levels nationwide have handled a total of only 59,609 enterprise bankruptcy cases [6]. According to the Chinese National Bureau of Statistics, there were more than 5,800 enterprise bankruptcy cases registered in 2020 in China [7]. The PRC Ministry of Justice report for 2021 indicates that there were 19,613 bankruptcy cases in China [8]. Currently, the People’s Republic of China is experiencing a severe energy crisis caused by power shortages, which has led to the suspension of many industries and the threat of bankruptcy [9]. Consequently, there is a discernible

tendency towards an increase in the number of bankruptcy cases.

A comparison of the bankruptcy legislation of Russia and China also reveals that the Law on Bankruptcy of the Russian Federation is mainly pro-debtor, i.e. it is primarily oriented towards the protection of the interests of the insolvent debtor [8], whereas the PRC Bankruptcy Law has a generally pro-creditor orientation. This is evidenced by the absence of a number of features characteristic of Russian bankruptcy legislation, including the absence of excessive requirements when filing a debtor bankruptcy petition, the absence of excessive procedures applied in a bankruptcy case, which contributes to the reduction of time for its consideration, the absence of special rules for the bankruptcy of certain categories of debtors, and a number of other features of the bankruptcy regime in China. It is also important to note that the bankruptcy regime in China is based on negotiations (settlement agreement), which result in the exercise of rights and obligations of the debtor and creditors [10].

A range of entities that may be declared bankrupt. With the exception of state-owned enterprises, state corporations, companies, and foundations, legal entities may be declared bankrupt (Article 65 of the Civil Code of the Russian Federation). Consequently, if an energy company is established and operates in the legal form of a state-owned enterprise, it cannot be declared bankrupt, as the owner of the property of a state-owned enterprise is subsidiarily liable for the obligations of such enterprise if its property is insufficient (clause 6 of Article 113 of the Civil Code of the Russian Federation). Unitary enterprises operating under the right of economic management are liable for their obligations with all their property, and thus may be declared bankrupt.

State corporations and companies may be declared bankrupt if permitted by federal law, which stipulates their establishment. Typically, federal laws establishing a specific state corporation or company stipulate that they are not eligible for bankruptcy proceedings. The exclusion of state corporations and companies is justified by the State’s desire to safeguard state property from the potential risks associated with foreclosure on bankruptcy grounds and the transfer of such property into private ownership. If we consider that public companies represent up to 70% of the country’s economy by their economic potential [11], we can conclude that a significant portion of the Russian economy is only a quasi-market economy. This is also

applicable to the possibilities of bankruptcy of energy companies.

Chinese bankruptcy legislation establishes a distinctive framework for the bankruptcy of state-owned enterprises. They go bankrupt according to the rules of the PRC Bankruptcy Law taking into account the provisions of the State Council of the People's Republic of China and its supervisory authority (Article 133) [12]. It can be assumed that Chinese energy companies are established and operate, as a rule, in the legal form of state-owned enterprises and, therefore, can be declared bankrupt under the rules of the PRC Bankruptcy Law, taking into account the provisions of the State Council of the People's Republic of China, which contain special rules (regulations, restrictions, prohibitions) regarding the bankruptcy of such organizations.

Criteria and signs of bankruptcy of energy companies. Bankruptcy is the inability of a debtor, as determined by a commercial court, to fulfill all monetary obligations owed to creditors, pay end-of-service benefits and wages to employees, or fulfill the obligation to make obligatory payments. The external signs of bankruptcy of a legal entity being a debtor are as follows: a) debt of no less than RUB300,000; and b) delay in payment within three months from the due date, unless otherwise stipulated by the Law on Bankruptcy of the Russian Federation (Articles 2, 3, 6 of the Law on Bankruptcy of the Russian Federation).

The external signs of bankruptcy of a *town-forming organization* being a debtor are not distinctive. Consequently, if an energy company is a town-forming organization, it is sufficient to submit a petition to a commercial court to declare it bankrupt if there is a debt of at least RUB300,000 and a delay in the fulfillment of the obligation for three months.

In order to initiate bankruptcy proceedings against an energy company which is a *strategic organization*, claims amounting in the aggregate to at least RUB1,000,000 are taken into account if the respective claims are not fulfilled within six months of the due date (Article 190 of the Law on Bankruptcy).

The initiation of bankruptcy proceedings against energy companies that are *natural monopoly entities* is possible if the debt amounts to at least RUB1,000,000 and the relevant claims are not fulfilled by the natural monopoly entity being a debtor within six months of the due date (Article 197 of the Law on Bankruptcy).

As a general rule, the criterion for declaring a legal entity bankrupt is its *insolvency*, i.e. an energy company being a debtor is presumed to be insolvent unless the company can prove its solvency in court. The fact of insufficient funds (*debtor insolvency criterion*), i.e. the actual excess of the debtor's debt over the value of its property, is presumed unless otherwise stipulated by the Law on Bankruptcy.

Under Chinese legislation, an enterprise is required to settle its debt obligations in accordance with the Bankruptcy Law if it is unable to fulfill obligations that have expired and does not have sufficient assets to repay all debt obligations or has serious difficulties in repaying its debt (Article 2). The PRC Bankruptcy Law does not include any additional elements pertaining to the concept of bankruptcy. However, its brevity is compensated by the adoption of supplementary regulations by the State Council of the People's Republic of China. The rules of the PRC Bankruptcy Law apply to the bankruptcy of state-owned organizations, subject to the provisions of the State Council of the PRC. Furthermore, the explanations of the Supreme People's Court of the People's Republic of China and the Beijing Higher People's Court serve to reinforce the regulatory framework. Consequently, on July 23, 2013, the Beijing Higher People's Court published the Bankruptcy Proceeding Rules for Lower Courts, which defined the external signs of bankruptcy: a) a debtor's default for at least three weeks; and b) debts of at least RMB 5,000. The criterion for determining whether a debtor is bankrupt is whether the debtor is insolvent. The fact that the debtor's debts exceed the value of its property (debtor insolvency criterion) is not generally established.

Peculiarities of legal proceedings in bankruptcy cases of energy companies [13]. *In Russia*, bankruptcy cases are subject to the jurisdiction of commercial courts and are considered by commercial courts of the constituent entities of the Russian Federation at the location of a legal entity being a debtor. The proceedings on bankruptcy cases are conducted according to the provisions of the Commercial Procedural Code of the Russian Federation, subject to the peculiarities stipulated by the Law on Bankruptcy of the Russian Federation. These rules are fully applicable to the regulation of bankruptcy of energy companies.

Those with the right to file a bankruptcy petition against the debtor include *the debtor, bankruptcy creditors, employees, former employees of the debtor who have claims for end-of-service benefits and wages, and authorized bodies*. This right is contingent upon the

satisfaction of the necessary material and procedural prerequisites.

Within five 5 days of the court's receipt of the bankruptcy petition, the judge shall issue a *ruling on bankruptcy petition acceptance*, if the petition is filed in compliance with the necessary requirements.

The preparation of the bankruptcy case for court proceedings involves the verification of the validity of the petitioner's claims and the debtor's objections by the arbitrator. This should be performed after the acceptance of the bankruptcy petition within a period of no earlier than 15 days and no later than 30 days.

In considering the legitimacy of creditors' claims against a *town-forming organization* being a debtor, including an energy company, the court should be furnished with evidence substantiating that the organization's status as a town-forming entity. The obligation to provide such evidence falls upon the debtor, as the peculiarities of bankruptcy for town-forming organizations are stipulated by law in their interests. A relevant local government body is deemed a party to the bankruptcy case of a town-forming organization. In addition, federal executive authorities and executive authorities of the relevant constituent entity of the Russian Federation may also be involved (Article 170 of the Bankruptcy Law).

In the event of the bankruptcy of *strategic organizations*, a federal executive body that ensures the implementation of a unified state policy within the economic sector in which the respective strategic organization operates is involved as a party in the case. To illustrate, in the event of a bankruptcy case involving an energy company within the fuel and energy complex, the Ministry of Energy of the Russian Federation is deemed a party in the case.

A party in the bankruptcy case of a *natural monopoly entity* may be a federal executive body authorized by the Government of the Russian Federation to pursue state policy with respect to the relevant natural monopoly entity (Article 198 of the Law on Bankruptcy).

Additional requirements are imposed on insolvency receiver candidates in bankruptcy cases of *strategic organizations* (Article 193 of the Law on Bankruptcy), the list of which is determined by Resolution of the Government of the Russian Federation No. 586 On the Requirements to the Insolvency Receiver Candidates in Bankruptcy Cases of Strategic Enterprises or Organizations dated September 19, 2003. With respect to certain strategic organizations, the Government of the Russian Federation may

establish additional requirements for insolvency receiver candidates, for example, if it is an energy company of the fuel and energy complex.

In bankruptcy proceedings, the arbitrator is the sole presiding figure, unless otherwise stipulated by the procedural legislation (e.g., complex cases — Articles 17 and 223 of the Commercial Procedural Code of the Russian Federation). The specific characteristics of court proceedings in bankruptcy cases are reflected in the authority of the court, the types of judicial acts adopted in bankruptcy cases, the consequences of their adoption, the grounds for postponing the trial, the suspension of proceedings, the dismissal of the petition, the termination of proceedings, etc. To illustrate, if a natural monopoly entity, prior to the commercial court accepting its bankruptcy petition, submits a claim to the court seeking to invalidate acts of state authorities approving prices (tariffs) for goods (works, services) produced or sold under conditions of natural monopoly, the bankruptcy proceedings of such natural monopoly entity being a debtor shall be suspended until the decision in the invalidation case enters into legal force. At the same time, if the relevant acts of state authorities approving prices (tariffs) for goods (works, services) produced or sold under conditions of natural monopoly are invalidated, the court may determine that it is not appropriate to declare the natural monopoly entity being a debtor bankrupt.

The Law on Bankruptcy of the Russian Federation also contains rules pertaining to challenging a debtor's transactions in a bankruptcy case (Chapter III.1) and rules for holding persons controlling the debtor liable in a bankruptcy case (Chapter III.2). These rules should be treated as special measures designed to protect creditors' rights by including the debtor's unlawfully alienated property in the bankruptcy estate.

In China, bankruptcy cases are considered by 97 specialized tribunals of *people's courts* and 9 bankruptcy courts at the location of the debtor (specialized courts) [14]. Bankruptcy proceedings are conducted according to the provisions of the Civil Procedure Code of the People's Republic of China with the peculiarities stipulated by the PRC Bankruptcy Law. Additionally, the Beijing Higher People's Court published the Bankruptcy Proceeding Rules for Lower Courts on July 22, 2013 [15].

The following entities may petition the court to declare the debtor bankrupt: the debtor, creditors, tax authorities, social insurance authorities, and the

debtor's staff. Upon acceptance of a creditor's petition, the people's court should notify the debtor within five days. If the debtor has objections, they should submit an objection to the people's court within seven days of the notification. Within seven days of the expiration of the objection period, the people's court is required to issue a ruling on whether or not to accept the petition for consideration. In the absence of an objection from the debtor, the people's court is required to issue a ruling on whether or not to accept the petition within 15 days of receipt of the petition (Articles 10 and 12). Such rulings may be appealed.

Parties in the case, i.e. those with a vested interest in it, include the debtor, creditors, the receiver, and other entities as stipulated by law (e.g., the supervisory authority of the State Council of the People's Republic of China in the case of bankruptcy of state-owned organizations).

In preparing a bankruptcy case for trial, the people's court appoints a bankruptcy receiver. This may be an individual registered as a receiver in the register of the people's court (usually for relatively straightforward cases) or a legal entity specializing in financial rehabilitation and bankruptcy. A liquidation commission, comprising representatives from various government agencies or firms specializing in bankruptcy and liquidation of legal entities, may also be appointed as a receiver [5]. The procedure for appointing receivers and their powers are regulated by Chapter 3 of the PRC Bankruptcy Law and the provisions of the Supreme Court of the People's Republic of China.

The PRC Bankruptcy Law provides for the possibility of challenging the debtor's transactions (Articles 31–34) and the possibility of prosecuting entities that have violated the bankruptcy legislation (Articles 125–131).

The Ministry of Justice of China and professional associations play a pivotal role in regulating and supervising financial rehabilitation and bankruptcy in China. The Ministry of Justice of China is responsible for implementing state policy in the areas of financial rehabilitation and bankruptcy, drafting relevant regulations, and supervising the activities of bankruptcy receivers. Professional associations unite bankruptcy receivers, improve professional standards, organize professional training and workshops, and facilitate the exchange of experience and information.

Procedures applicable in bankruptcy cases of energy companies. In Chinese law, the procedures

applicable to debtors in bankruptcy cases are considerably less extensive. The following procedures may be applied to legal entities being debtors: financial rehabilitation, liquidation (similar to bankruptcy proceedings), and amicable settlement. The supervision, receivership, and simplified bankruptcy procedures that are typical for Russia are not provided for. Bankruptcy procedures under the PRC Bankruptcy Law apply to certain categories of legal entities being debtors, such as state-owned enterprises, including energy companies, with the specifics stipulated by the provisions of the State Council of the People's Republic of China and other laws (Articles 133–135).

Financial rehabilitation is a rehabilitation procedure aimed at restoring the debtor's solvency through debt restructuring and repayment in accordance with the financial rehabilitation plan and debt repayment schedule approved by the creditors' meeting.

The peculiarity of the financial rehabilitation procedure applied to an energy company being a debtor, which is a *town-forming organization*, is manifested in the fact that financial rehabilitation may be extended by the court for a period of up to one year if there is a petition from a local government body, a federal executive authority, or an executive authority of a constituent entity of the Russian Federation involved in the case, provided that they secure the obligations of the town-forming organization being a debtor (Article 172 of the Law on Bankruptcy of the Russian Federation).

In China, financial rehabilitation is implemented in accordance with the financial rehabilitation plan that has been approved by the creditors' meeting and adopted by the people's court [16]. In the PRC bankruptcy practice, the financial rehabilitation procedure is rarely employed. In accordance with Chinese legislation, bankruptcy proceedings may be initiated in one of two ways: either on the basis of a financial rehabilitation request or on the basis of bankruptcy proceedings, depending on the petition of the creditors' meeting and the decision of the people's court.

The peculiarities of the sale of an enterprise belonging to a *town-forming organization*, including an energy company, both in the case of receivership (Article 175 of the Law on Bankruptcy) and in the case of bankruptcy proceedings (Articles 175–176 of the Law on Bankruptcy), are as follows. In the event that a petition is submitted by a local government body, a federal executive authority involved in the case, or an executive authority of a constituent entity of the Russian Federation, a material condition of the

enterprise sale contract may be the preservation of jobs for at least 50% of employees as of the date of sale of the enterprise for a certain period of time, but no more than three years of the effective date of the contract. Other terms and conditions of the contract may be established as proposed by these bodies, exclusively with the consent of the creditors' meeting. In the event that the purchaser of the enterprise fails to fulfill the terms and conditions stipulated in the contract, the sale contract may be terminated by the court on the basis of an application submitted by the bodies who requested the tender.

In the absence of a petition to sell the enterprise of a town-forming organization through tender, the property of the town-forming organization declared bankrupt is sold at open bidding. In this case, the bankruptcy receiver is first required to offer the entire enterprise for sale, and if this is unsuccessful, the property of the town-forming organization is to be sold in parts (Articles 110, 111 and 139 of the Law on Bankruptcy).

An energy company being a debtor, which is a *strategic organization*, may only be declared bankrupt and bankruptcy proceedings may only be initiated in the absence of grounds for the initiation of financial rehabilitation and receivership (Article 194 of the Law on Bankruptcy). An enterprise being a debtor, which is a strategic organization, including an energy company, should be sold through open bidding during both the receivership and bankruptcy proceedings, unless otherwise stipulated by the Law on Bankruptcy. Consequently, the enterprise should be sold only through closed bidding if it comprises property subject to circulation restrictions. An obligatory condition of the bidding process is to ensure that the enterprise's intended purpose and mobilization property are secured; the debtor's contracts related to the defense order and other state needs in maintaining the defensive capacity and security of the Russian Federation are fulfilled.

In the event of sale of an enterprise of an energy company being a debtor, which is a strategic organization, responsible for performing works under the state defense order and satisfying the federal state needs in maintaining the defensive capacity and security of the Russian Federation, the Russian Federation has the pre-emptive right to this enterprise. Entities acting as bankruptcy receivers in this case and their affiliates are prohibited from participating in the bidding.

The property, property rights and other rights not included in the pool of assets of the strategic organization being a debtor, which is responsible for performing works under the state defense order and satisfying the federal state needs in maintaining the defensive capacity and security of the Russian Federation, may be sold on general terms outlined by Article 111 of the Law on Bankruptcy (Article 196 of the Law on Bankruptcy).

The sale of property constituting a single technological complex of an energy company, which is a *natural monopoly entity*, in the course of proceedings applicable in bankruptcy cases (supervision, financial rehabilitation, receivership, bankruptcy proceedings, amicable settlement) is permitted only through single lot auction. The mandatory conditions of this auction, and therefore of the property sale contract, are as follows: the purchaser's consent to assume the debtor's obligations under contracts for the supply of goods that are subject to regulation by the legislation on natural monopolies; the purchaser's assumption of obligations to ensure the availability of goods (works, services) produced or sold to consumers; and the availability of a license for the relevant type of activities.

If the purchaser fails to fulfill the aforementioned mandatory conditions, the sale contract shall be subject to termination by the court on the basis of an application submitted by the relevant federal executive authority. Upon the termination of the contract, the purchaser is entitled to reimbursement for the funds spent on the purchase of the debtor's property and the investment made in the property.

In the event of sale of property constituting a single technological complex of an energy company, which is a natural monopoly entity, the Russian Federation, constituent entities of the Russian Federation, and municipalities are afforded special rights. These include the right to suspend the sale of property for a period of up to three months in order to develop proposals to restore the solvency of the natural monopoly entity and the pre-emptive right to such property.

The *liquidation procedure* is regulated by Chapter X, Liquidation and Bankruptcy, of the PRC Bankruptcy Law. This procedure is similar to bankruptcy proceedings under Russian bankruptcy legislation. A notable distinction of Chinese bankruptcy legislation is the priority afforded to the satisfaction of creditors' claims. In particular, the satisfaction of claims for tax payments is deemed a priority

over the claims of commercial (bankruptcy) creditors. This approach was also employed in Russia prior to the adoption of the current Law on Bankruptcy of 2002.

Neither the Russian nor the Chinese legislation regulating the settlement procedure contains any specifics with respect to town-forming organizations, strategic organizations, and natural monopoly entities, including when they are energy companies. Consequently, when determining the terms of a settlement agreement to be concluded, it is essential to consider the specific characteristics of these organizations and the guarantees of preserving the integrity of their technological complexes, in particular, the rules governing the sale of property, the retention of jobs, the repurposing and closure of production, etc.

Under the Russian Law on Bankruptcy, the conditions for entering into a settlement agreement are as follows: full satisfaction of claims of the first and second priority creditors; at least 50% votes of the third priority creditors in favor of the settlement agreement, provided that all creditors whose claims are secured by collateral vote in favor of the settlement agreement (Article 150). Under Chinese law, the conditions for entering into a settlement agreement are as follows: approval of the settlement agreement by more than 50% of all creditors entitled to vote (ordinary creditor rights); at the same time, the creditors should represent more than 75% of all creditor rights not secured by property collateral (Article 97).

The Russian practice of applying settlement agreements demonstrates that the effectiveness of this procedure is regrettably limited due to the involvement of the authorized body of the State, which is constrained in its capacity to conclude a settlement agreement by the tax legislation (clause 1 of Article 156 of the Law on Bankruptcy of the Russian Federation, Chapter 9 of the Tax Code of the Russian Federation) [19]. The use of settlement agreements in the practice of bankruptcy in the People's Republic of China is considerably more prevalent than in Russia, which is attributed to the national mentality. Chinese citizens, including entrepreneurs, tend to prioritize compromising and negotiating over seeking legal recourse in court.

REFERENCES

1. Romanova V.V. Energy Law: Textbook for Training of Personnel of Higher Qualification. Moscow: Lawyer Publishing Group, 2021. P. 105–144.
2. Tkachev V.N. Legal Regulation of Insolvency of Town-Forming Organizations // Legislation and Economics. 2005. No. 6. P. 41–50.
3. Markov P. The Concept, Signs, and Legal Regulation of Bankruptcy of Strategic Enterprises // Law and Economics. 2006. No. 12. P. 29–33.
4. Vitryansky V.V. Peculiarities of Bankruptcy of Certain Categories of Debtors // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2001. No. 3. Special Appendix. P. 120–127.
5. Jiang Yujia. The Curious Case of Inactive Bankruptcy Practice in China: A Comparative Study of U.S. and Chinese Bankruptcy Law // Northwestern Journal of International Law and Business. 2014. Vol. 34. P. 558–582.
6. URL: <https://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-318151.html>
7. China's National Economic and Social Development Statistical Bulletin. China National Bureau of Statistics, 2020.
8. Popondopulo V.F. Bankruptcy: Legal Regulation. 2nd ed. Moscow, 2016. 432 p.
9. Colossus on Clay Feet: The Energy Crisis in the People's Republic of China as a Consequence of the Collapse of China. URL: <https://topwar.ru/188003-koloss-na-glinjanyh-nogah-jenergeticheskij-krizis-v-knr-kak-posledstviya-krushenija-kitaja.html>
10. Lee Lianji, Bakanova, V.A. Research and Practice of Market Bankruptcy in China // Young Scientist. 2023. No. 1. P. 169–171. URL: <https://moluch.ru/archive/448/97644/>
11. Report of the Federal Antimonopoly Service of Russia on the State of Competition in the Russian Federation. Moscow, 2016. P. 7. URL: <https://nationalinterest.ru/wp-content/uploads/2017/02/doklad-o-sostoyanii-konkurentsii-v-Rossijskoj-Federatsii-za-2015-god.pdf>
12. Strelkova I.I. The Bankruptcy Legislation of China: The Main Stages of Evolution // Legal Studies. 2017. No. 1. P. 75–90.
13. Khasanshina F.G., Gimazova Ye.N., Khasanshin R.I. Judicial Examination of Insolvency (Bankruptcy) Cases. Moscow, 2021. 192 p.
14. Bo Li, Ponticelli J. Going Bankrupt in China // Review of Finance. 2022. Vol. 26. Iss. 3. P. 449–486.
15. Varavenko Ye.V. The General and Special in the Formation of Modern Civil Law of Russia and China (Comparative Legal Analysis) // Bulletin of the Khabarovsk

- State Academy of Economics and Law. 2010. No. 4. P. 104.
16. Xu E. Certain Problems of Legal Regulation of Bankruptcy Insolvency in China // Leningrad Law Journal. 2006. No. 5. P. 86–91.
17. Shamshurin L.L. Settlement Agreements as a Rehabilitation Procedure for Insolvent Debtors // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2003. No. 5. P. 112–118.

Authors' information:

Vladimir F. Popondopulo

LL.D., Professor,
Head of the Department
of Commercial Law,
St. Petersburg State University

Yelena V. Silina

LL.D.,
Professor,
Department of Civil Procedural Law,
Russian State University of Justice
(North-West Branch)

Сведения об авторах:

Попондопуло Владимир Федорович

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой коммерческого права
Санкт-Петербургского государственного
университета

Силина Елена Владимировна

Доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского
процессуального права Российского
государственного университета правосудия
(Северо-Западный филиал)

Received / Поступила в редакцию 08.04.2024
Revised / Поступила после рецензирования и доработки 03.05.2024
Accepted / Принята к публикации 17.06.2024

**LEGAL REGULATION OF THE USE
OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE**

DOI: 10.61525/S231243500031369-3

Original Article / Оригинальная статья

**LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE
AND ROBOTICS IN THE ENERGY INDUSTRY IN THE RUSSIAN
FEDERATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES****Kologermanskaya E.M.**PhD (Law), Legal Counsel at PromHim, LLC
E-mail: ekaterina.kologermanskaya@gmail.com

Abstract. The energy industry is one of the dynamically developing and investment-worthy areas where new technology is being actively introduced. The agenda is focused on digitalization and one of its most important products, artificial intelligence, as a popular and promising set of IT solutions applied in various areas, including the fuel and energy complex (FEC). The main risk of the full AI technology integration in the energy complex, as well as the creation of favorable investment conditions for its further development, is the imperfection of the legal and regulatory framework governing general and industrial aspects. This article analyzes the current state of legal regulation of AI and robotics in the energy industry of the Russian Federation, and also provides some examples of foreign legal experience on the topic under consideration. The jurisdictions of the European Union (with the subsequent implementation of legal norms into the national laws of the member States) and the United Kingdom were chosen as promising examples. It should be noted that in each of the selected states, a whole set of policy documents was adopted that consolidate the goals and objectives of AI development, as well as identify the main threats to the further integration of this technology into different economic realms, including energy. Besides, there are material differences in legislative approaches. The combination of the experience studied makes it possible to improve national laws on AI and robotics integration in the Russian FEC. It seems necessary to perform unification at the level of the federal law regulating the general provisions on AI. Besides, it is required to update special energy industry laws, including through the adoption of new energy security regulations at the substatutory level.

Keywords: energy law, fuel and energy complex, energy AI technology, energy security, robotics.

For citation: Kologermanskaya E.M. Legal Regulation of Artificial Intelligence and Robotics in the Energy Industry in the Russian Federation: Challenges and Opportunities. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 29–38. DOI: 10.61525/S231243500031369-3

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И РОБОТОТЕХНИКИ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Кологерманская Е.М.

Кандидат юридических наук, юрисконсульт ООО “ПромХим”
E-mail: ekaterina.kologermanskaya@gmail.com

Аннотация. Энергетическая отрасль экономики — одна из динамично развивающихся и инвестиционно выгодных сферы, куда активно внедряются новые технологии. На повестке дня стоит цифровизация и один из ее важнейших продуктов — искусственный интеллект (далее — ИИ) как популярный и перспективный комплекс технологических решений, применяемых в различных сферах, в том числе и ТЭК. В качестве основного риска полноценного внедрения технологий ИИ в энергетический комплекс, а также создания инвестиционно выгодных условий для их дальнейшего развития отмечают несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей общие и отраслевые аспекты. В представленной статье анализируется современное состояние правового регулирования технологий ИИ и робототехники в энергетической сфере Российской Федерации, а также приведены некоторые примеры зарубежного правового опыта по рассматриваемой теме. В качестве перспективных примеров были выбраны юрисдикции Европейского союза (с последующим внедрением правовых норм в национальное законодательство государств-членов) и Великобритании. Следует отметить, что в каждом из выбранных государств был принят целый комплекс программных документов, закрепляющих цели и задачи развития ИИ, а также определяющих основные угрозы дальнейшего внедрения данных технологий в различные сферы экономики, а том числе энергетическую. В то же время имеют место и существенные различия в законодательных подходах. Совокупность изученного опыта позволяет совершенствовать национальное законодательство в сфере внедрения технологий ИИ и робототехники в ТЭК РФ. Представляется необходимым проведение унификации на уровне федерального закона, регулирующего общие положения ИИ. Кроме того, требуется актуализация специального законодательства в области энергетики, в том числе путем принятия новых нормативно-правовых актов на уровне подзаконного регулирования, обеспечивающих энергетическую безопасность.

Ключевые слова: энергетическое право, топливно-энергетический комплекс, энергетическое технологии искусственного интеллекта, энергетическая безопасность, робототехника.

Для цитирования: Кологерманская Е.М. Правовое регулирование технологий искусственного интеллекта и робототехники в сфере энергетики в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 29–38. DOI: 10.61525/S231243500031369-3

INTRODUCTION

Energy industry is one of the leading industries, where the latest technologies are being actively integrated. Its innovativeness is justified both by the FEC complex nature, the consolidation of different industries, and by the rapid development of science and technology. Moreover, the development of the energy industry is influenced by

current trends, for example, the integration of ideas for hydrogen and low-carbon energy, the development of green approaches, the renewable energy transition, etc.

Thus, among the numerous processes of Industry 4.0, digitalization and one of its most important products, artificial intelligence (hereinafter the “artificial intelligence”, “AI”) are on the agenda, as a popular and promising set of IT solutions

applied in different spheres of life and activities of the state and society.

The focus of the scientific and practical community is now on the possibility of integrating AI technology into the FEC. For the Russian Federation, this area is also of priority and investment-worthy, which is confirmed by statistical studies [1]:

1) in terms of the number of generative AI models, the Russian Federation ranks 4th in the world, and in terms of the total power of supercomputers, it is among the top 10 states;

2) by the end of 2022, the Russian AI market size exceeded ₪650 billion;

3) as of 2021, machine learning methods are most often applied in the electricity industry, at the level of 11%.

The main risk of the full AI technology integration in the FEC, as well as the creation of favorable investment conditions for its further development, is the imperfection of the legal and regulatory framework governing general and industrial aspects.

To this day, there are a large number of examples of the AI application by large energy companies. For example, ROSSETI Group applies AI integration approaches to control over the correct functioning of digital electrical grid protection and automation systems [2]. Moreover, AI-based robotic consultants provide customer service in the Unified Settlement and Information Center of RusHydro Group [3].

Thus, given the speed of the integration of new technology, there is a lag of law. There are areas that are not legally regulated, and the principle of timely lawmaking is not implemented. There is a risk that the legal and regulatory framework will not be flexible enough or will be otherwise unsuitable for realizing all the advantages of new technologies [4].

Indeed, AI technology is quite a promising method for solving objectives of remote control, improving energy efficiency, monitoring and controlling the state of energy resources and energy facilities, as well as optimizing the renewable energy resource distribution.

Despite the significant advantages of using AI in the energy industry, significant risks cannot be ignored in ensuring the principles of security,

stability of energy supply and a balance between private and public interests.

As V.V. Romanova rightly notes, in order to solve the strategic objectives of the energy industry development, it is required to develop a legal framework whereby digital technology will be applied when accounting for extracted, produced, delivered, transferred, transported, stored energy resources, the functioning of energy systems and facilities, the activities and interaction of energy market participants, in contractual regulation and when considering disputes will be carried out. Besides, it is emphasized that it is advisable to conduct fundamental research on the challenges of legal regulation related to the application of digital technology in order to develop scientific provisions whereby a legal regulation system for the digital technology application in the energy industry can be developed and can function [5].

Moreover, it should be noted that in relation to the application of AI technology in the Russian FEC, the following areas can be distinguished [6]:

1) industrial robotics, as well as the use of autonomous complexes, including the operation of energy facilities where human access is limited or absent;

2) work with big data is the most comprehensive aspect (from data monitoring to accelerating the process of making right decisions and implementing automated control);

3) information security, including the provision of state secrets, trade secrets and other types of information.

These areas are rightly an independent subject of scientific research by Russian and foreign scientists and practitioners [7]. In this regard, this study is mainly devoted to the first area.

Consequently, this article analyzes the current state of legal regulation of AI and robotics in the energy industry of the Russian Federation, and also provides some examples of foreign legal experience on the topic under consideration.

CURRENT STATUS OF LEGAL REGULATION OF AI AND ROBOTICS IN THE ENERGY INDUSTRY IN THE RUSSIAN FEDERATION

To this day, the level of legal regulation of these public relations is at the nascent stage. When

analyzing the topic under consideration, we should pay attention to a number of strategic planning documents.

1. The National AI Development Strategy for the period until 2030 [8] is the main instrument for state and legal regulation of the area under consideration.

According to Clause 5(a), AI is understood as a set of IT solutions that allow simulating human cognitive functions (including searching for solutions without a predetermined algorithm) and obtaining results comparable to or superior to the results of human intellectual activity when performing specific tasks. The set of IT solutions includes information and communication infrastructure, software (including those that apply machine learning methods), processes and services for data processing and finding solutions.

The above definition is basic and legitimate, and is used in other regulations related to the social relations being studied.

In accordance with Clause 51(7)(f), the FEC acts as one of the industries and a social sector, where the AI technology integration is stimulated by creating pilot zones for testing and demonstrating AI developments.

Besides, one of the objectives of the AI development in the Russian Federation is “the creation of a comprehensive legal and regulatory framework for public relations related to the AI technology development and application, ensuring the safe application of such technology” (Clause 24(g)).

2. The Energy Security Doctrine [9] is a strategic planning document in the maintenance of the national security of the Russian Federation, which describes official views on the maintenance of energy security.

Thus, among the cross-border challenges to energy security, the Doctrine indicates “the development and dissemination of emerging technologies, including digital and intellectual ones”.

It is noted that there is a need for balanced development of local distributed energy sources integrated into the Unified Energy System of Russia, and the formation of local intelligent energy systems involving such sources.

Such development is possible only through the creation of a clear legal and regulatory framework that sets out the basic requirements for the AI

technology technical characteristics and performance.

3. The Digital Economy of the Russian Federation national program [10], among the main objectives of which is the transformation of priority industries and social realm, including healthcare, education, industry, agriculture, construction, municipal facilities, transport and energy infrastructure, financial services, through the integration of digital technologies and platform solutions.

With regard to the integration of AI and robotics, the program defines the following:

- the need to develop information security standards in relation to systems implementing AI technology (Clause 1.26);

- analysis of information security threats in systems using AI technology according to existing standards; development of AI pilot projects (Clause 1.29).

4. The Concept for the Regulation of AI and Robotics until 2024 [11], the objectives of which are as follows:

- identification of the main approaches to the transformation of the regulatory system to ensure the possibility of creating and applying such technologies in different economic realms while respecting the rights of citizens and ensuring the security of an individual, society and the state;

- creation of prerequisites for the formation of the foundations for legal regulation of new social relations emerging in connection with the development and application of AI and robotics technologies and Ai- and robotics-based systems, as well as identifying legal barriers that impede the development and application of these systems.

As noted in the Concept, currently there is no special legislative regulation in the Russian Federation that takes into account the specifics of the application of AI and robotics technologies.

It is believed that the use of experimental legal frameworks will be in demand, including for the AI system and robotics of the FEC. Thus, energy industry is a realm where a mechanism for simplified introduction of products using the technologies under consideration can be used. Additionally, AI and robotics technologies help significantly improve the efficiency of enterprises in mechanical engineering, metallurgy, mining, oil and gas sector, chemical industry, and other industries.

Besides, the Concept establishes other industry-wide objectives of regulating the application of AI and robotics technologies, including those related to the energy industry, e.g., legal liability in the case of the application of AI and robotics systems, the development of insurance institutions, maintenance of security, etc.

5. The Energy Strategy of the Russian Federation for the period until 2035 [12], which sets benchmarks and objectives to promote the socio-economic development of the country, as well as strengthen and preserve the position of the Russian Federation in the global energy industry.

The digital transformation and intellectualization in the FEC is one of the components for the modernization breakthrough to a more efficient, flexible and sustainable energy industry, capable of adequately responding to challenges and threats in its area and overcoming existing difficulties. As a result of their implementation, all processes in the energy industry will acquire a new quality, consumers of products and services of the FEC will receive new rights and opportunities.

The strategy confirms that digital technologies are being rapidly developed and integrated in the FEC industries, which include the Internet of Things (IoT), 3D modeling, modeling and forecasting based on the analysis of Big Data, neural networks, cloud and fog computing, virtual and augmented reality, machine learning, computer simulation based on digital twins, intelligent sensors, robotic process automation, additive manufacturing.

Moreover, among other measures for the development of the energy industry, the following are defined:

- integration of cross-cutting technologies (Scientific, Technical, and Innovative Activities section);
- integration of automated and robotic technologies for the extraction (production) of energy resources (Section 3);
- integration of robotic systems that exclude the presence of personnel in potentially hazardous environment (Section 4).

The strategic planning documents discussed above predict threats and risks in the integration of AI and robotics in the Russian FEC, and also indicate the imperfection of the legal and regulatory framework not only for the timely application of

high-tech products in the energy industry, but also to ensure energy security, balance the interests of all interested parties to such public relations.

With regard to the norms of special laws regulating general aspects of the Russian FEC functioning, it should be noted that the basic regulations do not contain clear requirements for maintaining energy security when integrating the systems under consideration. In particular, Federal Law No. 256-FZ dated July 21, 2011 “On the Safety of Fuel and Energy Complex Facilities” [13], which is the basis for the maintenance of safety at energy facilities, currently does not contain special rules on the restriction or partial application of AI and robotics technologies, nor has the subject composition been established, as well as provisions defining legal liability in case of harm caused by robots.

Industry statutes and regulations (for example, Federal Law No. 170-FZ dated November 21, 1995 “On the Use of Atomic Energy”, Federal Law No. 69-FZ dated March 31, 1999 “On Gas Supply in the Russian Federation”, etc.) also do not establish such rules, although, as noted earlier, some aspects of digitalization and the integration of AI technology have been the subject of scientific research.

The exception is Federal Law No. 35-FZ dated March 26, 2003 “On Electricity Industry” [14], which establishes the basic requirements for an intelligent electricity (capacity) metering system, and Executive Order of the Government of the Russian Federation No. 890 dated June 19, 2020 [15] which specifies them.

Thus, despite the dynamic integration of AI and robotics into the energy industry of Russia, most aspects of this area are outside the legal environment.

Although there are strategic documents that clearly define threats from high technologies (including in the energy industry), Russian laws do not have a universal ethical basis for the AI application. Besides, the legislator does not take into account the importance of active and consistent legal support for AI, in view of a preliminary study of all the risks assumed at the present stage, as well as the specifics of AI application in the FEC of the state.

EXAMPLES OF LEGAL REGULATION OF AI AND ROBOTICS IN THE ENERGY INDUSTRY IN FOREIGN COUNTRIES

The European Union. The development of digital and high-tech products in the laws of the European Union is carried out on the basis of the Digital Transformation policy document [16]. According to the strategy, digital transformation is the integration of digital technologies by companies and the impact of these technologies on society; digital platforms, cloud computing and AI are among the technologies affecting all industries from transport to energy, agro-industrial complex, telecommunications, financial services, industrial production and healthcare.

Similar to the approach of Russian legislators, the analyzed instrument identifies possible threats and risks caused by the integration of AI and robotics technologies: insufficient and excessive AI application, determining responsibility for damage caused by the product, maintaining information security, etc.

In this regard, in view of the potential systemic risks, the EU is introducing effective rules and a system of supervision in order to ensure an equitable, ethical, and safe transition to the new digital age.

In April 2021, the European Commission proposed the first EU regulatory framework for AI, which notes that AI technologies that can be used in different applications are analyzed and classified according to the risk they pose to users [17].

As a result of a lengthy discussion, the AI Act was adopted in 2023 [18], which established obligations for developers and users depending on the following levels of risk from AI.

1. **Unacceptable Risk:** cognitive behavioral manipulation of people or specific vulnerable groups, biometric identification and categorization of people, etc.

2. **High Risk,** where are the AI technologies that negatively affect a particular type of security.

Firstly, AI technology that is used in products which are subject to EU product safety laws (for example, aviation, cars, elevators, etc.).

Secondly, AI technology related to specific areas of life and activity, such as management and operation of critical infrastructure (this includes

energy facilities), government agency activities, etc. Such high-tech systems must be registered in a special EU database.

A specific mention of AI in the energy industry and utilities sector is found in the Critical Infrastructure Management and Operation section, which details: “AI systems designed to be used as safety components in the management and operation of road traffic and the supply of water, gas, heating and electricity” [19].

3. **Universal Risk.** High-performance general-purpose AI models that may pose a systemic risk, such as the more advanced GPT-4 AI model, will need to be thoroughly assessed, and any serious incidents will need to be reported to the European Commission.

4. **Limited Risk.** AI systems with limited risk must meet minimum transparency requirements that will allow users to make informed decisions. After interacting with the applications, the user can decide whether they want to continue using it.

This risk classification depends on the function performed by the AI system, as well as on the specific purpose and conditions of use of the system. At the same time, the Law establishes a methodology that helps identify high-risk AI systems within the legal framework.

Thus, before placing an AI system on the EU market or otherwise putting it into service, providers must subject it to a conformity assessment.

Besides, the Law takes into account the systemic risks that may arise from the application of general-purpose AI models, including large generative AI models.

The statute also establishes penalties for non-compliance with the rules in the amount of €35 million or 7% of global turnover to €7.5 million or 1.5% of turnover, depending on the violation and the size of the company.

Thus, these rules will be implemented into the national laws of all member States of the European Union, and will also be part of special regulation, including energy regulation.

In the future, it is expected that rules will be adopted to address liability issues within the framework of the application of high-tech products (including AI), as well as the revision of industry laws on different types of safety.

Great Britain. In September 2021, the UK government published the National AI Strategy [20], which sets out the main goals of the state in the area, including comprehensive support for the transition to the digital economy, ensuring that AI will benefit all sectors and regions.

Supervision of the policy document implementation is entrusted to a specially established AI Policy Directorate, which became part of Department for Science, Innovation and Technology (DSIT).

Currently, in the UK, a number of regulations apply to AI, the subject of which includes data protection, consumer protection, product safety, as well as regulation of financial services and medical devices, but there is no comprehensive structure governing their use. That is, the state-legal AI and robotics regulation is carried out with the help of existing legal norms of general and sectoral regulation.

Different regulatory authorities (for example, in energy industry) can apply an individual approach to the application of AI in different conditions. Besides, the regulatory approach is based on a number of comprehensive (cross-sectoral) principles, such as safety, protection and reliability; appropriate transparency and explainability, equitability, accountability and governance; as well as adversariality and indemnification.

Thus, UK government authorities are developing existing regimes while intervening proportionally to eliminate regulatory uncertainty and gaps. This contributes to the creation of an innovation-oriented legal and regulatory framework that will be adaptable and future-oriented, supported by tools for trustworthy AI, including quality assurance methods and technical standards. The presented approach provides greater clarity and encourages collaboration between government, regulators and industry to implement innovation.

Individual regulatory authorities will publish their annual AI strategic plans by April 30 of this year [21].

On the one hand, this approach allows covering a wider range of public relations and industries where high-tech products will be integrated into established stream of commerce. However, on the other hand, industry representatives note that conflicting or uncoordinated requirements from regulators create additional problems of bureaucratic nature, while regulatory gaps can leave risks

unaffected, damaging public trust and slowing down the AI integration [22].

Additionally, in the near future, it is expected to develop a “cross-economy AI risk register” in order to create “a single source of truth on AI risks which regulators, government departments, and external groups can use” [23].

Besides, leading AI companies developing highly efficient AI systems have committed to take voluntary security and transparency measures ahead of the first global AI Security Summit hosted by the UK government last November [24].

Thus, the UK offers an independent option for regulating AI and robotics technologies. As part of this approach, the Department for Energy Security and Net Zero adapts energy legal rules and regulations to AI- and robotics-based technologies in a timely manner. Using cross-sectoral principles, the regulator should gradually update the legal framework regarding the requirements for the integration of such technologies into the UK FEC.

This innovative approach to AI regulation uses a principles-based framework that allows regulators to interpret and apply AI within their authority.

CONCLUSION

In the modern period of time, AI is developing rapidly, from generative language models such as ChatGPT to advancements in medical screening technology and optimization of energy resource distribution. Such a rapid spread of AI and robotics technologies can lead to fundamental changes in almost all spheres of life and activity of the state.

At the same time, such changes have some risks. The spread of the technological revolution and its products has caused ethical and safety issues.

Due to the fact that high-tech algorithms are in most cases nontransparent, this can create uncertainty and make it difficult to effectively comply with existing security laws and ensure a balance of all stakeholders' interests. Therefore, legislative measures are needed to ensure a well-functioning internal AI system market, which properly addresses both advantages and risks.

The energy sector of the economy is also subject to the integration of AI and robotics technologies. AI can be applied in the FEC for different purposes, including forecasting energy consumption,

optimizing resource distribution and integrating renewable energy sources.

Moreover, it is required to address the special characteristics of energy industry as a complex industry, which significantly affects not only other industries, but also national security and socio-economic development of the state.

Public relations arising in FEC functioning ensure the vital activity of both individuals and legal entities. That is why the energy industry should be clearly regulated by statutes of different levels and contents, defining rules of conduct and addressing all possible risks when updating it.

According to Victoria V. Romanova, the effectiveness of the energy law and order largely depends on the effectiveness of the legal regime of public relations in the key branch of the economy, the elements of the legal regime in their interrelation [25].

Having studied the current state of legal regulation of AI and robotics in the energy industry in the Russian Federation and foreign countries (using the example of the European Union and the Great Britain), it should be noted that in each jurisdiction a whole set of policy documents has been adopted that consolidate the goals and objectives of AI development, as well as identify the main threats to the further integration of these technologies in different economic realms, including energy.

Besides, there are material differences in legal approaches. To begin with, the European Union was the first to adopt a regulation establishing requirements for AI in general. Such regulation is aimed to ensure that the systems used in the EU market are safe and comply with the laws currently in force, and legal certainty is provided to facilitate investment and innovation, in the FEC of the EU member States as well.

The UK, in turn, presented an independent version of legislative support for AI and robotics technologies, based both on the industry specifics of using these digitalization products (a regulatory approach) and cross-sectoral principles of security and stability. Thus, each government agency can develop a departmental instrument setting standards for the introduction of AI in a certain industry, for example, the energy industry.

The combination of the approaches studied makes it possible to improve national laws on AI and robotics integration in the Russian FEC.

It seems necessary to perform unification at the level of a federal law, the subject of regulation of which will be public relations with regard to AI, the levels of development of AI technology based on degree of risk will be determined, the admissibility of the use of certain high-tech products, and rules regulating legal liability in case of harm caused by these technologies and robotics will be introduced.

Besides, it is required to update the provisions of Federal Law “On the Safety of Fuel and Energy Complex Facilities” No. 256-FZ dated July 21, 2011, expanding the safety requirements for the FEC facilities when implementing AI technology and robotics, including requirements for personnel who are in charge of safety, liability for violations of the Russian laws when applying AI, etc.

Additionally, at the level of subordinate regulation, it is required to develop a legal framework (unified and sectoral) for the certification of AI and robotics technologies in critical infrastructure in different FEC industries (nuclear, gas, oil, and other types of energy).

The scope of application of AI technology is currently beyond state control (supervision). This gap can be filled by expanding the competence of the Federal Service for the Supervision of Environment, Technology and Nuclear Management (Rostekhnadzor).

REFERENCES

1. Artificial Intelligence (Russian Market) // TAdviser — Government. Business. Technology. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82_\(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8\)](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8)) (date of access: 08.03.2024).
2. Artificial Intelligence will Control the Correct Operation of Digital Protection and Automation Systems in Electrical Grids // NTI MPEI Competence Center. URL: <http://nti.mpei.ru/ai-mpei-rosseti/> (date of access: 08.03.2024).

3. Best Practices in the Far East // RusHydro Bulletin: website. URL: <https://www.vestnikrushydro.ru/articles/2-fevral-2018/news/luchshie-praktiki-nadalnem-vostoke-2-2018/> (date of access: 08.03.2024).
4. Technology and the Energy Sector Four Trends to Watch and Four Challenges. URL: <https://www.cliffordchance.com/insights/resources/blogs/talking-tech/en/articles/2021/06/tech-in-the-energy-sector.html> (date of access: 08.03.2024).
5. Romanova V.V. Problems, Strategic Goals and Tasks of the Legal Regulation of Energy Security // Problems and Tasks of Legal Regulation of Energy Security and Protection of Rights of Energy Market Players: monograph / ed. by V.V. Romanova. Moscow: Lawyer, 2019. 264 p.
6. Konev S.I., Kunina I.L. Legal Regulation of the Application of AI Technology in the Russian Fuel and Energy Complex // Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 11 (191). 94 p.
7. Vashechkina A.V. Legal Issues of Information (Cyber) Security of the Energy Sector in the Context of Digitalization // Energy Law Forum. 2023. No. 4. P. 90–97; Koropets N.V. Legal Support of Digitalization in the Wholesale Electricity and Capacity Market // Energy Law Forum. 2020. No. 4. P. 48–55; Gusakov V.Yu. Problems and Tasks of the Legal Support of Digitalization of the Oil Industry. Energy Law Forum. 2021. No. 3. P. 13–21; Lizikova M.S. Artificial Intelligence in Atomic Energy Industry: Application and Regulation // Law and Business: Legal Space for Business Development in Russia: Collective monograph: In 4 Vols. Vol. 3. Moscow, 2020. P. 131–139; Neri A. Artificial Intelligence and the Energy Markets. Watson Farley & Williams. URL: <https://www.wfw.com/articles/artificial-intelligence-and-the-energy-markets/>
8. Executive Order of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (date of access: 08.03.2024).
9. Executive Order of the President of the Russian Federation No. 216 dated May 13, 2019 “On Approval of the Energy Security Doctrine of the Russian Federation”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681/ (date of access: 08.03.2024).
10. Minutes of the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects No. 16 dated December 24, 2018. URL: <https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn-p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika> (date of access: 08.03.2024).
11. Executive Order of the Government of the Russian Federation No. 2129-r dated August 19, 2020 “On Approval of the Concept for the Development of Regulation of AI and Robotics until 2024 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 26.08.2020).
12. Executive Order of the Government of the Russian Federation No. 1523-r dated June 9, 2020 “On Approval of the Energy Strategy of the Russian Federation for the Period until 2035” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 11.06.2020).
13. Federal Law No. 256-FZ dated July 21, 2011 “On the Safety of Fuel and Energy Complex Facilities” // Collection of Laws of the Russian Federation. 2011. No. 30 (Part 1). Art. 4604.
14. Federal Law No. 35-FZ dated March 26, 2003 “On Electricity Industry” // Collection of Laws of the Russian Federation. 2003. No. 13. Art. 1177.
15. Russian Government Decree No. 890 dated June 19, 2020 “On the Procedure for Providing Access to a Minimum Set of Functions of Intelligent Electricity (Capacity) Metering Systems” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 23.06.2020).
16. Shaping the Digital Transformation. URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20210414STO02010/shaping-the-digital-transformation-eu-strategy-explained>
17. EU AI Act: First Regulation on Artificial Intelligence. URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20230601STO93804/eu-ai-act-first-regulation-on-artificial-intelligence> (date of access: 08.03.2024).
18. Artificial Intelligence Act. URL: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20231206IPR15699/artificial-intelligence-act-deal-on-comprehensive-rules-for-trustworthy-ai_ (date of access: 08.03.2024).
19. Jones J.S. AI in Europe’s Energy Sector in Line for Regulation. URL: <https://www.smart-energy.com/regional-news/europe-uk/ai-in-europes-energy-sector-in-line-for-regulation/#:~:text=AI%20objectives,to%20facilitate%20investment%20and%20innovation> (date of access: 08.03.2024).
20. National AI Strategy. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1020402/National_AI_Strategy_-_PDF_version.pdf (date of access: 08.03.2024).
21. Gallo V., Nair S. The UK’s Framework for AI Regulation. URL: <https://www2.deloitte.com/uk/en/blog/emea-centre-for-regulatory-strategy/2024/the-uks-framework-for-ai-regulation.html>
22. A Pro-Innovation Approach to AI Regulation. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ai-regulation-a-pro-innovation-approach/white-paper#part-2-the-current-regulatory-environment> (date of access: 08.03.2024).
23. Ferguson M., Cameron S. AI Laws Inevitable but not Right for Today, Says UK Government. URL: <https://>

www.pinsentmasons.com/out-law/news/ai-laws-inevitable-says-uk#:~: text=The%20government's%20immediate%20approach%20to, and%20robustness%3B%20appropriate%20transparency%20and (date of access: 08.03.2024).

24. AI Safety Summit. URL: <https://www.aisafetysummit.gov.uk/policy-updates/> (date of access: 08.03.2024).

25. Romanova V.V. Energy Law Order: Current State and Tasks. Moscow: Lawyer, 2016. 255 p.

Authors' information:

Ekaterina M. Kologermanskaya
PhD (Law),
Legal Counsel at PromHim, LLC

Сведения об авторе:

Кологерманская Екатерина Михайловна
Кандидат юридических наук,
юрисконсульт ООО “ПромХим”

Received / Поступила в редакцию 27.03.2024
Revised / Поступила после рецензирования и доработки 13.05.2024
Accepted / Принята к публикации 10.06.2024

DOI: 10.61525/S231243500031370-5

Original Article / Оригинальная статья

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CORPORATE GOVERNANCE

Krotova M.K.

Leading Lawyer,
Corporate Monitoring and Compliance Practice
Gazpromneft Expert Solutions, LLC
E-mail: Krotovarita@gmail.com

Abstract. The prevalent artificial intelligence (AI) applications of today merely exemplify the full potential of artificial intelligence in the business realm. Artificial intelligence is poised to assume a general role in the management of companies, as it is increasingly being used as a tool to support the administrative work and decision-making of directors and managers. While the appointment of a robotic director may still seem like science fiction, the widespread use of artificial intelligence in corporate governance has proven to streamline the decision-making process. In general, corporate laws around the world are still based solely on human decision-making and deny the role of technology in corporate governance. This results in ineffective regulation strategies for artificial intelligence systems with managerial authority. As a result, there is uncertainty about the legal permissibility and legal implications of implementing artificial intelligence in the corporate sphere, which may discourage corporations from adopting artificial intelligence, even though the technology is likely to optimize the business process. This article aims to highlight the growing importance of artificial intelligence in corporate governance, with a focus on the development of a legal framework and general provisions on the legal position of artificial intelligence. The article offers a legal analysis of the potential role of artificial intelligence in the corporate lawyer’s legal work, focusing on potential risks and ways to minimize them.

Keywords: artificial intelligence, corporate governance, liability, legal capacity, confidentiality.

For citation: Krotova M.K. Artificial Intelligence in Corporate Governance. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 39–45. DOI: 10.61525/S231243500031370-5

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КОРПОРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ

Кротова М.К.

Ведущий юрист,
Практика корпоративного мониторинга и комплаенса
ООО “Газпромнефть Экспертные решения”
E-mail: Krotovarita@gmail.com

Аннотация. Популярными сегодня приложениями искусственного интеллекта (далее — ИИ) являются лишь демонстрацией всего потенциала ИИ в деловом мире. Искусственный интеллект находится на грани того, чтобы взять на себя общую роль в управлении компаниями, поскольку он неуклонно становится инструментом поддержки

административной работы и принятия решений директорами и менеджерами. Если назначение роботизированного директора все еще кажется научной фантастикой, то широкое использование ИИ в корпоративном управлении доказало, что оно рационализирует процесс принятия решений. В целом корпоративное законодательство по всему миру по-прежнему основывается исключительно на принятии решений человеком и отрицает роль технологий в корпоративном управлении, что приводит к неэффективным стратегиям регулирования в отношении систем ИИ, наделенных управленческими полномочиями. В результате существует неопределенность в отношении юридической допустимости и правовых последствий внедрения ИИ в корпоративной сфере, что может отбить у корпораций желание внедрять ИИ, даже несмотря на то, что технология, несомненно, оптимизирует процесс ведения бизнеса. Таким образом, в данной статье предпринята попытка подчеркнуть растущую важность ИИ в корпоративном управлении на примере разработки нормативно-правовой базы и общих положений о правовом положении ИИ. В статье проводится правовой анализ потенциальной роли ИИ в юридической работе корпоративного юриста, уделяя внимание потенциальным рискам и способам их минимизации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, корпоративное управление, ответственность, правосубъектность, конфиденциальность.

Для цитирования: Кротова М.К. Искусственный интеллект в корпоративном управлении // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 39–45. DOI: 10.61525/S231243500031370-5

The modern era has brought about new conditions. All spheres of life are now inextricably linked to the use of the latest digital systems and artificial intelligence systems. The introduction of artificial intelligence systems is becoming increasingly prevalent in a number of sectors, including retail, industry, sports, law, healthcare, and many others. In the context of jurisprudence, it is worth considering corporate law. It is a crucial area for the stable operation of the fuel and energy sector. In general, corporate governance is the basis of companies' activities. This sphere is one of the promising areas for the development and implementation of artificial intelligence systems. The primary objective in the implementation of these technologies is to streamline corporate governance systems and maximize benefits at the lowest cost. However, it is crucial to exercise control over the development and subsequent application of these technologies, as the creation of a "machine" capable of self-learning could potentially yield unforeseen outcomes in the future. This is why there are discussions in the global community on the topic of artificial intelligence. Disputes arise in both ethical and technological spheres. For the legal sector, it is important to strike a balance and legislate the most important principles of development and use of artificial intelligence systems. The key challenge in the current landscape of advanced information technologies is to maintain stability and security.

The significance of artificial intelligence and the priority of its development are clearly demonstrated by the adoption of legal instruments at the federal level. In 2020, the Government of the Russian Federation separately developed and adopted the Artificial Intelligence federal project. Now, all development activities and legal regulation should be performed in accordance with the general project on the statutory regulation of the digital environment [1]. The initial focus for development was set with the issuance of the first regulatory act dedicated to artificial intelligence: the Decree of the President of the Russian Federation on the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation, which approved the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence [2], establishing the framework for further development and use of artificial intelligence systems.

The development of artificial intelligence impacts the following areas:

- 1) protection of human rights and freedoms: inadmissibility of violations, protection of rights established by law, and provision of opportunities for learning and adaptation for life in changing conditions;
- 2) ensuring safety: prohibition of the use of artificial intelligence to cause intentional harm and the need to prevent adverse consequences from the use of these technologies;

3) transparency: non-discrimination in access to the products created and the explanation of the process of artificial intelligence;

4) technological sovereignty: preferential use of domestic technologies and ensuring the country's independence in this area;

5) innovation cycle integrity: ensuring the interaction of science with the real economy;

6) reasonable thrift: preferential adaptation of existing designs;

7) support for competition: prohibition of actions that restrict competition between Russian entities operating in the field of artificial intelligence.

The development of a legislative framework to regulate the use of artificial intelligence systems is one of the most important tasks facing the modern regulator, as it can help to prevent potential issues associated with the use of modern digital technologies. However, it is important to maintain a balance between private and public interests. Rigid and redundant rules may have a negative impact on the development of artificial intelligence in the country. This could hinder access to new technologies in this field, slow down the development of artificial intelligence in Russia, and contribute to the reduction in the number of specialists. The personnel issue in the field of IT technologies is a significant challenge. Valuable researchers and organizations engaged in artificial intelligence may opt to relocate to other countries where they will have greater freedom to conduct research and development.

An alternative to restricting artificial intelligence could be the efforts of the Russian legislature to create mechanisms ensuring the safe use of the technology and protecting consumers. It appears that optimal approach would be to establish a separate body with the responsibility of regulating the use of artificial intelligence, or alternatively, to develop standards and guidelines that promote the safety and ethical use of this technology.

A start has been made with the development of a comprehensive set of recommendations, the Code of Ethics for Artificial Intelligence. In cooperation with the Government, Russian business has created and approved the aforementioned code. It was supported by a number of prominent Russian companies, including Yandex, VK (formerly Mail.ru Group), Sber, MTS, Rostelecom, InfoWatch, and Cian. The Government Analytical Center and the Ministry for Economic Development also contributed to the

creation of the document. The Code of Ethics for Artificial Intelligence is a comprehensive set of recommendations and rules designed to promote the development of reliable technologies in Russia. It is intended for all parties involved in the creation, implementation, or use of artificial intelligence technologies, including government agencies, academia, and business.

The Code offers practical guidance for ethical decision-making and risk minimization in the context of the creation and use of artificial intelligence that may violate the rights and interests of human beings. The Code also underscores that the accountability for the outcomes of AI use always lies with the human, not the machine.

In order to fulfill the requirements of the Code, a committee will be formed from representatives of business, academia, and government agencies. Organizations that have supported the document will appoint AI ethics specialists to monitor company compliance with the Code. The most controversial matters will be discussed by an internal committee established within the companies.

It is important to note that in order to build further regulation, the question of the legal capacity of artificial intelligence should be addressed. As previously stated, artificial intelligence is currently a legal object, i.e. a thing to which the relevant provisions of law apply. However, as technology continues to evolve, the question of whether to grant artificial intelligence the status of a legal subject may become increasingly relevant. A number of options have been put forward, including electronic persons or agents capable of representing the interests of both individuals and legal entities. Those who hold opposing views argue that it is not feasible to confer subject status upon it. Instead, they propose the creation of a distinct type of property to account for the unique characteristics of artificial intelligence [3].

According to a number of legal scholars, it is already possible to formulate a set of fundamental principles that should inform the development of legislation. These include the priority of human rights, the guarantee of transparency of information on the development and implementation of new technologies, the prohibition of discrimination in access to artificial intelligence, and the right of individuals to choose whether or not to interact with artificial intelligence systems.

The aforementioned principles are fundamental, so it is imperative to include in the Constitution the

issues of human rights protection in view of the introduction of new technologies. The integration of artificial intelligence into the life of society is inevitable, and therefore it is necessary to make this process as safe and transparent as possible. After analyzing the positions and studying the works of constitutional scholars [4], we can identify the main areas of concern for constitutional law as artificial intelligence becomes more widely integrated.

The first and primary block of issues is the protection of human rights. It is evident that legislation should prescribe the fundamental guarantees for the protection of the human right to privacy.

The second block of issues is the prohibition of discrimination. Studies have shown that trained artificial intelligence can discriminate against certain categories of citizens, which will only exacerbate the global problem of discrimination. It is therefore necessary to implement monitoring procedures for artificial intelligence systems to ensure they do not discriminate and to provide citizens with the necessary guarantees to protect them from such discrimination.

The third section of issues is the transparency of the operation of artificial intelligence systems. Many people lack understanding of the principles of operation of artificial intelligence systems, which may lead to a perception of these technologies as a direct or potential threat. It is therefore important to formalize the principle of openness of algorithms and transparency of their work. Consequently, there will be a number of other rights requiring proper documentation:

- the right to know the reasons for the judgment rendered by the system;
- the right to know about the nature of the subject with whom the human being comes into contact;
- the right to choose the subject making the decision (made by artificial intelligence or with human participation).

The fourth block of issues highlights the legal capacity of artificial intelligence as a key concern. Depending on the trajectory chosen by the relevant state, there will also be an issue of formalizing the rights and obligations of artificial intelligence, should it be recognized as a legal subject. In 2019, a scientist from Harvard University published an article discussing the topic of formalizing the right of artificial intelligence to self-destruction. This may prompt the idea of formalizing the rights of artificial intelligence

systems (if they are recognized as a subject) in the country's main law [5].

As previously stated, artificial intelligence is currently a legal object, yet there are already discussions about its potential statuses. For example, the European Parliament adopted a resolution in 2017 that proposes to grant the status of an electronic person or personality to artificial intelligence systems [6]. In considering the issue of recognizing artificial intelligence as a legal subject, it is worth noting the criteria that are distinguished in legal science for determining a legal subject. These include consciousness, will, emotions, independence in decision-making, and guiding one's actions. Another criterion is the so-called concept of legal entity fiction as a means of risk management and limitation of property liability [7]. When applying these criteria to AI systems, it is clear that, for example, a robot cannot have feelings or emotions, and therefore cannot be initially considered an identical legal subject to a person. It appears that there are no obstacles to the use of such legal techniques as fiction, analogous to those employed in the context of legal entities. Consequently, if we recognize artificial intelligence as a special electronic person, we can apply the regulations that are tailored to legal entities by analogy.

Should the decision be made not to recognize artificial intelligence systems as a legal subject, they could be recognized as a special type of property. For example, animals that can act independently but whose owner is held liable for their actions could be classified as a special type of property. The situation is similar here, but there is another potential issue where investment may decline if all liability is shifted to the owner [8].

However, regardless of the decision made on the recognition of artificial intelligence as a legal subject or object, it is clear that AI is playing an enormous role in simplifying and optimizing legal work in general. Automation of tasks and processes allows for cost reduction and increased productivity. To achieve the full potential of artificial intelligence, in-house lawyers should first stay abreast of the technology and embrace new ways of working.

In practice, however, we encounter the challenge that in a profession with a reputation for resilience to change, many corporate lawyers are not yet familiar with what artificial intelligence means, let alone how it can strengthen their legal practice. Among those who are aware of AI technologies, there is a prevailing skepticism about reliability, especially when it

comes to privacy and ethical concerns [9]. Despite these doubts, a significant number of corporate lawyers recognize the potential of artificial intelligence to assist legal departments in reducing costs, developing more robust business strategies, minimizing contractual risks, and improving the delivery of legal services.

For large holding companies in the fuel and energy sector, the process of introducing new technologies in management is becoming inevitable, as it is now the main way to optimize costs and focus on development. When implementing artificial intelligence in view of the fundamental principles of security, confidentiality, and reliability, the systems can become stable partners in corporate relations within companies [10]. For example, the use of artificial intelligence systems can lead to notable enhancements in the following areas.

1. **Legal research.** In the past, lawyers would invest a great deal of time studying articles of incorporation, legal cases, regulations, and other documents in order to find relevant information. The advent of AI-powered research tools has made it possible for legal professionals to quickly analyze vast amounts of legal data, identify relevant cases, and retrieve important information. By outsourcing search and research tasks, lawyers can free up time to focus on more complex analysis and strategic planning.

2. **Due Diligence and contract analysis.** Labor-intensive tasks that require close attention to detail include reviewing contracts and conducting comprehensive due diligence. AI-based contract analysis tools can now analyze contracts, identify potential issues, and extract important clauses that require approval or additional review. This allows corporate lawyers to increase their efficiency by reducing the time spent on proofreading and analysis. There is now a resource for substantive review and decision-making.

3. **Automation of routine tasks.** Routine administrative tasks can be performed automatically through the use of artificial intelligence systems, relieving corporate lawyers of time-consuming and repetitive work. AI-based tools can streamline document creation, contract drafting, and legal document collection.

4. **Compliance.** Artificial intelligence algorithms can analyze vast amounts of data, eliminating the potential risk of non-compliance with changing legislation. In today's rapidly changing regulatory environment, such algorithms are particularly relevant. They

help corporate lawyers stay abreast of new laws and regulations that affect companies and large holdings by constantly monitoring regulatory developments and court rulings.

5. **Forecasting and legal analytics.** AI-based legal analytics tools can offer predictive analytics and assist lawyers in determining the likely outcomes of adopting a particular strategy by examining previous cases, court decisions, and legal precedents. This enables the creation of an optimal plan to resolve legal issues, make informed decisions, and provide businesses with an accurate assessment of possible outcomes.

However, it is important to note that, while artificial intelligence offers numerous benefits, it also presents ethical and professional challenges. As artificial intelligence becomes more integrated into the legal profession, corporate lawyers will face new ethical and professional challenges. Data privacy, algorithmic bias, and the question of who is responsible for legal advice generated by artificial intelligence are just some of the issues that need to be scrutinized and regulated [11]. Lawyers are also concerned that AI algorithms do not provide transparency into the data used to generate a response, making such results uncontrolled and often unreliable in circumstances where accuracy is paramount.

The data on which artificial intelligence is trained may be subject to bias, which could result in incorrect inputs leading to incorrect or even discriminatory responses.

It is the responsibility of corporate lawyers to work through these issues in order to ensure that artificial intelligence is applied ethically and in accordance with legal and professional standards. Based on this research, we have identified three common risks in the use of artificial intelligence and suggested ways to minimize them in the work of corporate lawyers at large holding companies.

1. **Data leakage and security.** If a lawyer inputs confidential information about a counterparty or their company into an artificial intelligence system, it becomes part of the data model for self-learning and analysis. This means that others may potentially access it through similar queries [12]. Such actions may result in data leakage and may contravene data storage requirements. This could have a detrimental impact on national security, particularly if the organization has a direct or indirect relationship with the state.

Risk minimization. Refrain from disclosing any confidential or potentially confidential information. This precaution helps to reduce the risk of data leakage and security breaches. However, if the need for accurate information is paramount, it is essential to implement security measures, including encryption and access control, to address privacy and AI liability issues. The establishment of clear policies for data handling and user education serves to mitigate the risks.

2. Intellectual property issues. Determining ownership of rights to code or text generated by artificial intelligence can be a complex issue. In the majority of cases, when using chatbots and existing artificial intelligence systems on terms of service, the liability for output lies with the input provider [13].

Risk minimization. Implementing comprehensive tracking systems helps determine origin and compliance. Collaborating with legal experts ensures compliance with intellectual property laws, reducing the risk of disputes.

3. Liability for erroneous results. The use of artificial intelligence carries the potential risk of liability for companies. If the results generated by artificial intelligence leads to inaccurate, negligent, or biased results that cause harm, the company may be held liable for damages [14]. Consequently, organizations should implement rigorous testing procedures to ensure the reliability and accuracy of artificial intelligence by evaluating the accuracy, validity, completeness, and efficiency of the generated work product.

Risk minimization. To address tort liability, it is essential to develop transparent guidelines for the development of artificial intelligence, user training, and regular risk assessments. It may be advisable to consider the possibility of regulating liability insurance for those who use AI systems.

In general, corporate law is an area where precision and nuance are of the utmost importance. As such, organizations will likely continue to engage human lawyers for confidence in their expertise and for the ability to control. However, the benefits of using artificial intelligence for legal services in corporate governance are significant enough to warrant consideration. The author believes that the use of artificial intelligence will enable lawyers to more effectively promote and substantiate their positions, provide a better experience for clients, and focus on strategic decision-making. This, in turn, will lead to increased productivity and value in the corporate legal industry.

In conclusion, it is clear that the state has a significant role to play in establishing a legal framework that meets the needs of modern digital society. Summing up the research conducted, it is important to note that despite the lack of established comprehensive regulation, it is essential to minimize the risks for individuals and the society as a whole when creating future regulations for artificial intelligence technologies. These technologies are not yet a fully explored type of systems and may harbor unforeseen dangers.

The fuel and energy sector is advancing at an unprecedented pace, underscoring the need to enhance legal oversight for the safe and informed deployment of new technologies in this strategically vital area, including corporate governance in energy companies.

REFERENCES

1. Executive Order of the Government of the Russian Federation No. 1632-r On Approval of the Digital Economy Program of the Russian Federation dated July 28, 2017 was invalidated by Executive Order of the Government of the Russian Federation No. 195-r dated February 12, 2019 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 19.02.2019).
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 on Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation dated October 10, 2019 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 11.10.2019).
3. Somenkov S.A. Artificial Intelligence: From an Object to a Subject? // Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University. 2019. No. 2 (54). P. 75–85.
4. Gadzhiyev G.A., Voynikanis Ye.A. Is It Possible for a Robot to be a Legal Subject (Search for Legal Rules to Regulate the Digital Economy)? // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 4. P. 24–48.
5. Puschunder J.M. On Artificial Intelligence's Razor's Edge: On the Future of Democracy and Society in the Artificial Age. Journal of Economics and Business. 2019. No. 2 (1). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3387540
6. Civil Law Rules on Robotics. European Parliament Resolution of February 16, 2017. URL: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies
7. Morkhat P.M. Legal Capacity of Artificial Intelligence in Intellectual Property Law: Civil-Law Problems: Thesis of LL.D. Moscow, 2018. URL: http://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Morhat/morhat_p_m_dissertaciya.pdf
8. Glebov I.N. Artificial Legal Mind // Network Scientific Legal Journal. Humanitarian Law. URL: <https://human-law.ru/9-article/26-artificial-intelligence.html>

9. Tsvetkova I. Artificial Intelligence in Court, Lawyer Bots and Crowdfunding of Legal Disputes: How the LegalTech Revolution Begins. URL: <https://rb.ru/opinion/legaltech/>
10. Filipova I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: Textbook. Nizhny Novgorod: National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2020. 90 p.
11. Borovskaya Ye.V., Davydova N.A. Fundamentals of Artificial Intelligence: Textbook. Moscow: BINOM, 2019. 127 p.
12. Artificial Intelligence as a Threat to Confidentiality. URL: <https://www.vpnside.com/ru/iskusstvennyj-intellekt-kak-ugroza-konfidentsialnosti/>
13. Kharitonova Yu.S. On the Protectability of Results of Artificial Intelligence Activities // Collection “The Law of the Future: Intellectual Property, Innovations, Internet”. Moscow: INION RAS, 2018. Iss. 1. P. 52–64.
14. Korchagin M.A. Tort Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence // Issues of Russian Justice. 2021. No. 14. P. 224–231.
15. Bostrom Nick. Artificial Intelligence: Stages. Threats. Strategies / Transl. from English by S. Filin. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber, 2016. 166 p.
16. Federal Law on Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Constituent Entity of the Russian Federation, Specifically, the City of Moscow with Federal Status, and Amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law No. 123-FZ on Personal Data dated April 24, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 24.04.2020).
17. UN Report “Promotion and Protection of Human Rights: Human Rights Questions, Including Alternative Approaches for Improving the Effective Enjoyment of Human Rights and Fundamental Freedoms”. URL: <https://undocs.org/ru/a/73/348>
18. Lapushkin A. Areas of Application of Artificial Intelligence Systems. URL: <https://maff.io/media/sfery-primeniya-sistem-iskusstvennogo-intellekta/>
19. Hawking S. Brief Answers to the Big Questions. London: Random House LLC, 2018. 256 p.
20. McKay D.P., Shapiro S.C. Using active connection graphs for reasoning with recursive rules // Proceedings of the Seventh International Joint Conference on Artificial Intelligence. Los Altos, CA, 1981. P. 368–374.

Authors' information:**Margarita Krotova**

Leading Lawyer,
Corporate Monitoring
and Compliance Practice of Gazpromneft
Expert Solutions, LLC

Сведения об авторе:**Кротова Маргарита Кирилловна**

Ведущий юрист,
Практика корпоративного мониторинга
и комплаенса ООО «Газпромнефть
Экспертные решения»

Received / Поступила в редакцию 14.03.2024
Revised / Поступила после рецензирования и доработки 10.04.2024
Accepted / Принята к публикации 10.06.2024

DOI: 10.61525/S231243500031371-6

Original Article / Оригинальная статья

DIGITALIZATION OF CONSTRUCTION OF FACILITIES OF THE FUEL AND ENERGY COMPLEX

Illarionova Y.A.

Lawyer, Gazpromneft Expert Solutions, LLC
E-mail: illarionova_99@list.ru

Abstract. The advent of new technologies and the evolving economic landscape have prompted a need to rethink the existing regulatory framework governing market players. Digitalization forces to create new legal mechanisms for regulating emerging economic relations. These include the development of normative legal acts that strike a balance between ensuring the public interest and business development, the introduction of new institutions or the modernization of existing ones, and the broad integration of various spheres of social life. The current legal framework presents shortcomings that create difficulties in introducing new technologies into the economy. This article will examine the existing legal issues of surrounding the use of new technologies in the construction of fuel and energy infrastructure facilities. It will focus on the legal nature of BIM-modeling, tort liability in the application of technologies in the construction/design process, and the problems of widespread introduction of smart contracts in construction activities. In preparing this scientific article, we relied on normative legal acts regulating the introduction of new technologies in economic activity, a small amount of judicial practice reflecting the current attitude of the judicial system to the legal regulation of new technologies, developed concepts reflecting the main areas of activity in the development of digitalization, and news portals. The following scientific methods were employed in the research process: analysis, comparison, description, interpretation, synthesis, abstraction, and analogy. This paper presents the current discussions on the mentioned problems of digitalization in the construction of facilities of the fuel and energy complex. It addresses the need/absence of the need for detailed legal regulation, the legal nature of the “liability” of objects of digitalization, and gaps in the current legislation in terms of regulating the mechanism of smart contracts. The existing legal regulation issues surrounding digitalization in the construction of facilities of the fuel and energy complex, as outlined in this article, require a comprehensive solution that strikes a balance between economic development and effective legal regulation.

Keywords: energy law, BIM modeling, artificial intelligence, digitalization, tort liability.

For citation: Illarionova Y.A. Digitalization of Construction of Facilities of the Fuel and Energy Complex. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 46–53. DOI: 10.61525/S231243500031371-6

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ОБЪЕКТОВ ТЭК

Илларионова Е.А.

Юрист, ООО “Газпромнефть Экспертные решения”
E-mail: illarionova_99@list.ru

Аннотация. Изменения в экономической сфере, широкое использование новых технологий породили необходимость корректировки существующего регулирования правоотношений участников рынка. Цифровизация вынуждает создавать новые механизмы правового регулирования для возникающих экономических отношений: разработку нормативно-правовых актов, требующих соблюдения баланса между обеспечением публичного интереса и развитием бизнеса; внедрение новых институтов либо модернизацию существующих; широкую интеграцию различных сфер жизни общества. Действующая правовая база имеет недостатки, которые создают трудности внедрения новых технологий в экономику. В рамках настоящей статьи рассмотрим существующие правовые проблемы использования новых технологий при строительстве объектов топливно-энергетической инфраструктуры, такие как: правовая природа BIM-моделирования, привлечение к деликтной ответственности при применении технологий в процессе строительства/проектирования, проблемы широкого внедрения смарт-контрактов в строительную деятельность. Для подготовки настоящей научной статьи были использованы: нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы внедрения новых технологий в экономическую деятельность; немногочисленная судебная практика, отражающая современное отношение судебной системы к правовому регулированию новых технологий; разработанные концепции, отражающие основные направления деятельности в части развития цифровизации; новостные порталы. В процессе исследования были применены следующие научные методы: анализ, сравнение, описание, интерпретация, синтез, абстрагирование, аналогия. В работе приводятся существующие дискуссии в части отмеченных проблем использования цифровизации в строительстве объектов ТЭК: необходимость/отсутствие необходимости детального правового регулирования; правовая природа “ответственности” объектов цифровизации; пробелы действующего законодательства в части вопроса регулирования механизма заключения смарт-контрактов. Существующие проблемы правового регулирования цифровизации в сфере строительства объектов ТЭК, отраженные в настоящей статье, требуют комплексного решения, позволяющего сохранить баланс между экономическим развитием и эффективным юридическим нормированием.

Ключевые слова: энергетическое право, BIM-моделирование, искусственный интеллект, цифровизация, деликтная ответственность.

Для цитирования: Илларионова Е.А. Цифровизация строительства объектов ТЭК // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 46–53. DOI: 10.61525/S231243500031371-6

The modern high-tech society sets trends for the development of the economic sphere of any state. In his book *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*, D. Tapscott defines the digital economy as a form of organization of economic activity based on digital and electronic technologies, implemented directly through e-commerce, cloud technologies, digital platforms, and network business. At the same time, digitalization is not limited to the introduction of modern technologies. It also encompasses the cumulative restructuring of existing business processes [1].

The advantages of the digital economy include the capacity to automatically manage the entire system and its individual components, as well as the virtually unlimited ability to scale the system without loss of efficiency, which allows for a significant increase in the efficiency of economic management at the micro and macro levels.

The advent of new technologies and the evolving economic landscape have prompted a need to rethink the existing structure of legal relations between market players. The Russian Federation has recently

adopted normative legal acts regulating the use of information technologies in various spheres and amended the existing normative legal acts. For example, the Federal Law on Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation, the Urban Development Code of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, Presidential Decree No. 490 on the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation of October 10, 2019, etc.

In addition, subordinate legislation in certain regions of Russia establishes experimental legal regimes in the field of digital innovations for the operation of unmanned aircraft systems. For example, Resolution of the Government of the Russian Federation No. 100 on Establishment of the Experimental Legal Regime in the Field of Digital Innovations and Approval of the Program of the Experimental Legal Regime in the Field of Digital Innovations for the Operation of Unmanned Aircraft Systems in the Nenets Autonomous Area dated February 2, 2024, in the Nenets Autonomous Area and Resolution of the Government of the Russian Federation No. 185 on Establishment of the Experimental Legal Regime in the Sphere of Digital Innovations and Approval of the Program of the Experimental Legal Regime in the Sphere of Digital Innovations for the Operation of Unmanned Aircraft Systems in Innopolis (Republic of Tatarstan) dated February 17, 2024, in Innopolis (Republic of Tatarstan).

At the same time, the existing legal framework is deficient in certain respects, which impedes the implementation of digital mechanisms in the economy. Let us consider the existing legal issues associated with the use of new technologies in the construction of fuel and energy infrastructure facilities.

The most effective and widely used technologies in construction are as follows: BIM modeling (design of construction projects using building information modeling), high-tech topographical surveying for construction and geological surveying, 3D printing, smart sensors that connect all infrastructure facilities and workers to a single network in order to monitor the construction process in real time, robots and drones, artificial intelligence, virtual and augmented reality, and blockchain (e.g., for smart contracts).

BIM modeling technology is the most widely applicable and controversial in terms of legal regulation. Currently, various construction industries are

developing regulations pertaining to the use of BIM technologies (building information modeling).

Executive Order of the Government of the Russian Federation No. 2101-r on Approval of the Comprehensive Plan for the Modernization and Expansion of Trunk Infrastructure for the Period up to 2024 dated September 30, 2018, states that it is planned to use Building Information Modeling (hereinafter referred to as BIM) technology in the management system for the implementation of the transportation part of the plan. The collective construction and use of information on transport infrastructure facilities through BIM will provide a reliable basis for decision-making at any stage of the project, from early concepts to operation.

One of the practical challenges in implementing information models in construction is the issue of defining the contractual framework for creating information models (hereinafter referred to as IM).

The literature suggests that the choice of contractual model for information modeling is based on several factors. These include the way in which the information model is constructed and its content, the peculiarities of the parties involved in the legal relationship, the distribution of risks and the nature of design management, and the degree of integration of the information model into the design, construction, and operation processes [3].

An information model is comparable to the result of design and survey work, but differs in the form of providing the result as a digital asset. An information model is not a typical object of civil rights.

The normative document, Methodological Recommendations on the Preparation of the Information Model of the Construction Project Submitted for Consideration to Glavgosexpertiza of Russia Federal Autonomous Institution as Part of the State Expert Examination of Design Documentation and Assessment of the Information Model of the Construction Project, defines the IM as including digital information models of the construction project (hereinafter referred to as DIM-CP) and digital engineering models of terrain (hereinafter referred to as DEM-T). The composition and content of DIM-CP and DEM-T are represented using the concept of a "layer" ("level").

A layer (level) represents structured information (graphical, textual, tables, sheets, specifications, information, data, elevation marks, penetration marks, information on soil load bearing capacity, information on underground utility systems, etc.) applied to

the previous layer (level) of information about the construction project. Software tools can be used to isolate information for IM users in order to improve the perception of the model and the user's decision-making on certain IM aspects. Methods of technical implementation of model information isolation include the use of (for example) branches of element hierarchy and sets of elements in specialized software products.

In the context of judicial practice, there are various approaches employed to ascertain the nature of contractual relations the creation of BIM models: 1) Contractor agreement (for example, Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES22-4588 dated March 31, 2022, in case No. A40-281512/2019, Decision of the Commercial Court of the North-Western District No. F07-10387/2023 dated August 10, 2023, in case No. A56-84385/2022); 2) Services agreement (for example, Decision of the Ninth Commercial Appellation Court No. 09AP-21141/2021 dated May 19, 2021, in case No. A40-145924/2020); 3) Design documentation agreement (for example, Decision of the Commercial Court of the North-Western District No. F07-13179/2023 dated October 11, 2023, in case No. A56-49907/2022, Decision of the Commercial Court of the North-Western District No. F07-10342/2023 dated August 3, 2023, in case No. A56-117122/2022).

Due to the lack of clarity in the judicial practice regarding the classification of the relevant information model contract, the scientific literature suggests the need for the creation of a unified regulatory mechanism to oversee the results of the use of BIM technologies in designing.

One of the challenges of using information technologies in construction is the possibility of tort liability when a robot (in the broad sense of the word) commits an offense. It is important to understand that robots can have artificial intelligence and can execute tasks based on a predefined program. The question of liability for robots created on the basis of artificial intelligence is an interesting one.

The Concept for the Development of Regulation of Relations in the field of Artificial Intelligence and Robotics until 2024 (Executive Order of the Government of the Russian Federation No. 2129-р dated August 19, 2020) specifies the current objective is to further develop mechanisms of civil, criminal, and administrative liability in case of harm caused by artificial intelligence and robotics systems with a high degree of autonomy when making decisions. This

includes determining who will be held responsible for their actions, developing, if necessary, mechanisms of no-fault civil liability, and exploring ways to compensate for damage caused by actions of artificial intelligence and robotics systems (e.g., liability insurance, compensation funds, etc.). Consequently, the issue of legal liability in the use of artificial intelligence is of particular importance, including its use in the course of construction of fuel and energy infrastructure facilities.

Artificial intelligence is a set of technological solutions that allows for the imitation of human cognitive functions (including self-learning and search for solutions without a predetermined algorithm) and the obtaining of results comparable to those of human intellectual activity when performing specific tasks. The set of technological solutions includes information and communication infrastructure, software (including software that uses machine learning methods), processes, and services for data processing and search for solutions (Presidential Decree No. 490 on Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation dated October 10, 2019).

In the existing civil law regulation, artificial intelligence can act as a thing, an object of copyright, or a source of enhanced danger [4]. However, there are no rules regulating the issues of liability for actions committed by artificial intelligence.

The doctrine identifies several models of liability for actions of autonomous robots. These include complete exemption from liability (force majeure), partial exemption from liability (compensation from an insurance fund or at the expense of the robot owner), liability depending on fault (e.g., developers in case of software problems, manufacturers in case of design flaws), limited no-fault liability, complete no-fault liability, robot personal liability (which involves giving the machine a legal personality), and a mixed liability regime (when a certain approach is applied depending on the robot's dangerousness and other characteristics) [5].

Article 127.4 of the draft Federal Law on Amendments to the Civil Code of the Russian Federation Improving the Legal Regulation of Relations in the Field of Robotics (Grishin's Law) proposes that compensation for damage caused by a robot be made at the expense of the property transferred into the possession of the robot. This is analogous to the independent civil liability of a legal entity.

The doctrine identifies three primary approaches to tort liability for harm caused by robots. These are

tort liability on general grounds stipulated by Article 1064 of the Civil Code of the Russian Federation, tort liability for harm caused by a source of enhanced danger (Art. 1079 of the Civil Code of the Russian Federation), tort liability for harm caused by defects in goods, works, or services (Art. 1095 of the Civil Code of the Russian Federation). It is noted that tort liability for harm caused by a robot should take place depending on the class of its danger and the degree of autonomy of the robot [6]. Some researchers have identified robots as a source of enhanced danger and have proposed that the issue of damage compensation be resolved in accordance with Article 1079 of the Civil Code of the Russian Federation [7].

In the context of tort liability, the following conditions are typically considered to be essential: wrongful conduct of the harm-doer; the occurrence of harm (losses); a causal relationship between the wrongful conduct and the harm; and fault. In accordance with Article 1079 of the Civil Code of the Russian Federation, harm caused to the life or health of citizens by activities that create an enhanced danger to others (a source of enhanced danger) shall be compensated by the owner of the source of enhanced danger, regardless of their fault (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 on the Application by Courts of Civil Legislation Governing Relations under Obligations as a Consequence of Harm to the Life or Health of Citizens dated January 26, 2010).

Within the meaning of Article 1079 of the Civil Code of the Russian Federation, a source of enhanced danger is defined as any activity that creates an enhanced likelihood of harm due to the impossibility of full control over it by a person. This includes activities involving the use, transportation, and storage of things, substances, and other production, economic, or other facilities that possess similar properties (clause 18 of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated January 26, 2010). In general, AI technologies can be considered a 'source of enhanced danger'.

The owner of a source of enhanced danger is defined as a legal entity or a citizen who uses the source by virtue of ownership rights, economic management rights, operational management rights, or other legal grounds.

The scientific literature identifies the following individuals who may be held liable for harm caused by artificial intelligence: 1) the author of the relevant invention or the programmer; 2) the legal entity that is

the right holder of the software or the manufacturer of the relevant technical device; 3) the user/owner (as a legal entity or an individual); 4) a third party in case of wrongful possession of the robot or its reprogramming to cause harm [8]; 5) a person who receives profit from artificial intelligence [9].

Consequently, in the event that a robot causes damage, Articles 1064 and 1079 of the Civil Code of the Russian Federation may be applied to address the issue of liability. This is provided that the relevant technology is not fully autonomous and depends on the activities of specific people.

Another perspective suggests that when determining who is liable for harm caused by a robot, Article 1095 of the Civil Code of the Russian Federation on the sale of low-quality goods (a robot) should be applied. In this case, the party held liable is the seller or manufacturer [10].

In 2018, a precedent-setting case was investigated in the USA. On March 19, 2018, an unmanned Uber vehicle struck and killed a pedestrian who had violated traffic rules while undergoing a test. The vehicle was in autonomous mode, but a test driver was behind the wheel. The commission investigating the accident attributed blame to the test driver, the pedestrian, Uber, and state authorities for failing to prioritize safety checks of driverless vehicle testing programs on public roads. During the investigation, it was determined that the vehicle had detected the pedestrian almost six seconds prior to the collision. However, the emergency braking system was disabled and reconfigured, preventing the car from braking. The vehicle failed to recognize pedestrians outside of crosswalks. Additionally, the tester did not monitor traffic conditions.

In addition to the aforementioned guarantees, some sources propose the introduction of liability insurance for individuals using AI technologies [11]. The European Parliament Resolution on Civil Law Rules on Robotics of February 16, 2017, supports this position.

Furthermore, RBC has reported that the Ministry of Economic Development has developed a mechanism capable to ensure compensation for harm caused by the use of AI technologies under experimental legal regimes. The draft law on amendments to Federal Law No. 258-FZ on Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovations in the Russian Federation dated July 31, 2020, was approved at the meeting of the Government's Commission on Legislative Activity on December 4, 2023.

The Draft Law introduces the following changes: parties involved in the experimental legal regime will maintain a register of individuals who have entered into legal relations with it; this register will contain information on those responsible for the use of AI solutions; the register will include information on individuals working with the technologies directly; participants will be required to insure civil liability for causing harm to the life, health, or property of other persons as a result of the use of AI solutions.

The relevant draft law has not yet been adopted, but if it is approved, the issue of liability for compensation for damage caused by artificial intelligence will be solved partially. This is because the effect of Federal Law No. 258-FZ dated July 31, 2020, is extremely limited (given the scope of the Federal Law). At the same time, experimental legal regimes in the field of digital innovations may be established in the following areas of development, testing, and implementation of digital innovations: architectural and construction design, construction, major repair, reconstruction, demolition of construction projects, and the operation of buildings and structures (Article 1 of the Federal Law on Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovations in the Russian Federation).

The issue of liability for damage caused by artificial intelligence in construction and design can be resolved by amending the current legal framework with regard to liability insurance.

Another potential avenue for the application of digital technologies in construction is the use of smart contracts. According to the List of Instructions of the President of the Russian Federation Following the Meeting on the Use of Digital Technologies in the Financial Sector held on October 10, 2017, as part of the implementation of the Digital Economy of the Russian Federation program, the Government of the Russian Federation, together with the Bank of Russia, is directed to introduce amendments to the laws of the Russian Federation defining the status of digital technologies used in the financial sector and their concepts (including such concepts as “distributed ledger technology”, “electronic letter of credit”, “electronic mortgage”, “cryptocurrency”, “token”, “smart contract”) based on the binding nature of the ruble as the only legal means of payment in the Russian Federation.

The concept of a “smart contract” was first introduced by N. Szabo, who defines this contractual form

as an electronic algorithm designed to automate the process of contract execution in blockchain [12].

Some countries have formalized the concept of a “smart contract” at the legislative level. For example, the Decree of the President of the Republic of Belarus No. 8 on Development of the Digital Economy of December 21, 2017, defines that a smart contract as a program code designed to function in a transaction block ledger (blockchain), any other distributed information system for the purpose of automated execution of transactions or performance of other legally significant actions.

Draft Federal Law No. 419059-7 on Digital Financial Assets defines a smart contract as an electronic agreement, which rights and obligations are fulfilled through the automatic execution of digital transactions in a distributed digital transaction ledger, in accordance with the sequence and circumstances defined by the agreement.

At the same time, the subject matter and scope of the Federal Law were defined as relations arising from the creation, issuance, storage, and circulation of digital financial assets, as well as the exercise of rights and fulfillment of obligations under smart contracts.

Subsequently, when Federal Law No. 259-FZ on Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation dated July 31, 2020, was adopted, the concept of a “smart contract” was excluded from the text of Federal Law No. 259 and included in clause 2 of Article 309 of the Civil Code of the Russian Federation in the current version.

The Bank of Russia’s Digital Ruble Concept defines a smart contract as a transaction executed automatically upon the occurrence of conditions predetermined by the parties. A similar definition can be found in the Bank of Russia’s Guidelines for the Development of the Financial Market of the Russian Federation for 2024 and the Period of 2025 and 2026.

There are currently instances of smart contracts being used in Russia. For example, in December 2016, Alfa Bank and S7 Airlines became the first entities in Russia to settle accounts with a counterparty using smart contracts. A pre-agreed amount was deposited with the bank servicing the airline. At the time of applying for a letter of credit, the account was debited. After the services were delivered and documents were submitted, the funds were credited to the contractor’s account. The smart contract was prepared using Ethereum. Subsequently, S7 Airlines

created a blockchain platform to streamline trading transactions and launched a service on this platform for the purpose of settlements with agents who sell airline tickets. S7 Airlines entered into a smart contract with Gazpromneft-Aero, an aviation fuel market operator. The contract included information on the cost and required volume of fuel for the airline's aircraft. The aircraft commander then requested from the operator the exact amount of fuel required for the flight, and an online request was sent to Alfa Bank to reserve the appropriate amount. Refueling commenced upon the bank's immediate confirmation of the online request. Once the refueling process was complete, the funds were debited and the parties' commercial services were informed that the transaction was closed, along with all relevant documents. The smart contract was prepared on the Hyperledger blockchain platform [13].

According to clause 2 of Article 309 of the Civil Code of the Russian Federation, the terms and conditions of a transaction may stipulate that its parties fulfill obligations arising from it upon the occurrence of certain circumstances without a separate additional expression of will of its parties aimed at fulfilling the obligation through the use of information technologies determined by the terms and conditions of the transaction. The relevant amendments were introduced by Federal Law No. 34-FZ on Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation dated March 18, 2019.

The explanatory note to the draft law stated that, in order to execute transactions with digital rights ("smart contracts"), Article 309 of the Civil Code introduces the only rule requiring legislative formalization. This rule states that the fact of the execution of a transaction made by a computer program shall not be disputed (except in cases of interference with the program).

Once users are identified in the system, their subsequent behavior is subject to the algorithm of the computer program that oversees the network. In the event that the circumstances specified in the user agreement occur, a person who "buys" a particular virtual object (digital right) will receive this object automatically. For example, a certain individual is the holder of a digital right to a box of diamonds, which is identified by an individualizing number and is held by a professional custodian. In the information system, a transaction with this object will be executed "automatically", without additional orders or other expressions of will by the parties to the transaction.

The seller will be debited with the digital right and the buyer will be debited with funds. As a general rule, it will be impossible to challenge these debits.

It should be noted that no additional rules are required for 'smart contracts'. In other respects, the current Civil Code is well-suited for regulating the relations of parties to such transactions, i.e. the legislator implies that the existing mechanisms for regulating contractual relations are sufficient, including when entering into smart contracts.

Upon analysis of the amendments made to paragraph 2 of Article 309 of the Civil Code of the Russian Federation, it can be concluded that it covers not only smart contracts as such, but also the automated execution of contracts (e.g., the purchase of services, goods, or works using online platforms) [14].

Currently, there are no examples of smart contracts in construction in the Russian system of justice. However, the amendments to the Civil Code of the Russian Federation permit the use of such form of contracts in any sector, including construction and design.

The existing challenges associated with the legal regulation of digitalization in construction of facilities of the fuel and energy complex, as outlined in this article, require a comprehensive solution that strikes a balance between economic development and effective legal regulation.

REFERENCES

1. Tapscott D. *The Digital Economy: Promise and Peril in The Age of Networked Intelligence*. McGraw-Hill, 1995.
2. Vasilyeva N.V., Bachurinskaya I.A. *Problematic Aspects of Digitalization of the Construction Sector // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2018. No. 7. P. 39–46.
3. Yalilov A.D. *Peculiarities of Civil-Law Regulation of Relations in Design and Construction When Using Building Information Modeling (BIM) // Current Problems of the Russian Law*. 2022. No. 17 (11). P. 87–99.
4. Khisamova Z.I., Begishev I.R. *Legal Regulation of Artificial Intelligence // Academic Law Journal*. 2019. Vol. 10. No. 2.
5. Agibalova Ye.N. *Legal Liability in the Application of Artificial Intelligence Systems // State, Law, and Society: Issues of Theory and Practice: Proceedings of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference (Sochi, February 7–8, 2020) / editor-in-chief V.I. Skryabin*. Sochi, 2020. P. 15–24.

6. Begishev I.R. Thinking about the Draft Federal Law on the Circulation of Robots and Their Components (Modules) // Law and Digital Economy. 2021. No. 2.
7. Khisamova Z.I., Begishev I.R. Legal Regulation of Artificial Intelligence // Academic Law Journal. 2019. Vol. 10. No. 2.
8. Tsukanova Ye.Yu., Skopenko O.R. Legal Aspects of Liability for Harm Caused by a Robot with Artificial Intelligence // Issues of Russian and International Law. 2018. Vol. 8. No. 4A. P. 42–48.
9. Gorokhova S.S. AI-Based Technologies: Prospects and Liability within the Legal Framework // Lawyer. 2021. No. 6. P. 60–67; Apostolova N.N. Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence // North Caucasian Legal Bulletin. 2021. No. 1. P. 112–119.
10. Letuta T.V., Sotnikova Yu.V. Civil-Law Aspects of the Application of Artificial Intelligence Systems and Robotics // Academic Law Journal. 2019. Vol. 20. No. 1.
11. Arkhipov V.V., Naumov V.B. On Certain Issues of the Theoretical Framework for the Development of Legislation on Robotics: Aspects of Will and Legal Capacity // Law. 2017. No. 5. P. 157–170.
12. Szabo N. The Idea of Smart Contracts. URL: http://szabo.best.net/smart_contracts_idea.html (date of access: 01.06.2019).
13. Smart Contracts: How They Work and Why We Need Them. URL: <https://pravo.ru/story/205151/>
14. Fulfillment and Termination of Obligations: Commentary to Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation / ed. by A.G. Karapetov. Moscow: M-Logos, 2022. 1494 p.

Authors' information:**Yevgeniya A. Illarionova**

Lawyer,

Gazpromneft Expert Solutions, LLC

Сведения об авторе:**Илларионова Евгения Алексеевна**

Юрист, ООО “Газпромнефть

Экспертные решения”

Received / Поступила в редакцию 14.03.2024

Revised / Поступила после рецензирования и доработки 20.05.2024

Accepted / Принята к публикации 15.06.2024

LEGAL REGIME OF ENERGY INFRASTRUCTURE

DOI: 10.61525/S231243500031372-7

Original Article / Оригинальная статья

**GAPS IN LEGAL REGULATION OF PUBLIC SERVITUDE
FOR THE PURPOSES OF CONSTRUCTION OF A LINEAR FACILITY
OF THE GAS SUPPLY SYSTEM****Anikanov P.S.**

Leading Counsel, Claim Administration Department, Legal Division, Gazprom Mezhrefiongaz, LLC; Postgraduate Student, Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science
E-mail: U1203036@mrg.gazprom.ru

Abstract. The article examines the legislation regulating the implementation of public servitude for the purpose of operation, reconstruction, and construction of linear facilities of the gas supply system. The author identifies gaps in the rules of law and issues that arise in the application of these rules at all stages of the public servitude validity. The paper analyzes the major conditions and principles governing the approval of public servitudes in relation to privately owned land plots and the mechanism of formation of payment for the use of public servitudes. The author emphasizes the necessity of detailing certain concepts and improving existing rules, given that the rules introduced in 2018 pertaining to the approval of public servitudes for specific purposes, including for the operation, reconstruction and construction of engineering facilities for the gas supply system, require supplementation and partial amendment. This is due to the fact that they do not fully align with the State's objectives of gasifying the country in the shortest possible time.

Keywords: energy law, legal regime of power facilities, linear facility of gas supply system, public servitude.

For citation: Anikanov P.S. Gaps in Legal Regulation of Public Servitude for the Purposes of Construction of a Linear Facility of the Gas Supply System. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 54–60. DOI: 10.61525/S231243500031372-7

**ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПУБЛИЧНОГО СЕРВИТУТА В ЦЕЛЯХ СТРОИТЕЛЬСТВА
ЛИНЕЙНОГО ОБЪЕКТА СИСТЕМЫ ГАЗОСНАБЖЕНИЯ****Аниканов П.С.**

Ведущий юрисконсульт отдела претензионной и исковой работы юридического управления ООО “Газпром межрегионгаз”; аспирант, АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”
E-mail: U1203036@mrg.gazprom.ru

Аннотация. В статье рассматривается законодательство, регулирующее осуществление публичного сервитута с целью эксплуатации, реконструкции и строительства линейных

объектов системы газоснабжения. Автор выявляет пробелы в правовых нормах и проблемные вопросы, возникающие при использовании данных норм на всех этапах действия публичного сервитута. В работе проанализированы основные условия и принципы утверждения публичного сервитута по отношению к земельным участкам в частной собственности, а также механизм формирования платы за пользование публичным сервитутом. Автор указывает на целесообразность детализации определенных понятий и усовершенствования существующих норм, поскольку введенные в действие в 2018 г. нормы, касающиеся утверждения публичного сервитута в специфических целях, в том числе для эксплуатации, реконструкции и строительства объектов инженерного типа системы газоснабжения, нуждаются в дополнении и частичном изменении ввиду того, что они не в полной мере отвечают поставленным перед государством задачам по газификации страны в максимально сжатые сроки.

Ключевые слова: энергетическое право, правовое режим энергетических объектов, линейный объект системы газоснабжения, публичный сервитут.

Для цитирования: Аниканов П.С. Пробелы правового регулирования публичного сервитута в целях строительства линейного объекта системы газоснабжения // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 54–60. DOI: 10.61525/S231243500031372-7

The availability of natural resources on the territory of a State is one of the most significant factors in determining the long-term prospects for its development. The most critical, relevant, and demanded energy resources include such types of fuel as oil and gas, which are essential for a number of reasons.

Russia is the sixth largest holder of oil reserves and the third largest producer of oil in the world. In terms of gas, Russia occupies the top position in the world with regard to gas reserves and the second position with regard to gas production. It should be taken into account that Russia will have sufficient oil reserves for only 21 years, while its gas reserves will last for 75 years [1].

Moreover, gas is a more environmentally friendly, energy-intensive, and inexpensive resource compared to oil. It can be transported either in a liquefied form or through gas pipelines. The second option appears to be the most preferable, as it allows for the transportation of significant volumes of gas over long distances with minimal risks.

In 2021, the Government of the Russian Federation approved an action plan for the introduction of a socially oriented and economically efficient system of gasification and gas supply of the constituent entities of the Russian Federation. According to this plan, by 2030 the level of gasification of the population of the constituent entities of the Russian Federation should reach 82.9% [2].

To achieve such high performance, it is necessary that all elements of the system function as a unified, coherent mechanism. This ensures that each stage of

gasification, including the necessary permits, gas pipeline construction or commissioning, proceeds according to a pre-determined scenario.

It is understood that the legislative framework in this scenario serves as a kind of bridge, connecting the ambitious idea with the projected result.

The construction of a gas pipeline is a complex process that involves, among other things, the identification of land plots to be used for the location of the gas pipeline and the registration of the necessary titles to these land plots.

Public servitude has emerged as a highly convenient method for formalizing titles to land and land plots required for the location of linear facilities [3], including gas pipelines, after Federal Law No. 341-FZ [4] dated August 3, 2018, (hereinafter referred to as the Law) amended the land legislation to simplify the procedure for the location of linear facilities.

Even during the process of formulating and refining the draft of the aforementioned normative legal act, experts expressed uncertainty regarding the structure selected by the legislator.

In this context, M.V. Bocharov pointed out that, from the standpoint of social development, this law is both necessary and useful. It enables the formalization of placement of engineering structures that are in public need to be completed three or four times faster. As we all know, engineering structures are indispensable for housing construction, industrial development, and modern agriculture — and these are precisely the challenges afflicting our society [5].

According to Ye.A. Sukhanov, however, land plots for the purposes specified in the Law will be transferred for use to the subjects of public servitudes not by agreements with their owners, but by decisions of public authorities adopted on the basis of “reasonable proposals” of entities requesting the establishment of public servitudes. With regard to private ownership of land, this approach is at least somewhat perplexing. It is evident that the construction of a linear facility across a land plot effectively eliminates the land’s economic value and, in many instances, impedes its normal use. This results in the owner being left with a “naked right” (*nudum ius*) [5].

After nearly six years of implementation, it can be concluded that the Law, as its name suggests, was intended to simplify, systematize, and expand the algorithms of using the structure of public servitude to locate various linear facilities. However, it has proven to be a contradictory piece of legislation, giving rise to a number of issues, particularly in situations where the land plots intended for the establishment of public servitudes are privately owned.

Chapter V.7, Establishment of Public servitudes for Certain Purposes, of the Land Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Land Code of the Russian Federation) contains gaps, inconsistencies, and valuation concepts that leave room for free interpretation and judicial discretion, where a proper degree of “transparency” and legal certainty will not only help avoid disputes, but also accelerate the process of establishing public servitudes and the conclusion of the relevant agreement between the gas distributor and the owner of the land plot.

Free interpretation, i.e. the possibility for the servitude holder or the owner of the land plot to interpret the meaning of the rule of law in their favor, which results, for example, in a disagreement regarding the amount of payment for the use of public servitudes, or the disagreement of the holder of title to the land plot with the order to approve the public servitude due to the presence, in their opinion, of conditions that make further use of the land plot for its intended purpose impossible, inevitably leads to a court dispute.

Consequently, the contested matter is left to the discretion of the court, which appears to be an unsatisfactory solution due to the existing deficiencies in the legislation and improperly interpreted wordings.

For example, a refusal to approve a public servitude will ensue if the activities for the implementation of which a public servitude is sought, including restrictions on titles to a land plot provoked by such

activities, will result in the impossibility of operation or significant difficulties in the operation of the land plot and the real estate unit located on it as permitted for a period exceeding three months in respect of land plots intended for housing construction (including single-family home construction), personal subsidiary farming, gardening, or horticulture by citizens for non-commercial purposes, or one year in respect of other land plots.

Firstly, it is unclear what is meant by the term “significant difficulties”. It is also unclear how these difficulties differ from the impossibility of use and by what criteria such difficulties can be identified in relation to each land plot, given that a linear facility of the gas supply system is laid through a certain number of such plots and the decision to approve public servitudes is basically made for all land plots at once.

There is no doubt that a private land owner will perceive the construction of a linear facility of the gas supply system on their land plot as a reason for the impossibility of its future use, because such an encumbrance, which, by the way, cannot be waived, detracts from the land plot’s marketability.

The servitude holder, in this case the gas distributor, despite the fact that disagreements arise only when approving public servitudes on privately owned land plots, will endeavor to minimize the already impressive costs by laying the route of the gas pipeline along the optimal and shortest trajectory. This is often not possible, as the distributor is unable to choose through which land plots to lay the linear facility.

Secondly, the issue of establishing public servitudes is referred to the competence of state or local authorities based on the purpose of establishment. That is to say, the degree of “significant difficulties” is determined when deciding on the petition of a person interested in establishing a public servitude without the participation of the land plot owner. Given the lack of transparency and certainty in the concept of “significant difficulties”, this will exacerbate the degree of disagreement between the land plot owner and the servitude holder.

Furthermore, the phrase “significant difficulties” is used in clause 13 of Article 23 of the Land Code of the Russia Federation, which stipulates that owners of titles to land plots may petition the relevant authorities responsible for the approval of public servitudes and request a commensurate remuneration where the approval of public servitudes has resulted in significant difficulties in the use of the land. If this provision is interpreted in a formal manner, the remuneration for

public servitudes is contingent upon “significant difficulties” in the use of the land. Does this imply that, in the absence of such difficulties, the land plot owner will be unable to demand a commensurate remuneration for the approval of the public servitude?

It is also necessary to consider the relationship between this rule and Article 39.46 of the Land Code of the Russian Federation, which requires the person who benefits from the establishment of a public servitude to pay for it. That is, it can be assumed that clause 13 of Article 23 of the Land Code of the Russian Federation serves as a special rule to Article 39.46 of the Land Code of the Russian Federation and is subject to compensation separately from the remuneration for the use of public servitudes (i.e., only in the presence of “significant difficulties”). This is particularly relevant in light of the fact that clause 13 of Article 23 of the Land Code of the Russian Federation refers to the Methodological Recommendations [6] on the calculation of remuneration for the use of public servitudes. Or are there completely different factors involved in the approval of public servitudes?

It is of interest to note that clause 7 of Article 39.46 of the Land Code of the Russian Federation also addresses the Methodological Recommendations with regard to the establishment of remuneration for public servitudes. At the same time, clause 8 of Article 39.46 of the Land Code of the Russian Federation stipulates that remuneration for public servitudes is payable to the land proprietor with whom an agreement on the use of a public servitude was previously concluded in accordance with the established procedure, i.e. there is a predetermining condition for such remuneration.

The manner in which compensation is to be made in the event of “significant difficulties” in the operation of a land plot and real estate on it is not specified in clause 13 of Article 23 of the Land Code of the Russian Federation. Furthermore, the rationale behind the designation of municipal or state authorities as the obligatory entities responsible for making such compensation is unclear. In practice, however, the remuneration for the use of public servitudes is paid by the gas distributor who builds and subsequently operates the gas pipeline. This is because it is the organization that requests the encumbrance of a land plot with a public servitude and subsequently concludes the necessary agreement with the land plot owner.

It appears that clause 5 of Article 23 of the Land Code of the Russian Federation (which, in accordance with clause 2 of Article 39.39 of the Land Code

of the Russian Federation, is mandatory when approving public servitudes) is quite contradictory. This is because the encumbrance of a land plot with a public servitude does not deprive the title holder of the rights of disposal, use, and possession of this land.

Given that the impossibility of use, as stipulated in subclause 4 of clause 1 of Article 39.44 of the Land Code of the Russian Federation, albeit for a certain period of time, directly contradicts the right to use, i.e. literally prevents the operation of the land plot by the title holder, the cumulative interpretation of the above articles gives rise to legal uncertainty.

It is possible that the legislator intended to convey that the impossibility of use is temporary and therefore does not deprive, but only restricts the title holder in their right to use. However, in this case, the article should contain a more detailed and clear wording.

It is not permitted to undertake major repairs, reconstruction, operation, or construction of gas pipelines on land plots used for any personal purposes, including gardening, personal subsidiary farming, horticulture, and single-family home construction, through the approval of public servitudes, in accordance with clause 5 of Article 39.39 of the Land Code of the Russian Federation. This is, in principle, a reasonable and logical position to take.

But there is one aspect that requires further consideration. The aforementioned rule stipulates that in exceptional cases (for example, reconstruction, capital repair, and operation of engineering structures) the approval of public servitudes remains permissible.

It can be concluded, therefore, that only the approval of public servitudes for the purpose of construction of a gas pipeline on lands intended for personal needs, such as gardening, horticulture, personal subsidiary farming, and single-family home construction, is inadmissible.

At the same time, the procedures to be performed for major repairs and reconstruction of a gas pipeline are nearly identical to those for construction.

It remains unclear why the construction of engineering structures was excluded from the purposes for which public servitudes may be sought for certain types of land plots.

It turns out that the gas distributor should consider this legal restriction when constructing a gas pipeline and be prepared, if necessary, to enter into a lease agreement with the owner of land intended for personal needs, such as gardening, horticulture, personal subsidiary farming, and single-family home

construction. However, the owner may refuse to enter into such lease agreement if they consider it not profitable for themselves. This may affect the entire construction process, as the design documentation will have to be modified.

In accordance with the stipulations of clause 1 of Article 39.41, the period during which the operation of a land plot will be significantly challenging or entirely impossible includes the period of current or major repair, construction, and reconstruction of a gas pipeline.

Accordingly, in order to circumvent the refusal to approve a public servitude and the subsequent necessity to purchase a land plot from the title holder (Article 39.48 of the Land Code of the Russian Federation), the gas distributor is obliged to perform any works (gas pipeline construction, reconstruction, or repair) on land plots other than those intended for personal needs, such as gardening, horticulture, personal subsidiary farming, and single-family home construction, within a period not exceeding one year. Furthermore, on land plots used for single-family home construction, etc., the aforementioned works are to be performed within three months.

It is evident that the legislator's approval of the above terms was driven by the objective of ensuring the implementation of clause 8 of Article 23 of the Land Code of the Russian Federation, which pertains to the establishment of public servitudes on the most unburdensome conditions for the land plot owner. However, this approach may potentially compromise the quality of works performed by the gas distributor and subsequently the safety of operation of the constructed, reconstructed, or repaired gas pipeline, which in turn is classified as a hazardous production facility. Any breakdown of this facility may result in catastrophic consequences.

In the context of the terms of establishing public servitudes, it is important to note the following.

In general, perpetual infrastructural public servitudes play a significant role in the implementation of private-public interests of holders of public servitudes for specific purposes [7].

For the purposes of constructing and subsequently operating a linear facility of the gas supply system, the perpetual nature of public servitudes or their establishment for the period of gas pipeline activity is considered to be the most suitable option for a number of reasons.

Firstly, as a general rule, a linear facility of the gas supply system provides settlements, large production facilities, and health care, education, social protection, and social security facilities with energy resources. This is of high importance for the development of infrastructure.

Secondly, a constructed gas pipeline does not in any way impede the intended use of a land plot, provided that certain safety requirements are met.

Thirdly, the land plot owner will receive compensation for the public servitude in perpetuity, in addition to the benefits they will derive from the use of their land plot.

However, the current legislation permits the approval of public servitudes for the purposes of operation, reconstruction, and construction of, inter alia, linear facilities of gas supply systems only for a fixed term of 10 to 49 years.

Furthermore, the Land Code of the Russian Federation does not provide a mechanism for the prolongation of previously established public servitudes if necessary. Instead, it merely authorizes the servitude holder to request servitude approval for a new term before the expiration of the existing servitude. It is unclear whether the previous servitude will be extended or a new servitude will be approved.

In accordance with clause 4 of Article 39.47 of the Land Code of the Russian Federation, the term of agreements on the use of public servitudes should coincide with the term of public servitudes approved by the decision on their establishment.

The question remains as to whether it is possible to simply make the necessary amendments to the existing agreement concluded with the land owner in accordance with Article 39.47 of the Land Code of the Russian Federation, or whether it is necessary to conclude a new agreement. In light of the aforementioned considerations, it is pertinent to inquire as to the remuneration for public servitudes in such circumstances.

Furthermore, questions arise regarding the rules governing the process of making a land plot fit.

As previously stated, the period when the use of a land plot becomes impossible or significantly challenging includes the period of engineering structure construction. In accordance with subclause 4 of clause 1 of Article 39.44 of the Land Code of the Russian Federation, in the case of gas pipeline construction, this period should not exceed one year.

By virtue of clause 6 of Article 39.43 of the Land Code of the Russian Federation, when requesting the

approval of public servitudes for the purposes of engineering structure reconstruction or construction, public servitudes are approved for the location of such structure.

The Ministry of Economic Development of the Russian Federation, in its Letter No. ОГ-Д23-3142 dated April 2, 2020, states that the concept of “location of linear facilities” includes the construction, reconstruction, and operation of linear facilities [8].

It means that when a public servitude is established, let’s say, for a period of ten years, the construction of a linear facility of the gas supply system will be completed within a maximum of one year. The remaining nine years will be dedicated to the operation of the facility.

The Land Code of the Russian Federation stipulates that the servitude holder should render the land plot exploitable in accordance with its permitted use no later than within three months after the completion of operation, conservation, demolition of the engineering structure for the purpose of location of which the public servitude was approved, its current or major repair, and construction.

It is not entirely clear whether the servitude holder is obliged to perform works to make the land plot fit for use after each stage (construction, repair, and operation) specified in clause 8 of Article 39.50 of the Land Code of the Russian Federation, or whether they are obliged to do so at the end of all stages.

The latter option will place the land plot owner in a disadvantageous position, as they would be at risk of having their plot rendered serviceable only after 10 years.

The very nature of the measures taken to render the land plot fit for use, in the context of the meaning of “significant difficulties”, is also suggestive. In such a situation, is the land plot owner entitled to seek an appropriate remuneration from the state or local authorities in accordance with clause 13 of Article 23 of the Land Code of the Russian Federation?

The most critical issue in regulating the approval of public servitudes is the mechanism for determining the amount of compensation for public servitudes. It is the amount of this remuneration that often leads to litigation between the servitude holder and the land plot owner, and there is a rational explanation for this.

The remuneration for public servitudes is determined in accordance with the Federal Law on Appraisal Activities in the Russian Federation and the

Methodological Recommendations (clause 7 of Article 39.46 of the Land Code of the Russian Federation).

The Methodological Recommendations define the remuneration for public servitudes as the difference between the market value of land (in the case of establishing a servitude over a privately owned plot) before and after the approval of a public servitude.

In accordance with clause 1 of Article 66 of the Land Code of the Russian Federation, the market value of a land plot is determined in accordance with the federal law on appraisal activities. This law defines the market value as the most probable price at which it is possible to sell the relevant property being appraised on the open competitive market [9]. While it is possible to calculate the market value of a land plot before the approval of a public servitude, for example, through sales comparison or by analyzing sales offers for similar land plots in the region, the market value of a land plot after the approval of a public servitude is a much more complicated issue.

Consequently, the market value of a land plot is an inherently unstable estimate. Indeed, the legislator has delegated the calculation of remuneration for public servitudes to the discretion of an expert, as the court, confronted with a discrepancy between the servitude holder and the land plot owner regarding the amount of remuneration for a public servitude, will arrange a forensic examination.

In practice, there are often situations where three expert opinions are presented to the court (case No. A05-6826/2021) [10], in which the amount of remuneration for public servitudes differs significantly. The expert representing the land plot owner absolves the amount of remuneration for the public servitude, whereas the expert representing the servitude holder arrives at a very modest result. The forensic expert attempts to find a solution that strikes a balance between the two positions.

In light of these circumstances, it is evident that there is no objective and fair amount of remuneration for public servitudes.

Furthermore, the provisions of the Land Code of the Russian Federation on public servitudes are replete with valuation terminology, such as “the least onerous conditions” (clause 8 of Article 23 of the Land Code of the Russian Federation), “rational use of land” (clause 9 of Article 23 of the Land Code of the Russian Federation), etc.

On top of all that, clause 3 of Article 23 of the Land Code of the Russian Federation stipulates that public

servitudes should be approved in accordance with the Land Code of the Russian Federation. The provisions of the Civil Code of the Russian Federation on servitudes (which are, in fact, quite scarce) are not applicable to legal relations existing in connection with the approval, implementation, and termination of public servitudes. In light of the aforementioned considerations, another question arises: do the general rules of the Civil Code of the Russian Federation also apply to the agreement on the use of public servitudes, or is it necessary to apply exclusively Article 39.47 of the Land Code of the Russian Federation?

In conclusion, it should be noted that the rules introduced in 2018 regarding the approval of public servitudes for specific purposes, including for the operation, reconstruction, and construction of engineering structures of the gas supply system, require supplementation and partial amendment. This is due to the fact that they do not fully align with the State's objectives of gasifying the country in the shortest possible time.

The legislation provides certain tools that simplify the location of a number of power industry facilities on land plots and the registration of titles to such plots for energy companies. Nevertheless, it is now necessary to construct an integral legal framework that ensures a comprehensive consideration of the multifaceted interests of the parties involved in complex legal relations arising from the location of electric power facilities [11].

REFERENCES

1. Basalayeva Ye.V., Ilyushina M.N., Smirnov V.V. Investment in the Russian Gas Industry: Priority to Import Substitution and Innovation // *Business Security*. 2023. No. 4. P. 10–20.
2. Order of the Government of the Russian Federation No. 1152-r On the Approval of the Action Plan ("Road Map") to Implement a Socially Oriented and Economically Efficient Gasification and Gas Supply System of the Constituent Entities of the Russian Federation dated April 30, 2021 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 06.05.2021).
3. Malinnikova A.I. The Peculiarities of Establishing Public Servitudes for the Purpose of Placing Engineering Structures // *Property Relations in the Russian Federation*. 2023. No. 1. P. 104–110.
4. Federal Law No. 341-FZ On Amending the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation to Simplify the Location of Linear Facilities dated August 3, 2018 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 04.08.2018).
5. Ivanov A., Bocharov M., Sukhanov Ye. et al. New Life of Public servitudes // *Law*. 2018. No. 10. P. 17.
6. Order of the Ministry of Economic Development of Russia No. 321 On the Approval of Methodological Recommendations for Determining the Remuneration for Public Servitudes in Respect of Land Plots that Are in Private, State, or Municipal Ownership and Are Provided to Citizens or Legal Entities dated June 4, 2019 // Consultant Plus Reference Legal System.
7. Kokurin V.A. The Issue of Ensuring the Balance of Private and Public Interests in the Determination of the Term of Public Servitudes // *Property Relations in the Russian Federation*. 2023. No. 4. P. 71–76.
8. Letter of the Ministry of Economic Development of Russia No. OG-D23-910 On the Consideration of Requests dated February 4, 2020 // Consultant Plus Reference Legal System.
9. Federal Law No. 135-FZ On Appraisal in the Russian Federation dated July 29, 1998 // *Collection of Laws of the Russian Federation*. August 3, 1998. No. 31. Art. 3813.
10. Decision of the Commercial Court of the Arkhangelsk Region dated October 10, 2022, in Case No. A05-6826/2021. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
11. Ignatyeva I.A. The Modernization of Public Servitudes and Potential Grounds for Land Disputes When Placing Electric Power Facilities // *Judge*. 2019. No. 3. P. 38–42.

Authors' information:

Pavel S. Anikanov

Leading Counsel, Claim Administration Department, Legal Division, Gazprom Mezhrefiongaz, LLC; Postgraduate Student, Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science

Сведения об авторе:

Аниканов Павел Сергеевич

Ведущий юристконсульт отдела претензионной и исковой работы юридического управления ООО "Газпром межрегионгаз"; аспирант, АНО "Научно-исследовательский "Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А.Мусина"

Received / Поступила в редакцию 14.03.2024
Revised / Поступила после рецензирования и доработки 13.05.2024
Accepted / Принята к публикации 17.06.2024

DOI: 10.61525/S231243500031373-8

Original Article / Оригинальная статья

LEGAL REGULATION OF EMERGENCY NOTIFICATION SYSTEM CREATION AT GAS TRANSMISSION FACILITIES

Toropov N.N.

2nd Category Legal Counsel,
Gazprom Transgaz Saratov, LLC
E-mail: toropov-nn@utg.gazprom.ru

Abstract. In 2014, significant changes were made to the civil defense legislation which require Gazprom Group companies operating gas trunk lines, gas distributing plants, and gas compressor stations to create and maintain local emergency notification systems (LNS) in a state of immediate readiness. The objective of this study is to analyze the current legislation and the peculiarities of practical application of the LNS-related rules. The subject of the study is the social relations that arise in the course of inspections by the Ministry of Emergency Situations of Russia and the issuance of improvement notices to gas transmission organizations. The author reviews some controversial issues related to the persistent negative judicial practice in commercial courts and general jurisdiction courts for subsidiaries of Gazprom PJSC. The civil defense legislation of the CIS countries (the Republic of Belarus and Kazakhstan) is systematically reviewed. This article proposes amendments to the current legislation that would specify certain features establishing LNSs at class I and II HPFs.

Keywords: energy law, local notification systems, gas trunk lines, gas distributing plants, gas compressor stations.

For citation: Toropov N.N. Legal Regulation of Emergency Notification System Creation at Gas Transmission Facilities. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 61–68. DOI: 10.61525/S231243500031373-8

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЗДАНИЯ СИСТЕМ ОПОВЕЩЕНИЯ О ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТИРОВКИ ГАЗА

Торопов Н.Н.

Юрисконсульт 2-й категории,
ООО “Газпром трансгаз Саратов”
E-mail: toropov-nn@utg.gazprom.ru

Аннотация. В 2014 г. были внесены существенные изменения в законодательство о гражданской обороне, согласно которым компании Группы Газпром, эксплуатирующие магистральные газопроводы, газораспределительные станции, компрессорные станции, обязаны создавать и поддерживать в постоянной готовности локальные системы оповещения (далее — ЛСО) о чрезвычайных ситуациях. Целью исследования является анализ действующего

законодательства, а также особенностей практического применения норм, касающихся создания ЛСО. Предмет исследования — общественные отношения, возникающие при проведении проверок МЧС России и вынесении предписаний в отношении газотранспортных организаций. Автором рассматриваются некоторые спорные вопросы, связанные с устойчивой отрицательной судебной практикой в арбитражных судах и судах общей юрисдикции для дочерних обществ ПАО «Газпром». Системно рассматривается законодательство о гражданской обороне стран СНГ (республик Беларусь и Казахстан). В настоящей статье предлагается внесение изменений в действующее законодательство, конкретизирующих отдельные особенности создания ЛСО на опасных производственных объектах I и II классов опасности.

Ключевые слова: энергетическое право, локальные системы оповещения, магистральные газопроводы, газораспределительные станции, компрессорные станции.

Для цитирования: Торопов Н.Н. Правовое регулирование создания систем оповещения о чрезвычайных ситуациях на объектах транспортировки газа // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 61–68. DOI: 10.61525/S231243500031373-8

There are a significant number hazardous production facilities (hereinafter referred to as HPF) of different hazard classes located within the territory of the Russian Federation. At the same time, the current legislation, taking into account the amendments that were implemented in 2014, continues to be augmented with new requirements for owners of class I and II HPFs in the field of civil defense [1]. In light of these developments, organizations operating class I and II HPFs are required to implement local public notification systems (hereinafter referred to as LNS). This places Gazprom Group companies engaged in gas transmission in a challenging position, as they face various negative consequences, including the issuance of improvement notices by supervisory authorities, intensified oversight of HPF operations, and substantial expenditures for the creation of LNSs.

Federal Law No. 404-FZ On Amendments to Article 14 of the Federal Law On Protection of Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies dated December 28, 2013, and the Federal Law On Civil Defense introduced the following amendments:

— Part 1 of Article 14 of Federal Law No. 68-FZ On Protection of Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies dated December 21, 1994, was supplemented with clause (d) as follows: “organizations are required: d) to create and maintain local emergency notification systems in immediate readiness as established by the laws of the Russian Federation”;

— Article 9 of Federal Law No. 28-FZ On Civil Defense dated February 12, 1998, was supplemented

by clause 3: “Organizations operating class I and II hazardous production facilities, the consequences of accidents at which may cause harm to the life and health of the population living or conducting business activities in the areas of impact of destructive factors outside their territories, shall create, reconstruct, and maintain local public notification systems in immediate readiness”.

Clause 1 of Article 10 of Federal Law No. 116-FZ On Industrial Safety of Hazardous Production Facilities dated July 21, 1997, also stipulates that in order to ensure readiness for accident localization and elimination actions, the organization operating a HPF is required to: create systems of observation, notification, communication, and support for the actions in case of an accident and maintain these systems in a usable state.

Federal Law No. 417-FZ On Amendments to the Federal Law On Civil Defense dated November 4, 2022, supplemented the Federal Law On Civil Defense with the following provisions and concepts:

— **public notification** is the act of communicating warnings and emergency information about the dangers arising in or as a consequence of military conflicts and in natural and man-made emergencies;

— **public notification systems** are a set of technical means designed to receive, process, and transmit in automated and/or automatic modes warnings and emergency information about the dangers arising in or as a consequence of military conflicts and in natural and man-made emergencies.

The legislation has now established a system of rules regulating the requirements for the creation of LNSs at HPFs. Nevertheless, regulatory contradic-

tions may arise in practice. According to Article 6 of Federal Law No. 28-FZ On Civil Defense dated February 12, 1998, the Government of the Russian Federation is authorized to determine the procedure for the creation, reconstruction, and maintenance of public notification systems in immediate readiness.

In pursuance of the above rule, the Government of the Russian Federation, by Resolution No. 769 On the Procedure for the Creation, Reconstruction, and Maintenance of Population Notification Systems in Immediate Readiness dated May 17, 2023, approved the Rules for the Creation, Reconstruction, and Maintenance of Population Notification Systems in Immediate Readiness. These Rules set out the types of public notification systems, the boundaries of areas in which they operate, and the measures for their creation and reconstruction. This Resolution of the Government of the Russian Federation came into force on September 1, 2023.

In accordance with the abovementioned Rules, the implementation of measures for the creation and reconstruction of regional and municipal public notification systems is divided into three stages:

- the first stage involves the development of an action plan, terms of reference, and design documentation for the creation or reconstruction of the public notification system;

- the second stage entails the installation of technical means of notification, the implementation of the work stipulated by the design documentation for the creation or reconstruction of the public notification system, and the connection of the public notification system to the networks of telecommunications operators. Additionally, the addresses of notification sending and interaction are entered into the database of technical means of the public notification system. The complex adjustment of the software of the public notification system and technical means of notification, including means of protection of information, is implemented. Training in the rules of operation of technical means of notification allowed for operation is arranged for on-duty (duty and dispatch) and technical personnel of civil defense bodies and day-to-day management bodies of the unified state system of emergency prevention and elimination;

- the third stage involves testing and commissioning of the public notification system.

It should be noted that organizations operating class I and II HPFs should independently determine

the list of measures to meet the established requirements. In our opinion, it is impossible to fulfill the LNS requirements set forth by law in the near term. This is due to challenges associated with identifying suitable design organizations and the necessity to incur financial costs, which can reach tens of millions of rubles. Moreover, the entity's intention to take action in the future is insufficient to guarantee the effective enforcement of recently issued regulations.

In accordance with clause 4.2 of GOST R22.7.05-2022, the primary objective of LNSs is to disseminate notification alerts and emergency information to the following groups:

- management staff and personnel of the organization operating the facility;

- the facility's emergency rescue teams, including specialized ones (if any);

- the unified duty dispatch service of the Ministry of Defense within the boundaries of the LNS coverage area;

- managers and duty services of organizations and enterprises located in the territory of the facility within the LNS coverage area;

- people located within the boundaries of the LNS coverage area [2].

In accordance with clause 4.3 of GOST R22.7.05-2022, the boundaries of the LNS coverage area are the boundaries of the territory (areas) affected by destructive factors resulting from accidents at class I and II HPFs [2].

Section 2.2 of the Methodological Recommendations for Maintaining Public Notification Systems in a State of Immediate Readiness, approved by minutes No. 1 of the meeting of the working group of the Government Commission for the Prevention and Elimination of Emergency Situations and Fire Safety engaged in coordinating the creation and maintenance of public notification systems in immediate readiness dated December 20, 2023, sets forth conditions on the number of people living or conducting business activities within the boundaries of LNS coverage areas. This information derived from industrial safety declarations of HPFs and potentially hazardous facilities, as well as information from design documentation of HPFs and comprehensive LNS readiness inspection reports [3].

In determining the necessity of creating LNSs at class I and II HPFs, gas transmission organizations should be guided by the facility's industrial safety

declaration. However, upon review of the declarations, it is not uncommon to find information indicating that the linear portion of the gas trunk line is situated on agricultural land, at intersections with highways, and in the event of destructive factors (fire, explosion, etc.), fatalities among the population are possible [3].

It is important to consider that HPSs may have a considerable length, and that a part of the facility may be situated in hardly passable and deserted areas (forests, swamps, mountainous terrain). Consequently, the issue of criteria for the necessity of creating LNSs in specific locations along long-distance gas trunk lines is not addressed in the context of LNS creation [4].

Another important requirement for LNSs at hazard class I and II HPSs is capacity to interface with the existing notification systems at the regional and municipal levels.

The requirements for interfacing are also set forth in clause 5 of Annex 1 to Order No. 578/365 On Approval of the Public Notification System Regulation dated July 31, 20206 of the Ministry of Emergency Situations of Russia and the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation, which states that all public notification systems should be programmatically and technically interfaced. Clause 19 of the Regulation states that “the automatic mode of operation is the primary mode for local notification systems, while the operation of these notification systems in the automated mode is permitted” [5].

Clause 4.7 of GOST R22.7.05-2022 requires LNSs to ensure the activation (launch) of terminal means of notification within the boundaries of the LNS coverage area in the event of the receipt of information [6].

GOST R 42.3.01-2021 has the following terms:

— **terminal means of notification** — special technical devices that transmit notification alerts and/or emergency information directly to a person in audible and/or audiovisual format perceptible by ears and/or eyes, as well as through vibration (clause 3.13);

— **mobile means of notification** — auxiliary or backup technical means that are permanently installed on a mobile unit, designed to attract the attention of the population with the subsequent transmission of notification alerts and/or emergency information (clause 3.10);

— **portable means of notification** — auxiliary special technical means designed to attract the attention of the population with the subsequent transmission of notification alerts and/or emergency information, which are adapted for operation when carried (clause 3.12).

It is therefore evident that mobile and portable means of notification are not terminal means of notification, but rather are auxiliary additional technical means of public notification.

We believe that the level of hazard associated with HPFs is determined by a combination of hazardous production factors related to the pumping process and hazardous properties of the pumped medium. The following are indicative of accidents and damage to gas trunk lines: noise when gas escapes through damaged sections of the gas trunk line, yellowed grass in the vicinity of leaks, brown spots on snow, open fires in the protection zone of the gas trunk line, bubbles or bubbling in waterlogged/water-flooded areas. Emergency situations on highways include vehicle derailment, traffic accidents, vehicle fires, leakage of flammable and poisonous transported liquids, and damage to highway elements.

In such circumstances, when destructive factors occur at class I and II HPFs, the actual presence and operation of the notification system is rendered ineffective when people are in the zone of reach and visibility of adverse consequences. It is our opinion that it is impossible to ignore the signs of accidents, which can alert of an emergency situation at a hazardous facility. This means that the practical implementation of LNSs at class I and II HPFs involves fulfilling the primary tasks of notifying the population in the event of military conflicts, natural disasters, and so on. This represents the minimum expediency of application in case of accidents at gas truck lines, gas compressor stations, or gas distributing plants.

The analysis of the judicial practice of Gazprom PJSC’s subsidiaries in cases related to the installation of LNSs at class I and II HPFs reveals that the territorial bodies of the Ministry of Emergency Situations of Russia have repeatedly directed Gazprom PJSC’s subsidiaries (Gazprom Transgaz Tomsk LLC, Gazprom Transgaz Yekaterinburg LLC, Gazprom Transgaz Chaikovsky LLC, Gazprom UGS LLC) to install LNSs at HPFs that have been in operation for an extended period. In particular, Gazprom transgaz Tomsk LLC initiated legal proceedings to challenge the validity of the improvement notices issued to it.

All courts, including the Supreme Court of the Russian Federation, rejected the subsidiary's claims and upheld the validity and legality of the issued improvement notices [7].

In light of the aforementioned, it is clear that there is currently a stable judicial practice in place, according to which the instructions issued by the Ministry of Emergency Situations of Russia (its departments and territorial bodies) and the Federal Service for Environmental, Technological and Nuclear Oversight of Russia for organizations operating class I and II hazardous production facilities, the consequences of accidents at which may cause harm to the life and health of the population living or conducting business activities in the areas affected by destructive factors outside their territories, to create (reconstruct) and maintain local notification systems in immediate readiness, are to be regarded as valid. At the same time, when examining a case to establish the boundaries of the territory (areas) affected by destructive factors resulting from accidents at class I and II HPFs, courts rely on HPFs' industrial safety declarations and, referring to the civil defense laws, uphold the legality of the LNS creation requirement [8].

An analysis of the legislation of the CIS countries (the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan) reveals a number of similarities and common challenges in the context of mandatory implementation of LNSs taking into account certain peculiarities.

Accordingly, the Republic of Belarus has Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 1118 On Approval of the Regulation on the System of Notification of the Population, Management Bodies and Forces of the State System of Prevention and Elimination of Emergencies and Civil Defense dated November 28, 2014. In accordance with this normative act, a public notification system is also implemented at the republican (federal) level. Additionally, the concept of a unit-level notification system is introduced. In order to disseminate information to the population residing in areas not covered by notification systems (sparsely populated areas, horticultural associations, etc.), vehicles equipped with alert loudspeakers may be used. The procedure for the use of these vehicles is determined by the local executive and administrative bodies. The financing of measures to create, improve, and maintain notification systems in immediate readiness, as well as the provision of material and technical support for notification systems of all levels, is carried

out at the expense of the republican and/or local budgets, notification system entities, and other sources in accordance with the laws [9].

In his scientific paper, *Emergency Alert Systems*, A.V. Polulekh arrives at the following conclusion regarding the practice of using notification systems in the Republic of Belarus: the probability of using TV and radio receivers on the frequencies of state channels at a particular moment in time does not exceed 5–10% of the population to be notified, despite the fact that radio and TV channels can be used to bring the notification signal to 98% of the population. The most effective means of notifying and informing the population is the Internet. A review of social media feedback indicates that at least 70% of the population is aware of notifications. However, this does not apply to all demographic groups. Older individuals, for instance, may not use the Internet as frequently as younger people and may therefore be less likely to receive notifications about potential emergencies. The author's analysis indicates that none of the existing technical means of public notification in emergencies is universally effective. The effectiveness of these means is determined by targeting and speed, which depend on a number of factors: territoriality, time of day, category of population, weather conditions, and preparedness to perceive information [10].

In the Republic of Kazakhstan, the Rules of Organization of Civil Defense Notification Systems and Systems of Notification of the Population, State Bodies in Case of Emergencies in Peacetime and Wartime, approved by Order of the Minister of Emergency Situations of the Republic of Kazakhstan No. 945 dated December 26, 2014, stipulate that the public notification system also operates at the republican level. LNSs are responsible for the delivery of notification alerts and information to the population falling within the estimated area of emergency situations. The boundaries of the LNS coverage area are determined during the development of the specification for creation (reconstruction): HPFs are determined in accordance with the areas of main destructive factors (assessment of the area of main destructive factors under different scenarios of accidents and incidents), as defined by the Rules for the Development of Industrial Safety Declarations of Hazardous Production Facilities approved by Order of the Minister of Investment and Development of the Republic of Kazakhstan No. 341 dated December 30, 2014 [11].

The preceding analysis leads to the conclusion that the adoption of requirements governing the implementation of notification systems in the CIS countries occurred concurrently. At the same time, regulatory control in these countries directly affects the interests of organizations operating HPFs. Nevertheless, the Republic of Belarus is the only country in the region where it is possible to create LNSs using regional or federal budgets, as well as by participating in subsidized programs [12].

Consequently, by operation of law, gas transmission organizations operating class I and II HPFs are required to comply with the current legal requirements pertaining to the creation of LNSs. The necessity to create and reconstruct LNSs is regulated not only by the legislation on civil defense, protection of population and territories from natural and man-made emergencies, but also by the legislation on industrial safety. All available normative acts governing LNSs require organizations operating class I and II HPFs not only to create, reconstruct, and maintain LNSs in immediate readiness, but also to ensure the software and hardware interfacing of LNSs with municipal and regional notification systems.

In turn, the absence of LNSs is subject to administrative liability under Articles 19.5, 20.6, and 20.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, with a maximum fine of up to two hundred thousand rubles.

A stable judicial practice, particularly with regard to subsidiaries of Gazprom PJSC, indicates that courts have reached the conclusion that there is an obligation to create LNSs at hazard class I and II facilities.

The legislator does not provide guidance on the implementation of notification systems at linear facilities of considerable length. Additionally, the peculiarities of the terrain, climatic conditions, and the remoteness of settlements from each other are not taken into account. The linear part of HPFs may include technological sites and units that do not require constant or rotational maintenance and the presence of personnel [4].

The author believes that gas transmission organizations should independently consider the necessity of establishing LNSs when they operate hazard class I and II linear facilities.

Based on the above, we propose the following changes to the current legislation.

1. To supplement Article 14 of Federal Law No. 68-FZ On Protection of the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies dated December 21, 1994, Article 9 of Federal Law No. 28-FZ On Civil Defense dated February 12, 1998, and Article 10 of Federal Law No. 116-FZ On Industrial Safety of Hazardous Production Facilities dated July 21, 1997, with the following clause:

“For organizations operating hazardous production facilities of class I and II, no local notification system is required in the absence of a hazardous substance in the quantities specified in Annex 2 to Federal Law No. 116-FZ dated July 21, 1997, or information in industrial safety declarations on the number of victims in the event of an accident among the population and personnel of outside organizations”.

2. To supplement the Public Notification System Regulations approved by Order No. 578/365 of the Ministry of Emergency Situations of Russia and the Ministry for Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation dated July 31, 2020, and GOST R 42.3.01-2021 with the following clause: “Vehicles equipped with alerting loudspeakers may be used as a priority to alert the population living in territories not covered by public notification systems (sparsely populated areas, horticultural associations, etc.)”.

3. To amend clause 3 of Article 9 of Federal Law No. 28-FZ On Civil Defense dated February 12, 1998, to read as follows:

“3. Organizations engaged in the operation of hazardous production facilities and hydraulic structures of hazard class I and II, with the exception of the linear part of the major pipeline transport, especially radiation- and nuclear-hazardous productions and facilities, which have been assigned a category of potential radiation hazard, the consequences of accidents at which may cause harm to the life and health of the population living in the areas affected by destructive factors outside their territories, shall create and maintain local notification systems in immediate readiness, notify and inform the population in the area of organization’s responsibility as determined by the project documentation or the organization’s standard”.

REFERENCES

1. What are the hazard classes of industrial facilities // Attec Group of Companies website. URL: <https://www.centrattek.ru/info/OPO-kanegoriya-i-reestr/>

2. National Standard of the Russian Federation GOST R 22.7.05-2022, Safety in Emergencies. Local Warning Systems in the Areas of Placement of Potentially Hazardous Facilities. General Requirements // Consultant Reference Legal System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=29521#wZxKd6UUXFDde5mU4>.
3. Methodical Recommendations for the Creation and Reconstruction of Public Notification Systems // Garant Reference Legal System. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400465761/>
4. Leonova A.N., Leonova Ye.M. Creation of Local Notification Systems Taking into Account the Peculiarities of the Arctic Zone // Stolypin's Bulletin. 2023. No. 3. P. 3–5.
5. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/7/2020 No. 50-AD20-4 // Consultant Reference Legal System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=652148#1gKad6UAID0OGK07>
6. National Standard of the Russian Federation GOST R 22.7.05-2022, Safety in Emergencies. Local Warning Systems in the Areas of Placement of Potentially Hazardous Facilities. General Requirements // Consultant Reference Legal System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=29521#wZxKd6UUXFDde5mU4>
7. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 304-ES21-1802 of March 23, 2021, in case No. A46-21804/2019 // Consultant Reference Legal System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=659982#vtmUd6UvSks1HqOD>; Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 304-ЭС21-11720 of June 25, 2021 in case No. A46-5274/2020 // Consultant Reference Legal System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=671800#KMmVd6Uspov4AgIM1>; Rules defining criteria for classifying hazardous production facilities as declared, and Rules for the development of a declaration of industrial safety of a hazardous production facility, approved by Order of the Minister for Investment and Development of the Republic of Kazakhstan dated December 30, 2014 No. 341 // Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1400010257>; Rules for the organization of the civil protection notification system and public notification, state bodies in emergency situations in peacetime and wartime, approved by Order of the Minister of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan dated 12.26.2014 No. 945 // Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010151>; Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.23.2021 No. 304-ES21-1802 in case No. A46-21804/2019 // Consultant Reference Legal System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=659982#vtmUd6UvSks1HqOD>; Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.25.2021 No. 304-ES21-11720 in case No. A46-5274/2020 // Consultant Reference Legal System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=671800#KMmVd6Uspov4AgIM1>
8. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. 18-AD16-147 of October 3, 2016 // Consultant Reference Legal System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=480555#ZraZd6U4okrvUkLH1>; Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. 50-AD20-6 of December 16, 2020 // Consultant Reference Legal System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=651856#ro0ad6UCOsdyE6nj1>; Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. 50-AD20-4 of December 7, 2020 // Consultant Reference Legal System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=652148#1gKad6UAID0OGK07>
9. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 1118 On Approval of the Regulation on the System of Notification of the Population, Management Bodies and Forces of the State System of Prevention and Elimination of Emergencies and Civil Defense dated November 28, 2014 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21401118>
10. Polulekh A.V. Emergency Alert Systems // Electronic Archive of Scientific Publications of BSUIR Employees and Lecturers. URL: <https://libeldoc.bsuir.by/handle/123456789/43583>
11. Rules of Organization of Civil Defense Notification Systems and Systems of Notification of the Population, State Bodies in Case of Emergencies in Peacetime and Wartime approved by Order of the Minister of Emergency Situations of the Republic of Kazakhstan No. 945 dated December 26, 2014 // Reference Legal System of Normative Legal Acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010151>; Rules Defining the Criteria for Attributing Hazardous Production Facilities to the Declarable Ones and Rules for the Development of Industrial Safety Declarations of Hazardous Production Facilities approved by Order of the Minister of Investment and Development of the Republic of Kazakhstan No. 341 dated December 30, 2014 // Legal Reference System of Normative Legal Acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1400010257>
12. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 1118 On Approval of the Regulation on the System of Notification of the Population, Management Bodies and Forces of the State System of Prevention and Elimination of Emergencies and Civil Defense dated November 28, 2014 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21401118>

Authors' information:**Nikolay N. Toropov**2nd Category Legal Counsel,

Gazprom Transgaz Saratov, LLC

Сведения об авторе:**Торопов Николай Николаевич**

Юрисконсульт 2-й категории,

ООО «Газпром трансгаз Саратов»

Received / Поступила в редакцию 14.03.2024

Revised / Поступила после рецензирования и доработки 15.04.2024

Accepted / Принята к публикации 20.05.2024

DOI: 10.61525/S231243500031374-9

Original Article / Оригинальная статья

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF OPERATION OF HAZARDOUS PRODUCTION FACILITIES IN THE ABSENCE OF REGISTERED RIGHTS TO LAND PLOTS

Sviridova D.A.

Legal Counsel,
Regulatory Expertise Department,
Gazprom transgaz Tomsk, LLC
E-mail: swiridowadarya@yandex.ru

Abstract. This article examines the primary challenges associated with the legal regulation of placement of energy facilities on land and land plots owned by the state or municipality without providing land plots and establishing easements or public easements. This paper considers the legal institution in question as a legal regime for permitting the use of lands and land plots by persons subject to the limitation of the rights of the owner. It notes that the possibility of its use implies a mixed legal nature, since the expression of the user's will is supported by the need to issue an act by an authorized body (permit). The author of this article concludes that the issue of charging fees for the use of land and land plots should be legislatively regulated in accordance with Chapter V.6 of the Land Code of the Russian Federation. This rule would ensure uniformity in the regulation of the legal relations under consideration.

Keywords: energy law, legal regime of energy facilities, land plot, easement, public easement.

For citation: Sviridova D.A. Problems of Legal Regulation of Operation of Hazardous Production Facilities in the Absence of Registered Rights to Land Plots. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 69–73. DOI: 10.61525/S231243500031374-9

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ ОПАСНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В ОТСУТСТВИЕ ОФОРМЛЕННОГО ПРАВА НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

Свиридова Д.А.

Юрисконсульт,
отдел нормативно-правовой экспертизы
ООО “Газпром трансгаз Томск”
E-mail: swiridowadarya@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье исследованы основные проблемы правового регулирования размещения энергетических объектов на землях и земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитута, публичного сервитута. В данной работе названный правовой институт рассматривается в качестве правового режима дозволения использования лицами

земель и земельных участков при условии ограничения прав собственника, при этом обращается внимание на то, что возможность его использования подразумевает смешанную правовую природу, поскольку изъявление воли пользователя подкрепляется необходимостью выдачи акта уполномоченным органом (разрешения). Автор статьи приходит к выводу о необходимости законодательного урегулирования вопроса о взимании платы за использование земель и земельных участков в соответствии с гл. V.6 Земельного кодекса Российской Федерации. Данная норма позволила бы достичь единообразия при регулировании рассматриваемых правоотношений.

Ключевые слова: энергетическое право, правовой режим энергетических объектов, земельный участок, сервитут, публичный сервитут.

Для цитирования: Свиридова Д.А. Проблемы правового регулирования эксплуатации опасных производственных объектов в отсутствие оформленного права на земельные участки // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 69–73. DOI: 10.61525/S231243500031374-9

In general, the use of land and land plots owned by the state or municipality is associated with their provision on the right of ownership, lease, gratuitous right-of-use or by establishing easements or public easements.

On March 1, 2015, Federal Law No. 171-FZ on Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation dated June 23, 2014, introduced Chapter V.6, Use of State or Municipally Owned Land or Land Plots without the Provision of Land Plots and the Establishment of Easements and Public Easements, into the Land Code of the Russian Federation. This marks the formation of a legal institution of the same name in the Russian land legislation.

In accordance with Article 39.33 of the Land Code of the Russian Federation, state or municipally owned land or land plots, with the exception of land plots granted to citizens or legal entities, may be used without the provision of land plots and the establishment of easements and public easements in ten specified instances, including, but not limited to, engineering surveys, the major or current repair of a linear facility, the construction of non-permanent buildings and structures (including fences, cabins, sheds), the storage of construction and other materials and equipment to support the construction and reconstruction of linear facilities of federal, regional, or local significance. Such facilities include, in particular, oil and gas pipelines, which are classified as hazardous production facilities in accordance with Federal Law No. 116-FZ on Industrial Safety of Hazardous Production Facilities dated July 21, 1997.

In order to establish rights to land and land plots for the purpose of operating the aforementioned facilities, energy companies predominantly use the

institution of public easement established by the state executive authority. This is because organizations operating such facilities, in the course of their business activities, satisfy public interests of the population interested, among other things, in the gasification of their places of residence.

The use of public land and land plots without provision inherently constitutes a legal title-less use. While these legal relations are legal, they do not imply that the user has a statutory title.

In identifying the legal nature of the legal relations under consideration, the Constitutional Court of the Russian Federation noted that the federal legislator, in consideration of the existing diversity of types of structures and their functional and technical characteristics, provided for the possibility of placing a number of structures without granting publicly owned land plots and establishing easements, i.e. without registering the rights of owners of such structures to these land plots. The Constitutional Court of the Russian Federation has determined that this legal regulation is intended to facilitate the prompt (without the need for registration of title documents for land) placement of certain facilities, taking into account their special characteristics and purpose [1].

The types of facilities that can be placed on state or municipally owned land or land plots without the provision of land plots and the establishment of easements are outlined in the similarly-named List, which was approved by Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1300 of December 3, 2014. This List is closed and contains thirty-four categories of facilities, including gas pipelines and other pipelines with pressure up to 1.2 MPa, which placement does not require a construction permit [2].

The legal institution under consideration is perceived by the author of the article to be highly ambiguous. This is likely the reason it is not reflected in the rules of land legislation on the limited right of use of other people's land plots, lease, and gratuitous right to use land plots (Chapter IV of the Land Code of the Russian Federation), nor in the rules on the grounds for the emergence of rights to land plots provided from state or municipally owned land (Article 39.1 of the Land Code of the Russian Federation). It is important to highlight that the matters under discussion are precisely the type of legal research that should be conducted [3].

Thus, although the right to land or land plots is acquired, it is not explicitly named as a right in the Land Code of the Russian Federation. This cannot but raise questions both among theoretical legal scholars and in law enforcement practice.

According to clause 2 of Article 39.33 of the Land Code of the Russian Federation, the ground for the use of such land or land plots is the permission of an authorized body.

Despite the Rules for Permissions to Use Land or Land Plots Owned by the State or Municipality approved by Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1244 dated November 27, 2014, the author of this article considers it necessary to draw attention to the fact that the terms of the considered chapter of the Land Code of the Russian Federation has yet to be recognized as a comprehensive regulatory framework for the use of land and land plots without provision. This is due to the absence of essential information, including details on the compensatory nature of such use, categories of land on which facilities are placed or planned to be placed, and types of permitted use of land plots [4].

In accordance with subclause 7 of clause 1 of Article 1 of the Land Code, one of the principles on which this Code and other acts of land legislation issued in accordance with it are based is the principle of fee-based use of land. This principle states that land may be used in any way for a fee, except as established by the Federal Laws and laws of constituent entities of the Russian Federation.

In accordance with the clarifications of the Ministry for Economic Development of Russia of 2016, land or land plots that are in state or municipal ownership shall be used without the provision of land plots and the establishment of easements in all cases stipulated by Article 39.33 of the Land Code of the Russian Federation free of charge [5].

The Supreme Court of the Russian Federation opposing stance on this matter, reasonably stating that "a contract for the placement of a relevant facility on state or municipal land and a land plot lease contract have a similar legal nature, given that both are related to the use of land. Consequently, the use of land under a contract for the placement of a facility without the provision of a land plot should be subject to the same legal regulation in the matter of payment as that stipulated by Article 65 of the Land Code of the Russian Federation, which states that one of the forms of payment for the use of land is rent. Otherwise, the parties to these legal relations would be in an unequal position. Furthermore, the placement of stalls is one of the uses of land plots, and as such, is subject to a fee. This is because the federal laws or laws of constituent entities of the Russian Federation do not stipulate otherwise" [6].

In contrast to this point of view, there is court practice indicating that the use of land or land plots for the purposes in question is free of charge. The rationale is that the obligation to make payments arises when land plots are used under any right, while the use of land plots for the purpose of placing facilities listed in Article 39.33 of the Land Code of the Russian Federation does not give rise to proprietary rights subject to state registration. A permit for the use of land plots is not a document of title to a land plot. It authorizes only limited use and possession of land plots. A permit allows an individual to use a land plot without the need for a decision to provide it from state authorities or local self-government bodies or relevant contracts to be concluded with these bodies [7].

In order to partially settle the controversial issue of the compensatory nature of the use of land and land plots without provision, "other payment stipulated by the Land Code of the Russian Federation" as a form of payment for the use of land, in addition to land tax and rent, was added to clause 1 of Article 65 of the Land Code of the Russian Federation in 2021. However, the rules of the Land Code of the Russian Federation do not set forth separately the payment for the use of land in cases established by Chapter V.6 of the Land Code of the Russian Federation. Among other things, there appears to be a contradiction between the introduced rule and subclause 7 of clause 1 of Article 1 of the Land Code of the Russian Federation. This subclause states that federal laws or laws of constituent entities of the Russian Federation establish exceptions when the use of land is free of charge.

The courts have taken a controversial stance on the absence of rules in regional regulatory legal acts regarding the gratuitousness of land use and the procedure for calculating and paying fees for the use of land plots. Accordingly, the absence in a regulatory act of a constituent entity of the Russian Federation of a condition on the paid placement of facilities on land plots without their provision, according to the judicial body, does not establish free placement. This circumstance should be explicitly stated in the relevant regulatory act, which follows from the content of the general principle of paid land use [8].

In light of the above, the author of this article believes that it is necessary to introduce legislative regulation of the issue of charging fees for the use of land and land plots in accordance with Chapter V.6 of the Land Code of the Russian Federation. This rule would ensure uniformity in the regulation of the legal relations in question.

In addition to the above, we should not forget about clause 1.1 of Article 39.20 of the Land Code of the Russian Federation that establishes a prohibition on providing state or municipally owned land plots for ownership or lease to owners and other right holders of structures on such land plots, if these structures may be placed on land plots under easement, public easement, or in accordance with Article 39.36 of the Land Code of the Russian Federation.

This approach raises questions about the logic of the legislator regarding the prioritization of the use of land and land plots in accordance with Chapter V.6 of the Land Code of the Russian Federation over the provision of land plots under ownership or lease rights seems unclear. Furthermore, the Ministry for Economic Development of the Russian Federation, in its letter, noted that the use of land without provision has a lower degree of legal protection of the right to use land plots than lease and proprietary rights. It is difficult to disagree with this conclusion, given that the legal nature of the structure under review is being questioned through the lens of the principles of proprietary rights.

Furthermore, there is a discrepancy between clauses 1 and 4 of Article 39.33 of the Land Code of the Russian Federation. Clause 1 exhaustively defines the purposes for which land or land plots may be used without provision, whereas clause 4, on the contrary, establishes a prohibition for those who have obtained a permit to construct or reconstruct construction projects, which, in the opinion of the author of this

article, may be necessary for the purpose of ensuring the safe operation of gas supply system facilities.

In summary, the author of this article believes that the described structure can still be considered convenient for organizations in the energy sector, including oil and gas supply companies. One of the reasons for this conclusion is the process of registering rights to land and land plots located under linear objects, which is time-consuming [9].

At the same time, the absence of sufficient legal regulation has prompted concerns and legal disputes regarding the application of this legal institution in law enforcement. The enhancements to land legislation outlined in this article can help address these challenges.

REFERENCES

1. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 722-O dated March 26, 2019, Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1629-O dated June 25, 2019, and Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1630-O dated June 25, 2019, Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 138-O dated January 28, 2021. URL: <https://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>
2. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1300 on Approval of the List of Types of Facilities Which Can be Located on State or Municipally Owned Land or Land Plots Without the Provision of Land Plots and the Establishment of Easements dated December 3, 2014 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 09.12.2014).
3. Korneyev A.L. Features of the Operation of Rules on the Use of Land (Land Plots) Without Provision // Moscow University Bulletin. Series 11: Law. 2022. No. 2; Ignatyeva I.A. The Use of Land and Land Plots with Electric Power Facilities: Law and Practice. Moscow: Prospect, 2019; Korablin A.F., Kosarukov Z.S., Miklashevskaya O.V., Sizov A.P., Chuprin M.S. Features of Documentary Support for the Procedure of Providing Land Plots from Land or Land Plots that are in State or Municipal Ownership (Taking into Account the Provisions of the Land Code of the Russian Federation, effective as of March 1, 2015) // Land Sciences. 2015. No. 1; Lipski S.A. Changes in the Rules Governing Land Plot Provision — A New Step in the Development of Land Legislation // Agrarian and Land Law. 2014. No. 7; Kuzmin R.R. Land Use Without Provision and Establishing Easements as a Fictitious Category. The Impact on Property Rights // Business and Law. 2022. No. 6. P. 53–61.
4. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1244 on Approval of the Rules for Granting Permission to Use State or Municipally Owned Land or Land Plots dated October 27, 2014 // Official Internet Portal of

- Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 01.12.2014).
5. Letter of the Ministry for Economic Development of Russia No. D23i-4886 on the Imposition of Charges for the Use of State or Municipally Owned Land Plots Without Provision and the Establishment of Easements in Cases Stipulated by Subclause 6 of Clause 1 of Article 39.33 of the Land Code of the Russian Federation dated October 14, 2016 // ConsultantPlus Reference Legal System.
 6. Appellate Decision No. 48-APG18–30 of the Judicial Chamber on Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 12, 2018 // ConsultantPlus Reference Legal System.
 7. Appellate Decision No. 9-APG18-13 of the Judicial Chamber on Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 14, 2018 // ConsultantPlus Reference Legal System.
 8. Decision of the St. Petersburg and Leningrad Region Commercial Court No. A56-24161/2021 dated July 19, 2021; Award of the Thirteenth Commercial Appellation Court No. 13AP-30006/202 dated December 28, 2021; Award of the North-Western District Commercial Court No. F07-4520/2022 dated April 28, 2022. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
 9. Ignatyeva I.A. The Use of Land and Land Plots with Electric Power Facilities: Law and Practice. Moscow: Prospect, 2019.

Authors' information:

Darya A. Sviridova
Legal Counsel,
Regulatory Expertise Department,
Gazprom transgaz Tomsk, LLC

Сведения об авторе:

Свиридова Дарья Алексеевна
Юрисконсульт,
отдел нормативно-правовой экспертизы
ООО «Газпром трансгаз Томск»

Received / Поступила в редакцию 15.03.2024
Revised / Поступила после рецензирования и доработки 20.05.2024
Accepted / Принята к публикации 10.06.2024

CONTRACTUAL REGULATION IN THE ENERGY SECTOR

DOI: 10.61525/S231243500031375-0

Original Article / Оригинальная статья

**PLACE OF A RES-BASED GENERATING FACILITY CONSTRUCTION
CONTRACT IN THE SYSTEM OF CIVIL LAW CONTRACTS****Pates A.S.**

Postgraduate Student,
Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development
of Energy Law and Modern Legal Science
E-mail: pas@vershina.energy

Abstract. In this article, the author has focused on the theoretical understanding of contractual instruments used to create renewable energy source (RES) based generating facilities. The purpose of the study is to find the legal peculiarities of the obligations aimed at the construction of these facilities against the background of a system of general and special contracts highlighted in the Russian civil law and energy law. To do this, the author has correlated the theoretical approaches that have developed in Russian civil jurisprudence and in the energy law science on the application of mixed and comprehensive contractual forms. As a result, the contract for the construction of RES-based generating facilities is proposed to be considered on two levels: as a single civil law agreement and as a set of related civil law transactions. In the first case, the contract generates a set of obligations aimed at the construction of the relevant facility, which subordinates the parties not only to the norms of civil law, but also to the requirements of the Russian energy laws. In the second case, several civil law contracts, including those of a mixed or comprehensive type, are aimed to achieve a common goal, the creation of a specific generating facility. In this case, the effect of civil and energy laws can be differentiated depending on the subject matter and content of the contract.

Keywords: energy law, private law relations, renewable energy sources (RES), contractual regulation, energy facility construction.

For citation: Pates A.S. Place of a RES-Based Generating Facility Construction Contract in the System of Civil Law Contracts. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 74–79. DOI: 10.61525/S231243500031375-0

**МЕСТО ДОГОВОРА НА СТРОИТЕЛЬСТВО
ГЕНЕРИРУЮЩИХ ОБЪЕКТОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ
НА ОСНОВЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ,
В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ****Патес А.С.**

Аспирант, АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права
и современной правовой науки имени В.А. Мусина”
E-mail: pas@vershina.energy

Аннотация. В представленной статье автор акцентировал внимание на теоретическом осмыслении договорных инструментов, используемых для создания генерирующих объектов, которые функционируют на основе возобновляемых источников энергии (далее — ВИЭ). Цель исследования заключается в поиске правовых особенностей обязательств, направленных на строительство данных объектов на фоне системы общих и специальных договоров, выделяемых в гражданском и энергетическом законодательстве Российской Федерации. Для этого автор соотнес теоретические подходы, сложившиеся в российской цивилистике и в науке энергетического права, по вопросам применения смешанных и комплексных договорных форм. В результате договор на строительство генерирующих объектов, функционирующих на основе ВИЭ, предлагается рассматривать в двух плоскостях: в качестве единого гражданско-правового соглашения и как совокупность смежных гражданско-правовых сделок. В первом случае договор порождает комплекс обязательств, направленных на строительство соответствующего объекта, что подчиняет стороны не только нормам гражданского законодательства, но и требованиям энергетического законодательства Российской Федерации. Во втором варианте несколько гражданско-правовых договоров, в том числе смешанного или комплексного типа, призваны достичь общую цель — создание определенного генерирующего объекта. В таком случае действие гражданского и энергетического законодательства может быть разграничено в зависимости от предмета и содержания договора.

Ключевые слова: энергетическое право, частно-правовые отношения, возобновляемые источники энергии (ВИЭ), договорное регулирование, строительство энергообъектов.

Для цитирования: Патес А.С. Место договора на строительство генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии, в системе гражданско-правовых договоров // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 74–79. DOI: 10.61525/S231243500031375-0

SYSTEM OF CONTRACTS THAT FACILITATE THE CIVIL COMMERCE OF RES-BASED FACILITIES

The Russian energy market is undergoing different institutional changes, caused, among other things, by the need for development and integration into a single energy RES-based generation system. If the use of the RES on the scale of the national energy system currently shows signs of fragmentation and is generally not widespread enough, then in some federal subjects the emphasis is on alternative energy, which allowed RES to play a significant part in the regional energy balance.

This circumstance is caused by numerous economic factors, to which political circumstances have been added over the past decade. Thus, the imposition of international sanctions on the Russian energy sector provoked the need to expand the R&D for renewable energy sources (RES), which is impossible without the use of effective contractual instruments designed to coordinate the will of a certain range of business entities and public law entities [1].

In Russian legal science, various typologies of contracts have developed that formalize binding legal relations in the use of RES. In particular, a number of researchers propose a whole system of contractual models depending on their subject matter [2]:

- 1) contracts mediating the construction of RES-based generating facilities;
- 2) contracts aimed at carrying out a complex of surveys, design work and passing an expert assessment of the generating facility construction project;
- 3) contracts providing technological connection of such generating facilities;
- 4) contracts aimed at generating facility operational dispatch management;
- 5) contracts regulating the generating facility operation and maintenance;
- 6) contracts by which the capacity of qualifying facilities is provided;
- 7) different contracts mediating the sale and purchase of electricity generated by generating facilities or generation attributes.

The above list demonstrates the appropriate gradation of business activity, the subject of which is

RES-based generating facilities [3]. Actually, in civil jurisprudence and in business jurisprudence, theoretical conceptualizations of contractual means as a certain type of entrepreneurial activity are often found [4], which, in turn, initially narrows the subject composition of these binding legal relations [5].

Meanwhile, this typologization is far from the only one among the scientific researches devoted to the contractual regulation of relations in the field under consideration. Thus, the subject composition of obligations arising on their basis should be recognized as a common criterion for differentiating contracts [6].

Because of this, it is customary to distinguish customers, design and contracting entities, grid operators, owners, customers, each of which is classified according to the type of market within which contractual relations are formed (wholesale or retail, contractual or operational, national, regional or zone markets).

For example, a RES-based generating facility construction contract always presumes the identification of a customer figure on one part and a contracting (design) entity on the other part. However, the complex subject matter of such a contract, justified by the technological instability of the object of contractual relations or its innovative nature in Russian conditions, implies the conclusion of trilateral and multi-lateral obligations in practice, formalized either by a single civil law transaction or a set of related contracts.

From this it can be concluded that the classical typology of civil law obligations, which has developed in civil jurisprudence according to the criterion of the number of parties, can be fully projected onto a contract mediating the RES-based generating facility construction.

However, the theoretical approaches formed in modern civil law to the diversity of transaction types, the subject of which are RES-based facilities, do not allow unambiguously qualifying the obligations arising in the general system of civil law contracts. A good example of this is the contract for the construction of generating facilities, regardless of the energy source on which it will operate.

LEGAL NATURE OF A RES-BASED GENERATING FACILITY CONSTRUCTION CONTRACT

The establishment of the legal nature of obligations aimed to organize the construction of generating facilities rests on the matrix structure of contracts that formalize these legal relations.

Thus, some authors believe that the obligation under consideration fully acts as a kind of construction contract and is based on the norms of Chapter 37 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter the “Russian Civil Code”) with moderate public law intervention [7].

On the contrary, researchers specializing in individual contractual models in energy industry emphasize the mixed type of contracts aimed at the construction of such facilities, since they simultaneously combine the features of both related contractual obligations and special transactions that are conducted exclusively in the energy industry [8]. Besides, the positions of the second group of scientists differ on the issue of the harmonious application of the norms of private and public law to these legal relations.

According to some authors, the generating facility construction contract is significantly influenced by energy, environmental and administrative law, which significantly reduces the autonomy of the will of the parties thereto [9]. Other researchers note the achievement of a balance between private and public interests in the construction of economically demanded generating facilities, which justifies state participation in stimulating investment projects aimed to increase the share of renewable energy sources (RES) [10].

However, the investment basis of the obligations aimed at the construction of the facilities under consideration involves the formation of several legal frameworks, among which the contractual framework can combine purely civil law means with administrative and financial law ones, if the project is supported by the participation of federal or regional budgets, and is also built on the mechanism of public — private partnership. Thus, the legal nature of such relations depends not only on the subject matter and parties involved in the obligations, but also on the existence of a public (state) interest.

In the legal and regulatory framework established in the Russian Federation, several approaches can be traced at once, interpreting the nature of obligations

in different ways, mediating the RES-based generating facility construction.

According to Article 21(1) of Federal Law of 2003 No. 35-FZ “On the Electric Power Industry”, the Russian Government is entrusted with the function of developing a legal order for the electric power industry facility construction, which includes not only funding terms, but also terms and conditions for the implementation of such construction projects. On February 1, 2024, the government rules for the qualification of RES-based generating facilities came into force [11]. They contain a set of requirements for such facilities to be recognized as qualified, which is an innovation of Russian energy laws.

The qualification of generating facilities was embodied into the provisions of Federal Law No. 35-FZ of 2003 “On the Electric Power Industry” in 2023 through a set of new norms [12], which in their entirety do not endow the owners of such facilities with an obvious legal obligation to undergo such a procedure, but encourage to do this with the purpose of the dissemination of special legal norms governing the operation of RES-based facilities. Thus, the laws do not contain special requirements for the subject matter of a generating facility construction contract, which is compensated by the conditions for recognizing such a generating facility as a qualified facility.

However, the entrepreneurial use of a generating facility depends on a number of benefits provided by the state. According to Article 32(2) of Federal Law of 2003 No. 35-FZ “On the Electric Power Industry”, the Federal Government may establish both an appropriate incentive mechanism and put forward requirements for the content of contracts used by business entities in the construction, reconstruction, modernization and repair of such facilities.

The noted legal peculiarities justify the control of the Russian Government over the creation of RES-based generating facilities. For example, a list of federal subjects is compiled annually in which the installation or operation of generating facilities using industrial waste is planned [13].

Besides, the facilities under consideration must meet specifications within the framework of the use of generated electricity, which is also subject to regulation by legal acts of the Russian Government [14]. The parties having obligations for the construction of such facilities cannot ignore such technical standards, since the corresponding legal obligation arises regardless of the content of the contract and the purposes

of subsequent operation of the generating facility being created.

Thus, the analyzed subordinate regulations of the Russian Government and the norms of Federal Law No. 35-FZ of 2003 “On the Electric Power Industry” are special in relation to civil law norms governing contractual obligations. Their application is based on a mixed type of RES-based generating facility construction contract, which does not contradict the normative model of Article 421(3) of the Russian Civil Code.

RELATIONSHIP BETWEEN A RES-BASED CONSTRUCTION CONTRACT AND RELATED CONTRACTUAL MODELS

The common legal nature of the contract under consideration and a construction contract as well as other types of contractual obligations is implied by the disposition of Article 740(1) of the Russian Civil Code, in which the subject matter may be both the construction of a certain facility and a number of other construction works. Article 740(2) of the Russian Civil Code lists in a variable form such actions as reconstruction, installation, commissioning, as well as any types of work that are inextricably linked to the construction facility. In comparative terms, the subject matter of the contract may also provide for the subsequent operation of the constructed facility on the terms and conditions agreed by the parties.

Thus, the customer who ordered the RES-based generating facility construction is entitled to make do with the civil model of a construction contract, and to arrange other types of work, services or the purchase of necessary structural elements with another contract (including a supply contract).

In the named system of contractual instruments ensuring the generating facility creation or reconstruction, the civil law principle of freedom of contract is traced, which, despite the specific subject matter to the requirements of energy laws, provides the interested party with a certain choice of both counterparties and contractual means of achieving an economic result.

Moreover, the customer’s right to issue a set of works aimed at the RES-based generating facility construction in the form of a set of contractual obligations practically leads to the conclusion of a mixed contract that combines the terms and conditions of a construction contract, design and survey work,

supply and paid services. Given the level of development of RES in the Russian Federation, business entities are forced to independently order R&D and technological work, which can become part of a common combined obligation.

In civilistic publications, the category of a comprehensive contract based on achieving a common goal is often differentiated [15]. Within the framework of such a model, the customer who ordered a generating facility can conclude several contracts with one or more contractors at once, provided that they comply with uniform requirements (for example, government conditions for the qualification of a future facility), including the obligation to achieve such a condition of the facility that would meet specifications.

The differentiation of contractual instruments used to form an obligation for a generating facility construction, as a rule, has a practical purpose. Contractual relations are subject to both the terms and conditions agreed upon by the parties and to the requirements of laws, which differ depending on the subject matter of obligations. Therefore, the simultaneous combination in one contract of several contractual models provided for by the Russian Civil Code imposes a set of diverse responsibilities on the parties involved in construction.

Thus, the RES-based construction contract represents a dichotomy of contractual regulatory instruments:

- 1) a single civil law agreement formalizing a set of obligations of the parties to create, reconstruct or modify an appropriate facility subject to the simultaneous operation of civil and energy laws; and
- 2) a set of related civil law agreements united for the purpose of creating a specific generating facility with a distinction between the operation of civil law and energy law.

REFERENCES

1. Sedova J.I. The Impact of Sanctions Regimes on Electricity Generation in Russia: Legal Aspects // Perm Law Almanac. 2023. No. 6. P. 157–170; Akbashev I.I. Mechanisms of Regulation of Green Energy in Russia // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2022. No. S3.1 (69). P. 79–86.
2. Kologermanskaya E.M. Peculiarities of Contractual Regulation of Relations in the Use of Renewable Energy Sources // Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Bulletin. 2020. No. 3 (67). P. 174; Lyapin N.V. On the Issue of the Challenges of Regulation of Renewable Energy Sources in the Russian Federation // Issues of Sustainable Social Development. 2022. No. 8. P. 466.
3. Dzyuba A.P. Classification of Contractual Mechanisms Used in the Process of Economic Relations for the Creation and Use of Renewable Energy Sources // Economics, Management and Law Bulletin. 2023. Vol. 16. No. 3. P. 17–27.
4. Romanova V.V. Construction of Energy Facilities as a Type of Entrepreneurial Activity: Peculiarities of Legal Regulation // Legal World. 2012. No. 5. P. 54–55.
5. Kamyshansky V.P., Ksiropoulos S.G. Civil Law Forms of State Support for Energy Supply Using Renewable Energy Sources // Modern Law. 2013. No. 10. P. 79–82; Marchenko K.S. Renewable Energy Sources as an Object of Civil Rights // In the Collection: Current Issues of Law and Law Enforcement at the Present Stage. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Novorossiysk Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Novorossiysk, 2012. P. 466–468.
6. Ksiropoulos S.G. Conclusion of Purchase Agreements for the Energy Obtained from Renewable Sources in the Wholesale Electricity Market // The Power of Law. 2011. No. 1 (5). P. 155–162; Chirishian A.R. Peculiarities of the Energy Service Agreement Conclusion and Performance // The Power of Law. 2019. No. 2 (38). P. 198–204.
7. Kliman Yu.A. New Models of Construction Contract in Energy Industry // Current Trends in the Development of Civil Law and Civil Procedure Law and the Practice of Their Application. 2016. No. 3. P. 148–159; Maksimkina Yu.A. The Balance Between Public and Private Interests in the Energy Facility Construction: Theory and Practice of Legal Regulation // Bulletin of Modern Research. 2018. No. 11.8 (26). P. 61–64.
8. Romanova V.V. The Legal Nature of Energy Facility Construction and Modernization Relations // Legal Issues of Construction. 2012. No. 1. P. 10–12; Gorodov O.A. On the System of Contracts Concluded in Certain Energy Industries // Law. 2015. No. 1. P. 38–44.
9. Simvolokov O.A. Mandatory Obligation to Conclude a Contract in Energy Industry // Civil Law. 2023. No. 5. P. 34–37; Volnenko A.N. Peculiarities of Legal Regulation of Energy Facility Construction and Modernization // Epomen. 2018. No. 19. P. 24–27.
10. Dzyuba A.P. Legal Barriers to the Implementation of Investment Projects Related to the Construction of Renewable Energy Sources in Russia // The Word of Justice. 2022. No. 4 (30). P. 20–26; Belyaev Y.M., Popov R.A. Renewable Energy Facility Construction: Economics and Organization // Bulletin of the Adyghe State University. Issue 5: Economics. 2013. No. 4 (131). P. 254–258.
11. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2359 dated December 28, 2023 “On Approval of the Rules for the Qualification of a RES-Based Generating

- Facility and/or a Low-Carbon Generating Facility; Rules for Determining the Degree of Localization of Generating Equipment for Electricity Production Using Renewable Energy Sources for the Generating Facility in the Russian Federation and the Export Indicator for Industrial Products for the Generating Facility (Generating Equipment for Electricity Production Using Renewable Energy Sources) and/or Work (Services) Performed (Provided) During the Design, Construction and Installation of Generating Facilities Located in Foreign States; Rules for Maintaining the Register of Generation Attributes, Provision, Circulation and Cancellation of Certificates of Origin for Electricity // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 29.12.2023).
12. Federal Law No. 489-FZ dated August 4, 2023 (as amended on November 2, 2023) "On Amendments to the Federal Law On the Electric Power Industry" // Collection of Laws of the Russian Federation. 2023. No. 32 (Part II). Art. 6221; 2023. No. 45. Art. 7987.
 13. Executive Order of the Government of the Russian Federation No. 567-r dated March 31, 2018 "On the List of the Constituent Entities of the Russian Federation that Provide for the Production and Consumption Waste Based Generating Facility Construction (Reconstruction, Modernization) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 03.04.2018).
 14. Executive Order of the Government of the Russian Federation No. 33-r dated January 20, 2022 "On Approval of Specifications for Generating Facilities" // Official Internet Portal of Legal Information URL: <http://www.pravo.gov> (date of access: 25.01.2022).
 15. Ilyushina M.N. Mixed and Comprehensive Contracts in Stream of Commerce // Commercial Law. Scientific and Practical Journal. 2008. No. 2 (3). P. 80–86; Lisitsyn V.V., Kliman Yu.A. A Comprehensive Contract for the Construction of a Single Immovable Complex // Civil Service and Personnel. 2020. No. 3. P. 47–53; Mishnik G.A. A Comprehensive Contract as the Basis for the Emergence of Land Relations // Legal Issues of Immovable Property. 2023. No. 2. P. 18–20.

Authors' information:**Aleksandr S. Pates**

Postgraduate Student,
Autonomous Non-Commercial Organization
V.A. Musin Research Center
for the Development of Energy Law
and Modern Legal Science

Сведения об авторе:**Патес Александр Сергеевич**

Аспирант,
АНО "Научно-исследовательский
"Центр развития энергетического права
и современной правовой науки
имени В.А. Мусина"

Received / Поступила в редакцию 11.03.2024
Revised / Поступила после рецензирования и доработки 13.05.2024
Accepted / Принята к публикации 10.06.2024

DOI: 10.61525/S231243500031376-1

Original Article / Оригинальная статья

LAW ENFORCEMENT PRACTICE ON AN AGREEMENT ON TECHNOLOGICAL CONNECTION TO ELECTRICAL GRIDS

Borodavko A.A.

Postgraduate Student, Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center
for the Development of Energy Law and Modern Legal Science
E-mail: Borodavko.AA@lenenergo.ru

Abstract. The article analyzes materials of the judicial practice on issues of technological connection to electrical grids. The reviewed examples show that: a) the judicial practice is contradictory, and judgments in certain cases are issued at violation of the principle of technological connection on a once-only basis; b) the laws on technological connection need to be updated in terms of determination of the party responsible for payment for grid operator services if the technological connection procedure started by the initial owner of a connected real estate unit is completed by a new owner. Law improvement proposals are brought forward as a result of the performed study, in particular, it is suggested to include in the Technological Connection Rules a provision to place title holders of real estate units, on the territory of which the applicant's energy receiver is located, under an obligation to throw no obstacles in the way of a grid operator performing technological connection. It is also suggested to supplement the standard technological connection agreement with a clause imposing the obligation to pay for grid operator services on the real estate owner.

Keywords: energy law, energy law and order, technological connection, technological connection agreement, principle of technological connection on a once-only basis, electrical grid facilities.

For citation: Borodavko A.A. Law Enforcement Practice on an Agreement on Technological Connection to Electrical Grids. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 80–87. DOI: 10.61525/S231243500031376-1

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПО ДОГОВОРУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ

Бородавко А.А.

Аспирант, АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права
и современной правовой науки имени В.А. Мусина”
E-mail: Borodavko.AA@lenenergo.ru

Аннотация. В статье проведен анализ материалов судебной практики по вопросам технологического присоединения к электрическим сетям. Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что: а) судебная практика противоречива, и при вынесении решений в отдельных случаях нарушается принцип однократности технологического присоединения; б) законодательство о технологическом присоединении требует доработки в части решения вопроса о том, кто является обязанным лицом в части оплаты услуг сетевой организации в случае,

если процедура технологического присоединения, начатая при первоначальном собственнике подсоединяемого объекта недвижимости, завершается при последующем собственнике. В результате проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, в частности, предложено включить в Правила о технологическом присоединении норму об обязанности правообладателей объектов недвижимости, на территории которых расположено энергопринимающее устройство заявителя, не чинить препятствий сетевой организации при осуществлении ею технологического присоединения. Также предложено дополнить содержание типового договора технологического присоединения в части возложения обязанности по оплате услуг сетевой организации на собственника объекта недвижимости.

Ключевые слова. энергетическое право, энергетический правовой порядок, технологическое присоединение, договор технологического присоединения, принцип однократности технологического присоединения, электросетевые объекты.

Для цитирования: Бородавко А.А. Правоприменительная практика по договору технологического присоединения к электрическим сетям // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 80–87. DOI: 10.61525/S231243500031376-1

INTRODUCTION

The energy industry is one of the most important spheres of life in the today's world. It covers all processes related to generation, transformation and use of energy to satisfy human needs and develop the society. The electrical energy industry is a major industry in the energy complex in general. That's why the condition of the energy law and order in the electrical energy industry is of special importance.

V.V. Romanova notes that “the energy law and order constitutes the law and order that relates to the interaction between all parties to social relations in the energy industry including relations associated with search, generation, supply, transportation, transfer, storage of various energy resources, construction of energy facilities. Efficiency of the energy law and order largely depends on the efficiency of the system of legal regulation of social relations in the key sector of the economy, elements of the legal regulation system and the interrelation between them” [1].

Further prospective development of this law and order type and raising its efficiency level is impossible if the judicial practice is contradictory and unpredictable, court judgments vary and are opposed one to another, court judgments and legal justification are worlds apart from one another while the factual background is the same.

Scientific justification of bill development is required to avoid such cases. It is necessary to study and sum up the law enforcement practice to justify law improvement proposals.

V.V. Vitryansky points out that one needs to develop civil laws and aim at achievement of the principle of uniformity of law enforcement to overcome an economic crisis [2].

The practice shows that regulation of the legal position of subjects in the technological connection sphere is insufficient in the electrical energy industry.

Consumers need to be supplied with electrical energy without any interruptions as receipt of electrical energy is vitally important, thus, there may be no “insufficient regulation” or any major gaps in the legal regulation sphere. Such legal consolidation of the procedure for technological connection of consumers to electrical grids is caused by the desire to ensure safety of the population and normal functioning of grid operators.

PROBLEM ONE: VIOLATION OF THE PRINCIPLE OF TECHNOLOGICAL CONNECTION ON A ONCE-ONLY BASIS DUE TO THE NEED TO DISASSEMBLY EQUIPMENT OF ELECTRICAL GRIDS

The principle of technological connection on a once-only basis is an essential basis of the agreement under consideration. Pursuant to Letter of the Federal Antimonopoly Service of Russia No. BK/42082/19 of May 21, 2019, On Review of an Application: “Once-only basis means one-off performance of the procedure for technological connection

of energy receivers of electrical energy consumers, electrical energy generation facilities, electrical grid facilities owned by grid operators and other persons and built electrical energy transmission lines, in the maximum capacity of such energy receivers stated in the documents confirming technological connection in the procedure established by the Government of the Russian Federation” [3].

Thus, this principle states that upon connection of a facility to electrical grids, one does not need to “re-connect” it even in case of disposal of property, in other words, “no repeated technological connection of an energy receiver that was duly technologically connected earlier is required in the event of a change of the owner or other legitimate holder” [4], payment for the technological connection procedure is collected once only. A change of the owner (or the form of ownership) and reconstruction of a capital facility without any increase in capacity of an energy receiver requires neither repeated technological connection nor new payment for the connection procedure [5]. A consumer is only under an obligation to notify the grid operator of the change of owner of energy receivers (the Federal Law On the Electrical Energy Industry) by filing an application and preparation of new documents (Clause 57, Subclause c, Clause 59 of the Technological Connection Rules approved by Resolution of the Government of the Russian Federation No. 861 of December 27, 2024). These provisions are stated in detail in Article 26 of the Federal Law On the Electrical Energy Industry and explained in Clause 7 of Review of the Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3.

The once-only basis of technological connection is designed to ensure safe and continuous receipt of paid electrical energy by consumers. However, there are cases in the legal practice where strict observance of this principle is not always possible. The problem is as follows.

A court judgment on disassembly and removal of electrical grid equipment from a land plot not owned by a grid operator results in inevitable disconnection of consumers and thus, violates one of the fundamental goals of the energy law and order: the opportunity for safe and continuous receipt of electrical energy by subjects.

The reviewed situation is the case of violation of the principle of technological connection on a once-only basis: the judicial act contradicts the law: the court is forced to make a judgment that will

knowingly result in a violation of provisions of the Federal Law On the Electrical Energy Industry.

Such situations most often occur with regards to a dispute between a grid operator and an owner of the land plot, where the electrical grid property of the company is located. If electrical grid facilities are not registered and entered in the Unified State Register of Real Estate (USRRE) for some reason, and the relations with the former land plot owner were not duly documented, the new owner has a justified right to request removal of the equipment placed on the land plot.

However, an analysis of the judicial practice proves that courts not always issue an order to disassemble the equipment even if the person who placed the equipment has no documented rights to land. The reason is that such judgment may result in a violation of rights of consumers connected to the electrical grid.

The Supreme Court resolved as follows upon review of one of such cases [6].

A person who had another person’s electrical grid property on its land plot filed a negative claim to court for disassembly and removal from its land the energy transmission line owned by the defendant. The claim was based on the fact that placement of the mentioned property on the claimant’s land plot was not approved by the latter, and the electrical grid property was not registered in the Unified State Register of Real Estate (the protected zone was registered only). The first instance court dismissed the claim, however, the appeal court changed the judgment and obligated the defendant to remove the equipment from the claimant’s land plot.

The Supreme Court reversed the ruling of the appeal court and remitted the case for a new trial stating that it was necessary to carry out an additional study of the impact of disassembly of a part of a linear facility on the general functionality of the energy transmission line. Besides, it’s important to mention that such removal will inevitably result in a violation of rights of applicants, and the disputed facility is not an unauthorized construction.

The appeal court dismissed the claim for disassembly of the equipment during retrial stating that the concrete post located on the claimant’s land plot is a constituent part of immovable electrical grid equipment, and removal of the constituent part will impact the capacity of the entire facility and inevitably affect the connected consumers [7].

Besides, a study of the judicial practice shows that courts review and assess, *inter alia*, the social relevance of disputed facilities: how will removal of property affect the interested parties, will the balance of private and public interests be disrupted in this case [8]? The person filing such claim also needs to prove the fact of violation of its rights and justify the impossibility to use the land plot for its intended purpose if other person's equipment is located there [9].

Thus, the practice provides enough criteria to determine whether electrical grid property of a grid operator located on other person's territory is subject to removal.

In order to ensure uniform law enforcement activities, simplify the proving procedure, lower the burden on courts and reduce the number of trials, it seems possible to review the application of a legal analogy mentioned in Clause 1, Art. 6 of the Civil Code of the Russian Federation.

Since the legislator failed to directly stipulate the obligation of commercial entities and other persons with an applicant's energy receiver on their territory to throw no obstacles in the way of technological connection, the situation at hand (upon origination of the need to disassemble property and, consequently, appearance of a risk of violation of the principle of technological connection on a once-only basis) may be governed by Paragraph 2, Clause 8 (5) of Rules No. 861: "In the event of technological connection of energy receivers owned by citizens engaged in horticulture on land plots located within the territory for horticulture or other holders of title to real estate facilities located within the territory for horticulture, the horticultural non-profit partnership may not throw obstacles in the way of a grid operator performing technological connection of such energy receivers or request any payment".

At present, there is judicial practice on application of this clause: courts place horticultural non-profit partnerships under an obligation to throw no obstacles in the way of technological connection of applicants.

A dispute between Rosseti Lenenergo, PJSC (the claimant) and Maly Petersburg 1st Generation Horticultural Non-Profit Partnership of Real Estate Owners for the obligation to throw no obstacles in the way of technological connection of an applicant (third party) was reviewed in the trial in case No. A56-117463/2022. The energy receiver of the

third party was located within the boundaries of the territory owned by the defendant.

The grid operator referred to Article 426 of the Civil Code of the Russian Federation, public and obligatory character of a technological connection agreement and stated that it was not entitled to deny connection of the applicant to the electrical energy in accordance with Clause 3 of Rules No. 861.

The court resolved that the claimant's position was in line with the law and placed the defendant under an obligation to throw no obstacles in the way of performance of a technological connection agreement: in accordance with Paragraph 2, Clause 8 (5) of Rules No. 861, horticultural non-profit partnerships may not throw obstacles in the way of electrical energy transfer [10]. Such judicial practice is quite common [11].

However, courts are forced to apply legal analogy because the laws currently contain no provision placing such partnerships and all other parties under an obligation to throw no obstacles in the way of technological connection. Let's review case No. A55-11996/2021 as an example [12].

Rosseti Volga, PJSC (the claimant) filed a claim against Voskresenka, LLC (the defendant) for throwing no obstacles in the way of performance of a technological connection agreement. The claim was based on the impossibility to connect an applicant using other means, not touching the defendant's electrical grid equipment.

Voskresenka, LLC, is not a horticultural partnership, so Clause 8 (5) of Rules No. 861 cannot be applied directly. The Commercial Court of the Samara Region states that the laws contain no special regulation of such situation, that's why general legal mechanisms mentioned in Clause 8 (5) of Rules No. 861 and Clause 6 of Rules No. 861 are to be applied by analogy.

The Commercial Court of the Tomsk Region arrives at a similar conclusion in the judgment in case No. A67-13250/2018 [13]. Tomsk Distribution Company, PJSC (the claimant) filed a claim against Kaskad housing association (the defendant) for eliminating obstacles in the way of technological connection of applicant's receivers.

The court applies Clause 8 (5) of Rules No. 861 in the case under consideration and states that no one may throw obstacles in the way of electrical energy transfer as access to electrical energy is a vital

necessity, and the law contains no regulations to the contrary. The court also notes that a different judgment would disrupt the balance of interests as the weaker party to the agreement (the applicant) would not be protected. Superior courts agreed with the position of the first instance commercial court.

However, there exists diametrically opposed judicial practice [14].

Thus, the Commercial Court of Saint Petersburg and the Leningrad Region issued a judgment in case No. A56-71363/2022 and dismissed the claim filed by Rosseti Lenenergo, PJSC, for placing Aqua-Plus Management Company, LLC, under an obligation to throw no obstacles in the way of performance of a technological connection agreement.

The first instance court pointed out that Clause 8 (5) of Rules No. 861 was not applicable to the case because the defendant was not classified as a horticultural partnership. Besides, the judgment stated that commercial entities were not under an obligation to provide an opportunity for technological connection to their facilities and that based on Paragraph 2, Clause 4, Art. 26 of Federal Law No. 35-FZ of March 26, 2003, On Electrical Energy, such connection was possible only based on an agreement and on a reimbursable basis. While this article is prepared, this judgment has not entered into legal force yet, and is appealed.

The conclusion of the first instance court does not seem to be fully justified.

Thus, the court judgment states that: “The applicable laws do not place commercial entities under an obligation to throw no obstacles in the way of new technological connection...” [15]. This conclusion directly contradicts Clause 6 of Rules No. 861 that states that any owner of and holder of title to electrical grid facilities may not throw obstacles in the way of transfer of electrical energy.

The reference made by court to Paragraph 2, Clause 4, Art. 26 of Federal Law No. 35-FZ of March 26, 2003, On Electrical Energy, is also unjustified.

The Supreme Court of the Russian Federation stated in Ruling No. АПЛ16-632 of February 2, 2017, [16] that a person wishing to transfer electrical energy had to conform to the legally established criteria listed in Resolution of the Government of the Russian Federation No. 184 of February 28, 2015. If a company loses the status of a territorial grid operator for

some reason, it is no longer entitled to carry out such activities on a reimbursable basis and has to observe the prohibition set in Clause 6 of Rules No. 861.

This position is also described in Explanation of the Presidium of the Federal Antimonopoly Service of Russia No. 12 of September 13, 2017: persons that do not conform to the criteria of territorial grid operators, have to bear the property maintenance burden in accordance with Art. 210 of the Civil Code of the Russian Federation, may not throw obstacles in the way of transfer of electrical energy or request any payment for it [17].

The defendant in the case under consideration is Aqua-Plus Management Company, LLC. This company is not a territorial grid operator, so the conclusion of the court that the claimant and the defendant have to enter into a technological connection agreement seems unjustified.

The performed analysis shows that this matter is solved differently in the judicial practice, but this issue is extremely important as electrical energy must be available to everyone. Commercial entities, non-profit institutions, horticultural partnerships, individual entrepreneurs and individuals must have an opportunity to receive electricity on an uninterrupted basis.

Thus, in order to minimize the risk of violation of the principle of technological connection on a once-only basis, it seems reasonable to amend Paragraph 2, Clause 8 (5) of Rules No. 861 by removing reference to property and land plots located within a horticultural partnership and thus expanding the effect of this paragraph to cover all land plots and other real estate with placed electrical grid property.

This clause is suggested to be worded as follows: “When a grid operator performs technological connection, title holders of land plots and other real estate with placed energy receivers of applicants may not throw obstacles in the way of technological connection of such receivers or request any payment for it”.

**PROBLEM TWO: WHO IS TO PAY
FOR GRID OPERATOR SERVICES
IF THE OWNER CHANGES
IN THE COURSE
OF TECHNOLOGICAL CONNECTION**

Apart from the reviewed problem related to the violation of the principle of technological connection

on a once-only basis, the law enforcement practice contains different solutions of the issue associated with the obligation to pay for the connection procedure. The cause for this problem is as follows.

The most common point of view in the legal environment is the position that the essence of the agreement under consideration is fee-based services. This position was reflected in Russian L.Yu. Akimov, G.A. Gadzhiev point out that no tangible result in a material form to be transferred to the applicant is created as a result of performance of a technological connection agreement. The value in this case is the service of technological connection of applicant's energy receivers to grids of a grid operator, in other words, assurance of electrical energy transfer to the recipient with the use of connected electrical equipment [19]. The judicial practice also tends to believe the named position to be correct [20].

Following a review of the principle of technological connection on a once-only basis from the standpoint of a service agreement, one arrives at the following conclusion: a grid operator provides services to a specific legal entity or individual, such services need to be paid for by the consumer. Thus, it seems quite logical that the new owner is not under an obligation to pay for technological connection once more due to the principle of relativity of obligations (in particular, the existence of this principle in the Russian legal system is proven by provisions of the Civil Code of the Russian Federation, e.g., Clause 1 Article 307, Clause 3 Article 308 and Article 324).

In a real-world context, it's not uncommon for the owner to enter into a technological connection agreement and then to sell the real estate to another person before the technological connection procedure is over. The issue of payment for grid operator services acquires relevance: who is to pay: the initial or the new owner?

The currently predominant position is that a technological connection agreement is a service agreement, so courts rely on Clause 1, Article 779 and 781 of the Civil Code of the Russian Federation and place the applicant under an obligation to pay for technological connection services even after transfer of title to the connected object to another person [21].

However, in this case, in trials, applicants rely on Article 416 of the Civil Code of the Russian Federation and state that the obligation is terminated in view of the impossibility to discharge it because of the

transfer of title to the real estate to another person. Therefore, any further interaction is to take place only between the grid operator and the new owner. However, this position is not fully justified.

In accordance with the explanations given in Clause 36–37 of Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 6 of June 11, 2020, “the obligation of a party is terminated in view of the objective impossibility to discharge it that arises after origination of the obligation and bears a non-removable (permanent) character if such party does not bear the risk of origination of such circumstances” [22]. However, disposal of property to another person is a deliberate act, so the provisions of Article 416 of the Civil Code of the Russian Federation cannot be applied to the reviewed case. Besides, there exists the principle of relativity of obligations that stipulates a general rule that an obligation does not give rise to any rights or duties for anyone that is not a party to such obligation. Therefore, while the judicial practice sticks to the position that a technological connection agreement is a service agreement, the obligation in the situation under consideration cannot be terminated based on Article 416 of the Civil Code of the Russian Federation.

A potential solution of this matter is tying payment under the agreement to the origination of title to the object. That means amendments to Rules No. 861 through wording a provision by analogy to Part 3, Article 158 of the Housing Code of the Russian Federation: “upon transfer of title to premises in an apartment block, the new owner acquires the former owner's obligation to pay costs of major repair of common property of the apartment block”.

Thus, one needs to establish whether a technological connection agreement has a so-called “real effect”, in other words, whether the reviewed agreement survives at change of the property owner (e.g., as a rent agreement) [23].

This novelty will introduce a fair condition to govern reimbursement of expenses by the party that receives material value and help reduce the number of trials between grid operators and initial and new real estate owners.

Thus, the performed analysis shows that legal regulation of rights and obligations of parties to a technological connection agreement in the energy sphere requires further reformation based on generalization of the judicial practice and development of proposals

for improvement of laws on technological connection.

REFERENCES

1. Romanova V.V. Energy Law and Order: The Contemporary Status and Tasks. Moscow: Lawyer publishing house, 2016. P. 12–141.
2. Vitryansky V.V. The Role of Civil Law Institutions in Minimization of Consequences of an Economic Crisis // Russian Law Journal. 2011. № 1 (169). P. 14.
3. Letter of the Federal Antimonopoly Service of Russia No. BK/42082/19 of May 21, 2019, On Review of an Application // ConsultantPlus reference legal system.
4. Review of the Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2022) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 21, 2022) // ConsultantPlus reference legal system.
5. Judgment of the Judicial Chamber on Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. АКПИ23-113 of April 11, 2023 // ConsultantPlus reference legal system.
6. Ruling of the Judicial Chamber on Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 18-КГ16-61 of July 19, 2016 // ConsultantPlus reference legal system.
7. Ruling on Appeal of the Krasnodar Territorial Court No. 33-24141/2016 of October 27, 2016 // ConsultantPlus reference legal system.
8. Decree of the Commercial Court of the Moscow District No. Ф05-19221/2016 of January 19, 2017, in case No. A41-9863/2014. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
9. Decree of the Commercial Court of the North-Western District No. Ф07-5932/2021 of June 11, 2021, in case No. A05-7592/2020. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
10. Judgment of the Commercial Court of Saint Petersburg and the Leningrad Region of June 2, 2023, in case No. A56-117463/2022. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
11. Judgment of the Commercial Court of Saint Petersburg and the Leningrad Region of February 9, 2021, Decree of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of May 31, 2021, Decree of the Commercial Court of the North-Western District of December 2, 2021, in case No. A56-17734/2020. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
12. Judgment of the Commercial Court of the Samara Region of August 27, 2021, in case No. A55-11996/2021. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
13. Judgment of the Commercial Court of the Tomsk Region of March 28, 2019, Decree of the Seventh Arbitration Court of Appeal of June 25, 2019, Decree of the Commercial Court of the North-Western District of October 11, 2019, in case No. A67-13250/2018. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
14. Judgment of the Commercial Court of Saint Petersburg and the Leningrad Region of October 10, 2023, in case No. A56-71363/2022. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
15. Ruling on Appeal of the Appellate Chamber of the Supreme Court of the Russian Federation No. АПЛ16-632 of February 2, 2017, On Upholding Judgment of the Supreme Court of the Russian Federation No. АКПИ16-801 of October 26, 2016, That Dismissed the Claim for Acknowledging Invalid Clause 1 of the Criteria for Classifying Owners of Electrical Grid Facilities as Territorial Grid Operators approved by Resolution of the Government of the Russian Federation No. 184 of February 28, 2015 // ConsultantPlus reference legal system.
16. Explanation of the Presidium of the Federal Antimonopoly Service of Russia No. 12 of September 13, 2017, On Application of Provisions of Antimonopoly Laws to Owners of Electrical Grid Facilities Including the Ones That Fail to Conform to Criteria for Classifying Owners of Electrical Grid Facilities as Territorial Grid Operators (approved by Minutes of the Presidium of the Federal Antimonopoly Service of Russia No. 19 of September 13, 2017) // ConsultantPlus reference legal system.
17. Eliseev I.S. Technological Connection: Pro et Contra // Energy and Law. 2009. No. 1. P. 4–22.
18. Akimov L.Yu., Gadzhiev G.A. On Thingness of Electrical Energy // Entrepreneurial Law. 2022. No. 3.
19. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 310-ЭС17-11570 of January 19, 2018, in case No. A62-434/2016. URL: <https://ras.arbitr.ru/>; Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ЭС17-11195 of December 25, 2017, in case No. A40-205546/2016. URL: <https://ras.arbitr.ru/>; Decree of the Commercial Court of the North-Western District of April 13, 2017, in case No. A44-4085/2016. URL: <https://ras.arbitr.ru/>; Ruling of the Judicial Chamber on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ЭС17-11195 of December 25, 2017. URL: <https://ras.arbitr.ru/>; Ruling of the Judicial Chamber on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 304-ЭС16-16246 of March 24, 2017. URL: <https://ras.arbitr.ru/>; Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 37-ПЭК18 of April 3, 2018 // ConsultantPlus reference legal system.

20. Decree of the Commercial Court of the North-Western District No. Ф07-13719/2022 of December 26, 2022, in case No. А56-115415/2020. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
21. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 6 of June 11, 2020, On Some Issues of Application of Provisions on Termination of Obligations of the Civil Code of the Russian Federation. URL: <https://ras.arbitr.ru/>
22. Contractual Law (the General Part): article-by-article commentary on Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation / ed. A.G. Karapetov. Moscow: 2020. Art. 3.7 // ConsultantPlus reference legal system.

Authors' information:

Anastasia A. Borodavko

Postgraduate Student, Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science

Сведения об авторе:

Бородавко Анастасия Александровна

Аспирант, АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина”

Received / Поступила в редакцию 21.02.2024
Revised / Поступила после рецензирования и доработки 15.04.2024
Accepted / Принята к публикации 10.06.2024

LEGAL REGULATION OF EXCHANGE TRADING ABROAD

DOI: 10.61525/S231243500031377-2

Original Article / Оригинальная статья

**MEASURES TO COUNTER UNFAIR TRADING PRACTICES
IN FOREIGN COMMODITY EXCHANGE MARKETS****Khachaturova K.I.**

Head of the Department of Legal Support of Commodity and Derivatives Markets
of the Legal Department of the Saint Petersburg International Mercantile Exchange (SPIMEX), JSC;
Postgraduate Student, Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center
for the Development of Energy Law and Modern Legal Science
E-mail: kseniakhachaturova@gmail.com

Abstract. Currently, one of the reasons for the increase in fuel prices at trading on exchanges is the use of unfair exchange practices by trading participants, which has been repeatedly emphasized by the Russian Ministry of Energy and the Federal Anti-Monopoly Service. The concept of “unfair trading practices” is not enshrined at the level of statutes and regulations of the Russian Federation, and therefore, exchanges determine actions that relate to such practices at their own discretion, which entails, in particular, regulatory risks for exchanges, and may negatively affect the market as a whole. This article analyzes foreign practice in terms of the level of enshrinement of types of unfair practices: the legislative and/or local level, as well as analyzes the types and criteria of unfair practices in order to further analyze the implementation of foreign experience in Russian laws or local instruments of exchanges. As a result of a comparative legal analysis, it was revealed that in each jurisdiction there is regulation of unfair practices both at the legislative level and at the level of trading rules, their types and criteria are established, which allows us to conclude that the regulation of unfair behavior in stock trading is an area in which the participation of both an exchange and the state is required, including in terms of establishing criteria and types of such behavior.

Keywords: legal regulation of commodity exchange markets, participants’ legal status, trading practices, unfair behavior.

For citation: Khachaturova K.I. Measures to Counter Unfair Trading Practices in Foreign Commodity Exchange Markets. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 88–98. DOI: 10.61525/S231243500031377-2

**МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНЫМ ТОРГОВЫМ
ПРАКТИКАМ НА ЗАРУБЕЖНЫХ БИРЖЕВЫХ ТОВАРНЫХ РЫНКАХ****Хачатурова К.И.**

Начальник отдела правового сопровождения срочного и товарного рынков
Юридического управления АО “Санкт-Петербургская Международная
товарно-сырьевая биржа”;
аспирант, АНО “Научно-исследовательский “Центр развития энергетического права
и современной правовой науки имени В.А. Мусина”
E-mail: kseniakhachaturova@gmail.com

Аннотация. В настоящее время одной из причин роста цен на топливо на биржевых торгах является применение участниками торгов недобросовестных биржевых практик, что неоднократно подчеркивали и Минэнерго России, и ФАС России. Понятие “недобросовестные биржевые практики” не закреплено на уровне нормативных правовых актов Российской Федерации, в связи с чем биржи самостоятельно определяют действия, которые относятся к таким практикам, что влечет, в частности, регуляторные риски для бирж и может негативно отразиться на рынке в целом. В данной статье проанализирована зарубежная практика в части уровня закрепления видов недобросовестных практик (законодательный и/или локальный уровень), а также проанализированы виды и критерии недобросовестных практик с целью дальнейшего анализа для имплементации зарубежного опыта в российское законодательство либо локальные акты бирж. В результате сравнительно-правового анализа выявлено, что в каждой юрисдикции присутствует регулирование недобросовестных практик как на законодательном, так и на уровне правил торгов, установлены их виды и критерии, что позволяет сделать вывод о том, что регулирование недобросовестного поведения на биржевых торгах является областью, в которой требуется участие не только биржи, но и государства, в том числе в части установления критериев и видов такого поведения.

Ключевые слова: правовое регулирование биржевых товарных рынков, правовое положение участников, торговые практики, недобросовестное поведение.

Для цитирования: Хачатурова К.И. Меры противодействия недобросовестным торговым практикам на зарубежных биржевых товарных рынках // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 88–98. DOI: 10.61525/S231243500031377-2

In connection with the amendments introduced to Federal Law No. 325 dated November 21, 2011 “On On-Exchange Trading” [1], the Bank of Russia is entitled to restrict the performance of actions (transactions, operations) by individual trading participants or prohibit the performance of certain actions (transactions, operations) by all trading participants, in particular if trading participants’ and/or their clients’ actions (transactions, operations) pose a threat to the Russian financial market stability, trading participants’ and/or their clients’ rights and legitimate interests. There are no criteria whereby the occurrence of such a case is assessed in statutes and regulations, regulator’s statutory instruments and its explanations.

With regard to the commodity market, in order to ensure transparency of on-exchange trading in the commodity market in 2019, the Bank of Russia proposed commodity exchanges to develop and approve a Code of Conduct for Commodity Market Trading Participants [2], while the content of such a Code and criteria for “ethics” in statutes and regulations, regulator’s statutory instruments and its clarifications are still missing. Currently, commodity exchanges, together with the professional community, define the concept of “professional ethics” (fair behavior), the content of the Code (for example, types of unfair behavior), and also establish criteria for fair/unfair behavior.

The absence of guidelines enshrined at the regulatory level entails multiple risks both for the market as a whole and for trading participants and exchanges. For example, the absence of criteria for unfair behavior in the commodity exchange market may result in the commodity exchange market destabilization, in particular, the failure to ensure non-discriminatory access to commodity, price volatility, significant losses for trading participants and their clients, as well as loss of their reputation.

In connection with the above, it is proposed to conduct a study of foreign laws and the experience of the largest commodity exchanges (for the study and analysis, the largest global commodity exchanges are selected, on which both spot trading and trading in derivative contracts the underlying asset of which is a commodity are performed) in terms of determining criteria for unfair behavior, types of such behavior, and also analyze the level at which the types and criteria of such behavior are enshrined.

GREAT BRITAIN

Legal and Regulatory Framework. At the legislative level, there is practically no description of trading practices prohibited for use in trading on exchange. Thus, the Financial Services and Markets Act does not contain a description of the above practices, however, the types of such practices can be found in

different handbooks of the regulator, the UK Financial Conduct Authority (hereinafter the “Authority”).

According to the Authority’s Handbook [3], in order for the Authority to perform the functions of overseeing exchanges and protecting investors’ rights, the Authority evaluates the exchange’s rules and procedures for, in particular, the existence of the following prohibitions in its rules:

- unfair trading practices;
- intentional communication or intentional publication of false information on trading;
- existence of a prohibition on the following actions: entering into transactions in which damages are unlawfully claimed on a party to a contract; entering into transactions with the intent to create a false or misleading appearance of trading activity; engaging in cross-trades for dishonest or illegal purposes; performance of transactions which was agreed upon in advance and the agreement on entering therein was reached improperly; performing transactions with the intent to facilitate or conceal potential market abuses; performing transactions in which one party does not intend to settle the transaction or liquidate its positions.

Besides, the requirements for the proper behavior of almost all entrepreneurs supervised by the Authority are defined, in particular, in the Authority’s Handbook, which establishes principles for business [4]. The principles that must be observed include integrity, qualifications and due diligence, and compliance with proper standards of market conduct. In this regard, companies should reasonably assume at the time of performing actions whether they will violate these principles. This is a test for a reasonable assumption or a condition of predictability, however, this test is not the main one according to which a violation of these principles is determined. The Authority explains that the principles can be followed in different ways. At the same time, where the behavior is lower than expected by Authority, it is reasonable for the business entity to expect consequences for the chosen behavior, even though such behavior is widespread in the market [5].

According to the Authority’s letter dated January 11, 2023 [6], some brokers hire people who did not follow proper standards of conduct at their previous job. This means that the control carried out by the firm does not correspond to effective risk management. In order to avoid such practices, as well as practices of unfair behavior of traders, expressed in

extracting benefits when performing client transactions, it is recommended, firstly, to review the remuneration system, one of the components of which is non-financial, in particular, the behavior of traders; and secondly, companies need consider regulatory requirements when hiring new certified employees and maintain risk records when adverse information is reported on such employees. Firms cannot expect leniency from the Authority if the consequences of violations have affected the market integrity through the employment of persons to whom disciplinary measures have been applied elsewhere before and firms have not taken additional control and supervision measures in this respect.

London Metal Exchange. According to the version of the London Metal Exchange Rules and Regulations authorized by the Board of Directors dated December 11, 2023, posted on the official website of the exchange, the trading participant must comply with high standards of integrity and fair dealing, as well as comply with high standards of market conduct. Besides, trading participants must act in the best interests of their clients. The implementation of these principles consists in compliance with the requirements related to the observance of business obligations, such as integrity, fairness, professionalism, disclosures, compliance with the rules regarding the categorization of their clients, interaction with clients, management of conflicts of interest, and best execution rule.

Improper behavior (misconduct) is understood, in particular, as a violation of the trading rules by a trading participant, as well as facilitating another party to commit a violation of the trading rules, if the third party is obliged to comply with such rules; any behavior that entails or may result in the exchange suffering a loss of reputation; providing the exchange with false, misleading or inaccurate information, as well as other violations that the exchange reports through notices disclosed on the website.

Behavior that causes or may cause the exchange to lose its reputation is understood, without limitation, reference to the contracts entered into not on the London Metal Exchange as contracts entered into on this exchange (for example, by specifying this in a contract).

According to the Rules and Regulations, prohibited practices include:

— manipulation or an attempt to manipulate the market or otherwise abuse or an attempt to abuse the market or creation of an artificial market;

— entering into a transaction or an attempt to enter into a transaction or a series of transactions designed to create an artificial market whereby prices and turnover do not truly reflect the business transacted;

— wash trading (wash trading is a form of fictitious trading in which a transaction or series of transactions is performed under the guise that participants make real transactions to buy or sell, but in fact the transactions were made without the intention to take a real position in the market and without the intention to execute them, i.e. to take risks) or bogus (fictitious) transactions;

— demonstration or an attempt to demonstrate that trading activity has taken place when it has not in fact occurred or misleading or an attempt to mislead Exchange staff as to the nature of any trading activity;

— intentional or unintentional creation of a disorderly market;

— trading, placing orders to trade or encourage any other person to trade in the same direction (buy or sale) as a client order with a view to realizing a profit or avoiding a loss, pursuant to any price movement brought about by such client order;

— misleading or an attempt to mislead Exchange staff as to the nature of any orders or transactions;

— manipulation or an attempt to manipulate any prices or indices set or published by the Exchange;

— an attempt to undertake, procure that another person undertakes or attempts to procure that another person undertakes any behavior that is contrary to an applicable law or regulation preventing market abuse [7].

Conclusions.

1. Practices that are prohibited for use in the process of trading on exchange can be divided into practices specified in the laws, including the regulator's handbooks, as well as other practices that are not prohibited by law, but prohibited by the exchange.

2. Some types of prohibited practices, as well as general principles of doing business, are defined as in the regulators' handbooks, which confirm the conclusion that the exchange is not a completely independent institution in relation to the identification of

certain unfair trading practices. Moreover, the definition of the fair trading behavior principles is indicated quite widely both in the laws and in the exchange rules, which gives wide discretion in assessing the behavior of a trading participant.

3. There are several main criteria that are taken into account by the legislator when determining whether the practice is unfair. Such criteria include the *presence (in most cases) of a wrongful intent* on the part of the trading participant, which is expressed in the desire and opportunity to commit an action, as a rule, in order to achieve their own benefit using illegal methods (for example, the creation of an artificial market). Based on the proposed, the second criterion can be *identified, the use of illegal methods*. The third criterion is the achievement or an attempt to achieve *negative (mainly) consequences for the market*. Besides, when describing unfair practices in the Authority's handbook and Exchange Rules and Regulations, market conditions (current market conditions), the frequency of transactions, the size of transactions and other factors are not indicated as factors affecting the qualification of a transaction as unfair trading practices.

JAPAN

Legal and Regulatory Framework. In Japan, a list of unfair trading practices is provided in the Commodity Derivatives Act. Article 116 of the Commodity Derivatives Act contains a list of unfair practices, which include the following actions:

— effecting a buy/sale transaction in a commodity market, without the intention of transferring ownership of the commodity;

— engaging in wash trading in a commodity market, or engaging in trading in a commodity market while deceptively avoiding the use of one's own name;

— performing a series of transactions in a commodity market that could mislead people into believing that transactions in a commodity market are thriving or that could change the quotations in that commodity market, either independently or jointly with another person;

— performing transactions in a commodity market and making a buy/sale or other transaction with commodities, etc. with the intention of causing quotations in the commodity market to fluctuate;

— spreading information to the effect that quotations in a commodity market will fluctuate due to one's own or another party's market manipulation in connection with transactions in a commodity market;

— performing a transaction in the commodity market and intentionally creating a false representation of a material particular or a representation of a material particular that is likely to be misleading.

The Commodity Derivatives Act (Article 118) defines that if an excessive volume of transactions is being performed or is likely to be performed in the commodity market through corner, bear raids or any other method, or an unfair amount of remuneration or contract price is formed, etc., and the Minister regulating the relevant market believes that it is required to take measures to maintain order in the commodity market and protect public interests, the Minister may issue appropriate orders for the following persons:

1) trading participants, etc. in terms of imposing restrictions on transactions in the commodity market or obtaining a power of attorney to perform transactions;

2) the commodity exchange in terms of taking measures to limit fluctuations in quotations or the volume of unsettled transactions in the commodity market in which the commodity exchange operates, changing the size of the clearing margin or performing one of the actions defined by an order of the competent ministry as something that ensures the fairness of settlements of transactions in the commodity market;

3) a clearing house in terms of changing the size of the clearing margin or performing one of the actions defined by an order of the competent ministry as something that ensures the fairness of transactions in the commodity market.

Tokyo Commodity Exchange. According to the Articles of Incorporation of the Tokyo Commodity Exchange [8], trading participants must comply with the Commodity Derivatives Act, other laws, Rules and Regulations, the Exchange's Articles of Incorporation, regulations for brokerage activities and other provisions of the Exchange, as well as observe fair and honest trading principles.

According to Article 165 of the Trading Regulations, the following actions are considered a violation

of the principle of transaction fairness or non-discrimination: involvement in unfair transactions or brokerage activities; refusal to maintain reliability; involvement in actions that contradict consumer protection; involvement in negligent transactions or brokerage actions; other acts or behavior provided for by the membership rules and regulations [9].

Besides, the exchange's website provides examples of unfair practices. Such practices include, in particular, the following [10]:

1) intentional price manipulation during call auction:

— the practice of placing buy (sell) orders for the purpose of moving the contract price of a call auction while placing sell (buy) orders in advance, during and/or right before the non-cancel period, as well as right before determining the contract price of the closing auction for the day session;

— the practice of cancelling an order placed earlier, or amending price and/or quantity of an order placed in advance, for the purpose of moving the contract price of a call auction, right before the non-cancel period as well as right before determining the contract price of the closing auction for the day session;

2) intentional price manipulation during continuous trading. During continuous trading, the practice of getting an order executed by placing a buy (sell) order seemingly chasing a higher (lower) price, independently or in collaboration with other persons, for the purpose of moving the price;

3) intentional settlement price manipulation. The practice of trading independently or in collaboration with other persons, for the purpose of manipulating the settlement price (delivery price) during the settlement price calculation period;

4) fake order or spoofing. The practice of luring buy (sell) orders from other trading participants, for the purpose of pushing up/down the price, by misleadingly showing many buy (sell) orders during continuous trading without any intention to execute the buy (sell) orders, and then, right when a buy (sell) order is placed by another market participant, placing a buy (sell) order at a corresponding altered price;

5) front-running. When a broker received a buy (sell) order from a client, taking advantage of knowing that placing such order would increase (decrease) the market price. The broker places a proprietary buy (sell) order in the same contract month and getting

executed at the market level before placing said client order, for the purpose of executing one's own buy (sell) order at a price lower (higher) than said client order, then, place the client buy (sell) order and get it executed at the risen (fallen) price level;

6) transfer of profits. After receiving sell (buy) orders from clients during continuous trading, not placing said client orders immediately. For the purpose of getting profits on one's own proprietary transactions by using said client orders, the broker first places one's own proprietary buy (sell) order that matches with said client sell (buy) orders and getting executed, and then, place one's own proprietary sell (buy) order against said client buy (sell) orders, as to be executed at a higher (lower) price than the original transaction's contract price.

When determining intent in the application of unfair practices, the Exchange will consider that the trading participant had the intention to commit actions if the intention can be objectively recognized after considering a number of actions, etc. in general. It should also be noted that actions that violate the rules of the Exchange include actions arising from negligence.

Moreover, the Exchange monitors the following unfair behavior practices, the use of which may serve as a reason for subsequent investigation [11]:

1) submission or cancellation of an excessive number of orders, taking into account the market conditions existing at that moment, especially if such actions have created significant consequences for the market and may negatively affect the market (distort indicators);

2) cancellation of orders in a short time after submission (this practice is suspicious, since such submitted orders can be submitted without the intention of their execution);

3) transactions in which a person is both a buyer and a seller independently or jointly with another person (this behavior is suspicious because such persons may have a purpose other than making transactions, manipulating prices or creating artificial market liquidity);

4) submission of orders indicating a price significantly different from the market price at the time of submission of such an application (this behavior may cause, in particular, a significant deviation);

5) significant increase in trading volume or percentage of participation;

6) participation in the trades during the price change.

Conclusions.

1. "Prohibited" exchange trading practices can be divided into practices specified in the laws, and in respect of which the laws establish liability, as well as other practices not prohibited by law, but prohibited by the Exchange. The Trading Regulations set out both a list of unfair practices and general good faith behavior principles.

2. Based on the list of unfair practices specified in the laws and the Exchange's Trading Regulations, the following criteria can be identified that underlie the classification of actions that are unfair trading practices (similar to the UK), such as a wrongful intent (in most cases), the use of illegal methods to achieve the goal, the presence of negative consequences for the market, as a rule, significant (cause high price fluctuations, etc.). The performance of joint actions with other persons may also be one of the signs of the use of unfair practices. In Japan, the system of such signs has been identified in more detail, because in addition to the above practices, market conditions (current market conditions), the number of orders, performing a transaction together with another person, and an increase in the volume of orders are taken into account.

USA

Legal and Regulatory Framework. According to Title 7, Chapter 1, § 7 of the U.S. Code [12], the exchange must have the capacity and responsibility to prevent manipulation, price distortion, and disruptions of the delivery. Title 7, Chapter 1, § 6c of the U.S. Code establishes a prohibition on engaging in any trade, on submitting orders to buy or sell in cases established by law or trading rules; on demonstrating intentional or negligent disrespect for the orderly execution of orders during the closing period; on spoofing.

According to the Interpretive Guidance of the Commodity Futures Trading Commission (CFTC) [13], this prohibition does not apply to the use of algorithmic trading, which automatically matches the best buy/sell order price. This prohibition concerns preventing the possibility of purchasing a contract on the exchange at a price higher than the lowest available price offered for such a contract, or selling

a contract at a price lower than the highest available price offered for such a contract.

Thus, for example, a violation may occur if a trading participant accumulates a large volume of a commodity (position) in the pre-closing period with the intent (or through negligence) to disrupt the orderly execution of transactions during the closing period. Violation is also possible in the case of spoofing, which includes, but is not limited to: a) submission or cancellation of orders to overload the exchange trading system; b) submission or cancellation of orders to delay the execution of another person's order; c) submission or cancellation of orders with the intent to create an artificial price movement; d) submission or cancellation of orders to create false market depth. In case of spoofing, the CFTC assumes the presence of the trading participant's intent or knowledge of the use of prohibited practices, since the trading participant had the intent to cancel the order before its execution [14].

Chicago Mercantile Exchange. The Chicago Mercantile Exchange Rulebook [15] establishes the following prohibited practices, in particular:

1) engaging in unfair trading, as well as the presence of behavior that is not typical for entrepreneurs; engaging in behavior and procedures that are inconsistent with the principle of equitable and fair trading; performing actions that are unprofitable for the well-being of the Exchange or engaging in actions that may worsen the reputation of the Exchange.

Withholding of the order (it is not allowed to withhold the order or any part of an order, for the benefit of any person other than the person for the benefit of which the order is being placed);

2) a person who submits orders in the interests of the client should not accept such an order, i.e. trade against his client's order (directly or indirectly) in his own interests (indicating his account, account in which such a person has an indirect financial interest). This prohibition is general in nature and subject to exceptions provided by law;

3) a participant should not buy (sell) a futures contract, buy (sell) a call option or sell (buy) a put option for his own account, an account in which he has a direct or indirect financial interest, in a situation where such a trading participant has been instructed by another person to buy (sell) a futures contract, buy (sell) a call option or sell (buy) a put option on the same product, regardless of the place of its execution;

4) improper use or disclosure of information. In particular, it is prohibited, directly or indirectly, to trade (or enter, cancel, or modify an order) on the basis of material nonpublic information when a trading participant knows or reasonably should have known the information was obtained or disclosed through fraud, deception, or in violation of a pre-existing duty (established by law, rule, agreement, understanding, or some other source). Besides, it is prohibited to disclose material non-public information when a trading participant knows or reasonably should have known the disclosure of the information would violate a pre-existing duty (established by law, rule, agreement, understanding, or some other source) owed to another, except when the disclosure is made to an Exchange official, a permitted government official, or is required by law;

5) simultaneous buy and sell orders for different beneficial owners;

6) wash trades are prohibited. No trading participant shall place or accept buy and sell orders in the same product and expiration month, and, for a put or call option, the same strike price, where the person knows or reasonably should know that the purpose of the orders is to avoid taking a bona fide market position exposed to market risk. Buy and sell orders for different accounts with common beneficial ownership that are entered with the intent to negate market risk or price competition shall also be deemed to violate the prohibition on wash trades;

7) no person shall prearrange or pre-negotiate any purchase or sale or noncompetitively execute any transaction;

8) all orders shall be entered for the purpose of executing bona fide transactions. No person shall enter or cause to be entered an order with the intent, at the time of order entry, to cancel the order before execution or to modify the order to avoid execution (spoofing). It is also prohibited to submit and cancel orders to overload or delay the systems of the Exchange or other market participants. Besides, prohibited practices include flipping, submitting orders or entering into transactions to cause a change in market volatility or stability (a rapid change in the direction of trade (position)).

Conclusions.

1. Prohibited exchange trading practices can be divided into practices specified in the laws, and in respect of which the laws establish liability, as well as

other practices not prohibited by law, but prohibited by the Exchange.

2. The Trading Regulations set out both a list of unfair practices and general fair behavior principles.

3. Based on the list of unfair practices specified in the laws, the following main criteria can be identified that underlie the classification of actions that are unfair trading practices, such as a wrongful intent (in most cases), the use of illegal methods (dissemination of false information), the presence of negative consequences for the market, as a rule, significant (cause high price fluctuations, etc.). At the same time, it is noted that volatility as an independent factor cannot be interpreted, since volatility can arise in the process of forming a market price. Along with these criteria, cooperation with other trading participants, a large volume of orders, the time (moment) of their submission, and the number of orders can be distinguished. Thus, multiple other factors are applied, the combination of which can lead to the recognition of the behavior of a trading participant as unfair trading practices.

INDIA

Legal and Regulatory Framework. According to the Securities Contracts (Regulation) Act 1956, securities are understood to include commodity derivatives [16].

According to the Prohibition of Fraudulent and Unfair Trade Practices Regulations, no person shall:

- perform frauds with derivatives, including commodity derivatives, engage in fraudulent or unfair trading practices;
- use any manipulative or misleading devices in violation of the provisions of relevant laws and regulations;
- engage in any activities, practices, or business conduct that are or will be fraud or deception against any person in connection with any derivatives transactions in violation of the provisions of the relevant law or rules and regulations.

Besides, performing transactions with commodity derivatives may be considered a fraudulent or unfair trading practice if such practice includes all or any of the following:

- performing, including intentionally, any action which creates false or misleading appearance of trading with commodity derivatives;
- performing transactions with commodity derivatives that are not intended to effect transfer of beneficial ownership but intended to operate only as a device to inflate, depress or cause fluctuations in the price of such a derivative for wrongful gain or avoidance of loss;
- inducing any person to perform transactions with any derivatives to artificially inflate, maintain, depress or cause fluctuations in the prices by any means;
- performing any action or omission amounting to manipulation of the price of a derivative, including influencing or manipulating the base price or the reference price;
- deliberate publication or coercion to publish, report or coercion to report by a person dealing with derivatives, any information related to derivatives, including financial results, financial statements, regulatory approvals, which is false or which the trading participant does not consider reliable before the transaction or during the trading;
- performing a transaction with derivatives without the intent to perform it or without the intent to change the owner;
- dissemination of information or recommendations through any media, whether physical or digital, that the disseminator knows to be false or recklessly misleading and that is intended to influence or is likely to influence the decisions of investors dealing in derivatives;
- fraudulent inducement by a market participant of any person to make transactions with derivatives to increase his brokerage activities, commissions or income;
- spreading false or misleading news that may encourage selling or buying derivatives;
- mis-selling of derivatives and services in the securities market (“mis-selling” means the sale of securities or services related to the securities market by any person, directly or indirectly, by 1) making false or misleading statements, or 2) concealing or omitting material facts, or 3) concealing the associated risk factors, or 4) not taking reasonable care to ensure suitability of the securities to the buyer).

The Multi Commodity Exchange of India Limited.

According to the trading rules, the term “securities” include, among other things, commodity derivatives.

Responsibility according to the rules of the exchange comes for improper behavior (misconduct), conduct unusual for entrepreneurs, unprofessional behavior, fraudulent behavior and unfair trading practices. Improper behavior includes, among other things, fraud, disrespectful, improper behavior (in the case when disrespectful behavior occurs that affects the orderly stock market or behavior that prevents the Exchange from carrying out its activities). Behavior unusual for an entrepreneur includes:

- using fictitious names;
- performing bogus transactions, the execution of which will not entail the transfer of ownership or the execution of the transaction, knowing about its nature;
- spreading rumors;
- assistance in performing a transaction to disrupt market equilibrium or contribute to a market condition in which prices will not accurately reflect the market value;
- market manipulation;
- carrying out unsecured exchange activities, i.e. the inability to execute transactions entered into.

Unfair trading practices include market manipulation, the dissemination of misleading information that encourages others to buy contracts or has the effect of maintaining or stabilizing the market price of a contract, if the participant does not attach importance to whether this information is false or true, or he knows for sure that the information is false. Besides, it is prohibited to involve other persons in frauds or deception to buy or sell contracts; perform transactions on their own behalf or in the interests of a related person, while knowing that the subscriber (director) of the company of his company will give an order to make transactions with the same commodity derivatives; delay (postpone) transfer of securities, which leads to a change in the price of the asset.

Dumping is the practice of selling a product in a foreign market at an unfairly low price (at a price lower than in the domestic market).

Churning is a broker’s practice of making excessive transactions using a client account in order to increase the brokerage commission.

Conclusions.

1. India is one of the few countries in which the legislator has an independent regulation regulating unfair trade practices. These practices are also established and regulated at the exchange level.

2. Among the signs that indicate the performance of unfair practices are an intent, the use of unfair methods of implementing such practices, negative consequences, cooperation with other persons, while there are no signs such as market conditions, the history of transactions, the number and volume of orders, etc.

3. Among the listed practices, no such “popular practices” as spoofing, flipping, etc. were found.

INFERENCE

Thus, having analyzed the regulatory and exchange regulation of unfair trading practices, their criteria and types, the following conclusions can be drawn.

1. Unfair trading practices can be divided into “prohibited” practices specified in the laws, as well as other practices that are not prohibited by law, but prohibited by the exchange. This observation confirms that the government of each country attaches importance to the regulation of unfair practices, and the exchange is not a completely independent institution in relation to the identification of individual unfair trading practices.

2. Some criteria for practices that are recognized as unfair are the following:

- wrongful intent (sometimes the standard may be raised and negligence (recklessness) is taken into account) of the trading participant, which is expressed in the desire and opportunity to commit an action, as a rule, in order to achieve their own benefit using illegal methods (for example, the creation of an artificial market);
- use of illegal methods to achieve the goal (for example, the dissemination of false information);
- negative consequences for the market (mainly), for the exchange and for other participants.

Besides, given that the purpose of entering into an agreement on exchange is its execution by the parties who have a valid will to enter into such an agreement, exchanges also assess whether the trading

participants' actions led to the execution of the agreement, and whether such execution was "real".

The above criteria were identified for all countries in respect of which the analysis was carried out, while in order to recognize unfair practices, a set of the above basic criteria is required. In addition to the criteria listed in Clause 2, other (additional) criteria may be taken into account, such as the size and volume of orders, market conditions, time of order submission/cancellation, etc., which indicates a comprehensive approach to assessing actions as unfair behavior in some jurisdictions.

3. Unfair behavior is possible not only for the trading participant, but also for the trader, the trading participant's representative submitting orders. The approach regulating both the behavior of a legal entity during trading and the employment policy, i.e. behavior outside of trading, seems to be the most effective and advanced, in particular in terms of risk management.

4. No classification of unfair trade practices has been identified in any jurisdiction, so, the following possible classifications are proposed:

— depending on the object of unfair practice, this is harmed in the first place, the interests of the market, the trading participant's clients or the participant himself;

— depending on the priority action chosen to change the price, spreading false information, submitting orders, for example, in large volume;

— depending on the mechanism of price change, creation of an artificial market when prices do not reflect economic reality, creation of a false trading activity, submission of a large number of orders with no intent to execute them, etc. There are many mechanisms used by trading participants, but the unifying thing is that they are all aimed at creating a false effect for the market or trading participants;

— depending on the consequences, losses, loss of business reputation, market volatility, etc.

5. Practices that are recognized by either the regulator or the exchange as unfair in all jurisdictions are: spoofing, intentional dissemination of false information; creation of an artificial market in which prices and turnover do not reflect the actual picture of the market; wash trading.

REFERENCES

1. Federal Law No. 632-FZ dated December 25, 2023 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". URL: pravo.gov.ru
2. The Bank of Russia's Analysis of the Commodity Exchange Market for 2019. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/32204/reveiw_29052020.pdf (date of access: 20.01.2024).
3. Recognized Investment Exchanges. URL: <https://www.handbook.fca.org.uk/handbook/REC.pdf> (date of access: 20.01.2024).
4. Principles for Business. URL: PRIN.pdf (fca.org.uk) (date of access: 20.01.2024).
5. Enforcement Guide. URL: 2.pdf (fca.org.uk) (date of access: 20.01.2024).
6. Letter from the Director of Wholesale Sell-Side of the UK Financial Conduct Authority. URL: <https://www.fca.org.uk/publication/correspondence/wholesale-brokers-portfolio-letter-2023.pdf> (date of access: 20.01.2024).
7. London Metal Exchange Rules and Regulations, authorized by the Exchange Board of Directors dated December 11, 2023. URL: <https://www.lme.com/about/Regulation/Rules/Rule-book> (date of access: 20.01.2024).
8. The Articles of Incorporation of the Tokyo Commodity Exchange. URL: https://www.jpx.co.jp/english/rules-participants/rules/regulations/b5b4pj0000048mt4-att/ArticlesOfIncorporation_20200828.pdf (date of access: 20.01.2024).
9. Tokyo Commodity Exchange Rules and Regulations. URL: <https://www.jpx.co.jp/english/rules-participants/rules/regulations/03.html> (date of access: 20.01.2024).
10. A list of unfair trading practices posted on the website of the Tokyo Commodity Exchange. URL: <https://www.jpx.co.jp/english/regulation/tocom/preventing/02.html> (date of access: 20.01.2024).
11. A List of Market Surveillance Practices. URL: <https://www.jpx.co.jp/english/regulation/tocom/preventing/03.html> (date of access: 20.01.2024).
12. The U.S. Code. URL: <https://www.law.cornell.edu/us-code/text/7/7> (date of access: 20.01.2024).
13. Interpretive Guidance of the Commodity Futures Trading Commission. URL: https://www.cftc.gov/sites/default/files/idc/groups/public/@newsroom/documents/file/dtpinterpretiveorder_qa.pdf (date of access: 20.01.2024).
14. Interpretive Guidance and Policy Statement on Disruptive Practices of the Commodity Futures Trading Commission. URL: Fact Sheet: Interpretive Guidance and Policy Statement on Disruptive Practices. URL: cftc.gov

15. The Chicago Mercantile Exchange Rulebook. URL: https://www.cftc.gov/sites/default/files/idc/groups/public/@newsroom/documents/file/dtp_factsheet.pdf (date of access: 20.01.2024).
16. The Securities Contracts (Regulation) Act 1956. URL: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/1644/1/A195642.pdf> (date of access: 20.01.2024).

Authors' information:**Ksenia I. Khachaturova**

Head of the Department of Legal Support of Commodity and Derivatives Markets of the Legal Department of the Saint Petersburg International Mercantile Exchange (SPIMEX), JSC; Postgraduate Student, Autonomous Non-Commercial Organization V.A. Musin Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science

Сведения об авторе:**Хачатурова Ксения Игоревна**

Начальник отдела правового сопровождения срочного и товарного рынков Юридического управления АО «Санкт-Петербургская Международная товарно-сырьевая биржа»; аспирант, АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»

Received / Поступила в редакцию 22.02.2024
Revised / Поступила после рецензирования и доработки 15.04.2024
Accepted / Принята к публикации 10.06.2024

===== FOREIGN SCIENTISTS ON THE ROLE OF INTERNATIONAL TREATIES =====
IN ENSURING ENERGY SECURITY

DOI: 10.61525/S231243500031378-3

Original Article / Оригинальная статья

**ENERGY SECURITY IN THE GLOBALIZED WORLD:
THE ROLE OF INTERNATIONAL LAW REGULATION**

Alakbarzada V.A.¹, Mamedova A.G.²

¹Lecturer, UNESCO Department of Human Rights and Information Law, Baku State University;
Doctoral Student of the Faculty of Law, Baku State University,
Baku, Republic of Azerbaijan
E-mail: Vadiya.zadeh@gmail.com

²Lecturer, Department of Intellectual Property Law, Baku State University;
Doctoral Student of the Faculty of Law, Baku State University,
Baku, Republic of Azerbaijan
E-mail: aydan.rustambekova@live.com

Abstract. In the globalized world, energy security means the ability of countries and regions to satisfy their energy demands without any threats to their economic, social or political stability. Energy security depends on a variety of factors such as availability, reliability, price and sustainability of energy resources as well as the level of cooperation and competition between producers, consumers and transit countries. Energy security in the globalized world is a multifaceted problem that includes availability, reliability and accessibility of energy resources. International cooperation is of great importance since energy security is not limited by national borders, but is a common global problem. The key role is assigned to international treaties. Countries need to solve legal issues arising in view of the transition to the low-carbon economy and guarantee that their policy is in line with the obligations to fight against the climate change. The achievement of safe and sustainable energy future in the inter-related world requires a combination of legal measures and strategic planning.

Keywords: international law regulation in the energy sphere, energy security, international treaties.

For citation: Alakbarzada V.A., Mamedova A.G. Energy Security in the Globalized World: The Role of International Law Regulation. Energy Law Forum, 2024, iss. 2, pp. 99–104. DOI: 10.61525/S231243500031378-3

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЛОБАЛИЗОВАННОМ МИРЕ: РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Алакбарзада В.А. кызы¹, Мамедова А.Г. кызы²

¹Преподаватель кафедры ЮНЕСКО по правам человека и информационному праву Бакинского государственного университета;
докторант юридического факультета Бакинского государственного университета,
Баку, Азербайджанская Республика
E-mail: Vadiya.zadeh@gmail.com

²Преподаватель кафедры права интеллектуальной собственности Бакинского государственного университета;
докторант юридического факультета Бакинского государственного университета,
Баку, Азербайджанская Республика
E-mail: aydan.rustambekova@live.com

Аннотация. Энергетическая безопасность в глобализованном мире — это способность стран и регионов удовлетворять энергетические потребности, не ставя под угрозу свою экономическую, социальную и политическую стабильность. Энергетическая безопасность зависит от многих факторов, таких как наличие, надежность, цена и экологичность энергоресурсов, а также уровень сотрудничества и конкуренции между производителями, потребителями и транзитными странами. Энергетическая безопасность в глобализованном мире — это многогранная проблема, которая включает в себя наличие, надежность и доступность энергетических ресурсов. Международное сотрудничество имеет важное значение, поскольку энергетическая безопасность не ограничивается национальными границами, а является общей глобальной проблемой. Ключевая роль отводится международным договорам. Страны должны решить юридические проблемы, связанные с переходом к низкоуглеродной экономике, гарантируя, что политика соответствует обязательствам по борьбе с изменением климата. Для достижения безопасного и устойчивого энергетического будущего во взаимосвязанном мире необходимо сочетание правовых мер и стратегического планирования.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование в сфере энергетики, энергетическая безопасность, международные договоры.

Для цитирования: Алакбарзада В.А. кызы, Мамедова А.Г. кызы. Энергетическая безопасность в глобализованном мире: роль международно-правового регулирования // Правовой энергетический форум. 2024. № 2. С. 99–104. DOI: 10.61525/S231243500031378-3

International law regulation in the sphere of energy security in the globalized world means rules, principles and mechanisms that are aimed at regulation of the process of integration of energy resources, consumers and markets on the global scale and turn the energy sector into a complex system affected by environmental, social, political and economic factors. International law regulation is aimed at development of cooperation, solidarity, consistency and solution of problems by countries to ensure energy security defined as continuity, applicability, quality and accessibility of energy supply. In the conditions of globalization, international law in the energy security sphere is characterized by a multi-tier and dynamic

structure consisting of various tiers and sources. International law cooperation can be classified as follows:

- regional international treaties and organizations include documents and institutions that govern cooperation in the energy sphere in certain geographical regions;
- specialized international treaties and organizations include documents and institutions that regulate the use of specific energy sources or energy security aspects. E.g., the International Atomic Energy Agency, the International Energy Agency, the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, the Kyoto Protocol, etc. [1];

— international treaties include treaties that govern relations in the energy sphere between two or more states. E.g., agreements on such matters as transit, supplies, investments, taxation, solution of disputes in the energy sphere.

LEGAL IMPACT ON ENERGY SECURITY IN THE GLOBALIZED WORLD

International treaties play an important role in the assurance of energy security in the conditions of globalization and have a considerable impact on the relations between states and companies operating in the energy sphere. International treaties determine principles aimed at assurance of stability and reliability of energy supply in the conditions of global mutual dependence. International treaties such as the Kyoto Protocol or the Paris Agreement are important regulatory instruments aimed at reduction of greenhouse gas emissions and encouragement of the transition to sustainable energy sources. Such treaties outline obligations of the states in terms of restriction of the harmful impact on the environment and facilitate development of joint projects in the sphere of reduction of greenhouse gas emissions, thus creating a legal framework for support of global climate change combating efforts. Multi-party energy treaties are the key tools to ensure stability of the energy market. They set out supply conditions, tariffs, transit routes and even technological standards that form a regulatory basis for international cooperation and ensure legal predictability for market participants [2]. Special attention should be paid to energy security in the conditions of geopolitical tension as many countries seek to diversify their energy sources and lower the dependence on certain suppliers. This process often results in execution of long-term energy supply agreements to ensure reliability of supplies and promote economic security. However, conclusion of international treaties may be accompanied with some problems caused by the multitude of legal systems, national interests and national policies. Settlement of potential conflicts requires a high level of diplomatic and legal skills to maintain a balance of interests of the parties and observe the generally accepted international law provisions.

The national energy policy and respective regulation are of fundamental importance in the globalized world for the purposes of ensuring energy security of the state; at the same time, their impact goes beyond national border limits and forms a complex

interaction environment on the global energy arena. Today, they are an important tool for regulation and management of energy resources and affect internal aspects of the energy sector along with global economic and political relations. The national policy in the energy sphere and laws are instruments used by countries to ensure energy security. The national policy in the energy sphere and laws determine the conditions for obtaining benefit from the use of energy resources by the countries, the right to select different energy sources and authorities to determine the general energy supply structure. The national policy in the energy sphere and laws also facilitate adaptation of countries to the global energy environment, development of cooperation and solidarity in the energy sphere, assurance of energy supply security, energy efficiency, the use of renewable energy sources, fight against climate change along with research and implementation of innovations in the energy sector. The legal impact of the national policy in the energy sphere and laws on energy security can be expressed in the form of rules, standards, sanctions and incentives that govern the energy sector of countries. The national policy in the energy sphere and laws affect functioning, performance, competitiveness and sustainability of the energy sector. The national policy in the energy sphere and laws also ensure conformance of the energy sector to provisions of international law, agreements, institutions and mechanisms [3]. The legal impact of the national policy in the energy sphere and laws on energy security in the conditions of globalization not only opens up new opportunities but also presents challenges. New opportunities enable expansion of the global coverage of energy resources, markets and technologies, facilitate development of cooperation and solidarity in the energy sphere, raising energy efficiency and broadening the potential of renewable energy sources. New prospects in terms of the fight against climate change are developed along with new opportunities for research and implementation of innovations in the energy sphere.

The national policy in the energy sphere and respective laws play an important role in the establishment and assurance of energy security across the globe, have a direct impact on states, corporations and members of the public. Contemporary national energy strategies and laws determine mechanisms of regulation of generation, distribution and consumption of energy for achievement of sustainable development goals, efficiency and conformance to environmental standards [4]. The national regulation of

the energy industry is closely interrelated with such global problems as climate change. Many countries adopt laws aimed at reduction of greenhouse gas emissions and encouragement of transition to renewable energy sources, so energy companies are forced to implement innovations and apply more sustainable technologies, which in the end results in reduction of the global carbon footprint. The state policy in the energy sphere has a direct impact on energy strategies and investment decisions of companies. Tariff regulation, taxation principles and encouragement of advancement of environmentally friendly technologies shape decisions on development of the energy infrastructure and investment priorities.

LEGAL STRATEGIES OF ASSURANCE OF ENERGY SECURITY IN THE GLOBALIZED WORLD

Legal strategies of assurance of energy security can be focused on three key areas: security of energy supply, integration of the energy market, energy efficiency and renewable energy sources. Legal activities required in the named spheres include:

- security of energy supply. In order to prevent any interruption or reduction of energy supplies, one requires such legal measures as diversification of energy supply sources and routes, increase of the energy storage capacity and emergency planning, protection of and strengthening the energy infrastructure, creation of mechanisms of cooperation and solidarity between energy suppliers and consumers, application of energy diplomacy to ensure implementation of such processes;

- integration of the energy market. In order to achieve competitiveness, transparency, fairness and efficiency of the energy market, one can adopt such measures as liberalization, supervision and integration of the energy market on regional and global levels [5]. The named reforms can bring such advantages as energy price reduction, encouragement of trade in energy resources, facilitation of investments in the energy industry and enhancing reliability of energy supply;

- energy efficiency and renewable energy sources. In order to reduce energy consumption, ensure sustainability of energy resources, fight climate change, raise energy efficiency and expand the use of renewable energy sources, one can adopt provisions that stipulate incentives and support mechanisms. Such measures can facilitate improvement of energy

supply, energy cost reduction, development of country-level environmentally friendly energy generation and reduction in greenhouse gas emissions.

DEVELOPMENT OF THE ENERGY INFRASTRUCTURE: LEGAL BARRIERS AND OPPORTUNITIES

Development of the energy infrastructure is an important component of assurance of energy security, efficiency, sustainability and accessibility of energy. In the conditions of globalization, development of the energy infrastructure encounters legal obstacles as well as opportunities.

Legal obstacles to the development of energy infrastructure include legal uncertainty, inconsistency of legal norms, contradictions in legal regulation, and an imbalance of interests of participants in legal relations [6].

Legal opportunities for the development of energy infrastructure include the introduction of legal incentives, measures to support participants in climate projects, and legal support for digitalization in the energy sector. It seems advisable to develop standards and codes that establish requirements for energy infrastructure [7].

THE ROLE OF INTERNATIONAL LAW IN THE ESTABLISHMENT OF THE GLOBAL ENERGY POLICY

International law plays a pivotal role in the establishment of the global energy policy and performs an important regulatory function against the background of complication of international relations and strategic relevance of energy resources. Hence, international law becomes the main tool to govern the use, distribution and management of energy resources within the framework of inter-state relations. Today, the energy industry is perceived as an integral part of economic development and national security causing the need to view the energy policy in the light of both national and international aspects [8].

International law incorporates a number of provisions and principles that facilitate sustainable use of energy resources, regulation of trade in energy

resources, control over the impact on the environment and assurance of energy security. From the global energy policy standpoint, international law provides for fair and balanced distribution of energy resources considering their limited nature and growing global energy demands. With this in mind, the right of access to energy resources is one of the fundamental international law elements in the establishment of the energy policy. International law is aimed at assurance of fair and transparent resolution of energy disputes between states and facilitates peaceful settlement of conflicts related to the use of energy resources. Moreover, international law is aimed at minimization of the impact on the environment, assurance of sustainability of energy projects and management of energy security risks through regulation of obligations of companies and states operating in the energy sector. Thus, international law serves to balance the impact of energy projects through inclusion of national and global interests in the energy policy. International law plays the fundamental regulatory role in development of the global energy policy. [9] The limited nature of energy resources, growing energy demands and environmental factors turn international law into the main mechanisms of establishment of the energy policy. Thus, international law maintains its relevance as a complex tool for regulation of inter-state relations aimed at assurance of energy security, settlement of conflicts and facilitation of fair and sustainable management of energy resources.

CONFERENCE OF THE PARTIES

The Conference of the Parties (COP) is the major element of international cooperation in the environmental and sustainable development sphere. This is the supreme governing body of various international conventions such as the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) and the Convention on Biological Diversity (CBD). The COP unites representatives of the member states to discuss progress reached by conventions and adopt decisions aimed at improvement of their implementation. Conferences are held regularly and serve as a platform to discuss matters associated with global environmental problems such as climate change, protection of biological diversity and desertification control. The member states use these meetings to share information on national strategies, achievements and problems related to discharge of obligations within

the framework of conventions. One of the most famous COPs is the Climate Change Conference that gathers a lot of attention of the global community year after year. E.g., the 26th session of COP 26 held in Glasgow in 2021 was dedicated to the efforts aimed at promotion of actions under the Paris Agreement. The COP acts based on the regulation adopted at the first meeting, which can be amended at subsequent sessions. The COP's main tasks are studying the results of implementation of conventions, submission of recommendations for prevention of and reaction to environmental issues, development of an action plan and creation of auxiliary bodies to study the matters associated with the implementation of conventions. Resolutions adopted by the COP are of legal force for the member states and can include adoption of new protocols, amendments to conventions and even development of new international instruments. These resolutions are of great importance for the establishment of the international policy in the environmental protection and sustainable development sphere.

CONCLUSION

Energy security is of utmost importance in the globalized world since this sphere unites the legal field and strategic tasks. Legal consequences are rather far-reaching because international multilateral and bilateral treaties define conditions of trade in energy resources, protection of investments and environmental protection. Energy security strategies need to take these legal complications into account, ensuring stability of energy supply. Diversification of energy sources is one of the key strategies that gives an opportunity to lower dependence from a certain energy type or source. This strategy stipulates the use of fossil fuels, nuclear energy and expansion of application of renewable energy sources. International treaties serve as a platform for cooperation and resolution of disputes between countries, facilitate the development of a stable environment for trade in energy resources. Investments in technologies of renewable energy sources are not only a part of the energy security strategy but also a legal necessity since countries are bound by international obligations to reduce greenhouse gas emissions, such as the Paris Agreement. The transition to the low-carbon economy requires legal support in the form of subsidies, tax benefits and regulations that encourage innovations and introduction of pollution-free energy. Development of the infrastructure is another strategic

component that needs a reliable regulatory framework to set up transborder pipelines, supply systems and chains.

REFERENCES

1. Ayres R.U., Warr B. The Economic Growth Engine: How Energy and Work Drive Material Prosperity. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013. P. 100.
2. Easterly W. The Elusive Quest for Growth: Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics. Cambridge: Publishing house of the Massachusetts Institute of Technology, 2021. P. 152.
3. Ayres R.U., Warr B. The Economic Growth Engine: How Energy and Work Drive Material Prosperity. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 89.
4. Blanchard O.J. Macroeconomics. Boston: Pearson, 2017. P. 391.
5. Donella H., Meadows D.L., Meadows J.R., Behrens W.W. The Limits to Growth. Virginia: Potomac Associates, 1972. P. 204.
6. Aghion P., Howitt P. Endogenous Growth Theory. Cambridge: Publishing house of the Massachusetts Institute of Technology, 2017. P. 88.
7. Ayres R.U. The Bubble Economy: Is Sustainable Growth Possible? New York: Springer, 2019. P. 219.
8. Barro R.J., Sala-i-Martin X. Economic Growth. New York: McGraw Hill, 2014. P. 150.
9. Dietz T., Rosa E.A. Rethinking the Environmental Impacts of Population, Affluence and Technology // Human Ecology Review. 1994. No. 1 (2). P. 267.

Authors' information:

Vadiya A. Alakbarzada

Lecturer,
UNESCO Department
of Human Rights and Information Law,
Baku State University;
Doctoral Student of the Faculty of Law,
Baku State University,
Baku, Republic of Azerbaijan

Aydan G. Mamedova

Lecturer, Department
of Intellectual Property Law,
Baku State University;
Doctoral Student of the Faculty of Law,
Baku State University,
Baku, Republic of Azerbaijan

Сведения об авторе:

Алакбарзада В.А. кызы

Преподаватель кафедры ЮНЕСКО
по правам человека и информационному
праву Бакинского государственного
университета;
докторант юридического факультета
Бакинского государственного университета,
Баку, Азербайджанская Республика

Мамедова А.Г. кызы

Преподаватель кафедры права
интеллектуальной собственности Бакинского
государственного университета;
докторант юридического факультета
Бакинского государственного университета,
Баку, Азербайджанская Республика

Received / Поступила в редакцию 15.03.2024

Revised / Поступила после рецензирования и доработки 13.05.2024

Accepted / Принята к публикации 10.06.2024

SUBSCRIPTION TO ENERGY LAW FORUM

PRINTED VERSION:
index in the United catalogue
"Russian Press" — 85805

WEB VERSION:
on the journal's website
<https://mlcjournal.ru/>
on the platform
<https://ras.jes.su/>

Contact details for subscription:
Tel.: 8 (800) 600-36-43, +7 (495) 150-75-69
E-mail: musinlc@musinlc.ru

ENERGY LAW FORUM

2 | ISSUE | 2024

ПРАВОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

**2024 – 85 YEARS
SINCE THE BIRTH
OF VALERY ABRAMOVICH MUSIN**

**2024 – 10 YEARS OF THE ENERGY
LAW FORUM JOURNAL**

ISSN 2312-4350

ISSN 2782-6902

9 772312 435771 > 9 772782 690007 >

2 | 2024

2 | 2024